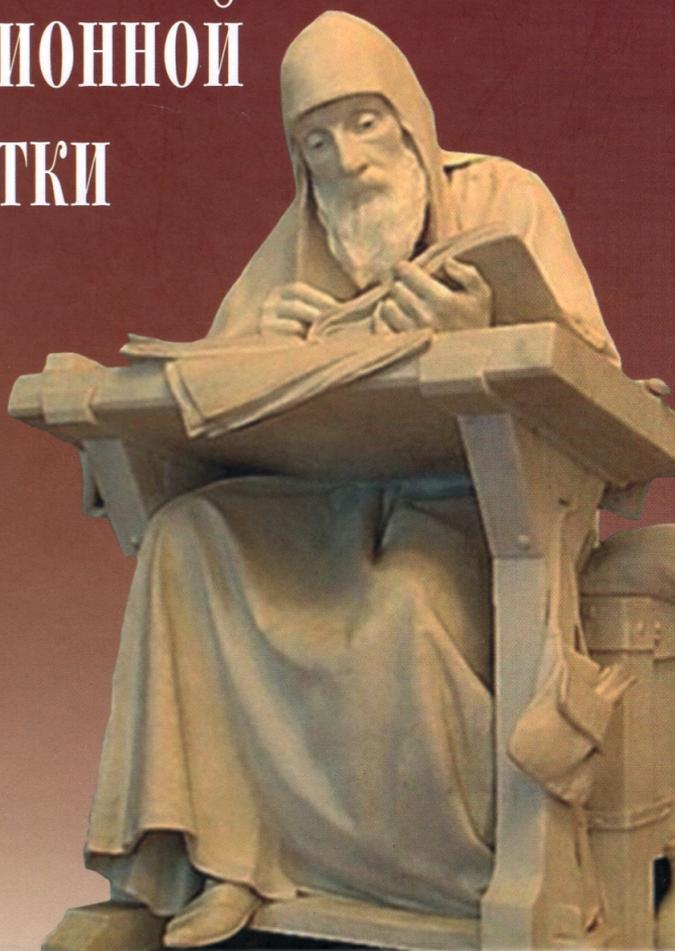

М. Х. Алешковский

ПОВЕСТЬ
ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ
Из истории создания
и редакционной
переработки

ВСЬ
МИР

Марк Хаимович
Алешковский
(1933–1974)

М. Х. Алешковский

Повесть
временных лет
Из истории создания
и редакционной
переработки

Ответственный редактор
Ф. Б. Успенский

Издательство «Весь Мир»
Москва
2015

УДК 808.1
ББК 80:63.3(2)41
А49

Научные рецензенты:

д.и.н., чл.-корр. РАН *П.Г. Гайдуков*, д.и.н., проф. *А.Ю. Дворниченко*

Ответственный редактор:

д.фил.н. *Ф.Б. Успенский*

Подготовили к печати:

к.и.н. *Т.В. Гимон*, к.и.н. *Д.А. Голубовский*, к.и.н. *Д.А. Добровольский*,
к.и.н. *С.М. Михеев*

Предисловие подготовителей издания:

к.и.н. *Т.В. Гимон*, к.и.н. *С.М. Михеев*

Подготовка библиографии:

к.и.н. *С.М. Михеев*

Издано при финансовой поддержке

*Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы)*

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0659-1

© П.М. Алешковский, 2015
© Издательство «Весь Мир», 2015

Оглавление

Предисловие подготовителей издания <i>(Т.В. Гимон, С.М. Михеев)</i>	11
ПРЕДИСЛОВИЕ	19
Глава I. АВТОР И РЕДАКТОР	22
Что такое «Повесть временных лет»	22
Последняя статья «Повести временных лет»	23
Приписка к последней статье редакторской «Повести временных лет»	25
Выводы	27
Глава 2. СООТНОШЕНИЕ ТЕКСТОВ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ И ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСЕЙ	28
Общий характер обеих летописей	28
Запись Сильвестра	29
Первое отличие	31
Второе отличие	31
Третье отличие	32
Четвертое отличие	35
Пятое отличие	37
Вопрос о двух переяславских летописях	37
К вопросу о характере работы Сильвестра в 1116 г.	40
Автором редакторского текста 1119 г. был андреевский монах	41
Выводы	42

Глава 3. РЕДАКТОРСКИЕ ВСТАВКИ	44
Вставка № 1	44
Вставка № 2	46
Вставка № 3	47
Легенды о Павле и Андрее	48
Вставка № 4	48
Вставка № 5	50
Другие следы редакционной работы	51
Три разновидности следов редакционной переработки	52
Первая разновидность следов редакционной переработки	53
Вставка № 6	54
Вставка № 7	54
Вставка № 8	55
Вставка № 9	55
Вставка № 10	56
Вставка № 11	56
Вставка № 12	56
Вставка № 13	56
Вторая разновидность следов редакционной переработки	56
Вставка № 14	57
Вставка № 15	57
Вставка № 10 (см. с. 56)	58
Вставка № 16	58
Третья разновидность следов редакционной переработки	58
Дата первой редакции	60
Вставка № 9 (см. с. 55)	62
Вставка № 10 (см. с. 56)	62
Вставки № 17 и 18	63
Еще раз о переяславской копии Сильвестра	63
Определение текста вставок № 6-19	64
Сведения Хроники Амартола в редакторском тексте статьи 1096 г.	67
Статья 1097 г.	69
Редактора звали Василием	71
Статья 1102 г.	71

Остальные вставки	73
Следы вставок и сами вставки	74
Глава 4. НОВГОРОДСКАЯ РЕДАКЦИЯ АВТОРСКОГО ТЕКСТА «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»	76
Характеристика Новгородской Первой летописи	77
Соотношение Синодального и Комиссионного списков	78
Киевский источник Новгородской летописи	84
На какой статье кончился киевский источник новгородской летописи?	85
Киевский источник свода Всеволода был основан на Хронографе	87
Как новгородец сократил «Повесть временных лет»	89
Сокращения после статьи 1016 г. и их причины	90
Судьба свода Всеволода	94
Новгородский источник свода Всеволода	95
Новгородские сведения «Повести временных лет»	98
Выводы	98
Глава 5. РЕДАКТОРСКИЕ ПРОПУСКИ, ПЕРЕМЕЩЕНИЯ, ВСТАВКИ	100
Пропуск № 1	101
Вставка № 20	101
Вставка № 21	101
Вставка № 22	102
Вставка № 23	102
Вставка № 24	102
Вставка № 25	103
Вставка № 26	103
Вставка № 27	103
Вставка № 28	104
Вставка № ?-1	104
Вставка № ?-2. Легенда о белгородском киселе	104
Пропуск № 2	105
Пропуск № 3	105
Перемещение № 1	105
Вставка № 29	106

Пропуск № 4	107
Пропуск № 5	107
Пропуск № 6	107
Пропуск № 7	108
Пропуск № 8	108
Вставка № 29	108
Пропуск № 9	108
Пропуск № 10	109
Пропуск № 11	109
Пропуск № 12	109
Пропуск № 13	109
Вставка № 30	110
Пропуск № 14. 1060 г.	111
Перемещение № 2	112
Пропуск № 15	112
Пропуск № 16	112
Пропуск № 17 (см. вставку № 7 на с. 54)	112
Вставка № 31	113
Вставка № 32	114
Вставки № 14, 15	114
Вставка № 19	115

Глава 6. РЕДАКТОРСКИЕ ВСТАВКИ О РОСТИСЛАВЕ И ЕГО СЕМЬЕ И ИХ ИСТОЧНИКИ	117
Две ошибки в одной статье	117
Еще одна хронологическая ошибка	118
И еще одна ошибка?	120
Еще одно перемещение из статьи 1064 г.	121
Вставка № 33	121
Причина перемещений	122
Перемещение № 2 (см. с. 112)	123
Источник этих вставок	123
Еще одно доказательство отсутствия сведений о Ростиславе у автора	124
Причина вставок о Ростиславе	127

Глава 7. УСТНЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ АВТОРА	129
Печерский летописец 1091 г.	129
Княжеский летописец 1060-х – 1080-х гг.	131
Устные источники	133
Сведения Яна Вышатича	135
Сведения Святополка Изяславича	137
Летопись, не разбитая на годы	138
Вставки автора	143
Вставка А-1	143
Вставка А-2	143
Вставка А-3	143
Вставка А-4	144
Вставка А-5	144
Вставка А-6?	144
Вставка А-6	145
Вставка А-7	145
Вставка А-8	145
Вставка А-9	145
Вставка А-10	145
Вставка А-11	146
Вставка А-12	146
Вставка А-13	147
Вставка А-14	148
Еще раз о Печерском летописце	150
Еще один источник автора	150
Глава 8. ИДЕЙНЫЙ ОБЛИК «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»	153
Глава 9. ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»	163
Глава 10. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПИСКА ТРЕТЬЕЙ РЕДАКЦИИ В НОВГОРОДЕ В НАЧАЛЕ XIII в.	175
Поздняя вставка в текст предисловия к «Повести временных лет»	177
Глава 11. НЕСТОР	193

Глава 12. ВЕЛИКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ЕГО КРИТИКИ, ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ	202
Глава 13. КОНСТРУКТИВНЫЕ И ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»	219
Глава 14. О ЧЕМ ЛЕТОПИСЬ МОЛЧИТ	239
Глава 15. РУССКИЕ ГЛЕБОБОРИСОВСКИЕ ЭНКОЛПИОНЫ 1072–1150 гг.	260
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	291
Сокращения, источники, литература	298
Список печатных работ М.Х. Алешковского (С.М. Михеев)	306

Предисловие подготовителей издания

В настоящем издании впервые публикуется кандидатская диссертация Марка Хаимовича Алешковского, защищенная в 1967 г., — интересный и не утративший своего значения опыт исследования древнерусского начального летописания.

М.Х. Алешковский (1933—1974) известен, в первую очередь, как археолог, яркий специалист по археологии и истории Новгорода, Пскова и других древнерусских городов, автор целого ряда блестящих и до сих пор цитируемых работ по ранней истории Древней Руси (о происхождении Новгорода, дружинной культуре Древней Руси, истории Новгородского детинца и других древнерусских укреплений, храмовых построек и др.)¹. Но ученому принадлежит и другой пласт работ — об истории древнерусского летописания. Именно по этой теме была им подготовлена и защищена публикуемая диссертация.

Для начала несколько слов об истории ее текста. Первый вариант монографического исследования Начальной летописи был написан М.Х. Алешковским в 1963 г. в Ленинграде, во время обучения в аспирантуре при Государственном Эрмитаже². Считаем

¹ См. Список печатных работ М.Х. Алешковского в настоящем издании. См. там же отсылки к публикациям об ученом.

² См. машинопись книги, содержащую 397 л. (Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, отдел письменных источников, ф. Р-21 (фонд М.Х. Алешковского), опись № 1, ед. хр. 5). Из текста следует, что в 1964 г. он обсуждался в Ленинграде (вероятно, на заседании Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР). Книга 1963 г. упомянута на страницах научно-популярной книги М.Х. Алешковского (1971): «Эта книга излагает основные выводы нашей монографии того же названия, написанной в 1963 г. (рукопись)» (*Алешковский М.Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси*. М.: Наука, 1971. С. 111).

небесполезным привести здесь по рукописи оглавление этого первого варианта труда Алешковского³:

**Повесть временных лет:
Судьба литературного произведения в Древней Руси**

Введение. Задача работы. Концепция А.А. Шахматова и ее критика

Часть I

- Глава 1. Следы редакционной переработки в статьях 1094–1117 гг. и свод Всеволода
- Глава 2. Следы редакционной переработки в начальной Повести временных лет и Начальный свод
- Глава 4. Цельность текста в Новгородской I летописи
- Глава 5. Выводы о соотношении НЛ и Лавр.— Ипат. Свод 1430-х гг.

Часть II

- Глава 6. Княжеский культ Бориса и Глеба и Повесть временных лет
- Глава 7. Сведения о Изяславе, о Ростиславе и их воеводах (источник 1072 г.)
- Глава 8. Сведения о Печерском монастыре (источник 1091 г.)
- Глава 9. Сведения о Всеволоде (источник Всеволода)
- Глава 10. Идеологическая борьба в начале XII в. и Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси
- Глава 11. Авторство переработки ПВЛ и вопрос о соотношении Лавр. и Ипат. лет.
- Глава 12. Повесть временных лет и новгородское летописание XII–XIII вв.
- Глава 13. К характеристике литературных приемов автора и его редактора. Их источники, их идеология, их литературные отличия
- Глава 15. Повесть временных лет в русской и зарубежной историографии XVIII–XX вв.

Второй (и довольно сильно отличающейся от первой) версией этого труда стала публикуемая в настоящем издании — спустя полвека — диссертация 1967 г. Не имея возможности издать весь свой объемистый труд, Алешковский переработал диссертацию

³ Написано от руки на л. 1 рукописи (см. пред. примеч.). Имеются исправления, в том числе относящиеся к порядковым номерам глав.

в большую научно-популярную книгу «Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси». Машинописный вариант этой книги содержит 236 листов, однако она была издана в Москве в 1971 г. в существенно сокращенном виде: в книге лишь 134 страницы⁴.

В итоге книга 1971 г. оказалась примерно в два раза короче диссертации 1967 г. Более того, она вышла в научно-популярной серии издательства «Наука», что наложило определенный отпечаток на подачу материала. Книга, в отличие от диссертации, во многом построена по принципу «расследования», «распутывания клубка», порядок изложения в ней отличается довольно существенно. Наконец, изменения успели претерпеть и некоторые положения автора.

Кроме того, М.Х. Алешковским был опубликован ряд статей по проблематике начального летописания, а также о новгородском летописании начала XIII в. и о русских глеборисовских энколпионах. Эти статьи до некоторой степени отразили основные положения диссертации, иногда – в переработанном виде⁵. Однако даже в совокупности эти публикации не передают всего исследования ученого, обладающего несомненной целостностью и внутренней логикой. Более или менее полное представление о нем дает лишь публикуемый текст диссертации 1967 г.

Диссертация М.Х. Алешковского посвящена, в сущности, той же проблематике, что и основные работы А.А. Шахматова (1864–1920)⁶, – истории начального русского летописания, т.е. «Повести временных лет» (ПВЛ) и утраченным более ранним памятникам. Алешковский работает примерно с тем же кругом текстов, что и Шахматов; ставит примерно те же вопросы; разделяет взгляд Шахматова на многие общие и частные проблемы; соглашается со многими его наблюдениями. Разумеется, Алешковский не скрывает этой преемственности: Шахматов, наверное, – самый

⁴ Фрагменты, опущенные в издании 1971 г., отмечены в машинописи М.Х. Алешковского (Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, отдел письменных источников, ф. Р-21 (фонд М.Х. Алешковского), опись № 1, ед. хр. 6).

⁵ См. Список печатных работ М.Х. Алешковского в настоящем издании. Две важные статьи увидели свет уже после смерти ученого (в 1976 и 1981 гг.).

⁶ См. недавнее переиздание его сочинений: *Шахматов А.А. История русского летописания* / Отв. ред. В.К. Зиборов, В.В. Яковлев. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1; 2003. Кн. 2; 2011. Т. 2.

цитируемый автор в диссертации Алешковского. В то же время его нельзя отнести к числу прямых последователей Шахматова — тех, кто брал за основу шахматовскую схему истории начального летописания и лишь вносил в нее частные уточнения (М.Д. Присьелков, Д.С. Лихачёв, А.Н. Насонов и др.). Основной пафос диссертации Алешковского состоит, как кажется, в том, что он предпринимает свое исследование целиком заново; образно говоря, строит заново не только верхние этажи и крышу, но и фундамент. В результате здание получается в целом схожее с шахматовским, но отличающееся от него и в некоторых важных деталях, и стилистически.

Главное, что объединяет реконструкции Шахматова и Алешковского — это взгляд на соотношение «классической» ПВЛ (по Лаврентьевскому, Ипатьевскому и другим спискам) и Новгородской I летописи младшего извода. Оба ученых согласны в том, что Новгородская I летопись восходит к тексту более раннему, нежели «классическая» ПВЛ, к ее протографу 1090-х годов. Шахматов называет этот протограф «Начальным сводом», Алешковский — «авторским текстом ПВЛ», но в главном они согласны. Соответственно, Алешковский разделяет взгляд Шахматова на большинство разночтений между Новгородской I летописью и «классической» ПВЛ: оба ученых считают текст Новгородской летописи в большинстве случаев первоначальным. Есть и другие черты сходства.

В то же время есть и различия. По Шахматову, история начального летописания включает в себя как минимум семь моментов сводческо-редакторской работы, производившихся последовательно: Древнейший свод, Новгородский свод 1050 г., 1-й Киево-Печерский свод, Начальный свод, три редакции ПВЛ. Эта схема, при всей основательности, не может не удивлять своей громоздкостью. М.Х. Алешковский говорит о существенно меньшем числе сводов. В сущности, по Алешковскому, было только два момента масштабной сводческо-редакторской работы: «авторский» и «редакторский» тексты ПВЛ. Параллельно с «редакторским» текстом ПВЛ (точнее, даже чуть раньше) в Новгороде был создан «свод Всеволода». Вся остальная летописная деятельность XI — начала XII в., по Алешковскому, — это не своды и не редакции, а летописные памятники меньшего масштаба — первоначальная летопись, не разбитая на годы, печерская летопись, княжеская летопись Изяслава, летописец новгородских владык.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу об отличии подхода М.Х. Алешковского от того, что делал А.А. Шахматов. У Шахматова вся история летописания — это череда летописных сводов, создававшихся каждый в определенном году и с определенным замыслом. Хотя великий ученый и писал, что «летописи, казалось бы, вообще предшествуют летописным сводам»⁷, эта сторона летописания почти не отразилась в шахматовских стеммах, узлами которых почти всегда оказываются масштабные сводческо-редакторские предприятия. Алешковский попытался взглянуть на летописание несколько по-другому. В статье «К типологии текстов “Повести временных лет”» (вышла в 1976 г.) им была сформулирована исследовательская методика, которая применяется и в диссертации, существенно дополняя шахматовский сравнительно-текстологический метод.

Алешковский назвал эту методику «типологической». Ее суть состоит в том, что летописные тексты, вообще говоря, могут возникать двумя способами. Во-первых, летопись может вестись синхронно событиям, из года в год. Во-вторых, события могут описываться ретроспективно, единовременно за много лет, так сказать, «задним числом». Почти в любой сохранившейся летописи присутствуют фрагменты, созданные обоими этими способами, но это не означает, что их не надо различать. Наоборот, их различение полезно и даже необходимо.

Для погодных записей, говорит Алешковский, характерны наличие точных дневных и даже часовых дат, изложение событий одного года в хронологической последовательности, а главное — дискретность погодных статей, т.е. наличие в них сообщений на совершенно разные темы. Наоборот, для ретроспективной летописи характерны отсутствие точных дат, нарушения относительной хронологии и, наконец, монотематизм, т.е. сосредоточенность летописца на одной (может быть, двух-трех) центральных темах. Эти признаки позволяют выявлять в тексте сохранившихся летописей пласты, возникшие в результате как ведения погодных записей, так и ретроспективной летописной работы. А это — метод, позволяющий получить новые данные по истории летописания, существенно дополнить и скорректировать шахматовские реконструкции⁸.

⁷ Шахматов А.А. История русского летописания Т. 1, кн. 1. С. 351.

⁸ Алешковский М.Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1975. М., 1976. С. 133–167.

Читатель может сказать, что Алешковский в какой-то степени возвращается к методу «расшивки» (так обычно называют подход к летописям ученых, принадлежавших к поколению, которое предшествовало Шахматову, — К.Н. Бестужева-Рюмина, И.А. Тихомирова и др.). Как писал Бестужев-Рюмин в программном введении к своей книге 1868 г., при составлении дошедших до нас летописей — сводов-сборников — использовались тексты двух родов: «отдельные сказания и погодные записки, по большей части мелкие и летучие». Задача исследователя летописей, согласно Бестужеву-Рюмину, состоит в том, чтобы «уяснить себе, к какому из двух разрядов принадлежит то или другое известие...»⁹. Действительно, определенное сходство между подходами Бестужева-Рюмина и Алешковского есть. Но у метода «расшивки» и подхода Алешковского есть два весьма существенных различия.

Во-первых, ученые второй половины XIX в. работали с отдельными случаями: видели «признаки вставки» и делали вывод о том, что тот или иной фрагмент происходит из особого источника. Алешковский же, подобно Шахматову и вслед за ним, старается работать со всей совокупностью данных, стремится создать такую реконструкцию, которая бы непротиворечиво объясняла все обнаруженные факты (разночтения, признаки непервоначальности текстов и др.). Как и для Шахматова, для Алешковского все же главной является не типологическая методика, а сравнительно-текстологический метод, действительно, наиболее эффективный в применении к летописям.

Во-вторых, если Бестужев-Рюмин и его последователи говорили о разных видах текстов — погодных записях, отдельных сказаниях, наконец, о сводах, которые образовывались при соединении тех и других, то у Алешковского речь идет о видах деятельности. Основных видов деятельности летописцев два — это ведение погодных записей и ретроспективная работа. Каждая сохранившаяся летопись содержит в себе результаты обоих этих видов деятельности, но их различие не подлежит сомнению, а их сосуществование — одна из основных особенностей летописания. Это новый шаг по сравнению не только с Бестужевым-Рюминым, но и с Шахматовым. По крайней мере это новый шаг в осмыслении летописания и подходов к его изучению.

⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV века: 1) Повесть временных лет; 2) Летописи южнорусские. СПб., 1868. С. II.

Все вышеизложенное не означает, что диссертация Алешковского окончательно решила все проблемы в изучении древнейшего летописания. Конечно, в ней немало спорных и откровенно сомнительных моментов. Ученый нередко опирается только на «здравый смысл», слишком буквально понимает некоторые летописные выражения, некритически использует данные поздних источников (летописей XVI–XVII вв., «Истории Российской» В.Н. Татищева) и т.д. Но, несмотря на это, научное значение диссертации М.Х. Алешковского по-прежнему велико. Она представляет собой одно из наиболее важных событий в послешахматовской историографии начального русского летописания.

* * *

Настоящее издание подготовлено по машинописи диссертации М.Х. Алешковского из семейного архива Алешковских¹⁰. В тексте имеются многочисленные пометы простым карандашом, вероятно, принадлежащие одному из оппонентов диссертанта. Встречаются корректурные исправления черными чернилами, принадлежащие автору.

Практически идентичен текст диссертации во второй машинописи, хранящейся в Новгородском музее¹¹. Здесь также имеются корректурные исправления черными чернилами, идентичные исправлениям в первом экземпляре, незначительные корректурные и стилистические поправки синими чернилами на л. 165–331, а также единичные пометы простым карандашом.

В той же папке хранятся предварительный (?) отзыв Д.С. Лихачёва (4 л.) и предварительный отзыв В.Л. Янина (3 л.) на диссертацию М.Х. Алешковского. В отзыве В.Л. Янина диссертация названа «монографией, представленной к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук».

¹⁰ Машинопись содержит 1 + 350 + 3 + 8 листов. 353 листа извлечены из переплета (для сканирования) – это все листы, кроме пронумерованного титульного листа в начале и пронумерованных 8 листов с наклеенными фотографиями в конце переплета. После л. 60 вставлены три листа: л. 60а, 60б, 60в.

¹¹ Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, отдел письменных источников, ф. Р-21 (фонд М.Х. Алешковского), опись № 1, ед. хр. 9. Данная машинопись поступила в музей от наследников М.Х. Алешковского. Она содержит 1 + 350 + 3 + 8 листов в переплете. 353 листа пронумерованы. После л. 60 вставлены три листа: л. 60а, 60б, 60в.

В данном издании текст диссертации передан полностью. Текст не был подготовлен М.Х. Алешковским к печати, поэтому подвергся некоторой, по возможности минимальной, правке: исправлены опечатки, унифицированы сокращения, выверены выходные данные в ссылках на научную литературу. Цитаты, приводимые автором, выверены по изданиям.

Подготовку текста осуществили Т.В. Гимон, Д.А. Голубовский, Д.А. Добровольский и С.М. Михеев. Цитаты сверены Д.А. Добровольским, выходные данные в подстраничных сносках выверены С.М. Михеевым. Примечания к тексту в фигурных скобках и с пометкой «Прим. ред.» принадлежат Д.А. Добровольскому и С.М. Михееву.

Т.В. Гимон, С.М. Михеев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Раннее русское летописание представляет уникальное историческое явление. Летописей, подобных «Повести временных лет», написанных на родном языке и дающих столь цельную концепцию истории всего народа, не имела в начале XII в. ни одна европейская страна. Этим и объясняется большой научный интерес к «Повести временных лет», породивший десятки и сотни исследований, ей посвященных.

В настоящей работе рассматриваются главные вопросы происхождения «Повести временных лет» и ее судьбы после «выхода в свет». Эти вопросы и увлекательны, и многосложны. Их увлекательность объясняется тесной связью текста памятника с общественной и политической жизнью общества начала XII в., в котором сделалось возможным появление такого всеобъемлющего исторического произведения, каким является «Повесть временных лет». Их многосложность продиктована тем, что сам памятник сохранился не в своем первоначальном виде, не в том виде, в котором он вышел из-под пера его автора. После своего появления он был переработан по заказу киевского князя Владимира Мономаха. Этот факт сейчас общепризнан в науке. Неясным остается лишь самый кардинальный вопрос, вопрос о первоначальном виде самого памятника. Его авторский вариант до нас не дошел.

В задачу данной работы и входят поиски этого авторского варианта.

Возможность самих поисков обусловлена наличием более древней, но отдаленной от «Повести временных лет» не на столь уж большой срок летописи, которую сейчас принято называть Начальным сводом 1095 г. Относительная хронология обоих памятников установлена твердо: тот текст, который принято назы-

вать «Повестью временных лет», действительно моложе текста, который принято называть Начальным сводом. Однако ведь сохранившийся текст «Повести временных лет» является ее редакторским вариантом. И вот, в процессе его исследования и затем в процессе его сопоставления с текстом, который принято считать Начальным сводом, появляются материалы и факты, заставляющие отрицать правильность установившейся в науке абсолютной датировки этого последнего текста. Появляется возможность характеризовать Начальный свод как не что иное, как авторский вариант все той же «Повести временных лет». В данной работе и сделана попытка такой характеристики, а вместе с ней — передатировки текста, отождествляемого обычно с гипотетическим Начальным сводом. Нет нужды объяснять важность и своевременность такой попытки, сделавшейся возможной благодаря целому ряду открытий и самого автора этого отождествления, великого русского ученого Алексея Александровича Шахматова, и его преемников и продолжателей, работавших уже в советские годы. Независимо от успешности самой нашей попытки, она представляется нам необходимой, о чем речь впереди.

Поиски авторского текста «Повести временных лет» позволяют и более конкретно представить себе особенности ее редакторского текста. Эти поиски расширяют наше представление и об идейном облике, и о творческом замысле автора, и о задачах, выполненных его редактором по заказу Мономаха. Тем самым расширяется и вся проблематика, связанная с «Повестью временных лет». Некоторые из старых исторических проблем затронуты и в конце этой работы. В ряде случаев мы сделали попытку сопоставления данных «Повести временных лет» с данными и зависимых, и независимых от нее источников, причем в числе последних фигурируют не только письменные, но и археологические источники.

Данная монография является вторым, более кратким вариантом работы, подготовленной нами еще в конце 1963 — начале 1964 г., отдельные темы которой докладывались в научных аудиториях Ленинграда и Москвы в течение 1964—1967 гг. Автор приносит искреннюю благодарность всем тем, кто познакомился с первым вариантом этой работы и с данной монографией, а также принял участие в обсуждении наших докладов. Автор надеется, что в новом варианте с достаточной степенью полноты учтены те

критические замечания, которые были ему сделаны читателями первого варианта и слушателями его докладов. Автор убежден, что близится волна нового живого интереса к истории «Повести временных лет» и что в результате этой волны появятся новые и интересные по своим результатам работы по вопросам ее создания и редакционной переработки. А эти вопросы являются самыми важными для истории всего раннего русского летописания. Ведь авторский и редакторский тексты «Повести временных лет» являются единственными источниками для изучения более раннего летописания XI в. А это изучение невозможно без предварительного исследования соотношения текстов автора и редактора «Повести временных лет». Можно даже сказать, что то или иное решение проблемы раннего летописания зависит прежде всего от того или иного решения проблемы соотношения двух наиболее ранних реально сохранившихся текстов, того, что представлен в новгородском летописании, и того, что представлен в летописании южнорусском.

Работа выполнена в Государственном Эрмитаже.

Глава I

АВТОР И РЕДАКТОР

Что такое «Повесть временных лет»

Изучение «Повести временных лет» следует начать с определения объема этого литературного памятника. Ведь он является летописью, а все древние летописи сохранились в составе так называемых сводов, то есть в соединении с более поздними летописными памятниками, от которых, прежде чем начать ее изучение, и следует отделить «Повесть временных лет»¹.

В настоящее время «Повестью временных лет» принято называть ту часть летописного текста, который сохранился в Лаврентьевской летописи конца XIV в. до статьи 6618 (1110) г., а в Ипатьевской летописи начала XV в. — до статьи 6625 (1117) г.² Оставляя пока в стороне вопрос о соотношении текстов обеих поздних летописей (см. следующую главу), обратимся сначала к тому тексту, который сохранился в составе Ипатьевской летописи, и попытаемся «найти» в нем «Повесть временных лет».

Интересующий нас текст начинается в Ипатьевской летописи с заголовка, в котором сказано, что «Повесть временных лет» написана черноризцем Киевского Печерского монастыря. Перед этим заголовком имеется только перечисление русских князей, доведенное до взятия Батыем Киева и составленное, следовательно, не раньше XIII в. Дальше за этим перечислением и идет «Повесть временных лет». Где же она кончается? И является ли она действи-

¹ Честь определения сохранившихся русских летописей как сборников (или сводов) принадлежит П.М. Строеву (1820). *{[Строев П.М.]. Предисловие // Софийский временник или Русская летопись с 862 по 1534 год / Издал П. Строев. Ч. 1: С 862 по 1425 год. М., 1820. С. V–XXVII. — Прим. ред.}*

² В дальнейшем даются обычно январские годы летописных статей, ведшихся по мартовскому летоисчислению, которое господствует в «Повести временных лет».

тельно памятником начала XII в., а не памятником начала XIII в., до которого доведено указанное перечисление русских князей?

Зная, что ее автором был печерский монах, можно проследить, до какого места в Ипатьевской летописи доходят записи о повседневной жизни Печерского монастыря.

Оказывается, что таким рубежом является второе десятилетие XII в. Повседневные печерские записи наиболее часты, начиная с 1090-х гг. и кончая 1112 г. В некоторых из этих записей летописец прямо говорит о себе как об очевидце описываемых им событий и как о печерском монахе.

Это и подтверждает определение «Повести временных лет» как памятника, созданного в начале XII в. Можно ли точнее определить ее объем? Для этого необходимо найти дополнительные сведения о работе автора в тексте «Повести временных лет».

Последняя статья «Повести временных лет»

Такие сведения имеются.

Так, под 1096 г. летописец заявляет, что он хочет «сказати, яже слышах прежде сих 4 лет». То есть он хочет рассказать нам одну новгородскую легенду, слышанную им за четыре года до того, как он пишет свой труд. Возникает вопрос, слышал ли он эту легенду за четыре года до того 1096 г., под которым записал он свой пересказ легенды³, или же он работает после 1096 г.? И так, слышал ли он новгородскую легенду от Гюряты Роговича в 1092 г. или после 1096 г.? Записал ли он эту легенду в 1096 г. или же после этого года?⁴

Вспомним, что печерский летописец работал в начале XII в., следовательно, у нас имеются основания утверждать, что легенду он записал после 1096 г. Однако он ведь мог ее записать и в 1096 г., при составлении погодной записи в своей летописи? В таком случае важно было бы установить, в каком соотношении со всем остальным текстом статьи 1096 г. находится текст пересказа

³ Положительный ответ на первую часть вопроса давал еще П. Бутков. См. *П. Бутков*. Ответ на новый вопрос о Несторе, летописце русском // Современник. СПб., 1850. Т. XXIII. Отд. III. С. 20. Ср. [*Бутков П.Г.*]. Оборона летописи русской, несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840. С. 176.

⁴ Впервые положительно ответил на вторую часть этого вопроса А.А. Шахматов в 1897 г. См. *Шахматов А.А.* Древнейшие редакции «Повести временных лет» // ЖМНП. СПб., 1897. Ч. СССXIII. Октябрь. Отд. 2. С. 209–259.

легенды. Оказывается, что легенда разрывает текст статьи 1096 г., прерывает ее повествование о киевских событиях и является вставкой, то есть текстом, появившимся в «Повести временных лет» после ее создания. Следовательно, легенда под 1096 г. записана, во-первых, не автором этого произведения, а, во-вторых, запись легенды сделана уже после создания «Повести временных лет». Когда же? Видимо, через те самые четыре года, о которых летописец упомянул, приступая к пересказу. Почему же он не записал услышанную им легенду сразу, почему понадобилось четыре года, чтобы он смог ее записать? Не потому ли, что в тот момент, когда летописец ее услышал, он еще не работал над перепиской и переработкой «Повести временных лет»? В таком случае надо выяснить, где он услышал эту легенду, в Киеве или в Новгороде? Встретился он с Гюрятой Роговичем в Киеве или Новгороде? Для ответа на этот вопрос надо поискать в «Повести временных лет» какие-либо другие сведения о Новгороде, которые, быть может, попали в «Повесть временных лет» тем же путем и от того же летописца, который, не будучи ее создателем, однако каким-то образом переписывал и, как мы уже убедились, пополнял ее текст...

Задавшись этими вопросами, Алексей Александрович Шахматов предпринял поиски остальных сведений о Новгороде, которые, по его предположению, должны были найтись в «Повести временных лет».

И они действительно нашлись. При этом оказалось, что в одной из записей о Новгороде интересующий нас летописец прямо сообщает о своем пребывании в великом северном городе. Эта запись сохранилась под 1114 г. В ней наш летописец прямо говорит о своем пребывании в Новгороде и Ладоге, о своем общении с ладожским посадником Павлом и «ладожанами». Следовательно, он и не мог записать услышанные им рассказы ни в 1096 г., под которым сохранился один из них, ни в 1114 г., в котором он находился не в Киеве, а в Новгороде.

И все-таки, когда же он сделал свои записи?

Это легко вычислить, поскольку нам уже известно, что он услышал легенду от Гюряты Роговича за четыре года до своей работы над летописью. Легенду он услышал в 1114 г. или близко к этому году, а записал он ее спустя четыре года, в 1118 г., или близко к этому году. Остается только найти текстуальное подтверждение

только что сделанному выводу в самой «Повести временных лет». И А.А. Шахматов нашел такое подтверждение.

Он обратил внимание на то, что как раз в статье, наиболее близкой к 1118 г., в статье 1117 г. имеется интереснейшая приписка о событиях не 1117, а 1118 г. Такие приписки характерны для последних статей летописей, и свидетельствуют они о том, что в этом месте кончается текст одной летописи и начинается текст другой летописи. Некоторое время текст первой летописи не продолжался, а еще через некоторое время к его последней статье сделали приписки, не пометив их тем годом, к которому относятся приписанные известия.

Итак, последняя статья «Повести временных лет» нашлась. Это — статья 1117 г. Однако она является последней статьей не авторского текста «Повести временных лет», сделанного в киевском Печерском монастыре, а какого-то несколько иного, пополненного ее текста, который сейчас в науке уже принято называть редакторским текстом. А это свидетельствует о том, что в нашем распоряжении находится не собственно авторский, а лишь редакторский текст. Отсюда вытекает и задача предлагаемой работы — определить объем и характер недошедшего до нас авторского текста «Повести временных лет»... Но для этого необходимо сначала как можно точнее охарактеризовать реально существующий в нашем распоряжении редакторский текст. С этой характеристики и начинается наша работа.

Приписка к последней статье редакторской «Повести временных лет»

А.А. Шахматов считал, что в этой приписке упоминаются события лишь 1118 г. И такие известия в ней действительно есть. Это сообщения о смерти византийского императора Алексея Комнина и о вокняжении во Владимире-Волыньском Романа Владимировича, сына Мономаха.

Сообщение о вокняжении Романа Владимировича имеется в Ипатьевской летописи и под 1118 г. Собственно, благодаря этому только и можно датировать сам факт вокняжения и, соответственно, констатировать наличие в двух статьях Ипатьевской летописи (под 1117 и 1118 гг.) двух повторных сообщений об одном и том же событии. Одно из сообщений краткое (приписка), а другое —

пространное (статья 1118 г.). Одно из них появилось в качестве приписки к одному экземпляру редакторского текста «Повести временных лет», а другое сохранилось и сделано в качестве погодной статьи другой киевской летописи, продолжавшей «Повесть временных лет»⁵.

Итак, в приписке к статье 1117 г. имеются два сообщения о событиях 1118 г. Однако — и этого в свое время не заметил А.А. Шахматов, — здесь же имеется и известие о событии 1119 г., причем это известие стоит перед известиями о двух событиях 1118 г. Следовательно, и сама приписка не могла быть составлена раньше 1119 г., скорее всего, его второй половины. В таком случае и дата редактирования текста «Повести временных лет» отодвигается к 1119 г. Отсюда в свою очередь следует, что редактор побывал в Новгороде и Ладоге не в 1114, а в 1115 г., поскольку именно от этого года надо отсчитывать четыре года для получения даты редакторской работы. 1115 плюс 4 равняется 1119. Однако, правилен ли наш отсчет? Ведь в древности при подобном вычислении не просто складывали года, а отсчитывали дату, начиная с года отсчета, то есть считали так: 1119, 1118, 1117, 1116. Говоря, например, что событие случилось «на второе лето», подразумевали следующее, а не действительно второе лето от года отсчета. Подобные отсчеты есть и в «Повести временных лет»⁶. Так же должен был считать и редактор. Но в таком случае он был, как показал приведенный подсчет, в Новгороде не в 1114 и даже не в 1115, а в 1116 г. Следовательно, именно в этом, а не в 1114 г. произошли те новгородские и ладожские события, о которых он сообщает. И действительно, именно под 1116 г. в новгородской летописи и записано о закладке каменной крепости в Ладоге и расширении Детинца в Новгороде⁷. Отсюда и заключаем о верности нашей даты пребывания редактора в Новгороде, а вместе с ней и даты его работы над пополнением «Повести временных лет» своими сведениями.

⁵ ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1962 (в дальнейшем — Ипат. л.), гг. 1117 и 1118, стб. 285. Фраза о вокняжении Романа во Владимире в 1118 г. выпала из Ипат. л., но сохранилась в Воскресенской летописи (См. ПСРЛ. Т. 7: VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 24: «...Володимер же посла в Володимерь сына своего Романа, он же преставился ту того лета»).

⁶ Ипат. л., г. 1110, стб. 262.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950 (в дальнейшем — НПЛ), г. 1116, с. 20.

Выводы

Итак, А.А. Шахматов установил, что «Повесть временных лет» дошла до нас в отредактированном виде, что она была создана во втором десятилетии XII в., что редактор, побывавший в Новгороде, работал около 1118 г. и, как сейчас стало ясно, в 1119 г. Однако между своим созданием и редактированием «Повесть временных лет» прошла через руки еще одного книжника. Им был тот самый Сильвестр, которому ученые XIX в. обычно приписывали создание «Повести временных лет»⁸. Делалось это на том основании, что в Лаврентьевской летописи (а мы ведь пока работали только с Ипатьевской летописью) сохранилось прямое известие о том, что Сильвестр в 1116 г. «написал» «Книгу Летописец». А.А. Шахматов же показал, что Сильвестр был не создателем, а редактором «Повести временных лет». Поэтому, прежде чем начать работу по выявлению соотношения авторского текста и редакторского текста 1119 г., необходимо сначала выяснить соотношение между текстами редактора 1119 г. и текстом Сильвестра, работавшего в 1116 г. Поскольку же запись Сильвестра сохранилась только в Лаврентьевской летописи, то фактически речь идет о выявлении соотношения текстов «Повести временных лет» по Ипатьевской и Лаврентьевской летописям.

К этому выявлению и следует теперь перейти.

⁸ В 1897–1908 гг. А.А. Шахматов также считал Сильвестра автором, а не редактором произведения, однако впоследствии изменил свое мнение и стал считать его лишь редактором «Повести временных лет». См. подробнее Главу 12 нашей работы.

Глава 2

СООТНОШЕНИЕ ТЕКСТОВ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ И ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСЕЙ

Общий характер обеих летописей

Уже установлено, что редактору 1119 г. принадлежат по крайней мере два текста в Ипатьевской летописи — это рассказы о Новгороде под 1096 и 1114 г. Если бы Лаврентьевская летопись содержала редакторский текст Сильвестра, сделанный в 1116 г., то в ней не должно было бы быть двух указанных текстов 1119 г. И действительно, одного из них, а именно — текста под 1114 г., в ней нет. Однако другой текст 1119 г. (под 1096 г.) в ней имеется, и отсюда можно сделать два вывода: либо это свидетельствует о том, что в Лаврентьевской летописи сохранился все тот же текст 1119 г., либо же наличие в ней текста 1119 г. объясняется тем, что он попал в нее в более позднее время, при соединении текста Сильвестра с текстом 1119 г. А.А. Шахматов пришел ко второму выводу¹. Однако рассмотрение его аргументации и особенностей текста Лаврентьевской летописи приводит к первому выводу.

Рассмотрим поэтому сначала общий характер обоих сохранившихся текстов, а затем и их отличительные особенности, принятые А.А. Шахматовым за аргументы в пользу мысли о соединении в Лаврентьевской летописи обоих текстов, происшедшем значительно позже их создания и приведшем к образованию текста Лаврентьевской летописи в том его виде, в каком он дошел до нас.

В полном своем виде текст «Повести временных лет» сохранился в Лаврентьевской летописи только до статьи 1110 г. Текст этой статьи в ней оборван, и его продолжение сохранилось только в Ипатьевской летописи. Сразу же отметим, что текст этой статьи

¹ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 27.

в его сохранившемся в Ипатьевской летописи виде А.А. Шахматов считал принадлежащим редактору 1119 г.² Он оборван на полуфразе. За ним следует знаменитая запись Сильвестра о его работе над летописью в 1116 г. Поэтому сразу же возникает вопрос, чем объясняется, что запись Сильвестра обрывает, нарушает текст редактора под 1110 г.? Когда произошло это нарушение? Тогда ли, когда поздний переписчик (сводчик 1193 г., как предполагал А.А. Шахматов)³ прервал свою работу по соединению текстов Сильвестра и редактора 1119 г., или же этот обрыв свидетельствует о том, что он сделан самим Сильвестром, который ведь тоже мог переписывать текст редактора 1119 г. В самом деле, содержит ли запись Сильвестра прямое указание на то, что она сама составлена именно в 1116 г., а не позже, после 1119 г.? Обратимся к этой записи, имея в виду то важное обстоятельство, что текст Лаврентьевской летописи, по существу, почти неотличим на всем протяжении до статьи 1110 г. от ипатьевского текста и, в частности, содержит редакторские тексты 1119 г.

Запись Сильвестра

«Игумень Силивестръ свягата Михаила написах книги си Лѣтописецъ, надѣся от Бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжашю ему Киевѣ, а мнѣ в то время игуменяшю у свягата Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже четь книги сия, то буди ми въ молитвахъ»⁴.

Автор записи недвусмысленно пишет, что он работал над летописью в то время, когда он был игуменом. О своем игуменстве он пишет в прошедшем времени («в то время»). Следовательно, запись составлена человеком, уже переставшим быть игуменом. Такая запись не могла быть составлена в том же 1116 г., когда Сильвестр работал над перепиской «Повести временных лет». Поэтому остается лишь выяснить, был ли Сильвестр игуменом Выдубицкого монастыря до конца своей жизни.

² Шахматов А.А. Обзорение... С. 24–25; Он же. Повесть временных лет. Т. I: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 23.

³ Шахматов А.А. Обзорение... С. 24, 81; Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 67–69, 79–80.

⁴ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Изд. 2-е. Л., 1926 (в дальнейшем – Лавр. л.), г. 1110, стб. 286.

Благодаря летописям мы сравнительно хорошо знаем биографию Сильвестра после 1116 г. После 1118 г. он перестал быть игуменом Выдубицкого монастыря и стал епископом в Переяславле Южном, где и умер в 1123 г.⁵ Поэтому интересующая нас запись могла быть составлена в Переяславле в период 1118–1123 гг. А в Лаврентьевской летописи как раз и сохранилась переяславская летопись XII в., в начале которой и помещена «Повесть временных лет». Из других летописей запись Сильвестра сохранилась только в тех, которые восходят к переяславской летописи XII в. В летописях же, восходящих к киевскому и, в частности, к выдубицкому летописанию, этой записи нет, а их текст не обрывается на статье 1110 г. и идет вплоть до 1117 г. Это и понятно, поскольку эта запись, по нашему предположению, составлена в Переяславле, а не в Киеве, епископом, а не игуменом, при переписке редакторского, а не авторского текста «Повести временных лет». Следовательно, Сильвестр дважды переписывал это произведение: один раз для Выдубицкого монастыря, а другой раз для переяславской епархии. Работу по переписке редакторского текста он, видимо, не смог закончить из-за болезни или внезапной смерти. Он успел лишь на экземпляре своей копии сделать памятную запись о своей выдубицкой работе.

Итак, в Лаврентьевской летописи сохранился не выдубицкий текст 1116 г., а переяславский текст, датируемый временем около 1123 г. Этим и объясняется наличие в нем редакторских текстов 1119 г., причем в дальнейшем к указанным двум редакторским текстам под 1096 и 1110 гг. прибавится масса других подобных же текстов (см. Главу 3). К тому же было бы странным, что в монаховском Переяславле могли не знать об этом редакторском тексте, сделанном по заказу Мономаха. Отсюда этот текст перекочевал по семейным монаховским каналам в Северо-Восточную Русь, где и лег в основу всего местного летописания, из которого он попал в Лаврентьевскую летопись. Этим объясняется, что текст Лаврентьевской летописи практически неотличим от текста Ипатьевской летописи. Однако некоторые отличия все же имеются, и вот они-то и заставили Алексея Александровича Шахматова считать, что в основе Лаврентьевской летописи лежит текст выдубицкой копии 1116 г.

Что же это за отличия?

⁵ Лавр. л., гг. 1118 и 1123, стб. 291 и 293.

Первое отличие

Это отличие нам уже известно. Заключается оно в том, что текст «Повести временных лет» обрывается в Лаврентьевской летописи на середине статьи 1110 г., а в Ипатьевской летописи он идет до 1117 г. Однако и текст Лаврентьевской летописи после 1110 г. основан все на том же тексте «Повести временных лет», но только сокращает ее текст. Это и понятно, так как он переписан в Переяславле не Сильвестром, который уже умер, а его переяславским продолжателем, и переписка эта сделана более небрежно, чем работа Сильвестра. Если же принять мысль А.А. Шахматова о том, что текст переяславской летописи образовался путем совмещения текстов 1116 и 1119 гг., попавших в руки позднего владимирского сводчика 1193 г., то сразу станет непонятно, почему этот сводчик, работавший для потомков Мономаха, стал сокращать именно те статьи, в которых сообщались наиболее подробные сведения о военных и государственных подвигах Мономаха, то есть о тех самых фактах, которые должны были, если согласиться с А.А. Шахматовым, больше всего интересовать его потомков, заказчиков работы 1193 г.

Второе отличие

С этим же вопросом связано и второе отличие лаврентьевского текста. А.А. Шахматов выявил целый ряд сведений, которые отсутствуют в Лаврентьевской летописи по сравнению с Ипатьевской не только после статьи 1110 г., но и до этой статьи. Эти сведения ученый назвал сведениями о Мономахе и его семье⁶. Идут они в Ипатьевской летописи, начиная с 1076 г. И опять мимо них спокойно прошел владимирский сводчик 1193 г., хотя, согласно мнению А.А. Шахматова, они должны были бы его заинтересовать в первую очередь, так как это были сведения о предках владимирских князей.

Пропуск этих сведений вновь заставляет сомневаться в существовании той работы в 1193 г., которую А.А. Шахматов считал работой по соединению текстов Сильвестра и редактора 1119 г. К тому же просмотр указанной группы сведений свидетельствует о том, что среди них есть не только сведения о Мономахе и его

⁶ Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. III, XXXVIII; *Он же*. Обзорение... С. 86.

семье, но и сведения о сопернике Мономаха, Святополке⁷, и вообще нейтральные сведения⁸. А.А. Шахматов считал, что они связаны лишь с Мономахом и появились только в редакторском тексте «Повести временных лет» в 1119 г. и еще отсутствовали в тексте Сильвестра 1116 г. Однако, как видим, смешанный характер этих сведений, отсутствующих в Лаврентьевской летописи, свидетельствует о том, что они по случайным причинам опущены при составлении епископом Сильвестром переяславской летописи. Подобные случайные пропуски есть и до статьи 1076 г. на всем протяжении лаврентьевского текста⁹, и свидетельствуют они лишь о недостатках работы переписчика и, видимо, не одного Сильвестра, а и его отдаленных продолжателей. Иными словами, пока текст переяславской копии редакторской «Повести временных лет» дошел до Лаврентия, он утерял целый ряд сведений, что и естественно. Если бы это было не так, то отсутствующие сведения действительно образовывали бы компактную группу известий либо об одном Мономахе, либо об одном Святополке и т.д.

Третье отличие

Одним из таких случайных пропусков, отличающих текст Лаврентия от Ипатьевской летописи, является пропуск указания на место первого поселения Рюрика. В Лаврентьевской летописи этого указания вообще нет. В восходящей к ней Троицкой летописи это указание есть, но, как об этом писал еще Н.М. Карамзин, это указание на Новгород сделано на полях Троицкой летописи поздним почерком и другими чернилами, нежели весь текст этой летописи¹⁰. А.А. Шахматов же считал, что указание на Новгород было и в протографе XII в. Лаврентьевской летописи XIV в., что якобы свидетельствует о совершенно иной версии первого поселения Рюрика, нежели та, что имеется в Ипатьевской летописи¹¹. Действительно, в Ипатьевской летописи указывается на Ладогу как на место первого поселения Рюрика. Поскольку редактор «Пове-

⁷ Так, под 1094 г. в Лавр. л. отсутствует сообщение о женитбе Святополка.

⁸ Известия о знамениях под 1099, 1105 и 1106 гг.

⁹ Например, слова о поселении Рюрика в Ладоге.

¹⁰ *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 58, прим. 3.

¹¹ *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. С. 7, прим. 2.

сти временных лет» побывал в Ладоге, то он, по мысли А.А. Шахматова, мог слышать местную ладожскую версию поселения Рюрика, отличавшуюся от той, что читалась в авторском тексте, к которому и восходит лаврентьевский текст. Однако ладожская версия имеется и в летописях, восходящих не к Ипатьевской, а все к тем же источникам Лаврентьевской летописи. Это Радзивилловская летопись и Московско-Академический список Лаврентьевской летописи¹². Поэтому выходит, что пропуск в Лаврентьевской летописи появился где-то уже в XIII в. и после того, как с одного из ее протографов была сделана Радзивилловская летопись. Это подтверждается и анализом того текста, который сохранился в Ипатьевской летописи. В нем есть и другие детали, хоть и свидетельствующие о его первоначальности по сравнению с лаврентьевским текстом, но тем не менее также выпавшие из последнего текста. Это слова о том, что Рюрик «раздая мужем своим волости и города рубити». Подчеркнутых важных слов тоже нет в Лаврентьевской летописи, однако это говорит только о случайности, а не о закономерности пропусков, о первичности ипатьевского текста и его испорченности в Лаврентьевской летописи, в которой благодаря этому пропуску также несколько изменился характер фразы.

Следовательно, перед нами не две версии о поселении Рюрика — ладожская и новгородская, а один и тот же рассказ, лучше сохранившийся в Ипатьевской летописи¹³. Доказать же, что в летописях, основанных на тех же источниках, что и Лаврентьевская летопись, ладожская версия присутствует потому, что она вставлена по источнику Ипатьевской летописи (Полихрону XIV в.), невозможно. Такая вставка была бы правдоподобной только в том случае, если бы Радзивилловская летопись (и Московско-Академический список) имели бы подобные вставки по Ипатьевской летописи на всем протяжении своего текста, были бы систематическими, как называл подобные случаи А.А. Шахматов*. Однако такого систематизма в них нет. Наоборот, они схожи именно с Лаврентьевской летописью во всех остальных случаях, что и заставляет полагать о лучшей сохранности их текста в случае

¹² Лавр. л., стб. 20, прим. 38 и 49.

¹³ К этому выводу на других основаниях приходил А.И. Соболевский. См. *Соболевский А.И.* Несколько мест Начальной Летописи // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1891. Кн. 5. Отд. 2. С. 8.

* Так у автора. — *Здесь и далее примечания редактора издательства обозначены звездочкой (*)*.

с рассказом о Рюрике, чем в Лаврентьевской летописи, в которой это испорченное место, в свою очередь, не является единственным (ср. пропуски фраз в статьях 1064–1065 и 1072 гг., статьи 1086 г., многих сведений, начиная с 1076 г. — об этом уже говорилось при характеристике второго отличия Лаврентьевского текста, — и слов «Руси и Печенеги... и ста с вои» в статье 1016 г.).

Итак, считаем, что в Лаврентьевской летописи нет никакой самостоятельной новгородской версии рассказа о Рюрике, так как само упоминание Новгорода вместо пропущенных слов о Ладоге вставлено даже не в этой летописи, а в Троицкой, когда Лаврентьевская уже существовала.

Однако в Новгородской Первой летописи существует именно новгородская версия рассказа о Рюрике, и это, на первый взгляд, придавало особую убедительность мнению А.А. Шахматова, тем более что ученый именно на этом основании доказывал более позднее происхождение текста, сохранившегося в Ипатьевской летописи по сравнению с текстами, сохранившимися в Новгородской Первой и Лаврентьевской летописях. Текст в Ипатьевской летописи действительно моложе новгородского, как текст «Повести временных лет» по отношению к Начальному своду по А.А. Шахматову, или, как мы пытаемся доказать, как текст редакторской «Повести временных лет» по отношению к ее же авторскому варианту. Но в данном случае важны не наши разногласия, а наше согласие с А.А. Шахматовым. В чем мы согласны? В относительной хронологии обоих текстов. Новгородский текст старше ипатьевского, и это подтверждается тем, что в ипатьевском имеется ладожская версия, связанная с пребыванием в Ладоге редактора «Повести временных лет», а в Новгородской летописи сохранилась более ранняя версия рассказа о Рюрике. Следовательно, надо еще доказать, что именно эта ранняя версия имеется и в Лаврентьевской летописи. Для этого, поелику лаврентьевский текст испорчен, надо обратиться к текстам тех летописей, которые основаны на общем с ней источнике. Это уже упоминавшиеся Радзивилловская летопись и Московско-Академический список. А в них-то нет никакой ранней версии рассказа о Рюрике, в них имеется поздняя версия о Ладоге. Объясняется это не единичной, уникальной для обеих летописей (Радзивилловской и Московско-Академического списка) вставкой из источника Ипатьевской летописи, как полагал А.А. Шахматов, а тем, что в них рассказ о Рю-

рике сохранился в исправном, а не в испорченном виде, каков он в Лаврентьевской летописи. Такое объяснение соответствует всему характеру лаврентьевского текста, в котором есть все те редакторские вставки 1119 г., которые должны были бы в нем отсутствовать, если бы лаврентьевский текст восходил к более раннему списку «Повести временных лет» Сильвестра 1116 г. Итак, старшинство новгородского текста не страдает от нашего иного объяснения испорченности текста рассказа о Рюрике в Лаврентьевской летописи. Новгородский текст старше ипатьевского, а лаврентьевский, соответственно, моложе их обоих.

Четвертое отличие

Особенно рельефно отличительные особенности лаврентьевского текста видны на следующем примере.

Под 6523 (1015) г. в Ипатьевской, Лаврентьевской и Новгородской Первой летописях читается Похвала Владимиру. В Ипатьевской эта похвала читается пространнее, чем в Лаврентьевской, на основании чего А.А. Шахматов отнес появление ипатьевского текста похвалы к XIV в.¹⁴ Отметим, прежде всего, что и в данном случае лаврентьевский текст, как и во многих других случаях, короче ипатьевского и, как сейчас увидим, является простым его сокращением, а не самостоятельной версией.

Действительно, текст Лаврентьевской летописи является начальной и заключительной частями текста Ипатьевской летописи, а часть недостающего в Лаврентьевской летописи текста имеется в Новгородской Первой летописи младшего извода, куда он не мог попасть из Полихрона XIV в., как то признавал и сам А.А. Шахматов. Между тем А.А. Шахматов настойчиво утверждал, что лаврентьевский текст восходит к тексту этой новгородской летописи и оба эти текста отражают более древний памятник, нежели Ипатьевская летопись. Но в таком случае, заметим мы, в новгородской летописи отсутствовали бы те части Похвалы Владимиру, которые встречены только в Ипатьевской летописи и отсутствуют в Лаврентьевской.

Между тем в Новгородской и Лаврентьевской летописях сходный текст идет до слов «идеже умножися грех ту изобильствует

¹⁴ Шахматов А.А. Обозрение... С. 85.

благодать», после чего лишь в Новгородской летописи продолжается текст, сходный с Ипатьевской летописью до слов «и к смерти совращаются правого пути и погибают». После этих слов в Ипатьевской летописи читаем текст, отсутствующий в двух других летописях. При этом он является прямым продолжением предшествующей части похвалы, оборванной даже не на конце предложения: «и к смерти совращаются правого пути и погибают, а друзии развращенно пребывают»*.

Подчеркнутые слова уже отсутствуют в Новгородской летописи. Точно так же и текст, которым кончается этот отрывок, без каких-либо «швов» переходит в текст, имеющийся уже в Лаврентьевской летописи: «якоже ангель Корнильева рече молитвы твоя и милостыня твоя взнидоша в память перед Богом дивно есть се колико добра створи...». Подчеркнутые слова уже имеются в Лаврентьевской летописи. Еще показательнее место в Ипатьевской летописи, где начинается продолжение текста, имеющегося в Новгородской летописи: «...чающа надежда великого бога Спаса нашего Исуса Христа воздати комуждо противу трудом неизреченную радость юже буди улучити всимъ крестьяномъ». Подчеркнутыми словами кончается похвала во всех летописях, и именно они следуют в Новгородской летописи за словами начала похвалы: «Мнози бо праведнии творяще, по правде живуще, погибают, нъ воздати комуждо противу трудом...» и т.д.¹⁵

Итак, и в этом случае текст Лаврентьевской летописи оказывается производным от текста Ипатьевской летописи, который А.А. Шахматов считал взятым из Полихрона XIV в. (само существование которого впоследствии было опровергнуто М.Д. Присьелковым). А.А. Шахматов считал, что в XII в. текст похвалы был кратким, а не таким пространным, каков он теперь в Ипатьевской и производных от нее летописях. Именно на этом предположении о краткой похвале А.А. Шахматов и строит систему своих взглядов о соотношении ее текстов в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. Однако это предположение так и осталось недоказанным, а реально существующие тексты говорят нам лишь о происхождении и ипатьевского (полного), и лаврентьевского (механически и ошибочно сокращенного) текстов от одного источника – редакторского текста 1119 г., в котором похва-

* Неточное цитирование. См. в Ипат. л. (ПСРЛ, т. 2, стб. 116). – Прим. ред. изд.

¹⁵ НПЛ, с. 169; Лавр. л., стб. 130–131; Ипат. л., стб. 116–117.

ла читалась в том виде, в каком она сохранилась в Ипатьевской летописи. Сомневаемся и в правильности вывода А.А. Шахматова о влиянии новгородского свода 1430-х гг. на текст похвалы в Новгородской Первой летописи, так как А.А. Шахматов сам доказал, что это влияние прослеживается только со второй части сцены убийства Глеба.

Пятое отличие

Отличительной чертой Лаврентьевской летописи А.А. Шахматов считал и наличие в ней большого числа более правильных отдельных мелких чтений, чем в Ипатьевской летописи. Однако, во-первых, как показывает подсчет разночтений, приведенных самим А.А. Шахматовым в его «Обзрении русских летописных сводов XIV–XVI вв.», в Ипатьевской летописи в общей сложности имеется гораздо больше правильных первоначальных чтений, чем в Лаврентьевской летописи¹⁶, а во-вторых, сам этот аргумент не является убедительным. Ведь и в более ранней летописи может сохраниться большее число мелких правильных первоначальных чтений, тогда как в более поздней летописи с меньшим их числом может сохраниться протограф указанной более ранней летописи. Таким и является соотношение Лаврентьевской и Ипатьевской летописей.

Вопрос о двух переяславских летописях

Итак, в Лаврентьевской летописи сохранилась копия редакторского текста 1119 г., а не выдубицкая копия 1116 г. в соединении с редакторским текстом, соединении, сделанном, по А.А. Шахматову, в 1193 г. во Владимире. При этом соединении, по мнению ученого, были использованы две переяславские летописи, епископская и княжеская, соответственно восходящие к выдубицкой копии 1116 г. (епископская летопись) и к редакторскому тексту 1119 г. (княжеская летопись)¹⁷. Однако существование в Переяславле двух, а не одной

¹⁶ Так, на 40 чтений Лавр. л., сходных с Новгородской Первой летописью и потому, согласно мысли А.А. Шахматова, первоначальных, приходится 130 аналогичных чтений Ипатьевской летописи. (См. *Шахматов А.А. Обозрение...* С. 29–31, 59–61, 87–89).

¹⁷ *Шахматов А.А. Обозрение...* С. 54.

летописи практически осталось не доказанным. Главным основанием для мнения о существовании этих двух летописей является анализ рассказов Лаврентьевской летописи о походах Михаила Юрьевича на половцев в 1169 и 1171 гг. А.А. Шахматов решил, что оба рассказа подразумевают один и тот же поход, только под 1169 г. в Лаврентьевской летописи имеется пространная версия рассказа, а под 1171 г. — его краткая версия. Поскольку же в обоих походах принимали участие переяславцы, а летописец говорит в обоих рассказах о «наших», то оба рассказа отнесены к переяславскому летописанию, пространный — к одной летописи, краткий — к другой.

Обратимся к обоим рассказам.

Прежде всего отметим, что летописец называет «нашими» и владимирских воинов, отправившихся в поход на Новгород в 1169 г.¹⁸ Следовательно, под «нашими» в рассказах о походах 1169 и 1171 гг. с равным успехом могут подразумеваться и просто русские люди, а то, что в конце рассказа под 1169 г. прославляется Десятинная киевская церковь, обеспечившая победу над половцами, а не переяславский собор Михаила, еще раз свидетельствует против переяславского авторства. Итак, не доказано, что оба рассказа принадлежат именно переяславским летописцам. Самое же важное — это то, что не доказано и положение об описании в обоих текстах одного и того же похода. Походы были разные, и поэтому нельзя говорить о принадлежности одного описания одной переяславской летописи, а другого — другой. Видно это из того, что в краткой записи под 1171 г. упоминается целый ряд сведений, либо отсутствующих в пространной записи под 1169 г., либо противоречащих ее данным. Так, под 1171 г. вместо Десятинной церкви говорится о боге и молитве дедней и отней, далее, здесь же упоминается точный день победы над половцами, отсутствующий под 1169 г., и т.д. Таких отличий много, тогда как сходство заключается только в том, что во главе обоих походов стоял Михалко Юрьевич, и в них принимали участие переяславцы.

Если же под 1169 и 1171 гг. речь идет о двух разных походах, то нельзя относить оба описания к разным летописям и уж во всяком случае нельзя считать, основываясь на упоминании «наших», что тексты эти возникли в Переяславле, а не в Киеве.

Итак, под 1169 и 1171 гг. описаны два разных похода. Однако в Лаврентьевской летописи имеются три случая действительных,

¹⁸ Лавр. л., г. 1169, стб. 360–362.

а не мнимых повторов — под 1111 г. вторично сказано о походе князей на половцев, под 1114 и 1115 гг. дважды сказано о смерти Олега Святославича и под 1168 и 1169 гг. дважды сказано о вокняжении Глеба в Киеве. Эти факты также служат основанием для мнения о двух переяславских летописях и, следовательно, о соединении в пределах Лаврентьевской летописи второй и третьей редакций «Повести временных лет». Отметим, прежде всего, что из существования двух переяславских летописей еще вовсе не следует, что каждая из них была основана на одной из двух разных редакций «Повести временных лет». Если бы это было так, то повторы имелись бы на всем протяжении текста именно «Повести временных лет» до 1110 г., после которого текст ее сокращен. Однако здесь-то этих повторов нет, они имеются только там, где нет полного текста «Повести временных лет» — после статьи 1110 г. А сама мысль о соединении текстов двух летописей резонна только в том случае, если такое соединение привело бы к появлению полного, а не сокращенного текста. Иначе зачем бы соединять две летописи, если результатом будет сокращение текста. Потому и считаем, что два повтора под 1110–1111 и 1114–1115 гг. образовались при сокращении текста одной и той же рукописи «Повести временных лет». Об этом свидетельствует и идентичность текстов каждого из повторных сообщений, что заставляет говорить о случайном их повторении при переписке одного и того же источника. Далее, как уже было сказано, повторы могут быть не связаны с соединением текстов редакций «Повести временных лет», и их наличие на протяжении статей после полного текста «Повести временных лет» с равным успехом может объясняться соединением лишь текстов статей за второе — седьмое десятилетия XII в., а их отсутствие до 1110 г. может говорить о том, что начальные статьи этих двух летописей, то есть их «Повести временных лет», не подверглись такому же соединению. Иными словами, некоторые тексты соединялись, как и бывает при составлении сводов (а текст переяславской летописи представляет собой бесспорный свод киевских и переяславских материалов), а текст «Повести временных лет» был взят лишь из одного из источников. Естественно, что при этом выбор пал на переяславскую копию редакторского текста «Повести временных лет», связанную с именем местного епископа Сильвестра. Иначе, если бы соединялись и две версии «Повести временных лет», то результатом их соединения был бы, во-первых, текст с повторами, а, во-вторых, текст

более полный или столь же полный, как в Ипатьевской летописи. Ни того, ни другого в переяславской «Повести временных лет» нет. Поэтому и нельзя считать бесспорно доказанным существование двух, а не одной епископской летописи в Переяславле. Летопись в этом городе имела, но, видимо, одна, и при ее составлении был использован киевский свод, отразившийся в Ипатьевской летописи, причем более ранняя его редакция, нежели та, что имеется в Ипатьевской летописи. К этому выводу пришел А.Н. Насонов, остерегающийся говорить в категорической форме о двух переяславских летописях¹⁹.

Итак, мы опять, уже на других основаниях, на основе проделанного А.Н. Насоновым анализа текста Лаврентьевской летописи за XII в., пришли все к тому же выводу о зависимости текста Лаврентьевской летописи от более полного и первоначального текста Ипатьевской летописи. В том же самом мы убедились и на материалах одной «Повести временных лет».

К вопросу о характере работы Сильвестра в 1116 г.

Итак, в Лаврентьевской летописи сохранилась переяславская копия редакторского текста «Повести временных лет» 1119 г., копия, доведенная Сильвестром до середины статьи 1110 г., копия, оканчивающаяся записью Сильвестра с воспоминанием о подобной работе, уже проделанной им в 1116 г. для Выдубицкого монастыря. Или, быть может, Сильвестр в 1116 г. не просто переписал «Повесть временных лет», а отредактировал ее, пополнил ее сведениями из истории и быта своего монастыря, своими воспоминаниями? Ведь мы знаем, что такие дополнения обычно делались летописцами при переписке для своего заказчика какой-нибудь летописи. Такие дополнения обычно и позволяют выявлять отдельные летописные памятники. Между прочим, именно так выявляется и сама переяславская епископская летопись на протяжении текста Лаврентьевской летописи до 1140-х гг.²⁰ Под этими годами в Лаврентьевской летописи особенно много сведений, и при этом очень точных, о переяславской церковной жизни. Этих сведений или их точных дат нет в киевском источ-

¹⁹ Насонов А.Н. Об отношении летописания Переяславля-Русского к киевскому (XII век) // Проблемы источниковедения. М., 1959. VIII. С. 466–494.

²⁰ Там же. С. 491.

нике Ипатьевской летописи. Это и свидетельствует о существовании переяславской летописи. И вот оказывается, что в этой летописи совершенно отсутствуют какие-либо сведения об основании Выдубицкого монастыря, о его жизни в начале XII в., в частности, о погребаемых в нем в это время знатных киевлянах. Если бы переяславская летопись восходила к выдубицкому летописанию начала XII в., то в ней эти сведения имелись бы. Однако их нет, и это-то и позволяет предполагать, что Сильвестр не пополнил «Повесть временных лет» в 1116 г. сведениями о своем монастыре. А если это так, то очень трудным и невозможным становится предположение о его редакторском «статусе». Скорее всего, он, как впоследствии и в Переяславле, ограничился главным образом перепиской «Повести временных лет», на этот раз ее авторского, а не редакторского экземпляра.

Интересно, что в Переяславле Сильвестр (или его помощник) вставил в свою летопись сведения об истории главного местного собора и других церквях, о своем прибытии в Переяславль и т.д. Эти сведения и позволяют говорить о летописной работе Сильвестра. Отсутствие же таких сведений о его прежнем месте «службы», о Выдубицком монастыре, позволяют говорить, что в Выдубицах Сильвестр еще не был настоящим летописцем, а всего лишь переписчиком. Этот вывод можно проверить при помощи самой выдубицкой летописи. Ведь именно она сохранилась в составе выдубицкого свода 1200 г., в Ипатьевской летописи, и если бы Сильвестр в 1116 г. пополнил «Повесть временных лет» сведениями о своем монастыре, то они бы сохранились в Ипатьевской летописи и имелись бы и в Лаврентьевской. Однако таких сведений нет ни в переяславской летописи (Лавр. л.), ни в киевской выдубицкой летописи (Ипат. л.).

***Автором редакторского текста 1119 г.
был андреевский монах***

Итак, сведений о Выдубицком монастыре, кроме краткой записи о постройке его Михайловского собора, в «Повести временных лет» нет. Однако здесь имеется масса сведений о Печерском монастыре и много сведений об Андреевском киевском монастыре. Наличие печерского летописного материала понятно: он появился под пером автора этого произведения. Материал же

об Андреевском монастыре внесен, скорее всего, редактором в 1119 г.²¹ Доказывается это тем, что одно из андреевских сведений имеет все признаки вставки. Это знаменитая вставка легенды об Андрее, патроне этого монастыря. Она обычно относится к работе Сильвестра. Однако апостол Андрей был патроном Андреевского, а не Выдубицкого монастыря, патроном которого был Михаил. К тому же Андрей был патроном отца Мономаха, Всеволода-Андрея Ярославича, а сам Андреевский монастырь был семейным мономаховским монастырем, о близости игумена которого (Григория) к Мономаху пишет сам летописец²².

Выводы

Итак, соотношение Лаврентьевской и Ипатьевской летописей представляется нам несколько иным, чем А.А. Шахматову. В Лаврентьевской летописи сохранилась переяславская, не очень полная копия редакторского текста, которая сокращает этот текст, но не планомерно (до 1100 г.), а по случайным причинам. Скорее всего, эти сокращения принадлежат не самому епископу Сильвестру, а его продолжателям. Этим и объясняется, что, в сущности, лаврентьевский текст вплоть до статьи 1110 г. неотличим от ипатьевского текста, а в самой статье 1110 г., в непосредственном соседстве с записью Сильвестра, имеется редакторский, а не авторский текст рассказа об огненном столпе, взвившемся над Печерским монастырем и предвестившем победу Мономаха над половцами. Имеются в тексте до 1110 г. и все остальные редакторские тексты, которых, как увидим в следующей главе, было гораздо больше, чем это представлялось А.А. Шахматову.

Таким образом, в нашем распоряжении имеется не текст 1116 и 1119 г., не два редакторских текста, в которых следует выявить границы авторского текста, а всего лишь текст одной редакции 1119 г. В нем-то и следует выявить редакторские вставки. Отнести часть из них к работе Сильвестра в 1116 г. мы пока не имеем возможности, так как раз Сильвестр не внес в «Повесть временных лет» ничего из сведений о своем монастыре, то у нас нет возможности и вообще считать его редактором, а не просто переписчиком

²¹ Ипат. л., г. 1086, стб. 197 (отсутствует в Лавр. л.), г. 1105, стб. 257 (отсутствует в Лавр. л.), г. 1111, стб. 273, г. 1112, стб. 274.

²² Ипат. л., г. 1128, стб. 291.

«Повести временных лет»²³. Этот вывод, впрочем, будет проверен еще раз в следующей главе, после выявления всех редакторских вставок.

Выявление их и явится следующим этапом работы над историей создания и редакционной переработки «Повести временных лет».

²³ Впервые мысль о Сильвестре как о переписчике на основании отсутствия сведений о Выдубицах в летописи высказана П.Г. Бутковым. См. [Бутков П.Г.]. Оборона летописи русской... С. 203.

Глава 3

РЕДАКТОРСКИЕ ВСТАВКИ

Вставка № 1

На первой же странице «Повести временных лет» находим совмещение текстов двух переводных византийских источников — Хронографа и Хроники Георгия Амартола. Выписываем тексты каждого из этих источников отдельно друг от друга, на разных сторонах нашей страницы, сохраняя ту последовательность, в которой они следуют друг за другом в тексте «Повести временных лет».

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

ХРОНОГРАФ

«По потопъ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афеть. И яся вѣстокъ Симови: Персида, Ватръ, доже и до Индикия в долготу, и в ширину и до Нирокурия, якоже реши от вѣстока и до полуденья, и Сурия, и Индия, по Ефратъ рѣку...

«Хамови же яся полуденная страна:

ХРОНИКА АМАРТОЛА

«Вавилон, Кордуна, асуриане, Месопотамия, Аравия Старѣйшая, Елмаисъ, Инди, Аравия Силная, Колия, Комагини, Финикия вся...

«Еюпеть, Ефивопья, прилежащая ко Индомъ, другая же Ефивопья, из нея же исходить рѣка ефиопская Чермна, текущи на вѣстокъ, Фива, Ливия, прилежащи

до Куриниа, Маръмарья, Сурьги, Ливия другая, Нумидья, Масурия, Мавританья противу суши Гадиръ. Сушимъ же ко востокомъ имать Киликию, Памъфилию, Писидию, Мисию, Луконию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудью, Мисию другую, Троаду, Еолиду, Вифунию, Старую Фругию; и острова неки имать: Сарьдани, Критъ, Купрь и рьку Геону, зовемую Ниль

«Афету же яшася полунощныя страны и западныя:

«Мидия, Альванья, Арменья Малая и Великая, Кападокия, Фемлагони, Галать, Колхисъ, Воспории, Меоти, Дереви, Сарьмати, Тавриани, Скуфия, Фраци, Макидонья, Далматия, Малоси, Фесалья, Локрия, Пеления, яже и Полопонисъ наречеса, Аркадь, Япиронья, Илюрик, Слоубне, Лухнитиа, Аньдриокя, Ондрьятиньская пучина. Имати же и острова: Вротанию, Сикилию, Явию, Родона, Хиона, Лъзовона, Кофирана, Закунфа, Кефалинья, Ифакину, Керькуру, часть Асийския страны, нарицаемую Онию, и рьку Тигру, текущую межиды и Вавилономъ»

«до Пионетского моря на полунощныя страны, Дунай, Днѣстръ и Кавкаисинския горы»¹.

¹ См. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. С. 1–3. {М.Х. Алешковский ссылается на текст реконструкции А.А. Шахматова, однако текст приводится в основном по изданию «Повесть временных лет» / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1. М.; Л., 1950 (в дальнейшем – ПВЛ), с. 9–10. У А.А. Шахматова заимствовано, причем творчески, только разделение текста летописи между источниками – Хронографом по великому изложению и Хроникой. При этом, в отличие от А.А. Шахматова, М.Х. Алешковский относит к цитате из Хронографа слова «По потоупъ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афеть» и не заостряет внимание на том, что у Амартола в описании Афетовой части отсутствует упоминание славян. – *Прим. ред.*}

Соединим цитаты из Хронографа в один текст и получим краткое, но очень связанное и энергичное изложение первой темы «Повести временных лет». Вставки из Хроники Амартола нарушили связность этого текста, загромоздили его названиями далеких стран, а в одном месте привели даже к нарушению смысла: конец фразы Хронографа отделился от ее начала, и получилось, что река Тигр течет не на юг, а на север «до Пионетьского моря на полунощныя страны...»

Возникает вопрос, не мог ли один и тот же автор взять одни строки из Хронографа, а другие из Хроники Амартола?² Если этот автор имел оба источника в своем распоряжении, непонятно, почему он не взял весь текст из более полной и достоверной, по его мнению, Хроники Амартола, а выписал отдельные краткие фразы из Хронографа, разбил их на еще более мелкие фрагменты и затем загромоздил цитатами из Хроники Амартола, откуда он мог взять весь текст. Поэтому предположение об использовании обоих источников одним автором должно отпасть. Хронограф использован автором, а цитаты из Хроники вставлены его редактором. Этим и объясняется путаница с рекой Тигром.

Итак, авторский текст «Повести временных лет» основан на использовании Хронографа, а редакторский текст использует другой, более полный и точный источник – Хронику Амартола. Следовательно, и остальные цитаты из Хронографа и Хроники Амартола, которые встретятся нам в «Повести временных лет», введены в ее текст автором и редактором.

Вставка № 2

На следующей странице «Повести временных лет» встречаемся и с другой редакторской вставкой³. Выявляется эта вставка благодаря тому, что ее текст повторно сообщает о Руси, которая перед тем была уже упомянута автором.

В одном случае русь упомянута среди восточноевропейских народов и обозначает славян (автор), а в другом случае она перечислена среди западноевропейских народов и славян не обозначает (редактор). Это противоречие и появилось в тексте благодаря

² Ср. Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. IV. С. 44, 72–76.

³ Лавр. л., стб. 4. {Текст воспроизводится по изданию ПВЛ... С. 10. – Прим. ред.}

редакторской вставке⁴. Автор «Повести временных лет» норманистом не был, а редактор им был. Следовательно, и остальные места «Повести временных лет», в которых мы встретимся с норманнистскими (или, как в древности говорили, с латинскими) или с антинорманнистскими (антилатинскими) взглядами, мы, соответственно, отнесем их редактору или автору. Отметим еще, что во вставке № 2 повторно сообщается не только о руси, но и о варягах.

Выявление второй вставки редактора позволяет вновь вернуться к вопросу об использовании Хронографа и Хроники Амартола одним или двумя летописцами. Дело в том, что редакторская вставка основана опять на Хронике Амартола, так как именно в этой хронике утверждается, что русь является варяжским племенем, что русь — «от рода вряжеска»⁵. Если бы оба упоминания руси на первых страницах «Повести временных лет» принадлежали одному автору, это было бы невероятно. Если бы автор «Повести временных лет» был знаком с Хроникой Амартола (его продолжателя), то он не стал бы упоминать русь среди восточноевропейских народов. И, повторим, если бы он знал Хронику Амартола, ему было бы незачем цитировать в рассказе о Ное Хронограф. Он пользовался бы одним Амартолом, и в его тексте не было бы выявленных только что противоречий.

АВТОР	РЕДАКТОР
«В Афетовѣ же части съдять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимѣгола, корсь, лѣтьгола, любь...».	«Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волхьва, римляне, нѣмци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии...».

Вставка № 3

В описании водных русских путей имеется повторное упоминание Днепровского пути, и это упоминание непосредственно связано

⁴ Насонов А.Н. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства // Проблемы источниковедения. М., 1959. VII. С. 455. Ср. Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания · Былины · Летописи. [М., 1963.] С. 221.

⁵ Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I: Текст. Пг., 1920. С. 567.

с легендой о путешествии апостола Андрея по Руси⁶. Легенда эта является редакторской вставкой. Выявляется эта вставка благодаря двум фактам. Первый факт уже назван – повторное описание Днепра. Второй факт заключается в следующем.

Легенды о Павле и Андрее

В авторском тексте на том месте, где сейчас читается редакторская легенда об Андрее, раньше стояла другая легенда, тоже связанная с распространением христианства на Руси, тоже рассказывавшая о лестном для славян путешествии к ним апостола, только апостол этот назывался Павлом, а не Андреем. И доходил Павел не до Киева и Новгорода, как Андрей, а лишь до Иллирика, где, по преданию, тогда обитали славяне, не переселившиеся еще на Днепр. Редактор перенес эту легенду о Павле в другое место «Повести временных лет» и поставил ее под 898 г.⁷

Текст легенды он не изменил. Поэтому-то в нем появилось противоречие, которого раньше не было, когда легенда стояла на своем месте.

В легенде о Павле упоминается живущим и здравствующим византийский император Михаил, тот самый, который умер в 867 г. А в редакторском тексте «Повести временных лет» рассказ об этом императоре читается под 898 г., когда его уже не было в живых. Следовательно, раньше этот рассказ читался не только до статьи 898 г., но и до статьи 867 г., года смерти Михаила, то есть как раз на том месте, где теперь читается редакторская легенда об Андрее.

Вставка № 4

С указанным перемещением легенды о Павле под 898 г. связана возможность выявления еще одной редакторской вставки. В перемещенной легенде о Павле упоминается еще и нашествие на Русь угров. А перед этим в тексте «Повести временных лет» имеется, как мы бы сказали сейчас, ссылка на это упоминание. В этой ссылке упоминаются те же самые угры, о которых говорится в легенде

⁶ Лавр. л., стб. 7–8. {Текст воспроизводится по изданию ПВЛ, с. 12. – *Прим. ред.*}

⁷ Лавр. л., г. 898, стб. 25–27. {Текст воспроизводится по изданию ПВЛ, с. 21–23. – *Прим. ред.*}

о Павле под 898 г. Сравним авторское упоминание и редакторскую ссылку на него.

Автор не называет угров черными, а словен вытесняют, по его мнению, волохи, а не болгаре, как считает редактор. Соответственно в редакторском тексте угры прогоняют славян, а не волохов, как считал автор. Следовательно, оба текста не могут принадлежать одному летописцу. Этим и объясняется, что редактор, ссылаясь на текст под 898 г., куда он переместил легенду о Павле, а вместе с ней и рассказ об уграх, называет этих угров черными (а не просто уграми) и неправильно датирует их приход временем Олега (80-е гг. IX в.), хотя автор относил этот приход ко времени императора Михаила (50–60-е гг. IX в.). Кроме этих противоречий, два текста отличаются еще и тем, что редакторский текст основан на Хронике Амартола, а автор с этой хроникой не был знаком, иначе он называл бы угров черными или белыми, как их называет Амартол, а вслед за ним и редактор «Повести временных лет». Цитаты из Амартола подчеркнуты. Так вновь подтверждается вывод, сделанный прежде на основании вставки № 1, что автор был не знаком с Хроникой Амартола, а вставки из этой Хроники принадлежат редактору.

АВТОР	РЕДАКТОР
<p>«Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское... и устремишася чересь горы великия яже прозвашася горы Угорьския, и почаша воевати на живушая ту волохи и словени. Съдяху бо ту преже словѣни, и волохове прияша землю словенську. Посемъ же угри прогнаша вольхи...».</p>	<p>«Словѣнську же языку, яко же рекохомъ, живушю на Дунаи, придоша от Скуфѣ, <u>рекше от козарѣ</u>, рекомии болгаре и съдоша по Дунаеви, и населници словѣномъ быша. Посемъ придоша угри бѣлии, и наслѣдиша землю словѣнську. <u>Се бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго</u>. Въ си же времяна быша и обри, <u>иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша</u>... По сих же придоша печенѣзи; паки идоша угри чернии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ».</p>
<p>Лавр. л., стб. 25. {Текст воспроизводится по изданию ПВЛ, с. 21. — Прим. ред.}</p>	<p>Лавр. л., стб. 11–12. {Текст воспроизводится по изданию ПВЛ, с. 14. — Прим. ред.}</p>

Вставка № 5

Этот вывод позволяет отнести к редакторским вставкам и обширную цитату из Хроники Амартола о быте и нравах различных народов⁸. Как и прежде, редактор расширяет авторский текст сведениями о других народах. Автор намеренно сужает свое повествование, стремясь быстрее перейти от всемирной истории к истории русской, а редактор столь же последовательно задерживает внимание читателя на жизни других народов. Свою более чем обширную цитату из Амартола он завершает сравнением современных ему половцев с теми первобытными народами, о которых говорится в цитате. А заканчивает он свою вставку призывом к объединению всех христиан. Этот призыв противоречит тому, что мы знаем о политической линии киевской митрополии как раз в годы работы редактора и автора «Повести временных лет». В это время раскол христианской церкви на православную и католическую, произошедший еще в 1054 г., зашел очень далеко. В своих проповедях и посланиях митрополит Никифор с тревогой говорил о латинской опасности и призывал не вступать в какие-либо сношения с латинской ересью. Ни о каком объединении всех христиан в это время не могло быть и речи. Тем не менее редактор призывает именно к такому объединению. На основании вставки № 2 мы уже знаем, что он был норманнистом. Митрополит призывает сторониться латинян, а редактор вставляет в текст «Повести временных лет» сведения о норманнском, или, как тогда говорили, о латинском, западном происхождении Руси и ее князей. Митрополит много ссылается на авторитет апостола Павла, который был признанным главой православной церкви, а редактор перемещает легенду о Павле с видного места на более незаметное и заменяет ее легендой о другом апостоле, Андрее. А Андрей был братом апостола Петра, признанного главы римской католической церкви. Митрополит остерегает свою паству от самого имени Рима, а редактор описывает, как апостол Андрей путешествует в Рим с Черного моря через Киев и Новгород и дальше, через Варяжское море. Выходит, что дело не в «норманнизме» редактора, а в совершенно очевидных его пролатинских взглядах. К их характеристике мы еще вернемся, а сейчас лишь отметим, что сопоставление нескольких выявлен-

⁸ Лавр. л., стб. 14–16. {Текст воспроизводится по изданию ПВЛ, с. 15–16. — Прим. ред.}

ных вставок позволяет наметить их единство. Три из пяти (№ 1, 4, 5) основаны на Хронике Амартола, а другие три из тех же пяти вставок (№ 2, 3, 5) связаны друг с другом пролатинской тематикой. Это, в свою очередь, свидетельствует о принадлежности всех пяти вставок одному и тому же редактору.

Другие следы редакционной работы

Помимо этих вставок в начальном тексте «Повести временных лет» — а мы пока не выходили за пределы этого текста — имеются и другие следы редакционной работы. Это следы каких-то перемещений отдельных фрагментов авторского текста со своих первоначальных мест.

В начале одного фрагмента говорится, что «Поляном жившим особо по горам сим», хотя перед тем ни о каких горах не говорилось. Поэтому сегодняшнему читателю непонятно, о каких же горах хочет сказать автор.

Следовательно, перед нами не нетронутый авторский текст, а результат его редакционной переработки⁹. Одни авторские фрагменты уцелели на своих местах, но разделены редакторскими вставками, другие фрагменты были перемещены со своих мест или внутри начального текста, или за его пределы, как легенда о Павле. Не исключено, что какие-то фрагменты и вовсе выпали из «Повести временных лет». Поэтому попытка восстановления этого текста всегда останется гипотетической и методически бесплодной. Наоборот, максимальное выявление следов редакционной переработки сможет действительно приблизить нас к пониманию авторского текста и причин его переработки.

В частности, выявление этих следов может помочь найти место, текст, на котором кончался авторский экземпляр «Повести временных лет». Действительно, если проследить, до какого места идут в «Повести временных лет» редакторские вставки и переделки, мы выясним, раньше какого текста не могла кончаться «Повесть временных лет». Ведь пока есть следы редакционных переработок, есть и авторский текст. Кончились эти следы, и у нас исчезла гарантия, что мы еще находимся в пределах авторского текста. Пока нам известно лишь, что этот текст кончался где-то до

⁹ См. подробнее *Б.А. Рыбаков. Древняя Русь...* С. 219–236.

1116 г., поскольку в этом году игумен Сильвестр уже трудился над его перепиской. Следовательно, статьи 1116—1117 гг. уже целиком принадлежат редактору. Никаких следов переделок первоначального текста в них нет. В то же время они отличаются от предшествующих статей конца XI — начала XII в. тем, что известий в них много, но они, как правило, не имеют точных месячных дат. Наоборот, в предшествующих статьях конца XI — начала XII в. обычно не так много известий, зато все они, за небольшими исключениями, оснащены датами, и не только месячными, но и недельными, дневными и даже часовыми. Хорошо понятно, почему в редакторских статьях 1116—1117 гг. на двадцать известий всего три месячных даты. Редактор приступил к своей работе не раньше 1119 г. (как мы выяснили в Главе 1) и составил текст статей 1116—1117 гг. по памяти. Этим и объясняется отсутствие в этих статьях у подавляющего большинства известий точных дат. Редактор даже запомнил о нескольких событиях 1118—1119 гг. и поместил известия о них тоже под 1117 г. Точно так же он ошибочно датировал 1114 г. и два новгородских события, несмотря на то что был их свидетелем. Итак, авторский текст кончался где-то до 1116 г. Обратимся к текстам конца XI — начала XII в., завершающим «Повесть временных лет», и попытаемся проделать такую же работу, как и с начальными текстами, в которых найдено пять вставок и несколько следов редакционной переработки.

Три разновидности следов редакционной переработки

В текстах конца XI — начала XII в. насчитываются три разновидности следов редакционной переработки. Одни следы появились потому, что хронология или смысл вставленных редактором сведений противоречат авторскому тексту. Другие следы объясняются тем, что редактор в нескольких случаях говорит о тех же событиях, что и автор, и поскольку авторские тексты редактором не опущены, в редакторском тексте появились повторы. Мы убедились при выявлении первых вставок, что повторы и противоречия — их неизбежные спутники. Мы убедились и в наличии уже более серьезных, как мы бы сказали сейчас, идеологических противоречий между автором и редактором по вопросу о происхождении Руси. Идеологические противоречия выявляются и в текстах

конца XI – начала XII в. Они-то и составляют третью разновидность следов редакционной переработки.

Первая разновидность следов редакционной переработки

Во многих статьях «Повести временных лет» под 1090–1115 гг. встречаются хронологические противоречия в пределах одной и той же статьи, в пределах одной и той же погодной записи. Более ранние события описаны после более поздних, например, апрельские – после сентябрьских. Подобные же противоречия характерны и вообще для киевского и переяславского летописаний, встречаются они и в новгородском летописании, но менее часто. Наоборот, есть в этих памятниках и такие статьи, которые строго выдерживают хронологию известий одного года. И этих последних в русских летописях больше, чем первых. Следовательно, вторые являются правилом, а первые – исключением из этого правила. Чем же объясняется наличие довольно большого числа этих исключений? Объясняются они совмещением в пределах одной погодной статьи погодных записей нескольких летописных источников. Это совмещение происходило при работе по составлению летописных сводов или при их редактировании, то есть при пополнении одного летописного свода сведениями, имевшимися в другом своде или у самого летописца¹⁰.

Именно этим и объясняются многочисленные случаи нарушений хронологической последовательности в изложении событий одного и того же года и в последних завершающих статьях «Повести временных лет». Разберем все случаи подобных нарушений, а затем установим, объясняются ли они тем, что ее автор совместил несколько своих источников, или тем, что тексты автора были пополнены при редакторской работе 1119 г. При этом следует помнить, что в «Повести временных лет» применяется только

¹⁰ Н.Г. Бережков объясняет эти факты нарушения хронологической последовательности совмещением нескольких источников с разным (мартовским и ультрамартовским) летоисчислением. См. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 35. Однако подобный результат получался и при совмещении нескольких источников с одинаковым летоисчислением, как мы это видим на примере редакторского текста «Повести временных лет», в которой господствует одно мартовское летоисчисление.

так называемое мартовское летоисчисление, при котором началом года считается 1 марта, а его концом — 28 февраля и, следовательно, февральские и январские события завершают летописную запись, а не открывают ее.

Вставка № 6

Номера вставок теперь будут приводиться по мере их выявления, а не в их текстуальной последовательности. Вставка № 6 выявляется в статье 1094 г. Здесь об апрельском событии (смерти бывшего печерского игумена Стефана 27 апреля в шестом часу ночи) говорится после описания июньского и августовского событий. Какое из этих известий принадлежит автору, а какое — редактору? Вставлены ли июньское и августовское известия перед апрельским, или, наоборот, апрельское приписано к этим двум, мы пока не знаем. Надо сначала собрать все следы редакционной переработки, а затем их сопоставить и только после этого определить текст вставок или переработок.

Вставка № 7

В 1095 г. саранча прилетела на Русь в августе, а князь Давид ушел из Новгорода в Смоленск на княжение в конце года («сего же лѣта исходяща»), то есть в январе — феврале. А о саранче в погодной записи этого года сказано после известия о более позднем уходе князя. Мы могли бы решить, что это противоречие, как и в предыдущей статье 1094 г., объясняется разным происхождением известий — киевским и некиевским. Так, летописец в 1094 г. сначала узнал о киевском и черниговском событиях и занес их в свою летопись, а затем ему стало известно о более раннем событии — смерти Стефана, возможно, умершего не в Киеве, а в Суздале, где он был епископом. Этим, казалось бы, и объясняется неправильная последовательность известий в статье 1094 г. В статье 1095 г. также сказано о киевском и некиевском, новгородском событиях. Если наше рассуждение верно, то киевское известие вроде бы должно предшествовать новгородскому. На самом же деле в статье наблюдается обратная картина: новгородское известие предшествует киевскому. Следовательно, наше

рассуждение неверно, и противоречие объясняется не происхождением известий из разных городов, а совмещением авторских и редакторских сведений.

Вставка № 8

В конце статьи 1101 г. после описания сентябрьского события говорится о закладке Мономахом церкви Богородицы, причем не говорится, какому из богородичных праздников она посвящена. Успение и Рождество Богородицы праздновались в августе, а праздник Покрова — в октябре. Последний праздник следует исключить, так как о Покровских церквях в раннем зодчестве неизвестно, что связано с распространением этого праздника только со второй половины XII в. Остаются Успение и Рождество. Церковь, скорее всего, была заложена Мономахом в честь одного из этих праздников и, видимо, в день одного из них. Это подтверждается и бытовавшей в древней Руси практикой закладки больших зданий летом, в течение строительного сезона. Подтверждается это и существованием в Смоленске именно храма Успения Богородицы. Следовательно, августовская запись стоит после сентябрьской под 1101 г.

Вставка № 9

В конце статьи 1102 г. смерть Ярослава Ярополковича датируется 11 августа, а в начале статьи описано бегство того же князя из Киева 1 октября, а его повторное пленение — концом октября. Получается, что в октябре из Киева бежал князь, умерший еще в августе. Таких чудес не описывали даже средневековые летописцы. Следовательно, одно из сообщений (о смерти или о побеге князя) вставлено.

Наличие в статье 1102 г. вставок подтверждается и последней записью этой статьи о рождении у Мономаха сына Андрея. Судя по этому имени, популярному в семье Мономаха имени его отца, он родился в день Андрея 18 августа, и в таком случае запись о его рождении стоит в статье 1102 г. после записи о ноябрьском событии.

Вставка № 10

Под 1103 г. сообщение о мартовской битве Ярослава Святополковича с мордвой стоит в конце, а не в начале текста, и после весенних и августовских известий. Следовательно, какая-то вставка есть и в этой статье.

Вставка № 11

В статье 1106 г. августовское «помрачение в солнце» описано после июньских и декабрьских событий.

Вставка № 12

В статье 1108 г. два события датированы одним и тем же днем 11 июля, но оба известия разъединены майскими сообщениями. Отсюда и заключаем о наличии вставки.

Вставка № 13

Под 1113 г. о событии 14 сентября сказано перед известием о событии 11 сентября. Затем сказано о вокняжении Ярополка Владимировича в Переяславле, хотя это могло произойти лишь в следующем, 1114 г., когда 16 марта умер Святослав Владимирович, переяславский князь. Следовательно, сообщение о Ярополке вставлено редактором по памяти.

Итак, благодаря хронологическим противоречиям выявляются следы восьми вставок (№ 6–13). Обратимся ко второй разновидности следов редакционной переработки. В том случае, если они будут встречаться в тех же текстах, что и следы первой разновидности, номера вставок будут указываться прежние, а при появлении таких следов в остальных текстах вставки будут соответственно получать новые номера.

Вторая разновидность следов редакционной переработки

Редакторские вставки привели и к появлению повторных сообщений об одном и том же событии.

И самое интересное, что далеко не всегда одно сообщение точно повторяет другое. В двух сообщениях об одном событии встречаемся с различной трактовкой этого события, с двумя противоположными его версиями. Так, например, в статье 1096 г. дважды сказано о приходе Олега Святославича под Смоленск из Стародуба.

Вставка № 14

АВТОР	РЕДАКТОР
«Олег же выйде и-Стародуба и приде Смолинську, и не прияша его смолняне, и иде к Рязаню».	«Олег пришедь Смолинску и поим вои, поиде к Мурому...».

В авторском тексте сказано, что смолняне не приняли Олега и он пошел к Рязани. В редакторском тексте, наоборот, говорится об успешном наборе Олегом воинов, чего не могло быть, если бы смолняне «не приняли» его. По редакторской версии Олег идет не к Рязани, а в Муром. Повторность и противоречивость обоих сообщений свидетельствуют о наличии вставки.

Вставка № 15

В статье 1097 г. рассказано о событиях 1097–1100 г. Эта хронологическая ошибка не свойственна остальным статьям и позволяет говорить о наличии вставки в этой статье. В статьях 1098–1100 гг. повторно сообщается о некоторых из тех событий, о которых сказано под 1097 г. При этом, переписав сообщение о мире у Городца под 1098 г., автор статьи 1097 г. замечает: «яко же и в прежнее лѣто сказахъ». Ясно, что сообщение о Городце под 1097 г. принадлежит одному летописцу-редактору, а сообщение под 1098 г. (1099–1100) принадлежит автору. В повторном сообщении редактора под 1097 г. о съезде князей в Уветичах в 1100 г. несколько по-иному сказано о результатах съезда, чем в авторском тексте под 1100 г. Давиду дается Дорогобуж (1097), а не Божск (1100). Дорогобуж Давид получил от трех князей (1097), а не от одного Святополка (1100), на съезде (1097), а не после него (1100). Святополк обвиняется в самовольной передаче Владимира-Волынского своему сыну (1097 – «А Святополкъ перея

Володимерь, и посади в нем сына своего Ярослава»), а в статье 1100 г. этого обвинения нет, скорее говорится о щедрости Святополка, передавшего Давиду Дорогобуж вместо Божска. Все эти противоречия между статьей 1097 г. и статьями 1098–1100 гг. позволяют считать, что в статье 1097 г. имеется вставка.

Вставка № 10 (см. с. 56)

В статьях 1103 и 1111 гг. имеется необычайно сходное описание двух княжеских съездов этих лет. Эта повторность описаний свидетельствует о дублировании одного текста другим, но каким именно, мы пока не знаем. Наличие в статье 1103 г. хронологического противоречия (см. с. 56) позволяет отнести дублирующую вставку к тексту именно этой статьи.

Вставка № 16

В тексте под 1115 г. имеются целых два повтора, по два раза говорится об освящении церкви и перенесении мощей Бориса и Глеба.

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ	ВТОРОЕ УПОМИНАНИЕ
1. «Первое же освятиша церковь камяную, мая въ 1 день, [2.] наутрия же въ 2 день перенесоша святая».	1. «И освятиша церковь каменую». 2. «Принесена же бысть святая мученика, мая въ второй день, из деревяной церкви в каменую Вышегородъ».

Во втором упоминании перенесения мощей добавлено сообщение о деревянной церкви, словом, а не цифрой, как в первом упоминании, обозначен день.

Третья разновидность следов редакционной переработки

Для выявления этой разновидности следов редакционной переработки имеет большое значение факт использования автором

«Повести временных лет» Хронографа. Факт этот установлен выше при выявлении первой вставки и подтвержден при сравнении сведений автора и редактора о Руси и об угрох. Теперь наше внимание привлекает еще одна цитата из Хронографа. Приведя эту цитату в статье 1065 г., автор затем несколько раз ссылается на ее текст, пересказывает ее, доказывает правильность ее слов.

В цитате описаны различные небесные «знамения» в древнем мире и сказано, что эти знамения бывают лишь «на зло» людям. Предзнаменования бывают только плохие, хороших же не бывает. Например, в 1063 г. воды Волхова пошли «вспять», и летописец понимает это как предзнаменование набега Всеслава на Новгород и его сожжения: «Се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ»¹¹. В 1091 г. во время охоты Всеволода Ярославича «спаде превеликъ змий отъ небесе», и «земля стукну», и «волхвъ явися Ростовѣ»; а в следующем году над Полоцком появились невидимые небесные всадники и... в 1093 г. князь Всеволод умер. Точно так же после солнечных затмений в 1113 и 1115 гг. умирают Святополк Изяславич и Олег Святославич.

Но быть может, эта последовательность не воспринималась летописцем как закономерная? Нет, автор «Повести временных лет» сам пишет под 1113 г., после известия о солнечном затмении, что это «знаменье въ солнцѣ» «проявляше Святополчю смерть»¹². И приводит перед этим ссылку как раз на свою цитату из Хронографа, кратко ее пересказывая. Та же цитата пересказана и под 1092 г., только этот пересказ выдан за описание полоцкого знамения. Приведем тексты 1063, 1065, 1091, 1092, 1113, 1115 гг. для установления их принадлежности одному летописцу, причем тому самому, который пользовался Хронографом, а не Хроникой Амартола, то есть автору «Повести временных лет». [См. текст в рамке на с. 60–61. — Прим. ред. изд.]

Итак, все эти тексты основаны на одном убеждении, что бывают только дурные предзнаменования, что «знамения» бывают только «на зло». Источником этого убеждения послужил Хронограф¹³. Приведенные истолкования знамений доходят до статьи

¹¹ ПВЛ, г. 1063, с. 109.

¹² ПВЛ, г. 1113, с. 196.

¹³ Летописец Еллинский и Римский, с. 203–204. Корректурные листы издания, подготовленного А.С. Орловым, хранящиеся в ИРЛИ под № 99 1/161. Этот летописец восходит к Хронографу. {См. издание: Летописец Еллинский и Римский. Т. 1–2. СПб., 1999–2001. — Прим. ред.} См. подробнее *Истрин В.М.* Книги времени-

1063 г.

«В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5. Се же знаменье не на добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ».

ПВЛ, г. 1063, с. 109.

1091 г.

«В се же лѣто бысть знаменье в солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть...».

ПВЛ, г. 1091, с. 141.

1092 г.

«...яко челоувѣци рищюше бѣси... По семь же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта...».

ПВЛ, г. 1092, с. 141.

1113 г.

«Бысть знаменье въ солнци... остася солнца мало, акы мѣсяца доловъ рогама... Се же бывають знаменья не на добро; бывають знаменья в солнци и в лунѣ или звѣздами не по всей землѣ, но в которой любо землѣ аще будетъ знаменье, то та земля и видить... Тако се древле, во дни Онтиховы быша знаменья в Ерусалимѣ, ключися являтися на въздуси на конихъ рыщюше во оружьи, и оружьемъ двизанье... Яко жь бысть знаменье в солнцѣ, проявляше Святополчю смерть».

ПВЛ, г. 1113, с. 196.

1115 г., после которой начинается исключительно редакторский текст «Повести временных лет», и принадлежат автору этого произведения. Именно до статьи 1115 г. доходят и следы редакционных переделок – повторность сообщений обнаружена в самой статье 1115 г. Следовательно, и следы авторского текста, и следы его редакционной переработки обрываются на одной и той же статье, после которой идет уже чисто редакторский текст.

Дата первой редакции

Это и позволяет установить дату первой авторской редакции «Повести временных лет». Это – 1115 г.¹⁴ Статья этого года

ныя и образныя... Т. II: а) Греческий текст «Продолжения Амартола»; б) Исследование. Пг., 1922. С. 377 и сл.

¹⁴ На других основаниях к этому же выводу раньше пришел Л.В. Черепнин. См. Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей своды // Исторические записки. 1948. № 25. С. 294–333.

1065 г.

«В си же времена бысть знаменья на западѣ... Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобицѣ многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляюши крови пролитье... Пред симъ же временемъ и солнце перемѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущю. Се же бывають сица знаменья не на добро... Яко же древле, ... случися внезапно по всему граду за 40 дней являтися на въздуѣ на коних рищюшимъ, въ оружьи, златы имущемъ одежа, и полкы обоя являемы, и оружьемъ двизающимся... Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ чимъ, не на благо бывають; но знаменья сица на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють».

ПВЛ, г. 1065, с. 110–111.

1115 г.

«В се же лѣто бысть знамение: погибе солнце и бысть ако мѣсяць, его же глаголють невѣгласи снѣдаемо солнце. В се же лѣто преставися Олегъ Святославичъ, мѣсяца августа в 1 день, а во второй погребенъ бысть у святого Спаса, у гроба отца своего Святослава».

ПВЛ, г. 1115, с. 200.

завершала авторский текст, который уже в 1116 г. был переписан Сильвестром, а в 1119 г. отредактирован.

Однако мы несколько отвлеклись от выявления третьей разновидности интересующих нас следов. Мы остановились на выявлении авторских следов, текстов с истолкованиями знамений. Среди них наше внимание привлекает одно сообщение о событии, описанном (повторно) и редактором. Под 1099 г. автор рассказал об убийстве сына Святополка, Мстислава, причем, верный своим убеждениям, поместил это сообщение после описания солнечного затмения, предвещающего несчастье¹⁵. Затмение было только над Владимиром, и именно в этом городе был убит Мстислав. Об этом убийстве рассказывает и редактор под 1097 г., причем очень обстоятельно и со многими подробностями. В его рассказе о событиях 1099 г. есть все, кроме упоминания затмения. На него-то редактор, бывший очевидцем событий у Владимира, и не обратил внимания. Случайна ли эта разница в описании одного и того же

¹⁵ Ипат. л., г. 1099, стб. 248.

факта? Как относился редактор к небесным знамениям? Так же, как и автор, или несколько иначе? И нет ли среди редакторских вставок описаний подобных знамений?

Оказывается, что такие описания есть.

И редактор не истолковывает эти знамения только в дурную сторону. Наоборот, он считает, что они бывают и дурные, и добрые, «ова на зло, ова ли на добро». Все зависит от того, хорошо ли помолятся люди богу, чтобы знамение случилось на добро: «И сия видящие знаменья благовѣрнии челоуѣци со въздыханьем моляхуся к богу и со слезами, дабы богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро»¹⁶.

Вставка № 9 (см. с. 55)

Следовательно, редактор не согласен с автором, он иначе осмысляет знамения. Самое интересное, что приведенные сейчас редакторские высказывания о знамениях, противоположные авторским, находятся как раз в той статье 1102 г., в которой обнаружены хронологическое и смысловое противоречия между сообщением о смерти Ярослава Ярополковича 2 августа и сообщением о его бегстве из Киева 1 октября. Поэтому мы так уверенно и называли приведенные высказывания летописца о дурных и добрых знамениях редакторскими. Следовательно, в статье 1102 г. действительно есть вставка. Ею является весь рассказ о побеге Ярослава Ярополковича 1 октября, о его пленении сыном Святополка, о приходе в Киев 20 декабря посольства новгородцев, о январских и февральских знамениях и их истолковании. После этой вставки и читается авторская запись об августовской смерти Ярослава.

Вставка № 10 (см. с. 56)

В конце своего истолкования февральского знамения редактор пишет: «На придущее лѣто вложи богъ мысль добру в русьскыѣ князи: умыслиша дерзнути на половцѣ и поити в землю ихъ, еже и бысть, яко же скажем послѣже в пришедшее лѣто». И действительно, под следующим, 1103 г., читаем рассказ о победном походе князей на половцев. Это и есть то самое событие, которое было

¹⁶ ПВЛ, г. 1102, с. 183.

предзнаменовано в феврале предыдущего года, событие, о счастливом исходе которого «человѣци со въздыханьем моляхуся к богу и со слезами». Редактор в одном схож с автором: он убежден в осуществлении всех знамений, он, как и автор, воспринимает различные небесные явления как знамения, только истолковывает их иначе, чем автор.

Итак, редактор обещает рассказать о предзнаменованном событии 1103 г. Как раз в этой статье имеются две разновидности следов его вставки: хронологическая ошибка и повторность в описании съезда князей. Теперь редактор сам указывает на текст своей вставки — ею является весь рассказ о съезде и походе князей на половцев.

Вставки № 17 и 18

А как же быть с описанием съезда князей под 1111 г., столь похожим на описание под 1103 г.? Считать его авторским? Выясняется, что и оно принадлежит редактору.

Дело в том, что описание съезда князей и их похода на половцев так же связано с предыдущей статьей 1110 г., как статья 1103 г. со статьей 1102 г. В статье 1110 г. рассказано о небесном знамении, огненном столпе, и это знамение истолковано в хорошую сторону (как и под 1102 г.), причем сказано, что оно предвещает счастливые события следующего года (как и под 1102 г.): «Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же бѣ быти, еже и бысть на 2-е бо лѣто не съ ли ангель вожь бысть на иноплеменники и супостаты...»¹⁷.

Следовательно, и описание огненного столпа, его истолкование под 1110 г., и описание похода следующего года является редакторской вставкой. Этим и объясняется, что два разных съезда князей в 1103 и 1111 гг. так похожи: они принадлежат одному летописцу, редактору «Повести временных лет».

Еще раз о переяславской копии Сильвестра

Редакторское описание огненного столпа под 1110 г. полностью сохранилось только в Ипатьевской летописи. В Лаврентьевской же летописи оно оборвано после ссылки редактора на события следующего года. После этого поврежденного места и читается

¹⁷ ПВД, г. 1100, с. 188.

знаменитая запись Сильвестра о его работе в 1116 г. над летописью. Это еще раз подтверждает, что Сильвестр составил эту запись в Переяславле около 1120 г., во время копирования редакторского текста 1119 г. «Повести временных лет». Иначе его запись прерывала бы не редакторский, а авторский текст статьи 1110 г. Между тем авторский текст этой статьи отличался от редакторского. Следы этого авторского текста сохранились в Киево-Печерском патерике, в котором рассказано о трех огненных столпах, предвещавших смерть трех печерских монахов. И характер самого знамения (огненные столпы), и характер его истолкования в дурную сторону делает это известие необычайно схожим с другими авторскими описаниями знамений и предвещенных ими событий. Это еще раз подтверждает разницу между авторскими и редакторскими взглядами на смысл знамений, которая и позволяет разделить их тексты.

Определение текста вставок № 6–19

Итак, мы рассмотрели три разновидности следов редакционных вставок и переработок. Эти следы указали нам на те статьи, в которых имеются редакторские вставки и переработки. Однако тексты этих вставок мы пока определили лишь в нескольких случаях. Остальные вставленные тексты можно определить, лишь сопоставив все выявленные их следы между собой. Кроме того, поскольку мы знаем, что в нескольких уже выявленных вставках на первый план выдвинута фигура переяславского князя Мономаха (вставки под 1103 и 1111 гг.), хотя главой князей был княживший в Киеве Святополк; что в некоторых вставках (под 1096, 1097, 1102 гг.) содержатся компрометирующие соперников Мономаха – Святополка и Олега – сведения; что в ряде вставок имеются новгородские сведения, полученные будущим редактором во время его путешествия в Новгород и Ладогу (1096, 1114) – поскольку мы все это знаем, то в сводную таблицу всех редакционных следов можно ввести и графы, позволяющие учесть все апологетические сведения о Мономахе или просто сведения о его семье, все сведения, компрометирующие его политических соперников, и новгородские сведения редактора «Повести временных лет». Таким образом, мы получим таблицу соотношения разнородных следов редакционной переработки авторского текста «Повести временных лет». Особым значком в этой таблице показана ссылка

редактора на текст статей 1103 и 1111 гг.* Таблица наглядно свидетельствует, что внутри одной и той же статьи обычно имеется несколько разнородных следов ее редакционной переработки. Порой количество этих следов доходит до пяти в пределах одной статьи. Сведений, восхваляющих Мономаха, нет за пределами тех статей, в которых имеются и другие следы их редакционной переработки, как нет за пределами этих статей и сведений, компрометирующих Святополка или Олега. Этого нельзя сказать о сведениях, касающихся членов семьи Мономаха. Эти сведения есть и в статьях со вставками, и в статьях без них. И все же между этими двумя категориями сведений о семье Мономаха наблюдается разница. Сведения в статьях со вставками обычно лишены точных месячных дат, а в сведениях статей без вставок эти даты, как правило, есть. Исключения редки в обоих случаях.

Рассмотрим теперь эту таблицу (с. 66).

Обращает на себя внимание обилие именно хронологических ошибок или противоречий, к которым привели вставки: их 10, больше, чем других следов. Это хорошо объясняет, почему редактор ошибочно датировал 1114 г. свое собственное путешествие в Новгород, хоть и хорошо помнил, что оно было за четыре года до его работы над летописью. Невниманием к хронологии объясняются и его ошибочные датировки 1117 г. событий 1118—1119 гг. Суммируя полученные данные, попробуем определить постатейные вставки, перемещения и переработки, сделанные редактором.

В статье 1094 г. он вставил сообщения о войне Мономаха с Олегом, посетовал на уже третье «наведение» поганых на Русь и сравнил ходом своего изложения половцев, приведенных Олегом, с саранчой. Здесь совершенно ясно отрицательное отношение летописца к Олегу, и если мы вспомним, что автор «Повести временных лет» относился к Олегу положительно, посчитав его смерть дурным событием (приведя описание дурного знамения перед описанием смерти Олега), то станет ясно, что сообщения о борьбе с Олегом принадлежат редактору. Это подтверждается и тем, что в последующих статьях именно редактору принадлежат подробные описания борьбы Мономаха с Олегом.

В статье 1095 г. редактору же принадлежат рассказы об изгнании Давида Святославича из Новгорода (что подтвердится ниже,

* В Таблице на с. 66 «особый значок» автора отсутствует. — *Прим. ред. изд.*

Таблица

№ п/п	№ вставок	Хронологические ошибки или противоречия	Повторы	Добрые знамения	Сведения о Мономахе или о его семье	Компрометация Святополка или Олега	Сведения о Новгороде	Количество следов в статье
1.	6	1094			1094	1094		3
2.	7	1095			1095	1095	1095	4
3.	8	1101			1101			2
4.	9	1102		1102	1102	1102	1102	5
5.	10	1103	1103		1103			3
6.	11	1106						1
7.	12	1108						1
8.	13	1113			1113		1113	3
9.	14		1096		1096	1096	1096	4
10.	15	1097	1097		1097	1097		4
11.	16		1115		1115			2
12.	17			1110	1110			2
13.	18				1111			1
14.	19	1114					1114	2
<i>Итого</i>		<i>10</i>	<i>4</i>	<i>2</i>	<i>11</i>	<i>5</i>	<i>5</i>	<i>37</i>

на с. 112), о вокняжении сына Мономаха Мстислава в Новгороде и об изгнании посадника Мономаха из Мурома.

В статье 1096 г. имеются более объективные доказательства принадлежности редактору определенных текстов. Ему, как это показал еще А.А. Шахматов, принадлежит пересказ новгородской легенды со слов Гюряты Роговича. Этот пересказ разрывает текст статьи о борьбе Мономаха с Олегом. Однако, возвращаясь к этому рассказу, летописец повторяет сведения о приходе Олега к Смоленску и говорит об этом событии с иными подробностями, нежели автор-печерянин. К тому же рассказ о борьбе с Олегом во второй его части содержит такие сведения о Новгороде, что нет

никакой возможности отнести его к автору-печерянину, бывшему во время этих событий в Киеве. Таким образом и получается, что статья 1096 г. начинается с рассказа о борьбе с Олегом и кончается этим рассказом, что в этом рассказе содержатся иные сведения об Олеге по сравнению с теми, которые имеются в большом «печерском» фрагменте текста той же статьи. В этом «печерском» фрагменте как раз и содержится авторская версия прихода Олега Смоленску, отличающаяся от версии редактора. Согласно авторской версии, брат Олега находится во время прихода Олега не в Смоленске, а согласно редакторской версии, Давид Святославич в это время сидит в Смоленске. Между тем, согласно статье 1095 г., тому ее месту, которое мы отнесли к редактору, Давида изгнали из Новгорода, и он должен, соответственно, быть в Смоленске, своей отчине. Ниже будет показано на основании другого источника наших сведений, что прав был автор, считавший Давида бывшим в 1096 г. в Новгороде, а не в Смоленске.

Сведения Хроники Амартола в редакторском тексте статьи 1096 г.

Статья 1096 г. позволяет выделить текст редакторской вставки благодаря использованию в пределах этой вставки Хроники Амартола, которой, как мы убедились при анализе вставок № 1, 2, 4 и 5, пользовался редактор «Повести временных лет». Находятся эти сведения Амартола в рассказе о кочевниках, следующем прямо после авторского описания набега половцев на Печерский монастырь. Рассказ о кочевниках непрерывен в ипатьевском тексте, а в лаврентьевском он разорван вставкой «Поучения» Мономаха, сделанной уже в XIII в. во Владимире. Этот рассказ о кочевниках основан на двух источниках: Откровении Мефодия Патарского и Хронике Амартола. Важно, что на том же самом древнерусском переводе Откровения Мефодия¹⁸ основан и текст вставки редактора о рассказе Гюряты Роговича в той же статье 1096 г. Это использование одним летописцем (редактором) одного и того же перевода Мефодия и служит первым аргументом в пользу отнесения к его же работе и всего рассказа о кочевниках.

¹⁸ Как показал П.И. Потапов – см. *Потапов П.И.* К вопросу о литературном составе летописи // Русский филологический вестник: Учебно-педагогический журнал. Варшава, 1911. Т. LXV. № 1. С. 81–110.

В этом рассказе говорится об исходе из пустыни Етравской 4-х колен Измаиловых сыновей: «Ищъли бо суть си от пустыня Етравьская, межю востокомъ и сѣвером; ищъли же суть ихъ колѣнь 4: торкмене, и печенѣзи, торци, половци...». Между тем в конце вставного редакторского рассказа о Гюряте Роговиче говорится не о 4-х, а о 8 коленах: «В же дни по сих изидуть 8 от Етравьская...» Это противоречие объясняется тем, что рассказ редактора о кочевниках основан на Мефодии Патарском и Амартоле, а слова автора о 4-х коленах, заключающие его рассказ о набеге половцев на Печерский монастырь, основаны на каких-то иных источниках. В этих источниках половцы не назывались «куманиями», между тем именно куманями называет их редактор (под 1096 г.): «А Измаиль роди 12 сына, от них же суть торкмени, и печенѣзи, и торци и кумани, рекше половци, иже исходятъ от пустынь. И по сихъ 8 колѣнь к кончинѣ вѣка изидутъ заклѣпении в горѣ Александромъ Македонскимъ нечистыя челоуѣкы» (далее и следует вставной рассказ о Гюряте Роговиче, повествующий об этих «заклепанных»).

Отметим, что оборот «кумани, рекше половци» идентичен с редакторским же подобным оборотом во вставке № 4: «придоша от скуфь, рекше от козарь», также основанном на Хронике Амартола.

Итак, Хроника Амартола действительно послужила источником для редактора и в начале «Повести временных лет», и под 1096 г. В обоих случаях цитаты или пересказы из нее находятся внутри текстов, отнесенных нами на других самостоятельных основаниях к числу вставок. Заметим, что под 1096 г. очевиден интерес редактора к личности Александра Македонского. В статье 1110 г., в рассказе об Александре Македонском, взятом из древнееврейской книги Иосиппона¹⁹ этот интерес так же заметен, а поскольку мы отнесли текст под 1110 г. об ангелах к числу вставок, то этим подтверждается и принадлежность редактору текстов под 1096 и 1110 гг.

А.А. Шахматов считал²⁰, что на Мефодия ссылаются два разных летописца — автор (первая ссылка в рассказе о кочевниках) и редактор (вторая ссылка в рассказе о Гюряте Роговиче). Основанием для мнения А.А. Шахматова послужило то, что в первом

¹⁹ *Мещерский Н.А.* К вопросу об источниках Повести временных лет // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. XIII. С. 57–65.

²⁰ *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники... С. 103 и сл.

случае упомянут просто Мефодий, а во втором – Мефодий Патарский. Шаткость этого основания очевидна. Прозвище «Патарский» могло выпасть по случайным причинам в первом случае (как это и случилось в Радзивилловской летописи и Московско-Академическом списке в рассказе о Гюряте), или же могло быть вставлено во втором случае. Мог по-разному упомянуть свой источник и один и тот же летописец, и это тем более вероятно, что в обоих случаях использован один, а не два разных перевода Мефодия, как считали раньше, и что было опровергнуто П.И. Потаповым²¹.

Статья 1097 г.

Труднее определить текст вставки в статье 1097 г. В статье рассказывается о Любечском съезде князей, об ослеплении Василька Теремовского, о последующей княжеской усобице на протяжении 1097–1100 гг. Первое, что бросается в глаза, это, казалось бы, строгое чередование фрагментов, повествующих о самом Васильке, и фрагментов с рассказами о действиях князей в связи с этим ослеплением. Возникает предположение, что фрагменты о Васильке вставлены в статью 1097 г. при редактировании ее текста. Если бы это предположение было верным, то мы смогли бы изъять из статьи фрагменты о Васильке, затем совместить оставшиеся фрагменты о князьях и получить авторский текст статьи. Однако фрагменты о князьях не совмещаются, один не продолжает другого, и отдельного текста не получается именно благодаря изъятию фрагментов о Васильке. Следовательно, текст статьи един и принадлежит одному летописцу. С другой стороны, если попробовать совместить фрагменты о Васильке, то единого текста также не получится: будут отсутствовать делающие эти фрагменты понятными тексты о князьях. Следовательно, фрагменты о Васильке не образуют отдельной «повести», как следовало бы ожидать, если бы они были из нее вставлены в летописную статью.

В чем же тогда дело? Быть может, предположение о том, что в статье 1097 г. чередуются обе разновидности фрагментов, неверно? Проверим его еще раз.

²¹ Потапов П.И. К вопросу о литературном составе...

Перечитывая всю статью снова, убеждаемся, что лишь в ее первой половине можно проследить чередование этих фрагментов. Начиная же с конца рассказа о втором мщении Василька это чередование исчезает, рассказ о Васильке переплетается с рассказом о князьях, а после битвы на Рожне Василько вообще исчезает из рассказа, и его главным героем делается сын Святополка Ярослав. Если следовать высказанному предположению о чередовании в статье 1097 г. фрагментов из летописи и из особой повести о Васильке, то весь последний фрагмент статьи надо было бы отнести не к повести, а к летописи — ведь в нем нет ни слова о Васильке. Описана борьба Давида Игоревича и Ярослава Святополковича. Но как раз в этом последнем фрагменте и сосредоточены те известия о событиях 1098—1100 гг., которые являются повторными по отношению к авторским известиям о тех же событиях в статьях 1096—1100 гг. Иными словами, редактору принадлежат те самые фрагменты о князьях, которые дублируют авторские тексты статей 1098—1100 гг. Следовательно, в статье 1097 г. редактору принадлежат и рассказы о Васильке, и рассказы о князьях. Этим и объясняется, что их тексты нельзя разъединить без ущерба для тех и других²².

²² Если бы текст под 1097 г. состоял из двух — авторского и редакторского — фрагментов, то между ними имелись бы «швы» — смысловые или грамматические. Единственное место, похожее на такой шов, имеется в начале рассказа о походе Святополка на Давида Игоревича, отделенном от слов о необходимости этого похода рассказом о Васильке. «Святополку же обьшавшюся се створити прогнати Давыда» {Ипат. л., стб. 243. — *Прим. ред.*}. Казалось бы, получается, что эти слова продолжают текст об обещании Святополка и раньше следовали после него, а не после рассказа о Васильке. Этот аргумент и приведен в пользу наличия в статье 1097 г. и авторских, и редакторских текстов (см. *Шахматов А.А.* Повесть... С. XXXI—XXXII; *Присёлков М.Д.* Летописание Западной Украины и Белоруссии // [Ленинградский государственный университет.] Ученые записки. Серия исторических наук. Л., 1941. Вып. 7. С. 6; ср. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь... С. 277 и сл.). Однако при слове «створити» имеется поясняющий его глагол «прогнати», которого не было бы, если б эта фраза раньше следовала сразу за рассказом об обещании Святополка. Во всех аналогичных случаях рядом со словом «створити» нет поясняющего его глагола. Добавим, что все эти случаи относятся к вставкам редактора, следовательно, и этот фрагмент — редакторский, а не авторский. См. под 1096 г.: «Олег же обьшася се створити». Ср. с повтором этого обещания: «Олгови же обьшавшюся ити к брату своему». Или: «Олег же обьшася тако створити». (Выстраивая свою аргументацию, М.Х. Алешковский, к сожалению, не комментирует тот факт, что пояснение «прогнати Давыда» читается только в Ипатьевской и сходных летописях, тогда как в Лаврентьевской, Радзивилловской и Московско-Академической указанных слов нет; считая Ипатьевскую лучшим списком изучаемого произведения, ученый не видел необходимости в сверке ее текста с текстами других ранних

Этим и объясняются повторы в конце статьи, где о Васильке не рассказывается. Текст статьи 1097 г. един и принадлежит редактору целиком и полностью.

Редактора звали Василием

Этот вывод позволяет определить имя редактора. Он называет себя в тексте статьи Василием, тезкой героя своего рассказа Василька Ростиславича. Если считать, что статья делится на отрывки из летописи и повести о Васильке, то Василия можно считать только автором этой гипотетической повести. Если же статья написана одним летописцем, то им был Василий. О правильности сделанного вывода говорит и такое наблюдение: статья 1097 г. начинается с осенних событий, с самого начала ноября, тогда как в других статьях известия начинаются с первой половины года или с самого его начала. Одно это уже говорит об изъятии каких-то авторских текстов. С другой стороны, предыдущая статья 1096 г. кончается текстом редакторской вставки, и в этом тексте описаны не только события конца мартовского 6604 (1096/97) г., но и начала следующего мартовского года, марта—апреля 1097 г. Поэтому начало статьи 1097 г. как бы продолжает конец рассказа 1096 г. Это и понятно. Ведь Любечский съезд 1097 г. призван был помирить тех князей, которые были замешаны в усобице 1096 — начале 1097 г.

Статья 1102 г.

В статье этого года имеются как бы два хронологических комплекса — сначала идет изложение октябрьско-февральских событий, а затем событий июньско-ноябрьских. Заканчивается статья опять августовским известием. А.А. Шахматов в свое время предположил, что первый хронологический комплекс относится к статье 1101 г. и случайно попал в текст статьи 1102 г. Отметим, что даже и в этом случае перемещение текста о событиях 1101 г. в статью

летописей. Между тем, с формальной точки зрения, чтение, присутствующее только в Ипатьевской и сходных летописях, может быть как аутентичным, так и вторичным, появившимся под пером одного из позднейших переписчиков, и очевидно, что в этом последнем случае слова об изгнании Давыда не должны учитываться в текстологическом исследовании П.В.Л. — *Прим. ред.*).

1102 г. объясняется совмещением двух источников, так как подобных перемещений, выявленных Н.Г. Бережковым, много в летописях XII в. Однако имеется возможность точно доказать, что известия первого хронологического комплекса повествуют о событиях именно 1102 г.

Об этом свидетельствует ссылка в конце первого комплекса на события «придущего лѣта», то есть на события следующего, 1103 г. Говоря о знамениях, летописец истолковывает их в добрую сторону, как доброе предвестие победы Мономаха в 1103 г. А это истолкование, во-первых, имеется под тем же 1102 г., что и описание самого затмения этого года, а во-вторых, принадлежит не автору «Повести временных лет», который считал все знамения только дурными, а редактору, точка зрения которого на те же знамения нам уже хорошо известна.

Так доказывается, что вставкой в статью 1102 г. является весь первый комплекс известий. В этих известиях летописец на стороне Мономаха против Святополка и его сына Ярослава. Политические враги Мономаха здесь фактически компрометируются, и тем самым подтверждается правильность нашей характеристики политической позиции редактора.

Статья 1102 г. позволяет ответить и на один из важных вопросов, встающих при выявлении вставок в текстах последней части «Повести временных лет». Действительно, не являются ли выявляемые вставки собственно не вставками, а просто сведениями одного из использованных автором произведения источника? Как доказать, что вставки сделаны именно редактором 1119 г., а не автором при его работе над созданием «Повести временных лет»? Ведь и сама авторская «Повесть временных лет» является таким же сводом, как и редакторский ее текст.

Если бы автор соединял два источника, то от него не ускользнула бы ни политическая, антисвятополковская и антиологовская направленность его источника, ни его совершенно иная идеологическая направленность в связи с характеристикой знамений. Автор отредактировал бы свой источник в плане своего собственного труда. Наконец, доказательством в пользу отнесения всех вставок именно к редакционной переработке 1119 г. является взаимосвязь всех выявленных вставок. Действительно, все они совершенно едины и в смысле отношения к Мономаху, и в смысле отношения к его противникам. Более того, они представляют

единый связный рассказ, по сути дела, только об одной политической борьбе вокруг власти в конце XI – начале XII вв. Если выписать все вставки, то получится нечто вроде особой Повести, настолько сюжетно все они взаимосвязаны. А так как некоторые из них, бесспорно, принадлежат редактору 1119 г., то относим к его работе и все остальные. Поэтому прав был А.А. Шахматов, который впервые открыл наличие в «Повести временных лет» вставок и отнес их не к дополнительному источнику автора, а именно к редактору, так как вставки нарушают, портят текст, придают ему иную политическую окраску, чего не было бы при составлении единого свода. У автора, конечно, были различные источники, но в том-то и заключалась его работа, чтобы создать на материале этих источников единое и цельное повествование. Кроме того, отнесение указанных текстов именно к редактору, а не к одному из источников автора является и методически более правильным. Ведь поскольку доказано, что в нашем распоряжении находится редакторский, а не авторский текст «Повести временных лет», и поскольку некоторые – и притом наиважнейшие – тексты принадлежат редактору, то естественно относить к его работе и остальные, увязываемые с ними тексты вставок.

Остальные вставки

В статье 1103 г. вставлен весь рассказ о совещании и победе князей над половцами. В статье 1106 г. из-за испорченности текста трудно определить вставку. В статье 1108 г. вставкой может быть сообщение о смерти сестры Мономаха. В статье 1110 г. редактору принадлежит весь текст о знамени в Печерском монастыре. В его основании – рассказ автора о трех столпах огненных. В статье 1111 г. редактору принадлежит весь рассказ о походе на половцев. В статье 1113 г. редактор переработал весь авторский текст, что устанавливается его сравнением с сохранившимся в «Истории Российской» В.Н. Татищева описанием тех же событий. Кроме того, он вставил сведения о сыновьях Мономаха.

В статью 1114 г. редактор вставил сведения о Новгороде и связанные с этими сведениями обширные цитаты из Хроники Иоанна Малалы и из Хроники Георгия Амартола. Поскольку нельзя доказать, взяты ли эти цитаты из самих этих Хроник или из объединившего их тексты Хронографа, следует воздержаться от

ссылки на этот пример цитирования редактором Хроники Амартола²³. Его использование этой Хроники и так достаточно ясно (см. вставки № 1, 4, 5). В статье 1115 г. авторский текст о перенесении мощей Бориса и Глеба целиком переработан, что привело к повторам и выдвигению фигуры Мономаха на первый план, хотя строителем новой церкви был его соперник Олег, сведения о котором почти не уцелели в новом тексте.

В некоторых случаях возможно не только выявление редакторских вставок, но и авторских текстов. Так, А.А. Шахматов со всеми основаниями отнес к автору тексты с точной, до часа, датировкой событий. Таких текстов в статьях 1091—1112 гг. насчитывается больше десятка, причем большинство из них связано с повседневной жизнью Печерского монастыря, что и доказывает их принадлежность автору, а не редактору «Повести временных лет» (автор был печерским черноризцем). И вот оказывается, что ни одной из таких дат с точностью до часа нет в текстах, отнесенных нами к редактору. Это лишний раз свидетельствует о правильности критериев, положенных в основу отделения редакторских текстов от авторских.

Итак, вставки отделены от авторских текстов статей 1094—1115 гг. Интересно, что тексты и редактора, и автора в большинстве случаев отличны по своему характеру друг от друга. Редакторские вставки многословны и тенденциозны, авторские тексты — кратки и внешне объективны, это типичные краткие погодные записи о событиях, смысл которых еще не до конца уяснен самой историей и автором. Редактор не сообщает о событиях, а предлагает уже цельную их интерпретацию. Ведь когда он работал, смысл этих событий десятилетней и двадцатилетней давности был им уяснен в духе мономаховской политики, которую он иногда защищает, а порой и просто воспекает.

Следы вставок и сами вставки

В своем изложении мы отделили выявление следов вставок от определения их текстов. Это ведь не одно и то же. Выявление следов вставок строится на более объективной основе учета хроно-

²³ Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники... С. 41—59, 76—77. Ср. Истрин В.М. Хронограф Ипатского списка летописи под 1114 годом // ЖМНП. СПб., 1897. Ч. СССХIV. Ноябрь. Отд. 2. С. 83—91; Он же. Книги временныя и образныя... Т. II... Пг., 1922. С. 410.

логических ошибок, смысловых противоречий, неодинаковых повторных сообщений об одном и том же событии и, наконец, различных точек зрения на смысл знамений. Для определения же текстов вставок нам пришлось в ряде случаев обратиться к сопоставлению найденных следов с характером тех сведений о Мономахе и его политических врагах, которые содержатся в соответствующих текстах. Это сопоставление хоть и достаточно убедительно, но по природе своей менее объективно. Поэтому в основу выводов надо положить только те объективные факты, учет которых позволяет говорить о наличии следов редакторской работы. Эти следы доходят до статьи 1115 г. и обрываются на ней. Статьи 1116—1117 гг. принадлежат редактору, следовательно, авторский экземпляр «Повести временных лет» кончался на статье 1115 г. и был составлен в 1115 г. Следы авторских текстов о знамениях доходят до той же статьи 1115 г. В последующих летописных статьях XII в. мы не раз можем столкнуться с описанием знамений, но ни одно из них не восходит к цитате из Хронографа, не обязательно связано с дурным истолкованием и редко предшествует какому-либо бедствию.

Итак, вывод № 1 касается времени создания «Повести временных лет». Это — 1115 г. Вывод № 2 основан на выявлении первых вставок, на цитировании автором Хронографа в рассказе о разделе земли после потопа. Использование Хронографа подтверждается и цитированием автором его текстов о знамениях. Авторский экземпляр «Повести временных лет» основан на Хронографе, а не на Хронике Амартола. Таков вывод № 2.

С этими двумя выводами и следует продолжить нашу работу по выявлению авторского текста «Повести временных лет».

Глава 4

НОВГОРОДСКАЯ РЕДАКЦИЯ АВТОРСКОГО ТЕКСТА «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Мы познакомились с редакторским текстом «Повести временных лет». Он сохранился в Ипатьевской летописи и в менее полном виде — в Лаврентьевской летописи. Авторский текст до нас не дошел. Он выявляется только в составе редакторского текста. При этом выясняются по крайней мере два факта: что этот авторский текст основывался на Хронографе и что он кончался на статье 1115 г.

Если бы в нашем распоряжении оказалась какая-нибудь другая поздняя летопись XIV–XV вв., восходящая не к редакторскому, а к авторскому тексту, мы смогли бы проверить правильность указанных двух выводов об использовании автором «Повести временных лет» Хронографа и окончании его текста на статье 1115 г.

В этой другой летописи, отличной от Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, мы не нашли бы как раз тех текстов, которые были отнесены нами к редакторским вставкам; далее, мы нашли бы в ней ряд текстов, опущенных редактором; наконец, некоторые из текстов автора, которые редактор переместил на новые места, находились бы в этой другой летописи на своих первоначальных местах. Иными словами, сравнивая текст этой летописи с текстом редактора, мы смогли бы еще ближе подойти к характеристике авторской «Повести временных лет».

Интересующая нас летопись сохранилась в Новгороде и дошла до нас в составе Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов.

Характеристика Новгородской Первой летописи

Остановимся на ее характеристике. Новгородская Первая летопись представлена двумя изводами — старшим и младшим. Старшим изводом является так называемый Синодальный список начала XIV в. (далее — Син. сп. — *Прим. ред.*), а младший представлен несколькими, в основном идентичными списками, из которых главным и самым древним является Комиссионный список XV в. (далее — Комис. сп. — *Прим. ред.*). Чисто внешним отличием обоих изводов является тот факт, что текст старшего извода сохранился только начиная с конца статьи 1016 г., тогда как в младшем изводе сохранился не только весь текст статьи этого года, но и текст всех предыдущих статей с самого начала древней летописи, с рассказа о происхождении Руси.

С другой стороны, внешнее сходство обоих изводов заключается в том, что начиная со статьи 1017 г. в них идет краткий текст, представляющий сокращение статей их киевского источника. В этом отношении оба извода отличаются от сохранившегося в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях текста «Повести временных лет». Таким образом, новгородский текст делится как бы на две части — пространную до статьи 1017 г. и краткую после этой статьи. Отличием Комис. сп. является и тот факт, что в его краткой части имеется один пространный отрывок под 1053–1074 гг., тогда как в Син. сп. краткий текст идет и под этими годами. А.А. Шахматов относил все пространные части Комис. сп. к одному киевскому источнику, к гипотетическому Начальному своду 1095 г., а краткие части Комис. сп. и весь Син. сп. — к другому киевскому источнику, к третьей редакции «Повести временных лет», то есть к ее редакторскому тексту 1119 г. (по нашей терминологии).

Соединение обоих киевских источников в составе новгородской летописи произошло, по А.А. Шахматову, в XV в., при составлении Софийского временника (так называется текст сохранившейся в Комис. сп. летописи). Составитель Софийского временника нашел (случайно!) дефектный экземпляр гипотетического Начального свода, состоявший из двух больших уже упомянутых нами отрывков (под 854–1016 и 1053–1074 гг.), и вставил их в текст имевшейся в его распоряжении новгородской владычной летописи. Эта новгородская летопись была, в свою очередь, основана на редакторском тексте «Повести временных лет». Так и получилось, что в Софийском временнике были соединены два

киевских источника – гипотетический Начальный свод и редакторский текст «Повести временных лет». Если бы это построение А.А. Шахматова было правильным, то следовало бы ожидать, что текст Софийского временника отличается от сохранившегося редакторского текста «Повести временных лет» только в той своей части, которая основана на гипотетическом Начальном своде, то есть от редакторского текста «Повести временных лет» отличаются только пространственные части Комис. сп.. Однако и краткая часть Комис. сп. под 1017–1052 гг. существенно отличается от редакторского текста «Повести временных лет». Это противоречие было замечено Д.С. Лихачёвым, который отнес к Начальному своду и весь первый краткий отрывок Комис. сп. под 1017–1052 гг. Таким образом, в науке утвердилось новое и более убедительное мнение о том, что к Начальному своду, то есть к киевскому источнику, отличающемуся от сохранившегося редакторского текста «Повести временных лет», относится весь текст Комис. сп. вплоть до статьи 1074 г., а текст после этой статьи относится уже к редакторскому тексту «Повести временных лет»¹. Однако легко показать (см. ниже), что текст этого списка (как и текст Син. сп.) и после 1074 г. точно так же отличен от редакторского текста, как и до этого года. И это не позволяет предполагать, что в основе новгородской летописи лежат два киевских источника, а не один. Что же это за киевский источник?

Соотношение Синодального и Комиссионного списков

Однако прежде чем приступить к изучению этого киевского источника новгородской летописи и его сравнению с редакторским текстом «Повести временных лет», необходимо остановиться на вопросе о соотношении обоих изводов Новгородской Первой летописи. А.А. Шахматов считал, что в основу кратких статей Комис. сп. положен даже не протограф Син. сп., а сам экземпляр дошедшего до нас списка. При этом Синодальный список, будучи положен в основу Комиссионного, был исправлен и дополнен по новгородскому владычному своду, с одной стороны, и по дефект-

¹ Лихачёв Д.С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года // Исторические записки. 1948. № 25. С. 240–265.

ному экземпляру гипотетического Начального свода — с другой². Так и образовался Софийский временник. Нас сейчас интересует только вопрос о том, каким образом текст Син. сп. был дополнен по новгородскому владычному своду. Ведь дело-то заключается в том, что и сам Син. сп. в конечном счете восходит к той самой местной владычной летописи, по которой, по мнению А.А. Шахматова, он теперь, при составлении Софийского временника, стал исправляться. Не проще ли было просто переписать в Софийский временник те части владычной летописи, которых не доставало дефектному экземпляру гипотетического Начального свода?!

Итак, в каком же соотношении находятся оба извода, Син. и Комис. списки? Утверждаем, что оба они восходят к одному и тому же местному новгородскому протографу, которым и была владычная летопись. Видно это и из того, что в обоих списках в основном встречены одни и те же сведения, только в Комис. сп. они подчас более исправны, чем в Син., и из того, что в каждом из обоих списков есть такие сведения, которых нет в другом, а это было бы невозможно, если бы Комис. сп. действительно составлялся на основе Син. (тогда бы в него перешли те сведения, которые сейчас уцелели только в Син. сп.). Оба списка сходны и тем, что одинаково отличаются от редакторского текста «Повести временных лет».

Даем список более правильных чтений Комис. сп. по тем статьям, которые имеются и в Син. сп.: под 6524 г. нет повторного чтения «и рекъ к нему», есть подробности битвы и смерти Святополка, сказано о ярославлих грамотах и приведен их текст, что соответствует смыслу вставки пространной редакции этой статьи. Под 6525 г. сказано, что Софийский собор был заложен

² Шахматов А.А. Киевский Начальный свод 1095 года // А.А. Шахматов. 1864–1920: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. (Труды Комиссии по истории Академии наук СССР. Вып. 3.) С. 127–128. В более ранней своей работе (см. *Он же*. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 390–393) ученый, наоборот, говорит именно о протографе Син. сп., а не собственно о его экземпляре. Но если бы в руках составителя Софийского временника был протограф, то есть исправный и полный текст, а не неисправный и неполный список этого текста, то есть «Повесть временных лет» в ее редакторском варианте с новгородскими сокращениями, то статьи 6524–6560 и 6582–6623 гг. совпадали бы сейчас с редакторским текстом. А они не совпадают! Поэтому, видимо, ученый и отказался от старой точки зрения вместо того, чтобы, отметив факты расхождения Син. сп. с редакторским текстом «Повести временных лет», придти к различению этого текста с тем, что положен в основу Син. сп. и всей Новгородской Первой летописи.

«в Киевѣ», а не «Кыевѣ», как в Синодальном³. Под 6528 г. «Родися у Ярослава сынъ и наречень бысть Володимирь» правильнее, чем сокращение Син. сп.: «Родися Володимирь сынъ у Ярослава». Под 6536 г. «Знамение явися на небеси змиевъ видѣ» является точно таким же сокращением, как и фраза Син. сп.: «Знамение змиево на небеси явися», так, как в «Повести временных лет» читается первоначальное сообщение: «Знаменье змиево явися на небеси, яко видѣти всей земли».

Это показывает, что у обоих списков был один протограф, а не один копировал и исправлял другой. Под 6545 г. в Син. сп. пропущено слово «сверши», что, изменив смысл сообщения, сделало его противоречащим сообщению того же списка под 6525 г. Читаем под 6545 г.: «Заложы Ярославъ город Кыевъ и церковь святыхъ Софѣя», после чего в Комис. сп. стоит «сверши». Под 6553 г. в Син. сп. неправильно датировано сообщение о пожаре деревянного Софийского собора в Новгороде. Пожар произошел в 6557 (1049) г., за год до освящения каменного собора, заложенного в 6553 г. в северной части нынешней территории Новгородского детинца, так как деревянный собор, стоявший в южной части этой территории, еще существовал. В Комис. сп. пожар верно датирован 6557 г., так как 4 марта, указанное в этой дате, приходилось на упоминающийся там же «субботный день». В Комис. сп. имеем и более правильное чтение «Заложы Володимирь святую Софѣю в Новѣгородѣ», соответствующее чтению «Повести временных лет», тогда как в Син. сп. на этот раз читается распространенная фраза: «Въ то же лѣто заложена бысть святая София Новѣгородѣ Володимиромъ князѣмъ». Подчеркнутый титул лишний раз говорит о переработанном виде этой фразы, поскольку князя называ-

³ {В данном случае нельзя сказать, что чтение Комис. сп. однозначно лучше чтения Син. сп., поскольку древнерусский синтаксис допускал как беспредложные обстоятельства места, так и предложные. Более того, конструкции без предлога («заложена бысть святая София Кыевѣ») постепенно выходили из употребления, уступая свое место аналогичным по значению конструкциям с предлогами *въ*, *на*, *къ* и т.п., а значит, Син. сп. содержит *lectio difficilior*, тогда как Комис. сп. — результат приспособления этого старого чтения к постепенно изменявшемуся узусу. К сожалению, М.Х. Алешковский не комментирует и того обстоятельства, что предлог *въ* отсутствует во втором раннем списке Новгородской Первой летописи младшего извода — Академическом. Между тем разногласия Комиссионного и Академического списков окончательно лишают нас права противопоставлять два извода Новгородской Первой летописи по точности передачи искомого текста небольшой статьи 6525 г. — *Прим. ред.*}

ются обычно просто по именам. Видимо, поздний летописец переместил под 6553 г. сообщение о пожаре, связав его с закладкой нового собора. Этот летописец работал позднее, чем автор текста статьи 6557 г. в Комис. сп., где имеется ссылка на факт 1167 г. — закладку церкви Бориса и Глеба в Детинце. Это соответствует времени работы Вояты, составившего свою летопись на основании свода 1167 г., или его продолжателей.

Под 6559 г. в Син. сп. опущено «в святѣи Софѣи, събравши епископы», имеющееся в Комис. сп. и более исправное, так, как читается и в «Повести временных лет». Под 6560 г. в Син. сп. опущено указание на то, что 4 октября приходилось на «неделю», каковой пропуск имеется и в «Повести временных лет», где, однако, нет и указания на 4 октября; следовательно, более правильное чтение Комис. сп., где есть обе даты и слова «старѣишии в Новѣгородѣ; положиша и в Новѣгородѣ въ святѣи Софѣи, юже бѣ создаль самъ», имеющиеся и в «Повести временных лет». С 6561 г. в Комис. сп. начинается текст, слово в слово совпадающий с «Повестью временных лет», и возможность сравнения появляется только с 6583 г. Первое расхождение находим под 6597 г. В Син. сп.: «томъ же лѣтѣ прѣставися» неизвестно кто, а в Комис. сп.: «Того же лѣта преставися Всеволожа дщи». Этой дочерью была Янка, которая упоминается в обоих списках под следующим 6598 г. Выражение «Всеволожа дщи» имеется в «Повести временных лет» и взято составителем текста Комис. сп. из своего источника. Вот здесь и обнаруживается, что в распоряжении составителя Син. сп. был тот же источник с аналогичной ошибкой, что и в распоряжении составителя текста, теперь читающегося в Комис. сп. Заметив ошибку, составитель Син. сп. сделал пропуск; если бы он имел текст «Повести временных лет», то исправил бы эту ошибку, вставив вместо «Всеволожей дщи» митрополита Иоанна II (пропуск придал фразе более правильный вид, так как «томъ же лѣтѣ прѣставися» может относиться к Иоанну). Под 6605 г. в Комис. сп. более правильно «Илькину чадь» вместо «Книну чядь», так как речь идет об Итларе. Под 6612 г. в Син. сп. неправильно «сурьскыи» вместо «рускыи». Под 6619 г. в Син. сп. неправильно «Суртовъ» вместо «Сугровъ».

Итак, все указанные пропуски и ошибки Син. сп. не позволяют признать, что они были исправлены составителем Комис. сп. Считаем, что имелся общий протограф, который был переписан

с ошибками и пропусками более небрежным составителем Син. сп. Это видно и из того, что в этом списке имеются излишние, по сравнению с Комис. сп., сведения. Так, под 6547 г. сказано об освящении Десятинной церкви в Киеве «Володимиромъ», тогда как освящена она была митрополитом Феопемптом, а построена Владимиром, о чем известно из правильной записи «Повести временных лет», имевшейся, следовательно, и в протографе Комис. сп., но не попавшей в него. Ошибка составителя Син. сп., как видим, типична для него, и если бы составитель Комис. сп. положил в основу его текст, то включил бы и это сообщение в исправленном виде. Под 6550 г. в Син. сп. сказано о походе Владимира на емь, под 6551 г. — о походе Владимира на греков, под 6552 г. — о перезахоронении Ярополка и Олега. Все три сообщения сокращают соответствующий текст «Повести временных лет» и отсутствуют в Комис. сп. Под 6558 г. сказано о рождении Святополка Изяславича, чего нет ни в «Повести», ни в Комис. сп., следовательно, протограф Син. сп. представлял летопись, из которой это сообщение еще не было изъято, а составителя Комис. сп. оно не заинтересовало. Запомним этот факт. Точно таков же характер упоминания Мстислава Святополковича под 6601 (1093) г. в битве при «Трьполи», тогда как в «Повести временных лет» этого упоминания нет.

Итак, составитель Комис. сп. не перенес указанных сообщений Син. сп., так как переписывал общий протограф, в котором были и другие сведения, им переписанные, но отсутствующие в Син. сп. Это сообщение о походе Ярослава на Литву и о закладке Новгорода под 6552 (1044) г., о походе на мазовшан под 6555 г., смерти Ярославлей княгини и освящении новгородского Софийского собора. Часть этих сообщений есть в «Повести временных лет», часть — отсутствует.

Итак, все три группы сведений позволяют считать, что у обоих списков был общий протограф; этот протограф с разной степенью аккуратности и по-разному был списан составителями обоих списков.

Син. сп. был уличанской летописью, прервавшейся на 1352 г. В этом году в Новгороде была сильнейшая эпидемия: «множество бесчислено людий добрых помре тогда». Но запись об этой эпидемии находим лишь в Комис. сп. Последним сообщением Син. сп. является рассказ о смерти владыки Василия, умершего 3 июля по дороге из Пскова в Новгород. Эпидемия началась «от госпо-

жина дни» и продолжалась до Пасхи. Не в эту ли эпидемию умер последний автор Син. сп.? В конце Син. сп. имеется несколько приписок, сделанных сначала той же рукой, что и последние тексты (6841), а затем иной рукой. Все приписки касаются Юрьева монастыря.

Приводя тот факт, что первая из этих приписок пропущена в Комис. сп., а три другие переданы с незначительными сокращениями, А.А. Шахматов писал: «Точное воспроизведение монастырских приписок 1337 и 1345 года свидетельствует о том, что в распоряжении редактора оригинала списков КАТ или точнее — протографа этого оригинала был именно Синодальный список»⁴, а не его протограф. Однако, списывая Син. сп., составитель Комис. сп. излагает события 1352 г. по-своему, упоминая не только день погребения владыки Василия, но и день, и час его смерти и т.д. Отсюда заключаем, что запись в Комис. сп. имеет самостоятельный характер, сделана не по Син. сп. и в этом отношении не отличается от тех записей XI — начала XII в., которые мы сравнивали. Этого сравнения достаточно для сделанных выводов о соотношении обоих списков.

Одним из важных отличий Комис. сп. является наличие в нем отсутствующего в Син. сп. большого отрывка пространных статей под 1053—1074 гг. Этот отрывок А.А. Шахматов относил к Начальному своду, однако он не отличается от редакторского текста «Повести временных лет» и, как покажем ниже, содержит сведения, впервые появившиеся в этом редакторском тексте в 1119 г., что и позволяет относить его включение в Новгородскую Первую летопись младшего извода только в XV в. при ее составлении. В новгородской летописи XII в. его еще не было.

Важным вопросом соотношения обоих изводов является и вопрос о том, каким был текст несохранившейся начальной части Син. сп.⁵ А.А. Шахматов считал, что он отличался от соответствующих пространных статей начальной части Комис. сп. Считаем очень убедительными доказательства Д.С. Лихачёва в пользу того, что начальные части обоих списков не отличались друг от друга⁶.

⁴ Шахматов А.А. Киевский Начальный свод... С. 127—128.

⁵ История постановки этого вопроса лучше всего представлена в работе И.П. Сенигова: см. *Сенигов И.П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода*. СПб, 1885.

⁶ Лихачёв Д.С. «Софийский временник»... С. 263 и сл.

В пользу этого говорит равный объем этих двух частей. Об этом же свидетельствует и тот небольшой отрывок заключительной части статьи 1016 г., который сохранился в Син. сп.. Он представляет собой соответствующий текст Комис. сп., но только несколько сокращенный, то есть находится в таком же соотношении с текстом Комис. сп., что и весь остальной текст Син. сп. В то же время он достаточно пространен, что и объясняет равенство объема начальной части Син. сп. сохранившемуся тексту начальной части Комис. сп. Видимо, несохранившаяся часть Син. сп. была сходна с той частью Троицкого списка Новгородской Первой летописи младшего извода, который дошел до нас. Показательно, что Троицкий список является как бы дополнением к Син.сп., поскольку в Троицком списке сохранился как раз тот самый начальный текст до статьи 1015 г., который отсутствует в Син. сп. Не восходят ли оба списка – Троицкий и Синодальный – в конечном счете к одному и тому же протографу, который представлял собой летопись с пространными статьями до 1016 г. и краткими после него? К вопросу об этой летописи мы еще вернемся, а сейчас продолжим изучение Новгородской Первой летописи. Выше, в начале этой главы, было сказано, что в основе интересующей нас летописи лежит один киевский источник, основанный на Хронографе и заканчивающийся на статье 1115 г. Как это выясняется? Обратимся к тексту Новгородской Первой летописи.

Киевский источник Новгородской летописи

Текст ее начинается с заголовка, из которого узнаем, что составлена эта летопись в Новгороде. Поэтому и названа она Софийским временником, по имени главной новгородской святыни – Софийского собора. Новгородский летописец поставил в заголовке на первое место имя своего города и только затем упомянул Киев. Поэтому, читая следующее за заголовком предисловие, мы ожидаем, что и оно составлено новгородцем. Однако, прочитав его, убеждаемся, что автором предисловия был киевлянин⁷. В нем рассказано о происхождении не Новгорода, а Киева. Автор хорошо ориентируется в киевской топографии, упоминает киевские «зла-

⁷ Шахматов А.А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС. СПб., 1908. Т. XIII. Кн. 1. С. 213–270.

товершие каменнозданные» церкви. По летописям известно лишь о двух киевских златоверхих соборах, о Софийском соборе XI в. и Михайловском соборе 1108 г., построенном по заказу Святополка Изяславича⁸. «Златоверхость» была в XI–XII вв. большой редкостью, неслучайно поэтому имя «златоверхого» удержалось только за Михайловским собором 1108 г. Следовательно, киевский автор предисловия, сохранившегося в Новгородской летописи, работал после 1108 г...

Вернемся к предисловию. В нем, как и следовало ожидать, ни слова не говорится о происхождении Новгородской земли. И далее, в первой статье, следующей за предисловием, говорится не о начале Новгородской земли, как значится в позднем новгородском заголовке, а о всей Русской земле.

Итак, перед нами текст какой-то киевской летописи, переписанный для Новгорода, получивший здесь другое местное значение и несколько переделанный. Этих переделок мы пока касаться не будем, а попробуем установить, до какого года была доведена эта киевская летопись и использовала ли она Хронограф.

На какой статье кончался киевский источник новгородской летописи?

Ответить на этот вопрос можно, если проследить, до какой статьи новгородской летописи доходят цитаты из ее киевского источника. Оказывается, что эти цитаты обрываются на 1115 г., то есть как раз там, где кончалась и авторская «Повесть временных лет». Следовательно, киевлянин, сочинивший предисловие к своей летописи, действительно работал после 1108 г. Следовательно, авторский текст «Повести временных лет» найден, правда, не в составе киевской летописи и не в своем первоначальном виде, но ведь и любая другая летопись XI–XII вв. дошла до нас только в составе более поздних летописей, составленных далеко от места создания летописей XI–XII вв.

Сделанный вывод столь важен, что надо ближе познакомиться с тем, как доказывается факт окончания киевского источника новгородской летописи на статье 1115 г. В свое время А.А. Шахматов заметил, что «в начале годовой статьи (Софийского

⁸ ПВЛ, г. 1108, с. 187.

временника. — М.А.) излагаются события новгородские, а уже за ними новгородские», а «начиная с 1115 года всюду на первом месте оказываются новгородские события. В связи с этим стоит и то, что, в сущности, по содержанию своему ни одно из известий позже 1115 г. не предполагает наличия новгородского источника»⁹. И действительно, после 1115 г. из текста новгородской летописи исчезают сообщения о Киеве или южной Руси. В частности, в статьях 1116—1117 гг. нет ни одного такого сообщения. Все известия статей 1116—1117 гг. являются по своему происхождению новгородскими и не зависят от текстов этих статей в редакторском тексте «Повести временных лет». Даже в том случае, если и новгородец, и киевский редактор говорят об одних и тех же фактах, их сообщения отличны друг от друга. Так, новгородец датирует закладку каменной Ладogi и расширение Детинца 1116 г., а киевский редактор — 1114 г. Новгородец называет точную дневную дату похода Мстислава на Чудь (праздник 40 святых), а киевлянин этой даты не знает. Наоборот, новгородец не знает, что его князь Мстислав пошел не просто в Киев в 1117 г., а в Белгород, что известно киевлянину. Самое интересное, что именно с 1117 г. в новгородской летописи впервые появляются датировки с точностью до часа дня, что свидетельствует о том, что уже в 1117 г. велась погодная летопись, продолжившая текст киевского источника, дошедшего до статьи 1115 г.

Но дело не только в этом. Дело заключается и в том, что датировки с точностью до часа, как это показал А.А. Шахматов, характерны для автора «Повести временных лет», и поэтому появление таких датировок в новгородском тексте именно с 1117 г., когда еще не было редакторского текста, а летопись Новгорода, основанная на «Повести временных лет» уже велась, показывает, что эта новгородская летопись была основана именно на авторском тексте «Повести временных лет». В 1117 г. редакторский текст еще не был создан, а его будущий редактор только вернулся из Новгорода. Не он ли и привез в Новгород список авторского текста в 1116 г. для местного князя Мстислава, сына Мономаха? И не вернулся ли он в Киев вместе с Мстиславом в начале 1117 г.? Этого мы не знаем. Историки лишь высказывают догадки о связи редактора с Мстиславом, а некоторые из них даже отождествляют Мстислава с этим редактором¹⁰.

⁹ Шахматов А.А. Разыскания... С. 204—205.

¹⁰ Присёлков М.Д. История русского летописания... С. 44.

Однако редактора звали Василием, он включил в «Повесть временных лет» сведения о своем Андреевском монастыре и сведения о варяжском происхождении Руси, которые одинаково были интересны и лестны Мстиславу, связанному родственными узами (посредством своего первого брака) со шведской знатью и покровительствовавшему Андреевскому монастырю, в котором, в частности, были погребены его бабка, жена Всеволода Ярославича, его тетка, сестра Мономаха, и другие родственники. Поэтому мы можем лишь отметить необычайно точное совпадение времени пребывания будущего редактора «Повести временных лет» в Новгороде с появлением в этом городе копии авторского текста и составлением для новгородского князя местной летописи. Эта местная летопись основана на «Повести временных лет» и впоследствии продолжается новгородскими записями. В этом отношении она не отличается от остальных русских городских летописей того времени, в начале которых также помещена «Повесть временных лет», только не авторский, а редакторский ее текст.

Эта новгородская летопись 1116–1117 гг. получила в науке наименование свода Всеволода¹¹. Всеволод был сыном Мстислава и правил с 1117 г. в Новгороде, сменив отца. В это время он был еще молод, и вряд ли ему принадлежит инициатива создания местного свода, основанного на «Повести временных лет».

Поэтому правильнее было бы называть этот свод именем Мстислава, интерес которого к летописанию сейчас общепризнан, но во избежание путаницы мы и впредь будем называть этот свод именем Всеволода.

Киевский источник свода Всеволода был основан на Хронографе

Первой хронологической датой свода Всеволода является 6362 г. Это дата воцарения императора Михаила, взятая из того самого Хронографа, из которого автор «Повести временных лет» взял краткий рассказ о разделе земли между сыновьями Ноя после Всемирного потопа¹².

¹¹ Лихачёв Д. С. «Софийский временник»...

¹² Шахматов А. А. Разыскания... С. 98.

Следовательно, автор киевского источника новгородского свода пользовался Хронографом. Отсюда вторично заключаем, что этим киевским источником является авторская «Повесть временных лет».

Редактор, как мы уже знаем, пользовался Хроникой Амартола, а в редакторском тексте первой хронологической датой является не 6362 г., а 6360 г. Летописцы почему-то связывали начало Русской земли с первым годом царствования Михаила. Дело, видимо, в том, что в этот год Русь впервые вышла на арену мировой истории. Во всяком случае, так свидетельствует Хронограф, в нем под 6362 г. описан поход Руси на Византию. Под 6362 г. описан этот поход и в новгородском своде, тогда как в редакторском тексте тот же поход помещен под 6374 г. Еще раз убеждаемся в использовании автором киевского источника новгородского свода Всеволода Хронографа. В этом источнике, в авторской «Повести временных лет», мать императора ошибочно названа Ириной, а не Феодорой. Та же ошибка допущена и в Хронографе¹³.

В Хронографе имелась дата и еще одного факта, очень интересовавшего русского летописца. Это дата переложения греческих христианских книг на славянский язык. Сказание об этом переложении сохранилось только в составе редакторского текста, а в новгородском своде, основанном на авторском тексте, оно отсутствует. В редакторском тексте это сказание стоит не на своем первоначальном месте, а под 898 г., куда оно перемещено редактором из начальной «Повести временных лет». В Главе 3 мы называли это сказание легендой о Павле и показали, что после его перемещения под 898 г. в его тексте появилось хронологическое противоречие. Михаил умер в 867 г., а здесь он здравствует под 898 г. Поэтому мы предположили, что раньше эта легенда о Павле (Сказание о переложении книг) стояла в тексте первой редакции до 867 г. На каком же именно месте? Хронограф позволяет ответить на этот вопрос: он датирует переложение книг 6363 г., вторым годом царствования Михаила. Эта дата была известна автору «Повести временных лет», раз он пользовался Хронографом. О том, что он включил в свою летопись текст сказания о переложении книг, мы узнали из факта перемещения этого сказания редактором на новое место и замены его легендой о Павле. Однако этого

¹³ Шахматов А.А. Разыскания... С. 98.

текста сказания нет в новгородском своде Всеволода. Новгородский сводчик опустил этот текст.

Как новгородец сократил «Повесть временных лет»

И это не единственное и не самое большое сокращение, которому новгородец подверг начальную «Повесть временных лет». Речь идет сейчас о той повести, которой открывался киевский Летописец 1115 г., возможно, называвшийся Русским временником и впоследствии переименованный в науке в «Повесть временных лет».

Из новгородского текста выпали все рассказы о разделе земли после потопа, о расселении славян с Дуная, о быте и нраве первобытных славян. Остались лишь рассказ о Кие, Щеке и Хориве и хазарской дани, взимавшейся с полян. Читая этот сокращенный текст, можно даже подумать, что он является не сокращением, а самостоятельным текстом более древней, чем «Повесть временных лет», летописи XI в., также основанной на Хронографе¹⁴. Однако в новгородском тексте остались следы сокращения какого-то более полного текста. И этим более полным текстом была «Повесть временных лет». Для того, чтобы в этом убедиться, возьмем фрагмент этого полного текста и сравним его с результатом, получившимся от его новгородского сокращения.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ	СОКРАЩЕНИЕ
«Подем же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своих мѣстѣхъ, владѣюще кождо родом своимъ.»	«В лето 6362. Начало земли Рускои. Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ и странахъ, владѣюща кождо родомъ своимъ».
{ПВЛ, с. 12. — Прим. ред.}	{НПЛ, с. 104. — Прим. ред.}

В сокращенном тексте оказались пропущенными слова полного текста о полянах. Поэтому сокращенный текст лишен своего подлежащего. Непонятно, кто подразумевается под «кождо»¹⁵.

¹⁴ Так и считал А.А. Шахматов.

¹⁵ *Соболевский А.И.* Древняя перделка Начальной летописи // ЖМНП. СПб., 1905. Ч. CCCLVIII. Март. Отд. 2. С. 103.

Почему же новгородец сократил «Повесть временных лет»?

Пока на этот вопрос ответить нельзя.

Обратим внимание лишь на то, что сокращение начальной «Повести временных лет» не единственная переделка, которой подвергся текст киевского Летописца 1115 г.

Сокращения после статьи 1016 г. и их причины

Резко сокращены или просто опущены новгородским сводчиком Всеволода и статьи «Повести временных лет» после 1016 г. Следовательно, сокращение начального текста не является исключением из того общего правила, которым руководствовался новгородский сводчик. Непонятно лишь, почему, полностью переписав текст «Повести временных лет» до статьи 1016 г., он вдруг начал ее сокращать.

Большое значение имеет определение статьи, с которой начал свои сокращения новгородец.

Сначала может показаться, что первой сокращенной статьей была статья 1017 г.¹⁶ Она состоит из одного предложения, а предшествующая статья 1016 г. сравнительно длинна, и в ней даже находится текст той «грамоты», которую, по словам летописи, дал Ярослав новгородцам. Это — текст «Русской правды». Однако, присматриваясь к тексту статьи 1016 г., мы убеждаемся, что и «Русская правда», и рассказ о ее получении новгородцами от Ярослава после Любечской битвы 1016 г. являются вставкой местного летописца, работавшего уже после составления свода Всеволода.

Действительно, статья 1016 г. состоит из двух частей — краткой и пространной, причем в обеих частях рассказано об одном и том же событии — Любечской битве. Только в краткой части этой битве посвящены три фразы, а в пространной части о ней рассказано детально. Если удалить пространную часть, то останется краткая, очень напоминающая те самые статьи свода Всеволода после 1016 г., которые получились от сокращения его киевского источника.

В этой краткой статье свода Всеволода о бегстве Святополка сказано несколько иначе, чем в пространной части: Святополк бежит «в Ляхи» (краткая статья свода Всеволода) и «в Печенегии» (пространная вставка более позднего летописца). Приведем на-

¹⁶ Лихачёв Д. С. «Софийский временник»... С. 263.

чало статьи 1016 г., в которой сначала идет текст краткой статьи свода Всеволода, а затем текст пространной приписки.

«В лето 6524. Бысть съѣз у Любца, и одолѣ Ярославъ; а Святополкъ бѣжа в Ляхы. В Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше варягъ много, бояся рати... (далее продолжается приписка)... и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы...»¹⁷.

Итак, сводчик Всеволода начал свои сокращения со статьи 1016 г., и именно к этой статье в более позднее время была сделана обширная приписка, восстанавливающая то, что сократил сводчик Всеволода. Княжеский сводчик изъясил из статьи 1016 г. все сведения о помощи новгородцев Ярославу, а более поздний новгородец эти сведения восстановил. Почему княжескому сводчику было важно сократить эти сведения, а другому летописцу было не менее важно их восстановить? Дело в том, что среди этих сведений имелся рассказ о получении новгородцами от Ярослава «грамоты». В своей многовековой борьбе за независимость новгородцы не раз ссылались именно на какие-то «Ярославли грамоты», подтверждающие их права. В статье 1016 г. первой редакции «Повести временных лет» и рассказывалось о Ярославлей грамоте: Ярослав «давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по се грамотѣ ходите, якоже списах вамъ, такоже держите»¹⁸. Удалив весь рассказ о «Ярославлих грамотах» из статьи 1016 г., сводчик Всеволода руководствовался интересами своего князя, а не Новгорода. Более же поздний новгородец, восстановивший в местной летописи этот рассказ, наоборот, был защитником новгородских интересов. Характерно, что как раз через год-два после составления свода Всеволода в Новгороде произошло какое-то восстание бояр против внука Мономаха (1118). Мономах арестовал ряд бояр и одних затем заточил в Киеве, а других отпустил¹⁹.

Следовательно, уже в 1118 г. в отношениях князя и Новгорода существовала напряженность, приведшая впоследствии

¹⁷ НПЛ, г. 1016, с. 174–175.

¹⁸ НПЛ, с. 175–176.

¹⁹ {Имеются в виду события, описанные в обоих изводах НПЛ под 6626 г.: «Томъ же лѣтѣ приведе Володимиръ съ Мстиславомъ вся бояры новгородская Киеву, и заводи я къ честному хресту, и пусти я домовъ, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрью, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся» (НПЛ, с. 21, 204–205). — *Прим. ред.*}

к изгнанию внука Мономаха из города и окончательному установлению республиканского строя. Свидетельством этой напряженности является и факт изъятия из местной летописи рассказа о «Ярославлих грамотах», и факт их восстановления в летописном тексте. Это восстановление характерно еще и тем, что его автор ограничился одной статьей 1016 г. Остальные краткие статьи свода Всеволода восстановлены не были. Это еще раз свидетельствует о важности статьи 1016 г. для Новгорода.

Автор, ее восстановивший, работал не раньше 1136 г.

Интересно, что рассказ о «Ярославлих грамотах» выпал не только из свода Всеволода, но и из редакторского текста «Повести временных лет». Это и понятно. Ведь у сводчика Всеволода и у редактора, работавшего в 1119 г., был один заказчик — Мономах и его сын Мстислав. Одинаковое отношение обоих летописцев — и Новгородца и Киевлянина (побывавшего в Новгороде) — к рассказу о «Ярославлих грамотах» объясняется, таким образом, тем, что они оба работали на Мономаха и его семью. Этим же объясняется их одинаковое отношение и к «вопросу о происхождении Руси»: ведь в своде Всеволода, как и у редактора, утверждается, что Русь — это варяги. Этого утверждения у автора не было. Следовательно, либо это утверждение внес в новгородскую летопись сводчик полурусского-полушведа Всеволода, либо оно появилось в новгородской летописи в более позднее время на основе текстов редактора. Первый вариант соблазнителен тем, что опять устанавливает общность работы сводчика Всеволода и редактора 1119 г., их приверженность Мстиславу, их возможное знакомство друг с другом и, более того, их тождественность. Действительно, не был ли наш «сводчик Всеволода», а на самом деле Мстислава, тем самым киевлянином, который в 1116 г. побывал в Новгороде (не со списком ли «Повести временных лет»?), собирал здесь исторические предания и в 1119 г. по заказу Мономаха или Мстислава отредактировал «Повесть временных лет»? Однако высказать эту догадку можно и на том только основании, что и редактор 1119 г., и сводчик Всеволода одинаково изъяли из своих летописей рассказ о «Ярославлих грамотах». Тем более что второй вариант текстологически (а не только логически) более вероятен.

Дело в том, что оба упоминания о варяжском происхождении Руси и в редакторском тексте, и в своде Всеволода стоят на одних и тех же местах текста и абсолютно идентичны. Этой идентично-

сти не было бы, если бы сводчик Всеволода и редактор 1119 г. работали независимо друг от друга; не было бы ее и в том случае, если и сводчиком, и редактором было одно лицо — этот человек не смог бы в точности повторить свой текст, написанный за три года до того в Новгороде. Следовательно, остается предположить, что этот текст о варяжском происхождении Руси является поздней вставкой на основе редакторского текста, список которой каким-то образом попал в Новгород после 1119 г. — в XII или XIII в. Это предположение получит свое подтверждение в Главе 10. Сейчас же укажем на одно его подтверждение, связанное с нашей характеристикой свода Всеволода.

В этом своде сокращенными оказались два больших раздела текста первой редакции «Повести временных лет» — начальные рассказы о расселении народов и первых русских князьях и статьи после 1016 г. Первое сокращение привело к тому, что рассказы о Новгороде вышли на первый план. Второе сокращение, наоборот, «работает» против Новгорода. Поэтому трудно предполагать, что оба сокращения сделаны одним человеком. Поскольку же в новгородской летописи на примере статьи 1016 г. прослеживается работа летописца-республиканца, противоположная по своей направленности работе сводчика Всеволода, то возникает другое предположение: сокращения, противоположные по своей направленности, сделаны разными людьми — сводчиком Всеволода и автором приписки о «Ярославлих грамотах» под 1016 г. Этот автор, стремясь обосновать новгородскую независимость (вставка под 1016 г.), путем сокращения текста выдвинул на первый план рассказ о призвании князей самими новгородцами в IX в. (чему они подражали и в XII в.) и попытался приравнять новгородцев по их происхождению к варягам (материал для этого он нашел в тексте третьей редакции).

Работу этого автора мы разберем в Главе 10.

Сейчас же возвратимся к Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов. В ней сохранился текст свода Всеволода 1116—1117 гг. Этот текст основан на авторской «Повести временных лет». Он не полностью передает свой киевский источник, что затрудняет его сравнение с текстом редактора 1119 г., однако не делает такое сравнение невозможным. А это сравнение может дать очень важные результаты. В частности, мы можем установить, какие из текстов автора «Повести временных лет» опущены его редактором (если найдем их в своде Всеволода и не найдем

у редактора); какие из авторских текстов сокращены, а какие перемещены. Однако, прежде чем приступить к этой работе, надо сказать несколько слов о других новгородских летописях, в которых сохранились тексты свода Всеволода.

Пока мы говорили только об одной из этих летописей — о Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов.

Судьба свода Всеволода

Все остальные новгородские летописи, в которых сохранились тексты свода Всеволода, отличаются от Новгородской Первой летописи тем, что в них тексты этого свода соединены с редакторскими текстами «Повести временных лет». Произошло это соединение следующим образом.

Свод Всеволода после своего составления в 1116–1117 гг. стал пополняться ежегодными местными записями. Первое время эти записи велись не очень регулярно, что связано с частыми гражданскими волнениями в городе. Так, например, запись под 1127 г. составлена не раньше середины 1129 г., на зиму которого в ней есть ссылка. Лишь с 1130-х гг. погодные записи делаются более регулярными и ведутся, надо полагать, не при княжьем, а при владычном дворе. Владычная новгородская летопись одновременно переписывается для кончанских и уличанских церквей и для местных монастырей. Составляются новые своды и летописи, но вплоть до XIV в. в начале новгородских летописей фигурируют лишь тексты авторской «Повести временных лет» в том их виде, который они приобрели при составлении свода Всеволода. Поэтому-то тексты этого свода можно назвать самостоятельной новгородской редакцией «Повести временных лет». Это еще одна, новгородская, редакция киевской летописи 1115 г. И она положена в основу всего новгородского летописания XII–XIII вв.

Лишь к началу XV в. в Новгороде появляются летописи, в которых соединены тексты автора (по своду Всеволода) и его редактора (по московскому общерусскому своду начала XV в.). Для составления московского свода из Новгорода были взяты тексты владычной летописи и соединены с текстом летописей, основанных на редакторском тексте. Затем список этого московского свода вернулся в Новгород, и здесь из него в многочисленные местные летописи были перенесены недостающие в них тексты третьей ре-

дакции. При этом тексты редактора 1119 г. не заменили текстов, восходящих к автору, а были к ним приписаны. Этим и объясняется то, что в новгородских летописях наряду с сокращенным вариантом начальной «Повести временных лет» имеется и ее полный вариант, но уже по тексту редактора 1119 г. Это и позволяет легко отличать тексты автора и редактора друг от друга в составе этих летописей. И вот в этих-то летописях, относящихся к тому же XV в., что и младший извод Новгородской Первой летописи, иногда встречаются более полно сохранившиеся тексты свода Всеволода (а значит, и автора) — более полно, чем в Новгородской Первой летописи. Это и позволяет привлечь эти более полно сохранившиеся тексты для характеристики авторского текста и их сравнения с текстом редактора. В дальнейшем, в следующей главе, при выявлении редакторских вставок в «Повесть временных лет» на основе сравнения текстов новгородского свода Всеволода и текстов редактора по Ипатьевской и Лаврентьевской летописям, мы будем пользоваться не только Новгородской Первой летописью, но и текстами Софийской Первой и Новгородской Четвертой летописей. Надо сказать, что эти летописи (Софийская и Четвертая Новгородская) понадобятся нам главным образом для сравнения текстов после 1016 г. Это такие же сокращенные тексты, как и в Новгородской Первой летописи, но все же сокращены они не всегда столь же радикально, как в Первой летописи. Это показывает, что для характеристики сокращений, произведенных сводчиком Всеволода, нельзя ограничиваться только Первой летописью. Текст свода Всеволода сокращен больше в Первой летописи, чем в источнике Четвертой и Софийской Первой летописей. Этот факт, однако, не влияет на наш вывод о сокращении сводчиком Всеволода своего источника именно после статьи 1016 г., так как и в Софийской Первой, и в Новгородской Четвертой также сокращены статьи после 1016 г.

Новгородский источник свода Всеволода

Итак, выясняется, что свод Всеволода был основан на киевском источнике, которым была авторская «Повесть временных лет». Однако у свода Всеволода был еще один, местный источник, следы которого особенно хорошо заметны в двух местах текста свода Всеволода — под 1030–1050 гг. и под 1090–1100 гг. А.А. Шахматов

заметил, что статьи киевского источника обычно предшествуют статьям, взятым из новгородского источника, что, однако, характерно для второй группы статей под 1090–1100 гг. и не так четко прослеживается для первой группы середины XI в. Сразу же возникает вопрос, относятся ли обе группы новгородских известий к одному или двум, соответственно, разновременным местным источникам. А.А. Шахматов считал, что первая группа восходит к новгородскому своду 1050 г., к которому делались время от времени приписки в 1050–1070-х гг. На приписке 1079 г. о смерти Глеба Святославича этот памятник прерывался, как и вообще местное летописание, возрождение которого А.А. Шахматов относил только к середине 1090-х гг. Следовательно, тем самым ученый подразумевал, что вторая группа известий относится к другому местному источнику, нежели первая. Основанием для такого вывода послужило отсутствие под 1080-ми – началом 1090-х гг. местных известий, отсутствие видимых следов продолжения свода 1050 г. Однако А.А. Шахматов не обратил внимания на сохранившееся только в Новгородской Четвертой летописи известие, сходное по своей форме и содержанию с целым рядом аналогичных известий под 1050–1070 гг. Это известие сохранилось под 1095 г. Сравним его с другим известием под 1055 г.

1055 г.

«Того же лѣта клевета бысть на архиепископа Луку отъ своего холопа Дудики. И изыде из Новгорода и иде къ Киеву, и осуди и митрополить Ефремъ и пребысть тамо три лѣта».

ПСРЛ. Т. 5. Изд. 2-е. Софийская Первая летопись. Вып. 1. Л., 1925 (в дальнейшем – СПЛ), г. 1055, с. 131.

1095 г.

«Иде владыка Германъ къ Киеву и тамо преставися».

ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская Четвертая летопись. Пг., 1915, г. 1095, с. 137.

Оба сообщения принадлежат новгородцу, который, говоря о Киеве, одинаково указывает: «тамо». Следовательно, в 1095 г. в Новгороде сделана запись, по своей форме и содержанию напоминающая записи 1050–1070 гг. Отсутствие же подобных записей объясняется тем, что с 1078 и по 1095 г. в Новгороде правил Герман и новая запись сделана только в связи с его смертью, тогда

как ближайшая к ней запись 1078 г. посвящена поставлению того же самого Германа: «Поставленъ бысть архиепископомъ Новугороду Германъ»²⁰. Вот эта-то связь двух записей и позволяет предположить особый характер новгородского источника свода Всеволода. Это была, скорее всего, летопись новгородских владык, круг известий которой ограничивался сообщениями о поставлении и смерти последовательно сменявшихся владык. Герман правил с 1078 по 1095 г., и за это время в своде Всеволода отсутствуют какие-либо местные записи. Если наше предположение верно, то в своде Всеволода должны иметься аналогичные сообщения о доставлении и смерти других владык. Эти сведения имеются, и если их выбрать из текста, то они составят компактную группу однородных сведений, восходящих к предполагаемой летописи новгородских владык. Это и позволяет считать, что обе группы новгородских сведений свода Всеволода относятся к одному источнику — к летописи новгородских владык. Ее автором был тот самый летописец, который в связи со смертью в 1030 г. епископа Иоакима упоминает о его ученике Ефреме, который «ны учаше»²¹. Следовательно, автор был по своему возрасту близок к внукам Иоакима, и в 1030 г. ему было немного лет или он еще не родился. Он был еще жив в 1095 г. Не раньше этого года и была составлена летопись владык, основанная на каких-то соборных Софийских записях или на припоминаниях. О припоминаниях свидетельствует наличие в этих записях относительной хронологии (см. ниже, с. 129–152). После своего составления летопись владык стала год от года, но не всегда регулярно, с перерывами, пополняться записями и о более мелких местных событиях, нежели смерть или поставление епископа. Об этом свидетельствует наличие в своде Всеволода группы новгородских погодных записей под 1090–1100 гг. Они начинают вестись с прибытия в Новгород печерянина Никиты. Ему, видимо, и обязана своим возникновением летопись владык.

При составлении же свода Всеволода ее сведения были использованы наравне с авторской «Повестью временных лет». Из свода Всеволода или, вернее, из основанного на нем Софийского временника эти сведения впоследствии были взяты для составления списка новгородских владык. В этом списке они сохранились

²⁰ {СПЛ, с. 147. — Прим. ред.}

²¹ СПЛ, с. 126, г. 1030.

не всегда в том текстуальном виде, как в своде Всеволода, но иногда с некоторыми дополнениями.

Новгородские сведения «Повести временных лет»

Итак, сравнительно точно определилась группа тех новгородских известий свода Всеволода, которая попала в этот свод из местного источника. Ни одно из этих известий не уцелело в редакторском тексте «Повести временных лет». Однако в редакторском тексте сохранился целый ряд новгородских известий, часть которых в более полном виде сохранилась в своде Всеволода. Это и позволяет считать, что они имелись и в авторской «Повести временных лет». Эти известия касаются главным образом либо Ярослава, Изяслава и Святополка, либо враждовавших с ними полоцких князей. Подробнее познакомимся с этой группой известий в следующих главах, сейчас же важно лишь подчеркнуть, что они по своему происхождению являются не новгородскими, а киевскими. В свое время это убедительно показал Д.С. Лихачёв, отнесший их к устной летописи Вышаты, новгородского воеводы, оказавшегося в конце жизни в Киеве и сообщившего их киевскому летописцу²². Ниже текст этого летописца будет выявлен, и можно будет убедиться в правильности вывода Д.С. Лихачёва. Сейчас же можно только сказать, что эти новгородские известия столь тесно переплетены и текстуально взаимосвязаны с киевскими известиями, что невозможно предполагать вместе с А.А. Шахматовым их чисто новгородское происхождение.

Выводы

В нашем распоряжении – источники, основанные на тексте авторской «Повести временных лет». В этих источниках текст автора доходит до 1115 г. и основан на Хронографе. Этот текст сохранился не полностью, но в достаточной степени, чтобы увидеть, что на всем его протяжении в нем имеются отличия от текста редактора 1119 г.

При знакомстве с этим текстом в первую очередь бросается в глаза, что первая его половина не сокращена, а вторая половина

²² Лихачёв Д.С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Исторические записки. 1945. № 17. С. 201–224.

(после 1016 г.) сокращена и зияет пропусками. Можно даже подумать, что первая половина основана на одном источнике, а вторая — на другом, что первый источник древнее второго. Но при более внимательном рассмотрении текстов обеих половин выясняется, что и в первой половине имеются значительные сокращения начальной «Повести временных лет», и вторая половина была не столь тотально сокращена, как это может показаться при знакомстве только с Новгородской Первой летописью. В других новгородских летописях тексты второй половины в ряде случаев сохранились лучше и полнее отражают тексты свода Всеволода, а через него и автора. Единство обеих половин свода Всеволода и их восхождение к одному, а не двум источникам доказывается и тем, что и та, и другая половина отличаются от текста редактора «Повести временных лет» и восходят, поскольку они основаны на Хронографе (первая половина) и обрываются на статье 1115 г. (вторая половина), к одной и той же авторской «Повести временных лет».

Этот вывод и позволяет использовать свод Всеволода для восстановления текстов авторской «Повести временных лет» (не всех!) и вставок в них, сделанных редактором в 1119 г.

Глава 5

РЕДАКТОРСКИЕ ПРОПУСКИ, ПЕРЕМЕЩЕНИЯ, ВСТАВКИ

Итак, в нашем распоряжении оказался новый источник для выявления результатов работы киевского редактора «Повести временных лет» – новгородский свод Всеволода 1116–1117 гг. Сравнивая его текст с текстом редактора, мы сможем установить не только правильность нашего определения вставок в Главе 3, но и выявить новые, и не только вставки, но и пропуски и перемещения, если в своде Всеволода сохранились авторские тексты из числа не попавших в редакторский текст.

За основу выделения вставок или пропусков принимаем факт отсутствия или наличия соответствующих текстов в своде Всеволода или в третьей редакции. Тексты, отсутствующие в редакторской версии и встреченные в своде Всеволода, принадлежат автору «Повести временных лет». То же касается не только их содержания, но и размещения по статьям. Во всех случаях выявления редакторских вставок или перемещений мы будем в первую очередь пытаться найти объективные следы этих вставок или перемещений в самом тексте редактора и только потом сравнивать с текстом Всеволода.

Особо следует сказать о целой группе чисто новгородских сведений свода Всеволода. Они настолько компактны, что можно подумать, что они попали в этот свод не из «Повести временных лет», а из какого-то местного источника, местной летописи XI в. Однако часть этих сведений уцелела в редакторском тексте, что и дает нам право считать, что и остальная часть, сохранившаяся только в своде Всеволода, тоже читалась в авторской «Повести временных лет» (см. выше).

Выявление вставок, пропусков и перемещений следует вести с самого начала текста «Повести временных лет». Нумерация вставок продолжает принятую в Главе 3¹.

¹ Цитаты, соответственно, приводятся по редакторскому тексту «Повести временных лет» и своду Всеволода. Большинство вставок выявлено впервые А.А. Шахматовым.

Пропуск № 1

Предисловие киевского автора, сохранившееся в начале свода Всеволода, отсутствует в редакторском тексте. Это и есть первый редакторский пропуск, один из самых важных².

Вставка № 20

Это — текст о варяжском происхождении Руси, отсутствующий в своде Всеволода. Сам текст обнаруживается еще и потому, что в нем имеется своеобразный повтор: после упоминания варягов к ним присоединено еще и ненужное в обычном тексте дополнение о Руси: «...идоша за море к Варягом, к Руси», после чего следует текст вставки. В ней вновь, как и во вставке № 2, поясняется варяжское происхождение Руси: «...к Руси, сице бо звахуть ты Варягы Русь, яко се друзии зовутся Свее, друзии же Оурмани Англияне инѣи и Готе тако и си. Ркоша Русь, Чюдъ, Словенѣ, Кривичи и вся земля наша велика и обилна, а наряда въ неи нѣтъ, да поидете княжить и володѣть нами. И избърашася трие брата с роды своими и пояша по собѣ всю Русь...»³.

Как видим, эта вставка не уничтожила того упоминания Руси, которое было в тексте автора и которым здесь, как и в начале «Повести временных лет», начинался перечень восточноевропейских народов: «Ркоша, Русь, Чудь...»

Так доказывается, что под Русью автор подразумевал один из восточно-европейских народов, а не варягов.

Вставка № 21

В эту вставку входит вся хронологическая сетка 6360–6452 гг. редакторского текста, основанная на Хронике Амартола и Летописце вскоре патриарха Никифора. Хронология свода Всеволода основана на Хронографе, и ее погодная сетка начинается с 6428 г., а не с 6360-го, как в редакторском тексте. Ряд известий автора помещен и в редакторском тексте, но под другими датами. К ним прибавлено еще больше известий из Хроники Амартола,

² НПЛ, с. 103–104.

³ Ипат. л., г. 862, стб. 14.

отсутствовавших у автора. Переделка древнейшей хронологии первой «Повести временных лет» и включение ряда известий из Хроники Амартола и были сделаны редактором.

Вставка № 22

В рассказе о походе Олега на греков в 6415 г. имеется повтор⁴. Два раза сказано об одном и том же распоряжении Олега. Лишь одно из этих распоряжений сохранилось в своде Всеволода. Повторное распоряжение вместе с рассказом о договоре Олега с греками в своде отсутствует. Оба факта (повтор, обычно сопровождающий редакторские вставки, и отсутствие его в своде Всеволода) позволяют отнести к вставке рассказ о договоре Олега с греками под 6415 г.

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ

«И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривень на человекъ, а в корабли по 40 мужь».

ВТОРОЕ УПОМИНАНИЕ

«И заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом...».

В этой вставке Олег назван князем, тогда как, по автору, он был всего лишь воеводой Игоря. Это отличие еще раз показывает отсутствие в авторском тексте сведений о договоре с греками, в котором Олег назван князем.

Вставка № 23

Отсутствует в своде Всеволода и второй договор Олега с греками — его также вставил редактор.

Вставка № 24

В ту же статью 6420 г. вставлены киевская версия легенды о смерти Олега и рассказ об Апполонии Тианском по Хронике Амартола. Их нет в своде Всеволода, в котором имеется лишь ладожская версия легенды об Олеге⁵. Кстати, знакомство автора с ладожским

⁴ ПВЛ, г. 907, с. 24.

⁵ ПВЛ, с. 29–31; НПЛ, с. 108–109, г. 922.

циклом легенд подтверждает правильность нашего предположения о том, что ладожская версия легенды о Рюрике имела уже в авторском тексте «Повести временных лет».

Вставка № 25

Под 6423 г. в редакторском тексте сказано, что «Приидоша печенѣзи первое на Рускую землю...». Однако под 6476 г. и в редакторском тексте, и в своде Всеволода опять сказано о первом приходе печенегов на Русь⁶. Перед нами обычный повтор, возникающий при редакторской вставке. Повторным является сообщение под 6423 г. Оно отсутствует в своде Всеволода и вставлено редактором.

Вставка № 26

Дважды в тексте редактора повторено и заглавие погодной статьи 6453 г., и под каждым заголовком есть свой рассказ⁷. Однако лишь один из них сохранился в своде Всеволода, а другой, с текстом договора Игоря с греками, вставлен редактором. В этой вставке есть и еще один повтор, на этот раз по отношению к другой редакторской же вставке:

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ

«И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень и ...».

ПВЛ, г. 912, с. 29.

ВТОРОЕ УПОМИНАНИЕ

«Игорь же нача княжити въ Киевѣ, миръ имѣа ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень...».

ПВЛ, г. 944, с. 39.

Вставка № 27

В рассказе под 6454 г. о битве Святослава с древлянами сначала сказано о победе, а о возложении дани рассказано лишь после длинной легенды о четвертой мести Ольги древлянам⁸. В этой легенде также сказано о дани. Выходит, что имеются два рассказа

⁶ ПВЛ, г. 915, с. 31; г. 968, с. 47.

⁷ ПВЛ, с. 34 и 39.

⁸ ПВЛ, г. 946, с. 42–43.

о наложении дани на древлян после одной и той же битвы. Лишь один из них сохранился в своде Всеволода, а другой – рассказ о мести Ольги (четвертой) вставлен редактором. Этим и объясняется указанный повтор.

Вставка № 28

В статье 6479 г. также имеется повтор: сначала Святослав думает сам с собой об уходе на Русь и принимает решение, а несколько дальше в тексте опять описаны те же размышления, на этот раз совместно с дружиной. Это совещание с дружиной не свойственно Святославу и очень похоже на те совещания Мономаха с дружиной, которые описаны редактором в его вставках под 1103 и 1111 гг. И действительно, именно текста о совещании Святослава нет в своде Всеволода, как и текста следующего за этим договора с греками. Оба текста вставлены редактором, что и привело к указанному повтору.

Вставка № ?-1

В своде Всеволода отсутствует рассказ о единоборстве русского богатыря с печенегом под 6500 г. В тексте редактора, где этот рассказ есть, в нем нет никаких следов вставки. Такие следы не всегда могут и быть. Однако ведь и сводчик Всеволода мог сократить этот рассказ?! Поэтому одного факта его отсутствия в своде Всеволода мало для определенного отнесения его к числу вставок редактора.

Вставка № ?-2. Легенда о белгородском киселе

Аналогично положение и с этой вставкой. Ее текста нет в своде Всеволода, однако в том тексте, который сохранился у редактора, имеется один интересный рудимент текста, из которого этот текст попал к автору. В дальнейшем мы с этим авторским источником познакомимся подробно. Это была летопись, не разбитая на годы, и многие из начальных фраз ее рассказов содержали характерную частицу «же», как бы соединявшую новый рассказ со старым. Эта частица и сохранилась в начале легенды о белгородском киселе под 6505 г.: «Володимеру же шедшю Новугороду по верховниѣ воѣ...». Следовательно, этот рассказ сокращен сводчиком Всеволода и был у автора.

Пропуск № 2

Редактор, как и сводчик Всеволода, пропустил текст краткой «Русской Правды», вставленной в Новгородскую летопись позднее, уже после смерти Мономаха, поскольку в этой вставке имеется и текст устава Мономаха. То, что в составе «Повести временных лет» в принципе мог находиться текст юридического документа, доказывается вставками редактором текстов договоров с греками. Помимо изъятия «Русской Правды» редактор удалил из текста статьи 1016 г. и все упоминания о ней и о награде новгородцам.

Пропуск № 3

В своде Всеволода под 1017 г. сохранилось сообщение о закладке Софийского собора в Киеве и Золотых Ворот нового города Ярослава, пристроенного к более древнему городу Владимира для защиты места постройки собора⁹. Об оборонительном вале 1017 г. сообщается и в саге Эймунда¹⁰. Это сообщение, как и известие о походе Ярослава к Берестью, редактор выпустил из текста «Повести временных лет».

Перемещение № 1

Сообщение о походе к Берестью оказалось перемещено под 1022 г. О походе к Берестью 1017 г. сообщается и в польских источниках¹¹.

Интересно, что в хронике Длугоша, использовавшего русские летописи, о построении Софийского собора говорится не под 1037-й, а под 1033 и 1034 гг., причем приводятся сведения, не сохранившиеся в русском летописании¹².

⁹ НПЛ, с. 15 и 180; СПЛ, с. 88.

¹⁰ Сенковский [О.И.] (барон Брамбеус). Собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1858. С. 531.

¹¹ См. Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт анализа). М., 1957. С. 85.

¹² Шахматов А.А. Разыскания... С. 350.

Вставка № 29

В статье 1036 г. имеется хронологическое противоречие между текстом статьи и ее датой. Сказано, что во время битвы Ярослава с печенегами войска «сступишася на мѣсте иде же стоять нынѣ святая Софья, митрополья русьская: бѣ бо тогда поле внѣ града»¹³. Однако к 1036 г. строительство собора, начатое в 1017 г., уже было закончено или заканчивалось, следовательно, битва не могла произойти на этом месте, тем более что оно уже было ограждено городом Ярослава. Чем же объясняется это противоречие? Тем, что текст об этой битве вставлен редактором под 1036 г. на основе описания битвы, произошедшей в 1017 г. как раз накануне закладки собора и еще до окончания города Ярослава. Текст этого описания сохранился в своде Всеволода. Сравним текст вставки под 1036 г. и ее источника под 1017 г.

1017 г. АВТОР

«В лето 6525... Заложил Ярослав градъ великий Киевъ и Златаа Врата поставил, и церковь святая Софья заложил. Приидоша Печенѣзи к Киеву и всѣкошася в Киевъ и одва къ вечеру побѣди Ярославъ Печенѣгы, и отбѣгоша сѣдьмое и до сего дни».

ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись..., г. 1017, с. 108.

1036 г. РЕДАКТОР

«Печенѣзи приступати почаша и сступишася на мѣсте, иде же стоять нынѣ святая Софья, митрополья русьская: бѣ бо тогда поле внѣ града. И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И побѣгоша печенѣзи разно, и не вѣдяхуся, камо бѣжати, и овии бѣгающе тоняху в Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне».

ПВЛ, г. 1036, с. 101–102.

Как видим, совпадают многие детали обоих текстов, причем в авторском тексте сохранилось и упоминание о вторжении печенегов в пределы самого Киева, о чем говорится и в Эймундовой саге.

Текст указанной вставки опущен под 1017 г., перемещен под 1036 г. и является поэтому также пропуском № 3 и перемещением № 2.

¹³ ПВЛ, г. 1036, с. 102.

Пропуск № 4

Под 1018 г. редактор пропустил сообщение об уговорах Ярослава его воеводой пойти в поход на Святополка, бежавшего в Ляхи. Это и был, видимо, поход к Берестью 1017 г. Сообщение об уговорах воеводы сохранилось в Архангелогородском летописце, восходящем к новгородскому летописанию, основанному на авторской «Повести временных лет»¹⁴.

Пропуск № 5

Редактор опустил сведения о смерти новгородского посадника Коснятина Добринича: «Костянтинъ же бяше тогда въ Новѣ-городѣ, и разгнѣвася на нь великый князь Ярославъ и поточи и в Ростовъ и на 3-е лѣто повелѣ его убити в Муромѣ, на рѣцѣ на Оцѣ»¹⁵. Коснятин упоминается в другом сохранившемся у редактора месте под 1018 г., что и показывает присутствие этого текста об аресте Коснятина в авторском тексте.

Пропуск № 6

Редактор пропустил несколько фраз в описании борьбы Ярослава с Брячиславом. Фразы сохранились в своде Всеволода.

АВТОР	РЕДАКТОР
«...А Брячиславъ побѣжа к Поль-теску. И оттолѣ призва къ себѣ Брячислава и да ему два города: Въсвячъ и Видебескъ и рече ему: «Буди же со мною за одинъ». И вѣваша Брячиславъ с великимъ княземъ съ Ярославомъ вся дни живота своего».	«...а Брячиславъ бѣжа Полотьску». ПВЛ, г. 1021, с. 99.
СПЛ, г. 1021, с. 123.	

¹⁴ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подготовка к печати и ред. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950, г. 1018, с. 39.

¹⁵ СПЛ, г. 1019, с. 123.

Пропуск № 7

«И прииде къ Новугороду, собра отъ старосты и поповыи дѣтеи 300 учити книгама»¹⁶.

Пропуск № 8

«Иде великии князь Ярославъ в Новѣгородъ и посади сына своего Владимира в Новѣгородѣ и епископа постави Жирыту и людем написа грамоту, рекъ: «По сѣи грамотѣ дадите дань». И бяше хромоногъ, но умом свершень, и храборъ на рати и крестьянь, чтыше самъ книги»¹⁷.

Этот пропуск однотипен с пропуском сообщения о другой грамоте Ярослава новгородцам под 1016 г.

Вставка № 29

Вместо сообщения о «свершении» Софийского собора и города Ярослава редактор под 1037 г. написал об их закладке¹⁸. Но в таком случае нельзя было до окончания строительства учреждать митрополию. Этого противоречия не было в авторской статье 1037 г., где как раз и сообщалось об учреждении Ярославом митрополии в связи с окончанием строительства собора.

Пропуск № 9

У редактора имеются сведения о русско-польских отношениях при Ярославе, однако в своде Всеволода эти сведения сохранились более полно. Из сравнения обоих вариантов выясняется, что редактор опустил как раз те факты, которые касаются генеалогии политического соперника Мономаха Святополка Изяславича. Сравним оба варианта.

¹⁶ {СПЛ, г. 1030, с. 126. — Прим. ред.}

¹⁷ {СПЛ, г. 1036, с. 127. — Прим. ред.}

¹⁸ ПВЛ, г. 1037, с. 102.

АВТОР

«Тое же осени дасть великийи князь Ярославъ сестру свою за Казимера. И в та лѣта обидааше Моиславъ Казимира. И ходи Ярославъ двожды на Мазившаны в лодияхъ, и рече Казимиру: «Ели отецъ твои Болеславъ побѣдивъ мене и полонилъ люди моя за ся, то даи ми за вѣно. И собра Казимиръ людии его Руси полоненыхъ 800 кромѣ женъ и дѣтей и вда за вено Ярославу, шурина своему. Се же Казимеръ власть сестру свою за Изяслава, сына Ярославля».

СПЛ, г. 1042, с. 129.

РЕДАКТОР

«В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и власть Казимиръ за вѣно людей 8 сотъ, яже бѣ полонилъ Болеславъ, победив Ярослава».

ПВЛ, г. 1043, с. 104.

Пропуск № 10

В своде Всеволода сохранились и другие сведения о Святополке Изяславиче — год его рождения от брака Изяслава с польской княжной. Это — 1050 г.¹⁹

Пропуск № 11

Дата смерти жены Ярослава — 14 февраля²⁰.

Пропуск № 12

Дата смерти Владимира Ярославича — воскресенье 4 октября 1052 г. и приход в Киев трех греческих певцов со своими семьями²¹.

Пропуск № 13

После описания смерти Ярослава редактором опущены важные сведения о смоленском и новгородском княжествах: «И по семь

¹⁹ НПЛ, г. 1050, с. 16.

²⁰ СПЛ, г. 1050, с. 130.

²¹ СПЛ, г. 1052, с. 130.

разделиша Смолнескъ на три части. И прииде Изяславъ къ Киеву городу и посади Остромира в Новѣгородѣ. И иде Остромиръ с Новгородци на Чюдь. И убиша и Чюдь, и много паде с нимъ Новгородьцевъ. И паки Изяславъ иде на Чюдь и взя Осекъ Кедипивъ, сирѣчь Сльнца рука»²².

В этом пропущенном сообщении есть несколько неясностей.

Сообщение о разделе Смоленска подразумевает не факт того же 1054 г., а факт не ранее 1057 г., в котором умер Вячеслав Ярославич, после чего такой раздел и стал возможен. Однако в редакторском тексте под 1057 г. сообщается и о смерти Вячеслава, и о вокняжении в Смоленске Игоря Ярославича. Это сообщение могло появиться под 1057 г. только при условии, что предыдущее сообщение о разделе Смоленска под 1054 г. пропущено.

Вставка № 30

Поэтому и полагаем, что пропуск № 13 обусловил вставку под 1057 г. о вокняжении Игоря в Смоленске и его выводе из Владимира (без указания на то, кто его здесь заменил!).

Вставка сделана тем же редактором, что опустил сообщение о разделе Смоленска.

Сообщение о приходе Изяслава из Новгорода в Киев после смерти Ярослава также противоречиво. Этот приход описан дважды: первый приход в Киев подразумевается в тексте, где описаны слова Ярослава, обращенные к Изяславу. У редактора этот текст сохранился лучше, чем в новгородской летописи, и из него мы узнаем, что Изяслав действительно был в Киеве до смерти Ярослава во время распределения его наследства, но отсутствовал там, когда Ярослав скончался. В новгородском же тексте выходит, что Изяслав присутствовал при смерти Ярослава. Но почему же тогда отца хоронит младший Всеволод, а не старший Изяслав? На этот вопрос новгородский текст ответа не дает: он испорчен. Это искажение произошло в позднее время при переписке. Его свидетельством является и вторичное упоминание прихода Изяслава «къ Киеву городу». Подобное словоупотребление чуждо древним летописям. Киев никогда в них не называется еще и городом. Судя

²² СПЛ, г. 1054, с. 131.

по всему, в первоначальном тексте говорилось о приходе Изяслава к «Новугороду». Именно так это место и читается в большинстве списков Софийской Первой летописи. В таком случае делается понятным распоряжение Изяслава о посадении в Новгороде Остромира. Такая трактовка этого места подтверждается и тем, что мы знаем о Изяславе. У редактора сохранилось и сообщение о том, что он во время смерти Ярослава находился в своем родовом уделе в Турове, а не в Новгороде. Если бы он был в Новгороде, как следует из испорченного новгородского текста, то более важный для него и более близкий к Киеву Туров был бы утерян, перешел бы к другому сыну Ярослава. Лишь овладев Киевом, Изяслав смог присоединить и Новгород, о чем и говорится в сообщении о его приходе в Новгород и назначении Остромира. Итак, редактор пропустил сообщения, связанные с судьбой двух важнейших княжеств – Смоленска и Новгорода, и почему-то заменил сведения о разделе Смоленска сообщением о вокняжении там Игоря. Не потому ли, что в 1119 г. наследников Игоря уже не было (Давид Игоревич умер в 1112 г.) и их место занял Мономах, которому в это время и принадлежал Смоленск?

Итак, под 1054 г. рассказано о событиях и гораздо более поздних, чуть ли не до 1060 г. (крайняя дата раздела Смоленска после смерти Игоря). Это свидетельствует о том, что под 1054 г. сохранился фрагмент древнего источника автора, не разбитый на погодные записи. В этом фрагменте рассказывалось не только о событиях после 1054 г., но и о более раннем факте до 1054 г. Этот факт – завешание Ярослава (см. подробнее Главу 14).

Пропуск № 14. 1060 г.

«Того же лѣта ходи Изяславъ на Ссолы и дань даяти заповѣда 2000 гривень. Они же поручышися и изгнаша данники. На весну же пришедше, повоеваше села о Юрьевѣ и градъ и хоромы пожьгоша и много зла створиша и до Пьскова доидоша, воуююще. И идоша Пьсковичи противу имъ и Новгородци на съчю. И паде Руси 1000, а Ссоль бес числа»²³.

²³ СПЛ, г. 1060, с. 132.

Перемещение № 2

В своде Всеволода набег Всеслава описан под 1066 г., а у редактора — под 1067 г. Редактор переместил это сообщение под 1067 г. Дата свода Всеволода не может быть объяснена разницей мартовского и ультрамартовского летоисчисления, так как в этом случае и соседние даты новгородской летописи отличались бы на год от дат редактора, но они одинаковы. Подробнее об этом перемещении см. следующую главу.

Пропуск № 15

Под 1072 г. в своде Всеволода кратко сообщается о переносе мощей Бориса и Глеба «с Льга». У редактора не сказано, откуда переносятся мощи, но мы знаем, что погребены они были здесь же, в Вышгороде. Чем же в таком случае объясняется сообщение свода Всеволода? Ошибкой его составителя или переписчика или какой-то особенностью сообщения автора «Повести временных лет», которая позволила новгородцу написать о переносе мощей именно «с Льга»? Скорее всего, объяснение кроется в этом последнем предположении. Во всяком случае, и здесь важен факт какого-то вполне реального отличия текста киевского источника свода Всеволода от редакторской «Повести временных лет».

Пропуск № 16

В своде Всеволода под 1093 г., в сообщении о Трипольской битве названо имя сына Святополка Мстислава и не упомянут Мономах²⁴. В редакторском тексте, наоборот, не упомянут Мстислав, а Мономах изображен чуть ли не главным действующим лицом. Это позволяет считать, что редактор переработал текст под 1093 г., опустил сведения о Мстиславе и вставил сведения о Мономахе.

Пропуск № 17 (см. вставку № 7 на с. 54)

Под 1095 г. в своде Всеволода рассказано о вокняжении Давида Святославича в Новгороде. У редактора, наоборот, сказано об изгнании Давида из Новгорода. Это сообщение мы отнесли к вставкам (№ 7). Теперь это определение подтвердилось. Редактор действительно сделал пропуск сообщения о вокняжении

²⁴ НПЛ, г. 1093, с. 18.

Давида, заменив его сообщением о его изгнании. Эта вставка связана с другим редакторским сообщением — о пребывании Давида в 1096 г. в Смоленске. Наоборот, авторское сообщение о вокняжении Давида в Новгороде в 1095 г. согласуется с авторским же сообщением об отсутствии его в Смоленске в 1096 г. Оба сообщения о пребывании или отсутствии Давида в Смоленске в 1096 г. связаны с двумя повторными текстами о приходе Олега, брата Давида, в Смоленск. Оба текста соответственно отнесены нами к автору и редактору. Теперь это подтвердилось. Остается лишь вновь проверить, кто же из двух летописцев прав — автор или редактор. Был или не был Давид летом 1096 г. в Смоленске? Проверку помогает осуществить список новгородских князей²⁵. По этому списку Давиду на новгородском столе предшествовал и наследовал Мстислав, сын Мономаха. Последний раз Мстислав ушел из Новгорода в начале 1117 г. и правил перед этим двадцать лет. Следовательно, Давид ушел из Новгорода за двадцать лет до 1117 г., в 1097 г. В списке сказано, что в Новгороде он пробыл два года, то есть 1096—1097 гг. Следовательно, в 1096 г. он не мог быть в Смоленске, и прав автор. Наш подсчет не совсем соответствует счету списка князей, так как мы считали от начала 1117 г., когда Мстислав ушел из Новгорода, а следует считать от 1116 г., последнего полного года правления Мстислава. Тогда началом правления Давида будет не 1096, а 1095 г., под которым о нем и сообщалось в авторской «Повести временных лет». Следовательно, предшествующее ему пятилетнее пребывание Мстислава (в Новгороде. — *Прим. ред.*), о котором также говорится в списке князей, началось в 1090 г. Между тем новгородский стол освободился, судя по тексту редактора, еще в 1088 г., точнее — в конце этого года. Кто же правил в Новгороде в 1088—1090 гг.? Неожиданный ответ имеется в сообщении Ермолинской летописи под 1088 г. о вокняжении в Новгороде все того же Давида Святославича²⁶.

Вставка № 31

Откуда же могло попасть это сообщение в Ермолинскую летопись? Только из текста редактора, на котором основан текст этой

²⁵ НПЛ, г. 989, с. 161—162.

²⁶ {ПСРЛ. Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 25. — *Прим. ред.*}

летописи. Было ли это сообщение и в авторской «Повести временных лет»? Нет, не было, так как в ином случае оно отразилось бы в списке новгородских князей, составленном в Новгороде в XII в., когда там еще не было списков редакторского текста, а имелись лишь списки автора. В списке князей нет упоминания об этом первом правлении Давида в 1088–1090 гг. в Новгороде. Сведения о нем появились только под пером редактора. Так выясняется еще одна его вставка. Она связана все с теми же новгородскими интересами Мономаха и объясняет, почему в 1095 г. можно было изгнать из Новгорода Давида: оказывается, он еще с 1088 г. сидел здесь. Но это умозаключение противоречит тому, что мы знаем о пятилетнем правлении Мстислава в Новгороде в 1090–1095 гг. Видимо, редактор об этом не знал. Поэтому мы не уверены, действительно ли именно Давид сел в 1088 г. на новгородский стол, или это был еще какой-то Рюрикович. Незнание редактором важного факта из жизни Мстислава показывает, что этим редактором сам Мстислав быть не мог. Указанная вставка вновь заставляет нас подчеркнуть важность для редактора сведений о месте и времени различных, особенно новгородских княжений.

Вставка № 32

К числу вставок мы раньше отнесли и сообщение о набеге саранчи в 1094 г., описание которого воспринимается как метафора набега половцев во главе с Олегом. Этого факта, как и следовало ожидать, в своде Всеволода нет. Зато действительный набег саранчи 1095 г., описанный автором, здесь есть. Это показывает, что новгородец интересовался подобными фактами и не мог пропустить сообщение о саранче под 1094 г., если бы оно там было.

Вставки № 14, 15

В своде Всеволода сообщение об ослеплении Василька стоит перед сообщением о Кулачьской битве. Если бы новгородец пользовался редакторским текстом, то последовательность этих двух сообщений была бы обратной. Сообщение о битве предшествовало бы известию о Васильке.

Чем же объясняется новгородская «ошибка»? Тем, что после сообщения киевского источника, обычно ставившегося на первое место, идет местное сообщение о битве, хоть и состоявшейся в последний день мартовского 6604 (1096/97) г., но о которой новгородцы узнали лишь в следующем, 6605 (1097/98) г., под которым она и попала в летопись. Следовательно, рассказ об этой битве под 1096 г. действительно принадлежит редактору и отсутствовал у автора, иначе он стоял бы в новгородской летописи под 6604 г.

Вставка № 19

Сообщения о расширении Детинца и закладке Ладоги стоят в своде Всеволода не на том месте, что у редактора, о чем уже говорилось.

Итак, мы закончили определение вставок, пропусков и перемещений, произведенных редактором при переработке авторского текста «Повести временных лет». На этот раз мы воспользовались уцелевшей в Новгороде не совсем полной копией авторской «Повести временных лет», так называемым сводом Всеволода.

Все те вставки, которые были выявлены в Главе 3, здесь отсутствуют. Все те вставки, которые выявляются по своим объективным следам в тексте редактора, здесь также отсутствуют. Здесь нет и ни одного из сведений редактора, основанных на Хронике Амартола. Наоборот, здесь имеются только сведения из Хронографа. Здесь имеются в более полной форме и те известия, которые уцелели у редактора (например, сведения о русско-польских отношениях). Наконец, здесь имеются и такие сведения, которые были целиком опущены редактором. Некоторые из сведений, перемещенных редактором на новые места, здесь остались на своих первоначальных местах.

Таким образом, мы не только выявили вставки, пропуски и перемещения, но и убедились, что текст свода Всеволода на всем своем протяжении восходит к одному киевскому источнику, а этот киевский источник, обрываясь на 1115 г., систематически отличается от редакторского текста «Повести временных лет». Мы познакомились не только с этим. Мы расширили свои представления

о методах работы редактора, убедились, что его переработка коснулась не только, так сказать, крайних частей текста «Повести временных лет» — начальной и заключительной, но и средних, центральных статей. Мы убедились в особом внимании автора к новгородскому княжению и к вопросам о генеалогии Святополка, о принадлежности его семейству Новгорода в 1050-х гг., о разделе Смоленска и т.д.

В следующей главе нам предстоит вернуться к тексту редактора и почти без помощи сравнения с текстом свода Всеволода выявить еще целый ряд вставок и перемещений редактора в статьях 1060-х гг., связанных все с теми же новгородскими интересами семьи Мономаха.

Глава 6

РЕДАКТОРСКИЕ ВСТАВКИ О РОСТИСЛАВЕ И ЕГО СЕМЬЕ И ИХ ИСТОЧНИКИ

В своде Всеволода, восходящем к авторской «Повести временных лет», совершенно отсутствуют какие-либо сведения об одном из внуков Ярослава Ростиславе Владимировиче и его семье. Между тем в тексте редактора эти сведения есть, и их много. Начинаются они серией известий о Ростиславе и кончаются знаменитым рассказом об ослеплении Василька в 1097 г., вставленным редактором в «Повесть временных лет».

Сведения о Ростиславе читаются в статьях 1060-х гг., которые и должны сейчас привлечь наше внимание.

Две ошибки в одной статье

Наше внимание в первую очередь привлекают хронологические ошибки в статье 1065 г. Здесь рассказано о солнечном затмении и о комете Галлея. Однако астрономы установили, что это солнечное затмение произошло не в 1065-м, а в 1064 г., так же как и комета Галлея проходила над Русью не в 1065-м, а в 1066 г.¹

Чем же объясняется ошибка в тексте летописи? Слабостью авторской памяти или работой редактора? Тем, что автор, работавший через много десятков лет после этих событий, совместил их под одной, причем неправильной датой, или тем, что редактор, как это и бывало не раз при его работе, переместил в одну статью сведения из двух других, благодаря чему и появилась хронологи-

¹ *Святский Д.О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. С приложением таблиц для определения исторических затмений, четырех карт в красках и Канона русских солнечных затмений М.А. Вильева. Пг., 1915. С. 16, 129–130.

ческая ошибка? Оба истолкования этой ошибки одинаково недоказуемы только на основании самого факта ее наличия. Поэтому необходимо присмотреться к соседним текстам с целью поисков подобного рода фактов.

Еще одна хронологическая ошибка

Недалеко от статьи 1065 г., в начале статьи 1071 г., говорится о пророчестве волхва, пришедшего в Киев и предсказавшего, что на пятое лето Днепр потечет вспять, а Русская земля переместится местом с землей Греческой. Древние предсказания всегда туманны, быть может, поэтому они всегда и сбывались: легко было подогнать под их формулировку тот или иной факт. В частности, сбываются и все предсказания, рассеянные по страницам «Повести временных лет». Все предсказания, так сказать, «работают» на автора этого произведения. Поэтому нет никакого сомнения, что и слова волхва под 1071 г. не могли остаться без последствий, которые бы не отразились в летописном тексте. Однако таких «последствий» нет.

Пятым летом после 1071 г. был 1075 г., но в статье под этой датой нет никаких сообщений, хотя бы отдаленно похожих на сбывшееся пророчество. Нет таких сообщений и ни под одной из соседних с 1075 г. статей. И тогда у нас возникает вопрос, не перемещено ли предсказание со своего первоначального места? В таком случае надо было бы найти в «Повести временных лет»

**ПРЕДСКАЗАНИЕ
1071 г.**

«В си же времена приде волхвъ прелшень бѣсомъ; пришедь бо Киеву глаголаше, сице повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣи на Гречьской, и прочимъ землямъ изменитися».

ПВЛ, г. 1071, с. 116.

**«ПОСЛЕДСТВИЕ»
1069 г.**

«...и створиша вѣче, и послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: «...аще ли не хочета, то нам неволя: зажегше град свой, ступим въ Гречьску землю».

ПВЛ, г. 1069, с. 115–116.

текст, перекликающийся по своему содержанию с предсказанием волхва. Найдя же этот текст, следует отсчитать от статьи, в которой он найден, пять лет назад и найти таким образом первоначальное место текста о предсказании волхва. Именно такой путь и предложил А.А. Шахматов.

Искомый текст есть в «Повести временных лет», он расположен рядом с предсказанием волхва, в статье 1069 г., и в нем говорится, как и в предсказании о Греческой и Русской землях, о перемене их мест. Сравним предсказание и его «последствие».

Итак, в 1069 г., то есть, если верить предсказанию, на пятое лето после этого предсказания, в Киеве действительно произошли события, заставившие киевлян подумать об уходе в Греческую землю. Отсчитав от 1069 г. пять лет назад, получаем дату самого предсказания и, соответственно, той статьи, в которой оно первоначально было помещено, — 1064 г. Но как же быть с другой частью предсказания, со словами о течении вспять вод Днепра? Что они означали? Подобный факт, течение волховских вод вспять в 1063 г. в Новгороде, навел летописца на мысль, что это течение вспять предвещает набег Всеслава на Новгород, его пожар или, приближаясь к семантике предзнаменования, отступление новгородцев перед дружиной Всеслава (ср. отступление волховских вод). В таком случае и течение вспять Днепра есть не что иное, как метафора отступления киевских войск, их поражения. И отступление, и поражение произошли как раз накануне того года, когда киевляне решили покинуть Киев. Это было поражение в Летской битве с половцами во второй половине 1068 г. Князя отступили, бежали «вспять». Это бегство и подразумевал волхв. Если сделать отсчет пяти лет от 1068 г. по древнему образцу, включая этот год в наш отсчет, то мы получим 1064 г. как год предсказания и год статьи, в которой это предсказание первоначально помещалось.

Следовательно, это предсказание перемещено из той же самой статьи, что и солнечное затмение 1064 г. Сделав такой вывод, мы тем самым приняли одно из двух наших истолкований факта хронологической ошибки под 1065 г., произошедшей, видимо, не благодаря слабости авторской памяти, а в результате работы редактора.

И еще одна ошибка?

Итак, в статье 1071 г. редактора теперь читается известие, раньше стоявшее под 1064 г. В этой же статье 1071 г. есть еще несколько известий о волхвах, своей явной группировкой напоминающих те несколько известий о знаменях, которые хоть и случились в разное время, но собраны теперь в одну статью 1065 г. Это заставляет попытаться датировать хотя бы некоторые известия о волхвах, собранные под 1071 г. Одно из них особенно интересно, поскольку позволяет произвести передатировку, на этот раз более предположительно, чем в случае с предсказанием волхва.

Речь в этом известии идет о восстании волхва в Новгороде при князе Глебе и епископе Федоре. Князь Глеб впервые появился в Новгороде не раньше 1065 г.² и умер в 1078 г., будучи новгородским князем, а епископа Федора загрыз его собственный пес в 1077 г., следовательно, восстание могло произойти в 1065–1077 гг. Когда же? В другом, независимом от «Повести временных лет» источнике, в «Поучении» Мономаха, описывается один поход этого князя в Новгород «на весну Глѣбови в помочь»³. Поход этот состоялся на весну следующего года, после смерти отца Глеба, Святослава. Святослав умер в декабре 1076 г., следовательно, поход состоялся весной 1077 г. Следующей весной Глеб был убит в Заволочье, где не раз вспыхивали восстания и куда, видимо, откатилась от Новгорода волна более ранних восстаний. Это и дает нам право предположить, что экстренный поход Мономаха на помощь Глебу был вызван новгородским восстанием 1076–1077 гг., тем самым, что описано под 1071 г. в третьей редакции «Повести временных лет». Это описание чрезвычайно литературно и неправдоподобно. Выходит, что Глеб без всяких усилий, при помощи одной хитрости, победил волхва. Диалог с волхвом чисто литературен. На самом же деле для подавления восстания понадобилась мощная поддержка Мономаха, а сам Глеб в результате тоже был убит, да и смерть епископа в том же 1077 г., видимо, приписан-

² По Несторову житию Феодосия известно, что после смерти Ростислава (1066) тьмутараканцы послали Никона к Святославу за Глебом, а тот в это время, то есть в 1067 г., находился в Новгороде, куда попал после своего изгнания из Тьмутаракани Ростиславом.

³ {ПВЛ, с. 159. — Прим. ред.}

ная убийцами его собственному псу, тоже очень показательна для описываемых событий весны 1077 г.⁴

Предполагаем, что это восстание и описано под 1071 г. Если это предположение верно, то перед нами второе известие, неправильно датированное в редакторском тексте 1071 г.

Наконец, и третье известие, также связанное с волнениями волхвов, записанное со слов Яна Вышатича и поставленное под 1071 г., уже вызывало сомнения у историков. Дело в том, что эти волнения очень похожи на отзвуки киевского восстания 1068 г. и, скорее всего, произошли в том же году, что и киевское восстание. Во всяком случае ошибочная датировка двух фактов под 1071 г. позволяет и здесь предполагать неточность.

Еще одно перемещение из статьи 1064 г.

Итак, мы столкнулись с двумя вероятными перемещениями из статьи 1064 г. — известий о солнечном затмении и о предсказании волхва. Имеется еще один случай перемещения известия из этой же статьи.

Вставка № 33

Дело в том, что в статье 1068 г., рассказывающей о киевских событиях, давно обнаружена явная вставка в этот рассказ. Во вставке говорится о черниговских событиях, что резко контрастирует со всем рассказом о Киеве. Рассказ о Киеве еще не окончен, а начинается рассказ о Чернигове⁵. Идет и затем продолжается рассказ о сентябрьских событиях, а во вставке повествуется уже о ноябре. Эти противоречия, как мы уже знаем, обычны для текстов со вставками, но на этот раз удастся выяснить и место, с которого перемещен текст.

В статье 1064 г., уцелевшей в «Истории Российской» В.Н. Татищева, пользовавшегося рядом недошедших до нас списков «Повести временных лет», содержится описание победы Изяслава над половцами при Сновске. Это описание чрезвычайно сходно

⁴ Добавим, что если бы восстание произошло до смерти Святослава (1076), то на помощь Глебу отправился бы его отец или его дружина, а не двоюродный брат Мономах, сын тогдашнего князя Всеволода (в Киеве с 1077 г.).

⁵ Шахматов А.А. Разыскания... С. 454, 169–170.

с текстом вставки под 1068 г. Оба текста идентичны. Во вставке лишь имя Изяслава заменено именем Святослава и опущено имя половецкого князя Сокала.

АВТОР
1064 г.

«Того же лета прииде Сокал второе с половцы на Рускую землю и много поплени. Изяслав же пошел противу его. И сшедшися на Сновске ноемвриа 1 победи Изяслав, 12000 половец поби и князя их Сокала и других многих князей побил и пленил».

Татищев В. Н.
История Российская:
В 7 т. Т. 2. М.; Л., 1963, г. 1064, с. 83.

РЕДАКТОР
1068 г.

«Посемь же половецъмъ воюющимъ по землѣ Русьстѣ, Святославу сущу Черниговѣ, и половецъмъ воюющимъ около Чернигова, Святославъ же собравъ дружины нѣколико, изиде на ня ко Сновьску... И видѣвъ Святославъ множество ихъ, и рече дружинѣ своей: «Потягнѣмъ, уже намъ не лѣзъ камо ся дѣти». И уда риша в конѣ, и одолѣ Святославъ в трехъ тысячахъ, а половець бѣ 12 тысячѣ; и тако бѣеми, а дру зии потопоша въ Снови, а князя ихъ яша рукама, въ 1 день ноября. И възвратишася с побѣдоу в градъ свой Святославъ».

ПВЛ, г. 1068, с. 115.

Причина перемещений

Итак, найдено еще одно (третье) перемещение из статьи 1064 г., сделанное редактором. Остается лишь понять причину столь массовых перемещений из одной и той же статьи. Обычно такие перемещения вызывались притоком нового материала. В статье 1064 г. имеется только одно сообщение о князе Ростиславе, отсюда и заключаем, что именно это сообщение и вытеснило остальные, первоначально находившиеся здесь известия, в другие статьи. Интересно, что и под 1066 г., откуда также сделано перемещение известия о комете Галлея, также имеется только одно сообщение о Ростиславе.

Перемещение № 2 (см. с. 112)

Между тем в авторской «Повести временных лет» здесь, помимо известия о комете Галлея, читалось еще одно сообщение — о набеге Всеслава на Новгород⁶. Судим об этом по двум фактам. Во-первых, в своде Всеволода набег Всеслава описан под 1066 г., что и позволяет утверждать, что и в киевском источнике свода Всеволода он был описан под тем же годом.

Во-вторых, в редакторском тексте на своем месте сохранилось описание предзнаменования этого набега: «Се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто поуже Всеславъ градъ» (1063). Это не что иное, как первое из дурных истолкований знамений автором «Повести временных лет». Четвертым летом после 1063 г. был 1066 г. Следовательно, под ним и был описан набег Всеслава. Под пером редактора описание набега Всеслава в сокращенном виде переместилось в статью 1067 г., в ее начало, где описано начало похода князей на Всеслава. Из этого описания вытекает, что поход был начат еще в предыдущем мартовском году, поскольку уже 3 марта состоялась битва при Немиге, а перед тем были еще и осада Минска, и переход из Киева, то есть события конца мартовского 6574 (1066/67) г. И из этого описания опять вытекает, что набег Всеслава был в 1066 г.

Итак, со статьей 1066 г. произошло то же самое, что и со статьей 1064 г. — сведения о Ростиславе вытеснили остальные известия, редакторские вставки вытеснили авторские тексты.

Источник этих вставок

Откуда же почерпнул редактор сведения о Ростиславе? И здесь мы вспоминаем, что редактор был хорошо знаком с сыном Ростислава Васильком Ростиславичем и не только хорошо знаком, но и выслушивал его рассказы о себе, и не только слушал эти рассказы, но и через двадцать с лишним лет записал их в «Повесть временных лет». Это рассказы об ослеплении Василька, вставленные под 1097 г.

Но если редактор вставил одни рассказы о Васильке и если, с другой стороны, мы пришли к выводу о редакторской вставке сведений об отце Василька, то источником этих сведений не может

⁶ НПЛ, г. 1066, с. 17.

быть никто другой, кроме того же Василька Ростиславича. Все эти сведения имеют семейный характер, многие подробности могли знать только люди из ближайшего окружения Ростислава. В этом отношении интересно сообщение, сохранившееся только в «Истории Российской» В.Н. Татищева, об отказе киевского князя Изяслава отпустить сыновей Ростислава вместе с их матерью к их деду в Венгрию. Изяслав предложил жене умершего Ростислава ехать в Венгрию без сыновей⁷.

Другие сведения, полученные редактором от Василька, сохранились только в редакторском тексте — это сообщения о бегстве Володаря Ростиславича в Тьмутаракань в 1081 г., о его пленении Олегом Святославичем в 1083 г., об изгнании Ростиславичей в 1084 г. Мономахом из Владимира, о смерти Рюрика Ростиславича и войне Василька Ростиславича с поляками в 1092 г. Серия этих известий заканчивается рассказом об ослеплении Василька, уже точно записанным со слов самого сына Ростислава.

Еще одно доказательство отсутствия сведений о Ростиславе у автора

Итак, сведения о Ростиславе появились только под пером редактора, и автору они были неизвестны. Это объясняет их отсутствие в своде Всеволода, в котором обычно отсутствуют как раз те сведения, которые вставлены редактором. Но самое интересное, что они отсутствуют и в списке новгородских князей, восходящем, видимо, к авторской «Повести временных лет». В этом списке нет данных о первом княжении Давида Святославича, появившихся только у редактора (см. выше, с. 112). Нет здесь сведений и о Ростиславе. Между тем Ростислав был новгородским князем. Судим об этом по следующим фактам. Во-первых, он был сыном новгородского князя Владимира и уже поэтому мог после его смерти претендовать на новгородский стол. Владимир Ярославич умер в 1052 г. В завещании Ярослава Новгород не упомянут, как будто его судьба уже известна. Изяслав в это время сидит еще в Турове и появляется в Новгороде только после смерти Ярослава, видимо, не раньше начала 1055 г. Все эти три года Новгород не мог быть без князя, и этим князем, вероятнее всего, был Ростислав.

⁷ *Татищев В.Н.* История Российская, г. 1065, с. 83–84.

Во-вторых, под 1061 г. в Тверской летописи, тексты которой восходят одновременно к авторской и редакторской версиям «Повести временных лет», сохранилось прямое сообщение о княжении Ростислава в Новгороде, на которое не обратил внимания никто из историков: «Того же лѣта поставлень бысть Новугороду архиепископомъ Стефанъ, а въ Новѣгородѣ лѣта того еще князь Ростиславъ Владимеровичь»⁸. Видимо, Ростислав воспользовался смертью Остромира где-то в конце 1050-х гг. и при помощи новгородцев вернулся в свою «отчину». Случилось это в таком случае после похода Изяслава 1060 г. на Сысолоу.

В-третьих, в сообщении редактора под 1064 г. говорится о бегстве Ростислава из Новгорода в Тьмутаракань. Упоминание Новгорода выпало из этого текста в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, но сохранилось в других. Кроме того, факт бегства именно из Новгорода явствует и из упоминания спутника Ростислава — новгородца Вышаты, сына новгородского воеводы Остромира, и воеводы отца Ростислава, Владимира.

Итак, Ростислав княжил в Новгороде, однако в списке новгородских князей сведений об этом нет. Значит, не было их и у автора «Повести временных лет», что соответствует нашему выводу о появлении этих сведений только под пером редактора.

Выявление вставок сведений о Ростиславе было начато с замечания о том, что они совершенно отсутствуют в своде Всеволода. Казалось бы, в этом своде должны отсутствовать и сведения о комете Галлея под 1065 г. и о битве Святослава с половцами под 1068 г. или эти два факта должны стоять на своих местах — соответственно, под 1066 и 1064 гг. Однако о комете Галлея в своде Всеволода говорится, как и в редакторском тексте, под 1065-й, а не 1066 г., а о битве Святослава — под 1068-й, а не 1064 г. Эти два факта противоречат нашему построению, поскольку оказывается, что в памятнике, восходящем к авторскому варианту «Повести временных лет», имеются факты, восходящие к ее редакторскому варианту. Отсюда можно сделать три вывода: либо наше построение неверно, либо текст свода Всеволода испытал впоследствии, после своего составления, влияние редакторского текста, либо наше построение верно только частично, в той своей части, которая касается только вставок о Ростиславе. Какой же из этих выводов верен? Начнем со второго

⁸ ПСРЛ. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863, г. 1061, стб. 154.

вывода. Еще А.А. Шахматов отметил, что в Новгородской Первой летописи, в тех ее частях, которые восходят к Начальному своду (или, по нашей терминологии, к авторской «Повести временных лет») встречаются отдельные чтения, свидетельствующие о влиянии третьей редакции «Повести временных лет» (или редакторского текста). И действительно, в Главе 10 мы убедимся в том, что новгородское летописание, восходящее к автору «Повести временных лет», испытало в XIII в. влияние и ее редакторского текста. Следовательно, этим и объясняется указанное противоречие в нашем построении. Однако такое объяснение, по нашему мнению, снимает только один противоречивый факт – наличие в Синодальном списке упоминания битвы с половцами не под 1064 г., а под 1068 г. Отметим, что под 1068 г. в Комис. сп. также имеется неотличимый от редакторского текста фрагмент, повествующий о событиях этих лет. Между тем именно в этом фрагменте (1052–1074) обнаруживаются такие бесспорные вставки, как рассказ о битве с половцами под 1068 г., или переработка рассказа о набеге половцев в начале той же статьи 1068 г. (см. следующую главу). Итак, снятым оказывается только один факт. Второй же факт – упоминание кометы Галлея под 1065 г., а не 1066 г. – остается. Считаем, что и в авторском тексте это упоминание было под 1065 г., как и упоминание о солнечном затмении 1064 г. было под тем же 1065 г., а не под 1064 г., как мы предположили. В следующей главе выяснится, что автору принадлежит ряд текстов статей с известиями о событиях нескольких лет под одной погодной датой. Таким фактом и является известие о нескольких разновременных событиях – солнечном затмении 1064 г. и комете Галлея 1066 г. под датой 1065 г. Автор записал это либо по памяти, либо по источнику, в котором не было погодных дат. Тот факт, что в статье 1065 г. есть авторские припоминания, причем с неверными датами, подтверждается и тем, что он здесь говорит об уроде, выловленном в речке Сетомле, как очевидец. Однако автор прибыл в Печерский монастырь не в 1065 г., а самое раннее в 1073 г. (см. следующую главу). Поэтому либо уродец был выловлен после 1073 г. и здесь упомянут ошибочно, либо это упоминание, опять же, не принадлежит автору, а взято им все из того же источника, не разбитого на погодные даты (см. следующую главу).

Резюмируя указанные противоречия, следует признать, что наше построение верно только частично, а именно – в части, касающейся сведений о Ростиславе, вставленных редактором.

Это подтверждается фактами перемещения предсказания волхва и рассказа о битве с половцами из статьи 1064 г. в статьи 1068 и 1071 гг. и фактом перемещения известия о набеге Всеслава из статьи 1066 г. в статью 1067 г. Последний факт подтвержден и сводом Всеволода, в котором набег Всеслава датирован, как и у автора, 1066 г. Это и позволяет говорить о появлении сведений о Ростиславе только под пером редактора, знакомого с Васильком Ростиславичем и вставившего рассказ о его ослеплении под 1097 г.

Причина вставок о Ростиславе

Итак, сведения о Ростиславе вставлены редактором в статьи 1064—1066 гг. Чем же объяснить, что редактор не только вставил их, но и переместил остальные известия в другие статьи? Не желанием ли выдвинуть свои сведения на первый план повествования, придать им важность, заинтересовать ими читателя? Причем это касается сведений только о самом Ростиславе, но не о его сыновьях, которые редактора интересовали меньше. Почему же сведения о Ростиславе были столь важны для исполнителя заказа Мономаха и его сына Мстислава, прокняжившего перед этим двадцать пять лет в Новгороде? Этот вопрос можно дополнить и другим, также связанным с судьбой новгородского наследия Владимира Ярославича: чем объяснить, что редактор вставил сведения об одном новгородском князе, отсутствовавшие в летописи, и опустил сведения о другом новгородском князе, Изяславе, имевшиеся в этой летописи? Причем можно предполагать, что редактор опустил не только известия о новгородском княжении Изяслава, но и о новгородском княжении Мстислава Изяславича, упомянутого в списке новгородских князей. Чем объяснить, что одни сведения о Новгороде опущены, а другие вставлены одним и тем же человеком? Только тем, что в одних сведениях этот исполнитель воли своих заказчиков был заинтересован, а в других не заинтересован. Мы уже знаем, что редактор вставил под 1095 г. одни сведения о другом новгородском князе, Давиде, и опустил другие сведения о том же князе. Следовательно, пропуск одних сведений и вставка на их место других не единичны в работе редактора?! В другой своей вставке о новгородских делах под 1102 г. тот же редактор рассказывает о посольстве новгородцев. Интересно, о чем они просят Святополка Изяславича: они просят, причем в очень категорической форме, фактически требуют от Святополка,

чтобы он не посылал к ним своего сына Ярослава, а оставил бы сына Мономаха Мстислава, будущего заказчика редактора. Между тем Святополк уже договорился с Мономахом, что Мстислав переходит во Владимир-Волынский, а Ярослав Святополкович получает Новгород. Следовательно, Святополк рвался в Новгород и, видимо, имел на это право и как киевский князь, и как сын новгородского князя Изяслава. Мономах же организовал посольство новгородцев, в результате которого Мстислав остался в Новгороде. В связи с этой борьбой за Новгород и следует рассматривать появление вставок о новгородских князьях, о переговорах новгородцев со Святополком, об их преданности Мономаху. В связи с этим становятся понятны и пропуски о новгородском княжении Изяслава и Мстислава Изяславича. С другой стороны, вставка сведений о Ростиславе была полезна только для Мономаха и уже бесполезна для самих потомков Ростислава, к 1119 г. окончательно утративших все права на Новгород. Поэтому вставка сведений об отце Ростиславичей лишь номинально восстанавливала их права, в действительности же работала только на Мономаха, оттесняя сведения об Изяславе.

Итак, выявление редакторских вставок, пропусков и перемещений закончено. Пересматривая все эти факты, убеждаешься в сравнительной однородности тех следов, к которым привели вставки редактора. Это либо повторы (особенно характерный след вставки), либо смысловой разрыв текста. Чаще всего вставки не единичны, а идут сериями по две-три и больше на одну тему, будь это варяжское происхождение Руси или договоры с греками. Это и позволяет отнести все выявленные вставки к одному летописцу, который был, судя по его использованию Хроники Амартола, редактором «Повести временных лет», а не автором, знакомым лишь с Хронографом. Некоторые из вставок, посвященные восхвалению Мономаха, и пропусков, изымающие из летописи важные генеалогические или наследственно-правовые сведения о сопернике Мономаха Святополке, не могли быть сделаны до смерти Святополка (1113) и, учитывая связь редактора с Мономахом, сделаны в редакторском тексте.

Восстановление опущенных редактором текстов и выявление сделанных им вставок и перемещений приблизило нас к пониманию авторского текста. Однако необходимо еще изучить ту работу, которая проделана автором при обработке его источников. Надо изучить эти источники и понять, как автор их обработал.

Этому вопросу и посвящена следующая глава.

Глава 7

УСТНЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ АВТОРА

Автор закончил свою работу над текстом «Повести временных лет» в 1115 г.

Печерский летописец 1091 г.

Он должен был использовать в своей работе прежде всего какую-то местную киевскую летопись, изложение которой доходило приблизительно до времени начала его работы над «Повестью временных лет». Судя по статьям «Повести временных лет» за конец XI – начало XII в., в это время в Киеве велась такая местная летопись: под этими годами много точно датированных известий, имевшихся чуть ли не в каждой погодной статье.

Большая часть этих известий касается будничной жизни Печерского монастыря – записи о смерти князей и игуменов, о канонизации Феодосия, о посещении монастыря киевским князем и т.д. Ясно, что в конце XI – начале XII в. в Киевском Печерском монастыре велась летопись.

С какого же времени в ней стали записывать события? Видимо, только с самого начала 1090-х гг., так как только с этого времени сплошным потоком идут погодные точные месячные, дневные и часовые даты, касающиеся Печерского монастыря. С 1091 г. идут сплошным потоком даты с точностью до часа дня. Из одиннадцати таких дат семь связаны только с монастырем. Одна из этих дат имеется и под 1074 г. (смерть Феодосия), но после нее, вплоть до 1091 г., таких дат нет. Поэтому предполагается, что запись под 1074 г. взята из монастырского помянника. Это типичная поминальная дата, с указанием не только дня, но и часа смерти, сходная с такими же

поминальными датами, процарапанными на стенах Софийского собора в том же XI в. И сам Печерский летописец стал вестись наподобие помянника, так как большинство его известий касается смертей или же событий, в связи с которыми устраивались богослужения. Постепенно в нем начали появляться записи о других интересовавших автора событиях. Эти записи кратки и лаконичны...

У нас нет оснований считать, что Печерский летописец велся до 1090 г. Сведения о монастыре и церковной жизни в 1060-е — 1080-е гг. лишены не только часовых, но и дневных дат, хотя касаются важнейших событий, в частности и таких, которые были связаны с последующим молитвенным поминовением и нуждались в точной датировке. Поэтому и считаем, что эти сведения были внесены в «Повесть временных лет» по воспоминаниям.

Кто же вел Печерский летописец? Будущий автор «Повести временных лет». Судим об этом по статье 1091 г. В ней автор «Повести временных лет» рассказывает, как ему были поручены раскопки могилы Феодосия накануне перенесения его мощей. В одной из летописей сохранилась драгоценная фраза этого автора о том, что он уже в то время вел «летописание»: «Азь же грѣшный, иже и лѣтописание се въ то время писахъ, вземъ мотыку начахъ прилежно копати»¹.

Это и объясняет, почему именно ему была поручена раскопка могилы Феодосия. Ведь один из первых русских летописцев был одновременно и археологом. Вспомним, как при описании местных киевских урочищ или курганов автор «Повести временных лет» всегда отмечает, что они существуют «и до сего дня». В этом сказывается выработавшаяся у автора привычка использовать в качестве своих источников не только письменные, но и вещественные памятники.

Тексты Печерского летописца вошли затем в «Повесть временных лет». При этом они были дополнены и переработаны. Рассмотрим такую, например, запись: «В лѣто 6617. Преставися Евпракси, дщи Всеволожа, мѣсяца июлия въ 10 день, и положена бысть в Печерском манастырѣ у дверей, яже ко угу. И здѣлаша над нею божонку, иде же лежит тѣло ея»².

В первоначальной поминальной записи, сделанной в 1108 г. в Печерском летописце, не нужно было говорить, что Евпраксия

¹ ПСРЛ. Т. 7: VII. Летопись по Воскресенскому списку..., г. 1091, с. 5.

² ПВЛ, г. 1109, с. 187.

положена в Печерском монастыре, поскольку в этом монастыре велся сам Летописец. Не была, всего вероятнее, сделана в том же году и «божонка», так как обычно подобные часовни делалась спустя некоторое время. Не мог автор в 1108 г. сказать и о том, что «лежит тело ее», так как подобное выражение больше соответствует лексике воспоминания. Невозможно установить, с чего начинался Печерский летописец – с истории монастыря или каких-то слов о русской истории. Скорее всего, интерес к этой истории пробудился и вырисовался у будущего автора «Повести временных лет» во время работы над его летописцем и только спустя два с лишним десятилетия реализовался при создании его главного труда. Все это время автор активно собирал сведения о русской истории.

Княжеский летописец 1060-х – 1080-х гг.

Другим источником автора был какой-то княжеский летописец 1060-х – 1080-х гг.

Дело в том, что с 1060 г. в «Повести временных лет» сплошным потоком идут хронологические даты с точностью до дня месяца. До 1060 г. таких дат встречаем всего три: о смертях Ярослава, его жены и сына. Восходят эти три даты к помяннику, а не к летописи, иначе и остальные события или хотя бы их часть были датированы. И только с 1060 г. эти даты идут сплошным потоком, свидетельствуя о сравнительно регулярном ведении какой-то летописи. Погодной эту летопись назвать еще нельзя, так как точные даты встречаются еще не под каждым годом, а кроме того, имеются перерывы и в самих даже недатированных записях, если их возводить к этой летописи. Промежутки между точными дневными датами охватывают порой два-три года, а то и пять-шесть лет.

Все эти точные дневные даты связаны исключительно с княжеской средой. Ни одной даты, касающейся монастырских или церковных событий, среди них нет. Остались недатированными такие факты, как смерть или поставление митрополитов, смерть великого Никона, закладка монастырских соборов. Отсюда заключаем, что летописец 1060-х – 1080-х гг. был княжеским, а не монастырским. Это объясняет сравнительно позднее появление монастырского летописца только в 1091 г.

Кто же был автором этого княжеского летописца? Ответить на этот вопрос, сам по себе не имеющий решающего значения для целей нашей работы, можно только предположительно.

Знакомясь с его датированными с точностью до дня известиями, замечаем, что они в подавляющем своем большинстве связаны с фигурой только одного князя, причем не киевского, а переяславского. Это князь Всеволод Ярославич, отец Мономаха. Дневные даты путешествуют по страницам «Повести временных лет» вместе с этим князем и превращаются для нас в подобие меченых атомов, отправленных в путешествие по живому организму. Таким живым организмом для нас является «Повесть временных лет». Из ее 18 датированных известий за 1060-е — 1080-е гг. 15 связаны с князем Всеволодом, причем в девяти из них фигурирует один этот князь. Мы уже говорили, что эти даты имеются далеко не под каждым годом. Следовательно, княжеский Летописец велся как памятка, в которую время от времени заносились важнейшие военные события и их даты.

Рассмотрим эти сведения подробнее.

Под 1055 г. отмечен зимний поход одного Всеволода (Переяславль). Зима упомянута и в связи с походом Ярославичей в 1060 г. Среди них фигурирует Всеволод. В сражении 2 февраля 1061 г. участвует только он один, дата смерти Ростислава 3 февраля 1066 г. появилась только в редакторском тексте. В битве при Немизе (3 марта) и в крестоцеловании 10 июля 1067 г. участвует Всеволод, бывший в Киеве и 15 сентября следующего года, когда освободили Всеслава из поруба. Дата 1 ноября 1068 г. о битве Святослава с половцами связана не только с Изяславом, победившим Сокала в 1064 г., и Всеволода не касается, но трудно предположить, что он не знал об этом втором большом сражении с половцами*. Под 1069 г. дата связана только с Изяславом, о возвращении которого в Киев не мог не знать и Всеволод. Под 1072 г. дата перенесения мощей Бориса и Глеба также известна Всеволоду. 22 марта 1073 г. Всеволод вместе со Святославом входит в Киев. Дата смерти Святослава была хорошо известна сменившему его Всеволоду, тем более что датирована и сама эта смена. Следующая дата связана с Черниговом, принадлежавшим в это время Всеволоду: 4 мая 1077 г. там сел на княжение Борис Вячеславич, бежавший оттуда

* Так у автора. Аргументация появления дневной записи без упоминания имени Всеволода у автора, возможно, приведена не полностью. — *Прим. ред. изд.*

через восемь дней. 15 июля 1077 г. Изяслав входит в Киев, о чем известно Всеволоду, только что заключившему с ним мир. 10 апреля Олег Святославич бежит «от Всеволода» в Тмутаракань. Глеба Святославича убивают в далеком Заволочье 30 мая, но хоронят у Всеволода в Чернигове 23 июля. 25 августа Всеволод сражается с Олегом и Борисом. 3 октября Изяслав умирает на глазах у Всеволода во время битвы, а дата его погребения отсутствует: хоронит Изяслава не Всеволод, а Ярополк. Отсутствие этой даты показательны потому, что подобная дата имеется при описании погребения самого Ярополка (5 декабря 1087 г.), которое было устроено все тем же Всеволодом, хорошо знавшим и дату убийства Ярополка (22 ноября).

2 мая 1079 г. Роман убит половцами, с которыми перед этим Всеволод заключил мир. 18 мая 1081 г. Давыд и Володарь бегут от Всеволода в Тмутаракань. Великим днем 1084 г. датирован приход Ярополка к Всеволоду.

Итак, связь всех этих дат преимущественно с Всеволодом позволяет предположить авторство этого исключительно образованного по тому времени князя, знавшего пять европейских языков и, видимо, ведшего свою «летопись путей», по содержанию подобную той, что оставил нам его сын Мономах. Только Всеволод делал записи на протяжении всей своей жизни, а Мономах составил свое «Поучение» по памяти, почему в нем и отсутствуют дневные даты.

Интересно, что летопись позволяет определить время записи некоторых ее текстов под 1060-ми гг. Так, говоря об отражении торков в 1060 г., летописец замечает: «пробѣгоша и до сего дне» (т.е. торки). Еще одно нападение торков на Русь было в 1080 г. После 1080 г. нападений больше не было. Следовательно, в своем сохранившемся виде эта запись под 1060 г. могла появиться только спустя долгое время после 1060-х — 1080-х гг.

Таковы два письменных источника автора, следы которых, но не самые их тексты, прощупываются в «Повести временных лет».

Устные источники

Кроме того, автором были широко использованы и устные источники, следы которых необходимо рассмотреть сейчас, прежде чем приступить к выявлению еще одного, и главнейшего, письменного его источника.

Многие из описаний сделаны автором по памяти. По памяти им написаны тексты статей о возникновении Печерского монастыря (под 1051 г.), о смерти Феодосия (под 1074 г.), о перенесении его мошей (под 1091 г.). Во всех этих статьях есть прямые слова автора о себе, его личные воспоминания. В первой из этих статей (под 1051 г.) автор говорит, что пришел в Печерский монастырь семнадцатилетним юношей, еще при игумене Феодосии. Из текста этой статьи, в которой упоминается, например, монастырский устав, полученный не ранее 1072 г. от студийского монаха, ясно, что автор пришел к Феодосию после 1072 г. и до смерти игумена в 1074 г. В одной из летописей сохранилась драгоценная обмолвка автора, что в монастырь он пришел за 40 лет до написания своего труда: «...и азъ пришелъ худый и недостойный рабъ, и приать мя лѣтъ 40 сушу ми въ монастыри, а лѣтъ 17 отъ рожения моего, постигохся во иноческий образъ»³.

Следовательно, прибавив к 1073–1074 гг. эти 40 лет, получаем 1113–1114 гг., когда и начинал свою работу по созданию «Повести временных лет» ее автор.

К авторским воспоминаниям принадлежат, видимо, и сведения о его монастыре, лишенные дневных дат. Одно из этих воспоминаний касается монастырского собора. Под 1075 г. рассказано о том, что игумен Стефан продолжил постройку, начатую еще в 1073 г. при Феодосии, о том, что постройка Стефана была закончена «на третье лето», то есть в 1077 г., и о том, что на третье лето после окончания, то есть в 1079 г., она была расписана. Последнее известие сохранилось только у В.Н. Татищева⁴. Ясно, что совмещение под одним 1075 г. известий о событиях 1073, 1075, 1077, 1079 гг. произошло потому, что автор хорошо помнил их последовательность, трехлетние интервалы между ними, но не стал их размещать под погодными датами, как он поступил и со своими рассказами о монастыре и Феодосии. Интересно, что как раз среди этих авторских воспоминаний под 1075 г. сохранилась единственная дата постройки собора 2 июля, хорошо известная в монастыре.

К числу авторских воспоминаний относится и рассказ об уродце, выловленном в реке Сетомле. Автор рассказывает об

³ ПСРЛ. Т. 9: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862, г. 1051, с. 85.

⁴ Татищев В.Н. История Российская, г. 1075, с. 90.

этом как очевидец (ср. его слово «позоровахомъ») в первом лице множественного числа. Рассказ этот помещен под 1065 г., когда автора еще не было в Печерском монастыре (см. выше его слова о сорокалетней жизни в Печерском монастыре). Под этой же датой помещены и еще два сообщения о событиях не 1065, а 1064 и 1066 гг. (солнечное затмение и комета Галлея). Впрочем, солнечное затмение не было видно в Киеве, оно проходило только над Новгородом, и не исключено поэтому, что сведения о нем попали в киевскую летопись 1070-х гг. (см. о ней ниже) из ее новгородского источника.

Итак, для авторских воспоминаний характерно соединение нескольких однородных, но разновременных событий в один фрагмент. События датируются не абсолютно, а относительно, по связи друг с другом. Этот принцип вообще свойственен человеческим воспоминаниям. Таково и «Почтение» Мономаха.

Сведения Яна Вышатича

Таковы, в частности, и сведения, полученные автором от Яна Вышатича. Это был крупный киевский боярин, родившийся в Новгороде в 1016 г. и затем переехавший в Киев где-то в 1060-х гг. Он был потомком легендарного Добрыни Никитича, правнуком и внуком новгородских посадников Коснятина и Остромира, сыном новгородского воеводы Вышаты. И сам он бывал и воеводой, и тысяцким в Киеве в конце 1080-х гг., а его брат Путята был тысяцким еще в 1113 г.

Автор прямо пишет под 1106 г. в связи со смертью девяностолетнего Яна Вышатича: «От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышах»⁵.

Некоторые из «словес» Яна Вышатича хорошо улавливаются в авторском тексте благодаря упоминаниям имени Яна или потому, что он является действующим лицом соответствующего летописного рассказа. И опять оказывается, что многие из этих рассказов связаны с относительной, а не абсолютной хронологией, с отсутствием точных абсолютных дат и, наконец, с совмещением в одном рассказе событий нескольких лет. Таков и рассказ о походе отца Яна Вышаты с Владимиром Ярославичем на Византию

⁵ ПВЛ, г. 1106, с. 186.

в 1043 г. с упоминанием того, что спустя три года, то есть в 1045 г., Вышата вернулся на Русь. Под 1091 г. Ян вспоминает о пророчестве Феодосия, бывшем 18 лет назад, и т.д.

Таких явных информации Яна можно насчитать пять: под 1043, 1071, 1089, 1091, 1093 гг. Относим к ним и сообщение о походе на Дон под 1106 г., в котором принял участие Ян. Мы убеждены, однако, что к числу «многих», по словам автора, сведений Яна Вышатича относятся и те из них, в которых не упоминается его имя и которые связаны с историей его предков – Добрыни, Коснятина, Остромира и Вышаты. Не все сведения о предках Яна попали в летопись от него, но есть среди них и такие, которые сообщил он. Отделить одни от других невозможно, так же как и отделить те сведения Яна о Новгороде и Киеве, которые не связаны с упоминанием его имени. В некоторых из этих сведений его имя выпало еще в редакторском тексте. К ним относим рассказы Яна о киевских событиях 1068–1069 гг. Они как раз отличаются особой подробностью, создающей впечатление, что они записаны со слов очевидца. Имя Яна теперь не упоминается в этом рассказе, однако это драгоценное упоминание сохранилось в Густинской летописи, где читаем следующий текст, отличный от текста редактора: «В лето 6576 (1068). Прийдоша Половци въ силѣ тяжцѣ на Рускую землю. Собраша же на нихъ Ярославичѣ, си есть, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, и прийдоша въ пещеру ко преподобному отцу нашему Антонию, по благословение ити на Половцовъ. Преподобный же Антоний провидѣ на нихъ гнѣвъ Божий, и прослезився прорече имъ: “яко имате побѣждени быти, и мнози отъ васъ падуть остриемъ меча, друзии же во водѣ истоплены будутъ, останцы же въ плѣнение пойдутъ”; Яневи же тогда прорече, яко отъ тоя бѣды избудеть: еже все собыстся на Алтѣ рѣцѣ. Князи же не послушаша преподобного Антония, но исполчившися пойдоша ношию на Половцовъ; но гнѣвомъ Божиимъ побѣждены быша християне отъ Половцовъ, и многая зла быша потомъ въ землѣ нашей, еже все прознаменоваша необычная знаменія»⁶.

Заключительная фраза о знамениях выдает руку нашего автора, поставившего поражение князей в связь со знамениями, о которых он писал под 1064–1066 гг. Интересно, что в приведенном тексте упомянуты не «иноплеменьники», как у редактора, а просто «половци», как и в новгородском своде Всеволода. Следова-

⁶ ПСРЛ. Т. 2: III. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 270.

тельно, перед нами один из текстов автора, сохранившийся в менее исправном виде и в Киево-Печерском патерике, где имя Яна заменено именем Шимона, местного монаха.

Информацией Яна и объясняется насыщенность текста статьи 1068 г. (и 1069 г.) конкретными подробностями, выдающими очевидца событий. В то же время точной даты битвы с половцами здесь нет. Это и не позволяет относить текст статей 1068–1069 гг. к летописцу, работавшему раньше автора «Повести временных лет» (как это делал А.А. Шахматов), тем более, что и близлежащая статья 1071 г. также восходит к информации авторского «корреспондента» Яна Вышатича.

Таковы сообщения Яна Вышатича, которые выявляются в тексте произведения. Однако, если вспомнить, что в этом же произведении имеется целая генеалогия предков Яна, рассказы о его отце Вышате, деде Остромире, прадеде Коснятине, прапрадеде Добрыне, то нельзя ли предположить, что и эти сведения перешли в летопись из семейной саги Яна? Это предположение трудно доказать. Но если оно верно, то возникновение многих текстов «Повести временных лет», которое мы относим к 1070-м гг. и связываем с Киевской начальной летописью, будет тогда связано со временем более поздним, с созданием «Повести временных лет».

Сведения Святополка Изяславича

Информатором автора был не один Ян Вышатич. Видимо, много сведений он узнал и от киевского князя Святополка Изяславича, любившего приходить в монастырь, как о том пишет автор.

Святополк Изяславич умер в 1113 г. У редактора описание смерти этого князя лишено обычно сопровождающей такие смерти похвалы и портрета, между тем, судя по тому, что автор поставил смерть Святополка в связь с небесными знаменами, он положительно относился к князю и не мог оставить его смерти без похвалы. Эта похвала действительно была в его тексте и сохранилась только в «Истории Российской» В.Н. Татищева. Здесь, помимо конкретного описания внешности и привязанностей Святополка, сказано о нем, что он «читатель был книг и вельми памятен, за многая бо лета бывшее мог сказать, яко написанное»⁷.

⁷ Татищев В.Н. История Российская, с. 128.

Эта характеристика примечательна. Автор не только не скрывает своих источников, но и демонстрирует достоверность своего текста постоянными ссылками на них. В одних случаях эти ссылки на сохранившиеся курганы, церкви, урочища, усадьбы, в других случаях это имена рассказчиков. Характеристика Святополка и является такой ссылкой, более косвенной, чем ссылка на Яна Вышатича, но однородной с ней. Если бы Святополк рассказывал о столь интересовавших автора «бывших летах», то автор не мог не запомнить или записать хотя бы часть из этих рассказов. Если же он это сделал, то хотя бы часть их должна найтись в «Повести временных лет». И эти сведения в ней есть. Это как раз те сведения о генеалогии Святополка, которые пропустил редактор и которые сохранились в новгородской редакции «Повести временных лет». Для них, как и для других сведений из устных источников, характерна относительная хронология, совмещение разновременных событий в одном фрагменте под одним годом. Судя по этому, можно считать, что автор не изменил полученного устного сообщения, а вписал эти «слова» полностью под одной из погодных дат своей летописи. И опять мы можем выделить только небольшую часть сведений, которые автор получил от своего устного источника, в данном случае от Святополка. Сведений этих в тексте имеется гораздо больше, чем мы в состоянии выделить. В частности, это, видимо, сведения о самом Святополке, его братьях, его отце и, возможно, о Ярополке и его сыне Святополке, почитавшихся в семье Изяслава как предшественники по Туровскому княжеству.

Если автор столь доверял устным источникам и столь широко их использовал, то, видимо, в его распоряжении было мало письменных источников. Устные источники сообщали сведения главным образом о второй половине XI в. (Ян родился в 1016 г., а Святополк — в 1050 г.). Сведения княжеского летописца 1060-х — 1080-х гг. и Печерского летописца 1091 г. были, видимо, довольно сухи, устные же рассказы современников автора красочны и живописны, что и отразилось на соответствующих текстах 1060-х, 1070-х и 1090-х гг.

Летопись, не разбитая на годы

Источником же для описания более древних событий IX — начала и середины XI в. для автора послужила летопись, не разбитая на погодные записи. Следы этой летописи заметил в «Повести вре-

менных лет» еще С.М. Соловьев, а затем более внимательно их изучил и А.А. Шахматов.

Эти следы более заметны в авторском тексте (в его Новгородском изводе), чем в редакторском. Поэтому следует использовать прежде всего новгородский текст. Проследив, до какого года доходят следы летописи, не разбитой на погодные записи, мы смогли бы узнать время, раньше которого она не могла быть составлена. Но для этого надо определить, в чем же заключаются особенности этой летописи и каковы разновидности следов ее текста. Знакомясь с ее текстами, мы замечаем, что они основаны на относительной хронологии, а не на абсолютной, что в одной записи совмещено несколько разновременных событий. С этой отличительной чертой некоторых текстов «Повести временных лет» мы уже знакомы и знаем, что она характерна для сведений, полученных из устных источников. Отсюда и заключаем, что летопись, не разбитая на погодные записи, была сделана главным образом на основании устных источников. Этим и объясняется эпический, порой достигающий былинной мощи и красоты стиль ее изложения. Эта летопись — как бы нижний предел истории летописания на Руси. Поэтому-то особенно важно датировать ее составление достаточно точно. Однако этому препятствует как раз описанная особенность ее текста. Как отличить ее тексты от сведений устных источников автора «Повести временных лет», для которых также характерна относительная хронология? Ведь, если в начале «Повести временных лет» текст этой летописи выделяется сравнительно легко благодаря тому, что он идет почти не прерываясь, то ближе к середине XI в. становятся чаще и вставки автора, и вставки и пропуски редактора, и тексты из других источников автора. Наконец, имеется и еще одна трудность. В текстах под 1020-ми — 1060-ми гг. появляется довольно много новгородских известий, и поэтому может возникнуть мысль или о составлении этой летописи в Новгороде, или о присоединении к одному из ее списков местной новгородской летописи⁸. Это еще больше затрудняет поставленную задачу определения последней записи летописи, не разбитой на годы.

Остановимся сначала на так называемых новгородских известиях.

При ближайшем их рассмотрении они оказываются не чисто новгородскими, поскольку в них говорится о киевских князьях

⁸ Шахматов А.А. Разыскания... Гл. XIX.

Ярославе и Изяславе, владеющих одновременно и Новгородом. Следовательно, эту группу известий нельзя связывать только с Новгородом. Вторая группа известий связана с полоцкими князьями Брячиславом и Всеславом, а через них — с теми же Ярославом и Изяславом, с ними воевавшими. Война шла из-за Новгорода, но появились эти известия в киевских произведениях, что особенно видно по рассказу о семидневном походе Ярослава на Брячислава в 1021 г. со сведениями, о которых не мог знать новгородец. И только одну группу известий о новгородских епископах Луке, Стефане и Федоре можно отнести к новгородскому летописанию. Среди этой группы и находится замечание летописца о своем учении у Ефрема где-то во втором десятилетии XI в.: «Того же лѣта преставися архиепископъ Новугородьскыи Акимъ, бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учааше»⁹. Это пишет новгородец. Это — современник, чуть ли не одноклассник знаменитого Яна Вышатича. Но ведь он мог сделать свои записи по памяти и в Киеве, куда переехал, как и Ян Вышатич? Это, конечно, только ненадежное предположение, но оно объяснило бы сразу два непонятных факта: во-первых, крайнюю скудость новгородских известий, касающихся главным образом церковных событий, и во-вторых, отсутствие в новгородской поздней летописи каких-либо следов местной летописи на протяжении 1070-х — 1080-х гг. Если бы новгородская летопись велась в 1050-е гг., мы бы имели продолжающие ее записи и под следующими годами и десятилетиями. Однако местные записи появляются только под 1090-ми гг. и, скорее всего, сделаны по припоминанию составителем свода Всеволода в 1116—1117 гг. Лишь с этих годов появляются погодные записи, и, раз начавшись, они уже идут сплошным потоком и дальше. Это позволяет считать, что если новгородские записи под 1050-ми — 1060-ми гг. и свидетельствуют о какой-то работе новгородца, приближающейся к летописи, то эта работа не связана с последующим новгородским летописанием начала XII в., могла быть сделана и в Киеве и, наконец, каким-то образом связана с текстом летописи, не разбитой на годы.

Группа сведений о Ярославе, Изяславе и их посадниках доходит до 1060 г. Под этим годом имеется последнее сообщение об Изяславе с относительной хронологией. В одном фрагменте сказано и о его походе 1060 г., и о походе новгородцев весной следу-

⁹ {СПЛ, 1030 г., с. 126. — Прим. ред.}

ющего мартовского года. Следовательно, указанная летопись не могла быть составлена раньше 1061 г.

Попробуем датировать группу сведений о полоцких князьях, так же имевшуюся в этой летописи, не разбитой на годы. В сообщении о Брячиславе под 1021 г. сказано, что он воевал с Ярославом до «живота своего». Это – типичная обмолвка составителя этой летописи, работающего уже после смерти Брячислава (1044), но пользующегося в своем изложении одними относительными датами. Рассказывая в связи со смертью Брячислава о рождении его сына (кстати, мы совершенно не можем быть уверены, что это свидетельствует о рождении Всеслава именно в год смерти его отца, как решил автор «Повести временных лет»), составитель летописи, не разбитой на годы, пишет: «...рекоша бо волсви матери его (т.е. Всеслава. — М.А.): «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитъ»¹⁰.

Итак, эта запись составлена до 1101 г., когда князь умер. Речь в этой записи идет о живом князе. Однако это свидетельствует лишь о том, что запись составлена в XI в., но когда именно, мы еще не знаем. В записи говорится о кровопролитности Всеслава, о том, что он еще сейчас «немилостивъ есть на кровьпролитъ». Так можно было сказать о Всеславе только тогда, когда он действительно вел кровопролитные войны, а это, как известно, было только в 1065–1077 гг.

Сообщение о войне Всеслава в 1076 г. сохранилось только в «Поучении» Мономаха. В летописи же сообщений о Всеславе нет уже после 1071 г. Судя по всему, он вел в 1080-х – 1100-х гг. мирную жизнь, называя своих четырех сыновей именами Бориса-Романа и Глеба-Давида. Это были имена первых русских национальных святых, всегда использовавшиеся для прекращения усобиц. В конце жизни Всеслав был миролюбив, и упоминание о его смерти было занесено в Печерский летописец 1091 г. Следовательно, назвать его «кровопролитным» можно было только или во время его войн, или вскоре после их окончания в 1070-х гг. К этому времени и относится появление летописи, не разбитой на годы. Ее автор враждебно относится к Всеславу и поэтому помещает компрометирующие сведения о его предках и о нем самом. С другой стороны, этот же автор близок к Изяславу, знает о его новгородских походах. Это-то и за-

¹⁰ ПВЛ, г. 1044, с. 104.

ставляет нас считать, что составлена эта летопись по заказу Изяслава и скорее в Киеве, чем в Новгороде, хотя и последнее не исключено. Изяслав, как известно, был инициатором канонизации Бориса и Глеба в 1072 г., в связи с чем и могла возникнуть интересующая нас летопись. В таком случае ее создание проходило в обстановке подготовки Борисоглебских празднеств, сходной с обстановкой создания и «Повести временных лет». Этим временем ее создания, возможно, и объясняется включение в ее текст «Правды» Ярослава и Ярославичей, попавшей затем и к автору «Повести временных лет». Инициатором принятия «Правды» Ярославичей также был Изяслав как тогдашний киевский князь.

Против всех наших ожиданий, летопись, не разбитая на годы, не была продолжена. Если бы ее продолжили погодными приписками в 1070-е – 1080-е гг., то в ней появились бы такие же подробные и регулярные записи с дневными и часовыми датами, какие появились в городских летописях после распространения «Повести временных лет». Однако эти записи не появились, а те, что имеются, – необычайно фрагментарны, не регулярны и позволяют говорить только о каком-то княжеском, скорее всего, Всеволожем летописце.

Летопись составляется для регулярного своего продолжения. Летопись же, не разбитая на годы, продолжена не была. Это показывает, что и составлена она была еще не как собственно летопись, а как историческое произведение. Как произведение о прошлом, а не для использования в будущем. Быть может, это было нечто похожее на введение к русским законам, к «Русской Правде». Интересно, что и все более ранние «летописи», которые предположительно реконструируются учеными, не имеют своего продолжения, обрываются, едва начавшись, не связанные с другими памятниками. Не связана с княжеским летописанием и с Печерским летописцем и летопись начала 1070-х гг. Их тексты были впервые объединены автором «Повести временных лет». Возможно, что летопись эту он получил от Святополка, сына ее предполагаемого инициатора. Впрочем, такие подробности не суть важны для нас. Гораздо важнее проследить шаг за шагом, как отредактировал свой источник автор «Повести временных лет», какие сделал он в него вставки¹¹ и т.д. Прослеживая работу

¹¹ Большинство этих вставок впервые определил А.А. Шахматов, отнеся их не к автору «Повести временных лет», а к автору гипотетического Начального сво-

автора, мы одновременно проследим и тексты летописи, не разбитой на погодные записи.

Вставки автора

Вставка А-1

Первой авторской вставкой в текст летописи, не разбитой на погодные записи, было описание первого похода Руси на Царьград, взятое из Хронографа и снабженное датой 6362 г. Эта вставка разорвала текст о полянах, и поэтому следующая за ней фраза о том, что поляне «быша обидими Древяляны», стала бессмысленной, лишилась своего подлежащего. Стало непонятно и то, что это за горы, на которых сидят поляне, и т.д.

Мы сейчас не говорим о вставке всего текста начальной «Повести временных лет», в том числе и Сказания о переложении греческих книг, впоследствии передвинутого редактором под 898 г. Сейчас имеются в виду только те вставки, которые прослеживаются по тексту новгородского свода Всеволода.

Вставка А-2

Автор вставил хронографическую дату 6428 г., разорвав до того цельную фразу своего источника: «По сих же паки временех. В лѣто 6428. Посла князь Игорь на Грѣкы вои...»¹². Сам текст описания похода взят тоже из Хронографа, однако какое-то сообщение об этом походе все же читалось в источнике автора, ибо в противном случае было бы непонятно, откуда взялась только что процитированная фраза, переходная от одного рассказа к другому.

Вставка А-3

В конце рассказа, начатого этой фразой, сообщалось: «Том же лѣтъ прелочиша и другое, на третье идоша». Автор высчитал хронологию и проставил у сообщений своего источника даты 6429 и 6430 гг.,

да 1095 г. Все вставки определяются им по новгородскому тексту свода Всеволода, что освобождает нас от опасности перепутать авторские вставки с редакторскими.

¹² НПЛ, 920 г., с. 107.

под которыми и разместил его тексты. После описания похода Олега на Царьград в летописи, не разбитой на годы, начиналось повествование об Игоре. Здесь рассказывается по крайней мере о трех годах правления Игора: «...и съде около его три лѣта, и едва взя». Однако автор не стал расчленять повествование на годы, и лишь дойдя до знаменитых слов алчных дружинников Игора, прервал это повествование: «Посем скажемъ въ приключившихся лѣтех сих», и проставил годы 6431—6447, не заполнив их никакими сведениями.

Вставка А-4

Под 6448 г. он вторично кратко упомянул о взятии Пересечня и вторично упомянул о дани Свенельда с уличей, проставил 6449 г., а под 6450 г. вторично упомянул о древлянской дани Свенельда. Таким образом, мы имеем и нерасчлененный рассказ древней летописи об осаде Пересечня и о свенельдовых даях, и результат его расчленения.

Вставка А-5

Под 6453 г. рассказано об убийстве Игора по древней летописи, но к этому рассказу автором прибавлена народная легенда о трех местах Ольги. Эта вставка нарушила ясность первоначального текста: в нем упоминаются кормилец и воевода Святослава, Асмуд и Свенельд, но они не участвуют в дальнейшем рассказе и появляются только после легенды об Ольге, уже под 6454 г., в описании битвы Святослава с древлянами. Их первое упоминание и было сделано в древней летописи в связи с этой битвой.

Вставка А-6?

Под вставленным автором 6455 г. читаются сообщения о путешествии Ольги по северу, которые А.А. Шахматов считал сочиненными по образцу сообщения о путешествии Ольги по Древлянской земле. Доказать это трудно. Не включаем их в число более бесспорных вставок.

Вставка А-6

6456—6462 гг. вставлены автором без их заполнения текстом.

Вставка А-7

В следующей статье 6457 г. имеется характерный повтор: дважды сказано о приходе в Киев Ольги после царьградского крещения. Между этими повторами заключена авторская вставка об эфипской царевне, отличная и по языку от более древнего рассказа. Видимо, вставлены в древний эпический рассказ и библейские цитаты.

Вставка А-8

Вставлены без заполнения 6464—6471 гг. и с заполнением — 6472—6479 гг.

Вставка А-9

В древний рассказ об осаде Киева печенегами автор вставил легенду о смелом юноше, переплывшем Днепр, и о воеводе Претиче. Это привело к повтору фразы об осаде печенегами Киева и сделало непонятным обращение Ольги к помощи Святослава, поскольку теперь здесь читается об освобождении Киева воеводой Претичем.

В начале статьи 6477 г. сохранилась типичная начальная и в то же время переходная фраза древней летописи, в которой не было погодной даты: «...и бысть мирно. В лето 6477. И рече Святославъ къ матери».

Вставка А-10

В статье 6479 г. в рассказе о битве под дунайским Переяславцем вставлено описание посольства греков к Святославу. Это описание делает посылку даров Святославу повторной и стоит после фраз о том, что стоят разрушенные Святославом города пустыми «и до днешняго дни». Фразы носят заключительный характер.

Вставка А-11

В конце этой же статьи опять встречаемся с разрывом древней фразы новой датой: «...Веснѣ же приспѣвши. / А се княжение Ярополче. В лѣто 6480. / Поиде Святославъ в порогы...» Раньше слова о весне и о Святославе составляли одно предложение.

Далее мы не будем отмечать вставок автором хронологических дат, что уже доказано.

В начале статьи 6488 г. также сохранилась обычная переходная древняя фраза: «В лѣто 6488. Начало княжения Володимира. И прииде Володимиръ с Варяги...»

Вставка А-12

Под 6494 г. рассказано о посольствах к Владимиру для выбора вер от папы, болгар, евреев и греков, между тем под 6495 г. описаны ответные русские посольства только в Рим, к болгарам и в Царьград. Посольство к евреям в Хазарию не отправлено. Это вызывает предположение о вставке рассказа о хазарском посольстве под 6494 г.¹³ И действительно, в его описании говорится о взятии Иерусалима крестоносцами-христианами, что произошло в 1099 г., уже после составления древней летописи. Значит, перед нами еще одна вставка автора «Повести временных лет», сделанная, естественно, после 1099 г. Кстати, это еще одно доказательство того, что новгородский свод Всеволода восходит именно к «Повести временных лет», а не к более древней летописи XII в., в которой не было бы этой вставки, возможной только в памятнике после 1099 г. Вставка сообщения о еврейском посольстве автором, работавшим после киевского восстания 1113 г., в ходе которого подверглись разграблению и дворы еврейских ростовщиков, показательна.

В начале статьи 6496 г. сохранилась еще одна древняя фраза, разорванная автором «Повести временных лет»: «...и минувшю лѣту, в лѣто 6496, иде Володимиръ съ вои на Корсунь...». В этой же статье имеется еще одна обширная вставка, как и предыдущая, связанная со жгучими для того времени вопросами вероисповедания.

¹³ ПВЛ. Ч. 2: Приложения. М.; Л, 1950. С. 33. Это удачное предположение принадлежит Д.С. Лихачёву и Я.С. Лурье. {Возможно, подразумеваются соображения Д.С. Лихачёва и Я.С. Лурье, высказанные ими устно. На указанной странице книги 1950 г. Д.С. Лихачёв рассматривает совсем другие вопросы. — Прим. ред.}.

Вставка А-13

После изложения так называемого символа веры, принятого Владимиром, в котором рассказывалось и о семи христианских соборах, сейчас читается поучение против латинян, в котором вновь говорится о тех же самых соборах. Эти соборы вновь перечисляются с новыми подробностями. Перед нами типичный повтор от вставки в более ранний текст древней летописи поучения против латинян. Автор, как видим, был не только противником иудейской веры, но и еще большим врагом латинян — католиков.

Для датировки времени вставки поучения против латинян существенно, что содержащееся здесь слово о Петре Гутнивом, как указал Д.С. Лихачёв, восходит к Хронографу¹⁴, то есть к одному из источников автора «Повести временных лет». Под 6497 и 6504 г. дважды рассказано об одной и той же Десятинной церкви, построенной Владимиром, и из этих текстов понятно, что в древней летописи они не были расчленены. Поэтому теперь об ее окончании рассказывается дважды.

В статье 6505 г. уцелела обычная соединительная частица «же», характерная для переходных фраз древней летописи: «В лѣто 6505. Володимеру же шедшю...»

Точно такая же частица уцелела и в начале древней фразы уже под 6522 г.: «В лѣто 6522. Ярославу же сущю Новѣгородѣ...» Такие частицы обычны для середины описаний древней летописи, как например, под 6523 г.: «Святополкъ же сѣде Киевѣ по отци своемь...», «Святополкъ же оканьный помысли въ собѣ...», «Глѣбу же убьену бывшю...», «Ярославъ же, совокупивъ Русь...» (под 6526 г.), «К вечеру же одолѣ Ярославъ...»¹⁵

Так мы проследили древнюю летопись и вставки, сделанные автором «Повести временных лет» в ее тексты вплоть до конца рассказа об убийстве Бориса и Глеба. После 1016 г. тексты автора сокращены в новгородском своде Всеволода, о чем уже говорилось, а в текстах редактора следы древней летописи и до 1016 г. менее заметны, чем в новгородском тексте, а после этого года и совсем не видны.

Поэтому нам на помощь приходят те фрагменты древней летописи, которые содержат под одним годом описание нескольких

¹⁴ См. ПВЛ. Ч. 2... С. 341.

¹⁵ {Под 6527 г. — Прим. ред.}

разновременных событий. Эти фрагменты уцелели, как уже говорилось, в основном, новгородском своде Всеволода, но они есть и у редактора, например, под 1030 г., когда рассказано о разновременных событиях — смерти Болеслава и восстании в Польше — под одним годом.

Вставка А-14

Древняя летопись прослеживается и под 1043 г. в третьей редакции, поскольку здесь обнаруживается еще одна авторская вставка в ее текст. На этот раз вставлено сообщение Яна Вышатича об его отце Вышате. Эта вставка привела к тому, что у Владимира Ярославича во время похода на Византию оказалось двое воевод — Иван Творимирич, воевода Ярославль и Вышата, хотя в тексте вставки сказано, что «Ярославль... воеводство поручи Вышатъ, отцу Яневу»¹⁶.

Итак, тексты под 1043 г. еще основаны на древней летописи, не разбитой на годы. Тексты, не разбитые на годы, уцелели и в новгородском своде Всеволода, вплоть до начала 1060-х гг. Это прежде всего сведения о Изяславе под 1054 и 1060 гг. Интересно, что и запись о рождении Всеслава под 1044 г. также принадлежит к типу сообщений о событиях разных лет под одним годом: в ней говорится и о рождении Всеслава, произошедшем до 1044 г., и о его кровопролитных войнах, которые начались через двадцать лет после 1044 г. Такой же записью является и сообщение об отце Всеслава, Брячиславе, под 1021 г., что он воевал с Ярославом до «живота своего», то есть до 1044 г. Все это — записи, сделанные спустя много десятилетий после самих событий, что и характерно для Киевской Начальной летописи 1070-х гг., составленной на основании устных источников. Вопреки мнению А.А. Шахматова, записи о полоцких князьях составлены в Киеве, а не в Новгороде, так как в записи под 1021 г. летописец упоминает деталь о походе Ярослава из Киева, которая могла быть известна только киевлянину (длительность похода — семь дней из Киева), хотя А.А. Шахматов ошибочно считал, что «Ярослав настиг Брячислава у реки Судомы на седьмой день (после выхода Брячислава из Новгорода)»¹⁷. Этим и определяется датировка древней летописи,

¹⁶ ПВЛ, г. 1043, с. 103. Первоначальный текст статьи см. в СПЛ.

¹⁷ См. Шахматов А.А. Разыскания... С. 510–511. Ср. летопись: «ис Киева въ 7 день постиже и ту» (!).

связанная еще и с ее фразой о живом и сеющем усобицы Всеславе, «замирившемся» только в 1080-х гг.

Особым является вопрос о том, не уцелели ли в каких-либо литературных памятниках, кроме «Повести временных лет», следы Киевской Начальной летописи. Считаем одним из таких памятников «Память и похвалу Владимиру» мниха Иакова, датируемую обычно серединой – третьей четвертью XI в. Существеннее всего для нас то, что в тексте этого произведения мниха Иакова сохранились целые куски текста Киевской Начальной летописи, причем некоторые из этих сведений не вошли в «Повесть временных лет», а другие были в ней переработаны. Так, в «Повесть временных лет» не попало сведение о хождении Владимира «на другое лето по крещении к порогом». Переделанным оказалось сообщение о том, что Владимир «на третье лето город Корсунь взял». «На пятое лето Переяславль заложил», – сообщает мних Иаков, тогда как в «Повести временных лет» сказано о закладке Белгорода под соответствующим годом. В «Повести временных лет» говорится о данной Владимиром десятине под 6504 г., на девятое лето после крещения, точно так же датировано это событие и у мниха Иакова.

Эти хоть и небольшие различия позволяют утверждать, что автор «Повести временных лет» не полностью перенес тексты Киевской Начальной летописи в свое произведение. Для нас, однако, особенно существенно то, что «Память и похвала Владимиру» свидетельствует о бытовании на Руси в XI в. произведений на исторические темы, не разбитых на погодные статьи и основанных на относительной хронологии. Видимо, этот жанр был распространен на Руси.

Счет в них велся не от сотворения мира (хотя в них иногда и существовали такие отдельные даты), а от какого-либо важного события, так, как в «Памяти и похвале» он ведется от крещения Руси. Очень возможно, что и в Киевской Начальной летописи такой счет велся не от сотворения мира, а по русским княжениям, остатки такого счета и сохранились в «Повести временных лет».

Таков этот главный источник автора «Повести временных лет».

Автор положил его в основу своего повествования, дополнив сведениями из Хронографа, расчленив его тексты на погодные записи, дополнив их сведениями Яна Вышатича, Святополка Изяславича и своими собственными, среди которых следует особо отметить две вставки, связанные с борьбой против латинской ереси

и иудейской веры. Автор не все тексты своего источника расчленил на погодные записи. Это и позволяет проследить этот источник внутри авторского текста. Видимо, не всегда автор мог установить датировку нерасчлененных описаний и не всегда он замечал, что в этих описаниях речь идет о разновременных событиях.

Изучение его работы по редактированию своих источников позволяет понять ее особенности, сравнить эти особенности с результатами работы редактора 1119 г. над текстом самого автора и в результате этого сравнения идти к выводу о том, что и автор, и редактор применяли одни и те же методы обработки своих источников, оставляли одинаковые следы своей работы в виде повторов, смысловых или хронологических противоречий, а иногда и в виде целых неизменных фраз, стоящих, однако, в новом контексте и окружении. Следовательно, работу редактора 1119 г. нельзя модернизировать и представлять в виде чуть ли не цензуры Мономаха. Он работал над текстом своего источника как его полноправный автор, а не просто как редактор. Он делал свою летопись, как до него и автор «Повести временных лет», тоже на основании имевшихся у него источников, делал тоже свою летопись. Древние летописцы были одновременно и творцами, и копиистами, и вдохновенными авторами, и пунктуальными компиляторами. Их работу нельзя сравнить с работой ни современных авторов, ни современных редакторов.

Еще раз о Печерском летописце

До выявления текстов древней летописи мы не могли ответить на вопрос о том, не начинался ли Печерский летописец с изложения русской истории. Теперь на этот вопрос можно ответить отрицательно. Печерский летописец еще не был связан с древней летописью, не разбитой на годы. Ведь мы проследили, что ее переработка сделана именно автором «Повести временных лет» после 1099 г. (взятие Иерусалима) и на основе Хронографа, привлеченного для этого труда.

Еще один источник автора

Текст древней летописи, отличающийся необычайной цельностью и былинностью стиля, еще не был связан с церковной фразе-

ологией и уходил в гушу народной речи. Поэтому-то библейские цитаты и контрастируют столь резко с текстом древней летописи, так же как и моралистические, насыщенные церковными образами лирические сентенции автора «Повести временных лет». А.А. Шахматов показал, что все эти цитаты взяты из одного и того же паремийника¹⁸. Они значительно расширили и изменили текст древней летописи, придали несвойственный ему до того характер, снизили его эпический стиль, привнеся лирико-драматический элемент в спокойно и плавно развивавшееся повествование. Именно эти цитаты из паремийника осовременили древний текст, приблизили его к злобе дня, обратили внимание читателя на его актуальность. Так, вставленная автором цитата о князе и его слугах и советниках придала рассказу об убийстве Бориса и Глеба еще большую злободневность и позволила автору высказаться по одному из важнейших политических вопросов, его волновавших.

Выявление Киевской летописи 1070-х гг. позволяет поставить два вопроса. Во-первых, эта летопись соединила киевские и новгородские сведения, которые в ее пределах нельзя отделить друг от друга. Подобное соединение, свод сведений, различных по происхождению (киевских и новгородских), позволяет назвать эту летопись Киевской Начальной летописью. Во-вторых, отмечая, что ее особенностью была нерасчлененность повествования на погодные даты, можно говорить о независимости ее формы от византийских летописей, которые, видимо, не были знакомы ее составителю. Таким образом, русское летописание не связано по своему происхождению с византийским. Оно самобытно по форме и не зависимо от Византии по своему содержанию. Влияние византийского летописания проявилось только в начале XII в., при создании «Повести временных лет», автор которой впервые использовал византийский хронограф.

В связи с нашей характеристикой Киевской Начальной летописи 1070-х гг. возникает вопрос, существовало ли русское летописание до создания этой летописи. Ответ на этот вопрос требует специальных разысканий. Можем сказать только, что один из обычных со времен А.А. Шахматова аргументов в пользу наличия в «Повести временных лет» «слоя» до 1044 г. не бесспорен. Дело вот в чем. Под 1044 г. говорится о перезахоронении праха Олега

¹⁸ См. в тексте «Повести временных лет» (Шахматов А.А. Повесть временных лет).

и Ярополка, а при описании погребения Олега под 977 г. сказано, что его могила сохраняется и «до сего дня». Казалось бы, это описание принадлежит летописцу, писавшему до перезахоронения Олега в 1044 г. и до разрушения могилы. Однако это перезахоронение не обязательно должно быть связано с одновременным разрушением могилы (курганной, конечно). Для X–XI в. на Руси известны многие десятки кенотафов – курганов без погребений, насыпанных в память о покойном человеке. Такой кенотаф мог остаться и после перезахоронения Олега. Отметим, что фраза «и до сего дня», частая в летописи, принадлежит, конечно, ее автору начала XII в., бывшему не только историком, но и археологом, если судить по его интересу к древним урочищам и курганам, раскопке могилы Феодосия в 1091 г. Однако невозможно доказать отсутствие летописания до 1070 г. (как и обратное). Можно только сказать, что если оно и было, то в еще начальной и неразвитой форме. Определить эту форму мы не беремся.

Таковы основные источники автора. Конечно, их было больше, как было больше и вставок автора, нежели то их число, которое мы в состоянии выделить. Однако выявленного достаточно, чтобы представить общий характер авторской переработки древней летописи.

Отделив от авторского текста вставки редактора и цитаты из древней летописи, мы получаем возможность оперировать исключительно с авторскими текстами «Повести временных лет» и на их основе обрисовать идейный облик этого замечательного произведения.

Это и составит задачу следующей главы.

Глава 8

ИДЕЙНЫЙ ОБЛИК «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Традиционным началом исторического повествования, будь то летопись или житие святого, был в древности рассказ о сотворении мира. Начиная с него свой труд, древний писатель как бы вписывал изображаемые им события в рамки всемирной истории, масштаб которой увеличивал значимость этих событий, их закономерность, их связь со всем предшествующим человеческим развитием. Таково начало, например, «Чтения об убиении Бориса и Глеба», написанного великим Нестором.

Автор «Повести временных лет» поступил иначе. Свое изложение он начал энергичным и кратким рассказом о разделе земли после Всемирного потопа между сыновьями Ноя. А предварил он это неожиданное и новое для русского читателя начало политически острым предисловием, в котором современным князьям и их дружинникам, погрязшим в междоусобицах и взимании «неправых» вир и продаж со своих подданных, противопоставлены древние князья и их дружинники, которые «расплодили» Русскую землю, сплотили ее для защиты своих земель и для их расширения. Благодаря этому злободневному предисловию и начальный рассказ о разделе земли после потопа воспринимается как своеобразный поэтический эпиграф ко всему дальнейшему повествованию, как поэтическая аллегория, в зыбких рамках которой легко уместятся личности современников автора – трех Ярославичей. Три сына Ноя – это всего лишь исторические одежды, в которых выступают перед нами три Ярославича. Доказывается это не только смысловой связью рассказов о смерти Ноя и Ярослава, но и чисто текстуальной их тождественностью. Автор в одних и тех же словах и выражениях повествует о завещаниях Ноя и Ярослава, благодаря

чему тема о несправедливости захвата «братней» земли становится лейтмотивом всей «Повести временных лет».

Будучи предварены символическим рассказом о разделе земли после Ноя и несправедливости каких-либо переделок этого раздела, все остальные рассказы «Повести временных лет» о бесчисленных усобицах воспринимаются читателем как развитие, обогащение, осмысление все той же главной темы, с изложения которой открывается произведение. Причем автор порой не удовлетворяется простым изложением очередной усобицы со своей точки зрения, а вновь и вновь повторяет все те же слова о нарушении «заповеди отней», с которых начинается его повествование.

Чтобы убедиться в текстуальной тождественности всех трех рассказов о Ное, Ярославе и Ярославичах и их принадлежности одному автору, приводим соответствующие цитаты из них.

РАССКАЗ
О НОЕ

«Сим же и Хамъ и Афеть, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никому же въ жребий братень, и живяхо кождо въ своей части».

ПВЛ, с. 10.

РАССКАЗ
О ЯРОСЛАВЕ

«И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити».

ПВЛ, г. 1054, с. 108.

РАССКАЗ
О ЯРОСЛАВИЧАХ

«...и съдоста на столѣ на Берестовомъ, преступивша заповѣдь отню... А Святославъ съде Киевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же божью. Велиий бо есть грех преступати заповѣдь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову, и по 400 лѣтъ отмщенье прияша от бога... Пакры преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прия убийство; не добро бо есть преступати предѣла чюжего».

ПВЛ, г. 1073, с. 121–122.

Так определяется основная тема «Повести временных лет». Все три текста принадлежат одному автору. Все они прямо говорят

о необходимости соблюдения «заповеди отней», то есть закрепления навечно раздела Русской земли. Обычно «Повесть временных лет» воспринимается как произведение, призывающее князей покончить с усобицами и сплотиться против общего врага — половцев. Рассказы о древних печенегах воспринимаются как напоминание о когда-то очень эффективной обороне Руси, во главе которой стоял один князь — Владимир, что несколько затемняет действительную политическую позицию автора. Автор за единство Руси, но Руси, уже разделенной на множество земель, в каждой из которых сидит свой князь, Руси, в которой фактической силой являются три семьи Ярославичей, эти три ветви когда-то более пышного генеалогического дерева рода Ярослава. Автор за единство этой Руси, но чисто внешнее, обращенное вовне, к воинственным соседям. И в то же время он прямо выступает за увековечивание внутреннего раздела, справедливость которого освящается рассказами о разделе земли между сыновьями Ноя и Ярослава. Вот почему «Повесть временных лет» имеет столь нетрадиционное начало, которое точно соответствует политической позиции ее автора.

Видимо, во время работы автора на Руси еще не созрели условия для объединения всей страны, для уничтожения границ между ее землями, тогда как политические тенденции к такому объединению уже появились и, наталкиваясь на сопротивление потомков Ярослава, с полным правом и убежденностью борющихся за соблюдение «отней заповеди», приводили к кровавым результатам. Автор с горечью рассказывает о насильственной смерти то одного князя, то другого, не понимая, что борьба за объединение страны началась сразу же после смерти объединителя, Ярослава, бывшего одновременно и первым князем, который своим завещанием расколол Русь на несколько княжеств. Автор в качестве примера «братского» раздела Руси рассказывает о том, как это сделали Ярослав и Мстислав после многолетней войны. Следовательно, автор выступает против тенденции объединения Руси под началом одной из семей Ярославичей. Эту тенденцию в конце XI — начале XII в. представлял Владимир Мономах, в руках которого ко времени его вокняжения в Киеве в 1113 г. оказалась чуть ли не вся Русь (Киев, Новгород, Смоленск, Переяславль, Ростов и Суздаль). Именно эту тенденцию, приводящую к усобицам, осуждает автор и, наоборот, воспекает ее редактор, выдвигая на первый план рассказов о борьбе с половцами фигуру своего князя — Владимира

Мономаха. Для автора же «Повести временных лет» эта тенденция и непонятна, и «зла», он за мир и «тишину» на Руси. Неслучайно, что после рассказа о том, как Ярослав и Мстислав поделили Русь по Днепру, он с удовлетворением отмечает: «И начаста жити мирно и в братолюбствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли». Это нарушение нормы он воспринимает как норму, тогда как ею, по его же собственному свидетельству, были усобица и мятеж, а не «тишина». Этим объясняется и противоречивость его позиции, и то, что она не удовлетворила Мономаха, заказавшего своим книжникам переделку произведения и только в таком, уже переделанном виде допустившего его широкое распространение на Руси.

Автор не только повторяет начальные свои слова о греховности нарушения «отней заповеди», о необходимости подчинения старшему брату младшего, но и под этим углом зрения описывает ряд эпизодов древних междоусобиц. Одной из наиболее эффективных тем для автора являются рассказы об убийстве Бориса и Глеба, об их канонизации в 1072 г., о перенесении их мощей в новый вышгородский храм в 1115 г. Описанием этих событий заканчивается «Повесть временных лет», и то, что звучало в первом рассказе о Борисе и Глебе трагически, теперь, в рассказе о том, как князья перессорились из-за того, где следует поставить раки с мощами — в угловой камере, как завещал Святослав, или в центре, как того хочет Мономах, — теперь это звучит почти комически и служит лучшей характеристикой действительного положения вещей, чем любые моралистические сентенции. Неслучайно, что именно этот рассказ подвергся редакционной переделке, в результате которой фигура Мономаха выдвинулась на первый план.

Однако автор не всегда стремится дать объективную картину той или иной усобицы. Он часто высказывает и свое мнение. Однако делается это под видом цитирования подходящих мест из паремийника. Выписывание библейских цитат и служит лучшим способом для высказывания собственного мнения. Своеобразие авторской «Повести временных лет» как раз и состоит в этом переносе центра тяжести с прямых высказываний на косвенные параллели с библейскими мотивами, с рассказа о современных автору событиях на повествование об уже отошедших в безопасное прошлое войнах и усобицах. Действительно, и библейских цитат, и прямых авторских высказываний гораздо больше в начале и середине тек-

ста «Повести временных лет», чем в последней ее части. Казалось бы, рассказы автора о современных ему событиях должны отличаться особенной подробностью и их изображения, и их осмысления. Однако именно события 1080-х — 1110-х гг. описаны без этих подробностей, без их осмысления, кратко и лаконично, как будто это не живое настоящее, а уже мертвое прошлое. Описания автора не выходят за пределы хроникальных заметок. Эта черта его изложения, а следовательно, и отношения к современным событиям, особенно наглядно выступает при сравнении с теми обширными вставками, которые сделаны редактором. Политическая насыщенность редакторских вставок еще больше оттеняет объективистскую сухость авторских заметок. В то же время эта черта авторского рассказа, становящегося все более кратким и сухим по мере его приближения к современности, еще больше показывает, что именно древние рассказы несут главную идейную нагрузку, а, казалось бы, далекие от современности библейские мотивы цитат из паремийника делают актуальным рассказ о древних событиях. Неслучайно, что именно в предисловии автор заговаривает о неправых вирах и продажах, творимых нынешними князьями и дружинниками. Рассказом же о злых, недобрых советниках окаянного Святополка он воспользовался, чтобы привести соответствующую цитату из паремийника о важности для князя иметь хороших и мудрых советников. Эта тема о княжеских слугах, часто действующих в обход князя и орудующих за его спиной, является не менее важной для автора, чем тема о самих князьях и их отношениях друг с другом. По существу, тема о слугах и дружинниках развивает первую тему о князьях и как бы переносит обвинение с князей на их слуг, давая в то же время князьям выход из трудного положения. По автору, часто выходит, что виноваты слуги, а не сами князья, поддавшиеся их уговорам. Это типичная для средневекового мышления тема. Автор возвращается к ней и в предисловии, и в связи с упоминаниями таких воевод, как Блуд при Ярополке, или Волчий Хвост при Ярославе, или Славята при Мономахе. Эта же тема разрабатывается им и на примере убийцы Бориса и Глеба, Святополка, рассказывая о котором, он приводит цитату из паремийника о мудрых советниках при князе. Тема была злободневна для автора еще и потому, что незадолго до его работы над «Повестью временных лет» в Киеве произошло грандиозное восстание, направленное в первую очередь против воеводы и сотских Святополка (1113).

Поэтому-то, описывая смерть Всеволода за двадцать лет до этого восстания, автор прямо обвиняет слуг и дружинников этого князя в произвольном повышении налогов, пользуясь при этом теми же выражениями, что и в своем предисловии.

Тема обвинения княжеских слуг волновала не только автора и широкие слои киевлян. Она звучит и в одном из посланий тогдашнего митрополита Никифора к Мономаху по случаю церковного поста. Это послание написано после 1113 г. (вокняжение Мономаха) и до 1121 г. (смерть Никифора). На первый взгляд, автор этого послания не преступает невидимую границу между церковной догматикой и современной политикой, однако, знакомясь с этим посланием, убеждаемся, что он все-таки делает это, причем в очень тонкой, поэтически закамouflированной форме. Пользуясь сложными метафорами, Никифор, по существу, высказывает свое отношение и к внутренней, и к внешней политике Мономаха. Он сравнивает глаза и уши князя с его слугами и воеводами и, пользуясь затем этим сравнением, говорит уже только о глазах и ушах князя. Митрополит осторожно намекает, что нельзя полностью доверять своим ушам (то есть донесениям слуг и воевод), а надо самому все увидеть и понять (то есть пользоваться собственными, а не чужими глазами).

Мономах, видимо, болезненно воспринял этот намек. Доказательством этому служит, по нашему мнению, его собственное «Поучение», в котором он не раз подчеркивает, что все в своей жизни делал сам, ничего не порекомендовав ни биричу, ни посаднику, ни отроку. «Поучение» воспринимается поэтому как своеобразный ответ митрополиту. Так послание митрополита Никифора и ответное «Поучение» Мономаха оказываются связанными идейной проблематикой с «Повестью временных лет», автор которой трижды прямо высказывает свое отношение к слугам и воеводам князя. Во всех пяти приводимых ниже текстах из указанных произведений на первом месте стоят как раз слова о княжеских дружинниках и советниках, которые и позволяют говорить об актуальности этой тематики именно в период создания «Повести временных лет» после знаменитого восстания 1113 г. против «слуг и воевод» князя. [См. текст в рамке на с. 160—161. — *Прим. ред. изд.*]

Итак, автор противопоставил современным князьям и дружинникам древних князей и воинов, выступил за объединение всех усилий для победы над половцами. Этим идеям он подчинил

свой рассказ об историческом прошлом, будучи вместе с тем очень осторожен при изложении современных ему событий. Однако этим не исчерпывается идейное содержание «Повести временных лет». В ее тексте отразилась и еще одна сторона идеологической жизни второго десятилетия XII в.

В это время вновь возникает грозная для православных церковников опасность сближения с католическим Западом. Возрождается опасность латинской ереси. Опасность увеличивается еще и тем, что князь Мономах обостряет отношения с Византией, посылая на Дунай свое войско. В одном только 1116 г. состоялись два похода на Дунай против Византии. Этим-то и обеспокоен грек – митрополит Никифор, и это беспокойство звучит во всех его посланиях против латинян. Одно из этих посланий направлено прямо Мономаху. В нем, конечно, ни слова не говорится об опасности политического отхода от Византии и лишь описывается латинская опасность. Митрополит выступает не только против церковного сближения с латинянами, но и против каких-либо связей с ними, будь то родственные или чисто политические отношения. В эту борьбу против латинской ереси включился и автор «Повести временных лет». Характерны его постоянные ссылки на авторитет апостола Павла, которого столь же часто цитирует и митрополит в своих посланиях. У этой борьбы были свои старые и прочные традиции, и как митрополит, так и автор «Повести временных лет» хорошо знали антилатинскую литературу своих предшественников. Поэтому-то столь текстуально близки послания Никифора и «Поучение против латинян», вставленное автором в текст древнего рассказа о выборе вер Владимиром. Автор вставил также рассказ о хазарском посольстве, выступив и против другой, иудейской веры. В начальной же «Повести» автор рассказал о проповеди апостола Павла, этого признанного патрона православных среди славян, о переложении греческих книг на славянский язык. Автор использовал в своей антилатинской пропаганде и рассказы о более древних переговорах Ярополка с Римом, о посольствах в Рим и из Рима. Эти сведения в дальнейшем выпали из «Повести временных лет» и сохранились только в Никоновской летописи и у В.Н. Татищева. Они очень интересны для характеристики антилатинской политики автора. Каждое из этих посольств сопровождается необычными происшествиями на земле и на небе, которые, конечно, воспринимаются автором как дурные знамения. Дожди, засуха, голод, солнечные

ПРЕДИСЛОВИЕ

1015 г.

«...Тѣи бо князи не збираху многа имѣннѣя, ни творимыхъ вирь, ни продажъ въскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ...».

НПЛ, с. 104.

«Лютѣ бо граду тому, в немъ же князь унѣ», любяй вино пити съ гуслими и съ младыми свѣтники. Сяковыя бо богъ даетъ за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь, яко же Исаия глаголетъ: «Отъиметь господь отъ Иерусалима крѣпкого исполина, и челоуѣка храбра, и судью, и пророка, и смѣрена старца, и дивна свѣтника, и мудра хитреца, и разумна, послушлива...».

ПВЛ, г. 1015, с. 95.

затмения — весь этот аксессуар знамений сопровождает каждое из сношений с латинским Римом. У читателя не остается никаких сомнений об отношении Бога к этим сношениям, так же как и об отношении автора к этим фактам, случайно или не случайно выпавшим из текста редактора¹.

Редактор придерживался вслед за своими заказчиками иной точки зрения на отношения с Западом. Он прежде всего включал в авторский текст сведения о варяжском происхождении Руси. В связи с половецкими набегами он призвал к объединению всех христиан, против чего как раз и выступал митрополит Никифор, предостерегавший князей от каких-либо контактов с западной церковью, с латинянами. Митрополиту было ненавистно одно имя Рима, а редактор мечтает о том, чтобы слава о победе Мономаха дошла до самого Рима². Митрополит и автор ссылаются постоянно на авторитет Павла, а о патроне римской церкви Петре и не упоминают. А редактор оттесняет легенду о Павле на задний

¹ ПСРЛ. Т. 9: VIII. Летописный сборник..., г. 6487, с. 39; г. 6499, с. 64; г. 6502, с. 65; г. 6508, с. 68; г. 6509, с. 68; г. 6511, с. 68.

² ПВЛ. г. 1111, с. 195.

1093 г.

«И нача любити смыслъ уных, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити и, негодовати дружины своя первая и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людий продавати...».

ПВЛ, г. 1093, с. 142.

ПОСЛАНИЕ
НИКИФОРА
К МОНОМАХУ

«Князь не мога сам все творити очима своими от служащих орудием творящих и приносящим ти воспоминания ти от тех некако приходит ти пакость душевная, и отверсту сущу слуху, тем едином стрела входит ти...».

Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских. Ч. 1. М., 1815. С. 71–72.

«ПОУЧЕНИЕ»
МОНОМАХА

«Еже было творити отроку моему, то сам есмь створиль, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зноу и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, сам твориль, что было надобѣ, весь нарядь...».

ПВЛ, с. 163.

план повествования, выдвигая при этом на передний план легенду о путешествии брата Петра, Андрея, в Рим через Киев и Новгород. Выходит, что дорога из Киева ведет не в Царьград, а в католический Рим...

Обострением отношений с Царьградом объясняется и другая обширная вставка редактора. Это текст договоров Олега, Игоря и Святослава с греками. Договоры эти были заключены как раз в связи с русскими походами на Дунай, туда же, куда в 1116 г. дважды направил свое войско и Мономах. Спор с Византией шел из-за дунайских владений Руси. Возможно, что именно от участников этих походов редактор узнал о легенде, связанной с дунайским Киевцем, основанным легендарным Кием. Тогда стало бы понятно некоторое противоречие между этой легендой, вставленной редактором, и авторскими рассказами о Кие.

Итак, как мы видим, не только слова автора о древних князьях и их дружинниках вызваны политической действительностью времени создания «Повести временных лет». Этой же политической действительностью, борьбой с латинской ересью и, с другой стороны, обострением отношений Мономаха с Византией вызваны авторские высказывания против латинян.

Как видим, «Повесть временных лет» преследовала не только познавательные цели, а была живым откликом на самые важные политические события. Эта связь с реальной политической действительностью своего времени придала авторскому слову взволнованность и выразительность, сделала его понятней и доходчивей, привлекла к этому произведению внимание и современников, и потомков, всегда находивших в его тексте подходящие исторические аналогии.

«Повесть временных лет» была насыщена многими и весьма злободневными вопросами. Здесь и призыв к единству, и противоречащий этому призыву запрет нарушать заповедь Ярослава, разделившего Русь между своими сыновьями. Здесь и обвинение князей в усобицах, взимании неправых вир и продаж с населения, и противоречащее этому обвинению объяснение, что во всех бедах виноваты не столько князья, сколько их воеводы и слуги, все эти Блуды, Волчьи Хвосты, Славяты и Путяты. Здесь воспевание русской национальной церкви и прославления первых ее святых, и в то же время защита православных основ этой церкви наперекор распространению латинской ереси.

Богатство идейного содержания не волновало бы столь глубоко и древнего, и современного русского читателя, если бы не было облечено в яркую художественную форму.

Вопрос о художественных особенностях и достоинствах «Повести временных лет» имеет свои трудности и составляет особую, следующую главу нашей работы.

Глава 9

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

У истоков русской исторической науки и художественной литературы стоит один и тот же выдающийся памятник древней письменности – «Повесть временных лет».

Его изучением занимаются поэтомы и текстологи, и литературоведы.

Текстологов интересуют история создания текстов «Повести временных лет», вопросы отделения авторских текстов от редакторских дополнений и от текстов более древних предшественников автора.

Литературоведы, наоборот, стремятся не расчленять текст «Повести временных лет», а изучать его в том реальном виде цельного произведения, в котором он дошел до нас¹. Этим объясняется и неизбежность споров между литературоведами и текстологами. Для одних текст «Повести временных лет» распадается на свои составные части, для других он, наоборот, понятен и выразителен как единое повествование, особенности которого вызваны отличительными чертами художественной концепции древнего автора.

Возникает вопрос, нельзя ли при изучении текстологической истории «Повести временных лет» воспользоваться приемами литературоведческого анализа и, с другой стороны, нельзя ли привлечь текстологические факты для более точной оценки художественных особенностей всего произведения в целом или отдельных его частей? Ведь в этом произведении равным образом представлены и древняя историческая наука, и древняя художественная литература, а ее автор был одновременно и историком, и писателем. Это не означает, что в произведении рядом с достоверными

¹ *Еремин И.П.* «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946.

фактами находятся и вымышленные. Это означает лишь, что при недостатке живых подробностей о том или ином событии автор мог воспользоваться чисто художественными средствами для полнокровного описания далекого от него события. Это означает, что мы вправе заинтересоваться и тем, как отразился на цельности и единстве всего текста тот факт, что он создан все же одним автором.

Нам уже известно, что текст «Повести временных лет» складывается в основном из трех элементов: 1) из текста древней летописи, не разбитой на годы; 2) из дополнений, сделанных автором к этой летописи на основе своих устных и письменных источников, и, наконец, 3) из тех вставок, которые были сделаны редактором, одновременно переработавшим и некоторые из текстов своего предшественника. Руководствуясь этим представлением о тексте «Повести временных лет», следует попытаться охарактеризовать художественные особенности этих элементов с целью последующего использования таких характеристик для сопоставления с текстологическими результатами.

Первое, что бросается в глаза при чтении «Повести временных лет», это необычайная стилевая разнородность ее текста.

Живописные, полные свежих подробностей рассказы сменяются строго выдержанными в церковно-каноническом духе картинами. За взволнованной авторской речью от первого лица идут бесконечные выписки из паремийника. Обширные устные легенды сменяются немногословными хроникальными заметками. Раскрытие мотивов и смысла тех или иных событий или поступков соседствует с беглыми упоминаниями других фактов, которые описаны так, как будто летописец рассчитывал на хорошо осведомленных об этих событиях читателей. При чтении подобных текстов порой возникает впечатление присутствия при чужом разговоре, в котором понятны лишь отдельные фразы, но не весь его смысл. В одних случаях автор настойчиво навязывает читателю свое мнение, убеждает его в своей правоте, а в других случаях, особенно если это касается совсем недавних событий, участники которых еще живы, автор, наоборот, не только не высказывает своего мнения, но и прячет его под мнимо объективным документальным протоколом событий.

Чем же вызвана эта стилевая чересполосица? Тем ли, что в «Повести временных лет» соединены тексты многих авторов, или какими-то другими причинами, связанными с особенностями-

ми художественного мышления автора? Почему события одного и того же типа, например, битвы, описаны в летописи по-разному? С другой стороны, чем объяснить, что один и тот же автор, описывая хоть и сходные, но все же разные факты, прибегает к дублировке своего описания, как поступил, например, редактор, сходно описавший два съезда князей в 1103 и 1111 гг.?

Возьмем для примера два описания каких-либо сходных фактов, например, двух битв Ярослава со Святополком, и на примере этих описаний попытаемся установить причину того или иного художественного оформления.

Итак, перед нами рассказы о Любечской битве 1016 г. и Альтской битве 1019 г. Лучше всего эти тексты сохранились в Софийской Первой летописи, откуда они и приводятся.

1016 г.

«Въ лѣто 6524. Прииде Ярославъ на Святополка, и сташа противу себе оба полы Днѣпра и не смѣяхуть и ни си онехъ, ни они сихъ начать и стояша 3 мѣсяци противу себѣ, не смѣющесе соступити. И нача воевода Святополчъ именемъ Волчи Хвостъ, ѣзда возлѣ брегъ, укаряти Новгородьци, глаголя: «По что приидосте со хромцемъ симъ, а вы плотници суще. Приставимъ васъ хоромовъ рубити нашихъ». Се слышавше, Новгородьци рѣша Ярославу: «Яко заутра переведемся на нь. Аще ли кто не поидеть с нами, то сами потнемъ». И бѣ бо уже въ заморозъ, а Святополчъ стояше межю двѣма озеромъ и всю ноць пиль бѣ с боляры своими. И нача Днѣпръ мерзнути. И бяше Ярославу мужъ въ приязнь у Святополка. И посла к нему Ярославъ отрокъ свои нощию, рече к нему он си: «Что ты тому велиши творити: меду мало варено, а дружины много». И отрече ему мужъ ти: «Рци тако Ярославу: Да аще дружины много,

1019 г.

«Въ лѣто 6527 прииде Святополкъ съ Печенѣгы въ силѣ тяжцѣ. И Ярославъ вои множество собра. И взыде противу ему на Лто Ярославъ и ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса. И въздѣвъ руцѣ на небо, и рече: «Кровь брата моего выпьетъ къ Тебѣ, Владыко! Мсты отъ крови праведнаго, якоже мстыль еси кровь Авелеву, положивъ на Каинѣ стена и трясение. Тако положи и на семь». Помолився и рече: «Братья моя! Аще тѣломъ отшла еста отсюда, но молитвою помозѣте ми на противнаго сего убицю и гордаго». И се ему рекшу, поидоша противу себе и покрыша Лягское поле обои отъ множества вои. И бысть сѣча зла, яко же не бывала такова въ Руси: за руки емлюще, сѣцахуся и съступашася 3-жци. И по удолиямъ крови течаша, и мнози вѣрнии видяху ангелы, помогающе Ярославу, и къ вечеру одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжашу ему, нападе на нихъ страхъ и раслабишася кости его...».

СПЛ, с. 89.

а меду мало, да к вечеру дати”. И разумѣвъ Ярославъ, яко в ношь велить съшися. Ярослав же заутра исполчився воемъ своимъ, противу свѣту перевезеся на ону страну Днѣпра и выседе на брегъ. Отринуша лодья отъ брега и тои нощи поидоша противу себе на съчю. И рече Ярославъ своимъ воемъ: “Знаменайтеся, повиваите главы себѣ убрусомъ”. И съступишася на мѣстѣ, и бысть съча зла. И не бѣ лзѣ озеромъ Печенѣгомъ помагати. И притиснуша Святополчи вои къ езеру, и выступиша на ледъ. И обломися с ними ледъ, и одолѣти нача Ярославъ».

СПЛ, с. 87–88.

Прочитав эти тексты, убеждаемся, что двух более противоположных описаний битв в «Повести временных лет» мы не найдем. Описание Любечской битвы сходно со многими текстами древней летописи, не разбитой на годы. Наоборот, описание Альтской битвы и особенно заключающий это описание рассказ о бегстве Святополка, наполненный характерными для автора «Повести временных лет» цитатами из Хронографа, отличается от древнего рассказа о Любечской битве выдержанностью своего канонического стиля, церковной терминологией и символикой.

В описании Любечской битвы не найдем ни одного литературного штампа, ни одной так называемой этикетки. Наоборот, штампами и этикетками наполнено все описание Альтской битвы. Все в этом описании имеет свое значение, все неслучайно, все многозначительно: и то, что битва произошла как раз на месте убийства Бориса, и то, что это случилось как раз в день этого убийства. Эта последняя подробность — единственная из связанных с действительностью, а не с тем призрачным мистическим миром, в котором развертываются остальные события. Однако и эта подробность, указание на «пятюк», в который произошла битва, имеет многочисленные аналогии в летописании. Битв, происходивших в «пятюк», так много, что эти упоминания были приняты одним историком за обозначение боевого порядка рус-

ского войска, якобы сражавшегося в виде латинской цифры V. Чем же объяснить то, что многие летописные битвы действительно происходят в пятницу? Видимо, особым значением этого дня недели дня христиан. В пятницу распяли Христа, и этот факт, видимо, воодушевлял русских воинов во время битвы, ведшейся как бы с врагами Христа. Не было страшно и умереть в день смерти Христа. Этим и объясняется, что «пятток» стал своеобразным литературным штампом, без которого иные описания не обходились.

Однако пятница приходилась в год Альтской битвы как раз на день смерти Бориса, на 24 июля, поэтому ее упоминание и выглядит более реально, чем остальные этикетки этого описания. Оно столь противоречит стилю рассказа о Любечской битве, что возникает предположение, что оно сильно переработано автором «Повести временных лет» по сравнению с тем его видом, какой оно имело в древней летописи, не разбитой на годы. Следы этой переработки имеются в рассказе под 1019 г. в виде многочисленных цитат из Хронографа. Это и объясняет появление в пределах древней летописи столь несвойственной ее лапидарному стилю церковно-канонической образной тематики. Выходит, что литературность, этикетность возникает под пером автора «Повести временных лет» не тогда, когда ему хорошо известны все обстоятельства воинского сражения, например, как при описании сражений 1078 или 1093 гг., а тогда, когда речь идет о древнем важном событии, лишенном живых подробностей, но требующем своего достойного отражения в летописи. Литературный этикет, следовательно, возникает еще не как следствие особого художественного мировоззрения, а как единственно возможная и доступная замена отсутствующих конкретных подробностей.

К тому же выводу приходим и при рассмотрении другой группы описаний сходного материала — портретов умерших князей. По мере удаления вглубь веков эти портреты становятся все иконописней, а сквозь эту иконопись, сквозь созданный по всем правилам литературного этикета лик древнего князя с трудом можно разглядеть одну-две черты его подлинного портрета.

Так, если портрет Святополка Изяславича, по всей видимости, хорошо знакомого автору, органически сочетает и реальную характеристику его внутреннего облика, и изображение его внешности, то уже в портрете Изяслава, которого автор вряд ли знал или не знал так же хорошо, как Святополка, внешние черты переданы чисто

этикетными средствами, а внутренний облик обрисован при помощи библейских цитат и рассуждений, скорее всего, услышанных от Святополка. Портреты Мстислава и Ростислава уже чисто иконописны, а портреты более древних князей и вовсе отсутствуют. Их заменяют рассказы о происшествиях, связанных с этими князьями.

Особенно хорошо литературные приемы воссоздания живописной картины давно минувших событий видны на примере редакторской работы, следы которой более очевидны, чем следы авторской переработки древней летописи, не разбитой на годы. Излюбленным приемом редактора было как бы удвоение описаний и самих событий. Зная, что одно событие произошло так-то, а не иначе, редактор смело воссоздавал картину другого подобного события по имевшемуся образцу. Так, например, он одинаково описывает конец княжения Олега и конец княжения Игоря, эпизоды, предшествующие их гибели. Одинаково говорится: «И приспе осень». Или, считая, что победоносный поход Олега на Византию не мог не закончиться мирным договором, редактор делает выборки из подлинного договора 912 г. и составляет по его образцу никогда не существовавший договор 907 г.² Точно так же он поступает и при описании съездов 1103 и 1111 гг., дублируя одно из них и составляя по его образцу другое. Таким же образом он поступает, удваивая единственное сообщение о нашествии саранчи под 1095 г., описывая такое же нашествие под 1094 г., где это описание понадобилось для сравнения половцев, приведенных Олегом, с саранчой. Зная об этих приемах редактора, мы понимаем, что и перенеся описание сражения Ярослава с печенегами из статьи 1017 г. в статью 1036 г., редактор воспользовался имевшимся в авторском тексте описанием битвы Мстислава и Ярослава в 1025 г. В обоих текстах — и в авторском под 1025 г., и в редакторском под 1036 г. — в одинаковых фразах описывается трехчленный боевой порядок войск Мстислава (1025) и Ярослава (1036).

Характерно, что, перенеся из статьи 1064 г. в статью 1068 г. описание другой битвы (Изяслава с Сокалом), редактор составил речь русского князя по образцу речей его предков, также встречающихся в текстах его предшественника. Этот предшественник, обрабатывая текст древней летописи, видимо, пользовался теми

² *Шахматов А.А.* Несколько замечаний о договорах с Греками Олега и Игоря // Записки Нефилологического общества при Императорском Петроградском Университете. Пг., 1915. Вып. VIII: Сборник в честь Ф.А. Брауна. С. 400.

же приемами, что объясняет, например, наличие в его рассказе о битве 1025 г. сходных фраз, встреченных нами и в описаниях Альтской битвы 1019 г.

Все эти примеры подтверждают предположение о том, что литературность, этикетность изображения возникает в «Повести временных лет» главным образом при воссоздании и описании событий, при художественном оформлении кратких и невыразительных известий. Таковы же и вымышленные портреты некоторых древних князей.

Знакомясь с их биографией, мы порой замечаем противоречивость авторской позиции по отношению к одному и тому же лицу, будь то Ярополк, Изяслав или Владимир³. Эта противоречивость объясняется тем, что автор на самом деле занят не воссозданием биографии того или иного князя, а пишет своеобразную биографию самих событий. В его воображении еще не существует личности того или иного князя с тем или иным характером. Его воображение занято только отдельными фактами, и поэтому морализирующий по любому поводу автор то одобряет один поступок князя, то разоблачает другой его поступок.

Ярополк — злодей по отношению к Олегу, и авторские симпатии не на его стороне. Но тот же Ярополк завоевывает эти симпатии, как только становится жертвой Владимира. Изяслав — злодей по отношению к киевлянам или Всеславу в 1068 г. и жертва Святослава или Олега в 1073 или в 1078 гг.

Создавая свою биографию событий как имеющих общерусское значение фактов, автор воспользовался для этой биографии погодной хронологической сеткой. Погодность его записей, на первый взгляд, разрушает биографии его героев, на самом же деле позволяет автору подробнее остановиться на каждом из интересующих его событий. Так получается, что как бы разрушая образы людей, автор подходит с одной последовательной точкой зрения к оценке каждого из событий. Биографии людей дробятся, а авторская концепция истории как биографии событий, а не отдельных личностей выигрывает. Погодная система изложения придает всей «Повести временных лет» особую достоверность исторического произведения. Так особенности авторского художественного мышления объясняют появление чисто научной хронологической системы. Автора не интересует, что в ряде случаев он лишь

³ Еремин И.П. «Повесть временных лет»...

приблизительно и не совсем точно прикрепляет погодную дату к тому или иному событию. Для него важно лишь то, что читатель воспримет эту дату как особый значок, символ достоверности описываемого факта. В результате получается, что история стала для автора чисто художественной формой изложения материала: и собственного, и его предшественников. Эта историчность, тяга к достоверности, желание доказать подлинность передаваемых фактов прямо противоположна относительной хронологии былин или той древней летописи, не разбитой на годы, которой он широко воспользовался, обратив особое внимание на имевшиеся в ней относительные даты, связывавшие отдельные звенья событий в одну хронологическую цепочку, иногда и даже часто рвущуюся, но всегда возобновляющуюся.

В былинах или древней летописи события существуют в причинно-следственной связи друг с другом, а у автора эта их связь рвется порой для того, чтобы уступить место чисто временной связи и последовательности. Это одновременно и недостаток авторской научно-художественной концепции, и ее достоинство. Недостаток — с точки зрения появившейся впоследствии, через много веков, художественной формы, и достоинство — с точки зрения научного изложения истории. Этим и объясняется противоречивость текста всей «Повести временных лет». Она есть следствие не соединения текстов многих авторов, но сочетания научности и художественности в подходе автора к изображаемым им событиям (а не личностям). Он поступает как ученый, впервые вводя древнюю историю в строгие рамки погодной хронологий, и как художник, когда, пользуясь обычными средствами литературного этикета, восстанавливает смысл и картину событий далекого прошлого, сочетая прямые цитаты из Библии или Хронографа с этикетным описанием самого события (как в описании Альгской битвы).

Таким образом, чересполосица литературных стилей — следствие авторского художественного мировоззрения. Автор легко использует самые различные источники, его речь звучит и парадно, и буднично, в зависимости от темы, ритмы его описаний и величина периодов то и дело меняются, лирические отступления переходят в эпически мощные картины, а личные впечатления соседствуют с бесстрастными протокольными фразами, и все это создает необычайно выразительную общую картину летописного повествования.

Д.С. Лихачёв очень удачно сравнил древнюю летопись с разноцветной мозаикой, хорошо видной и производящей сильное впечатление при ее рассматривании издали и совершенно непонятной и невыразительной вблизи. Правда, летопись отличается от мозаики тем, что ее рассматривание возможно не только с отдаленных точек зрения, как это свойственно литературоведению, но и с более близких точек зрения, как это свойственно текстологии. И тот и другой метод не дают разных результатов, а лишь по-разному приводят к одному и тому же результату. Летопись мозаична, но не потому, что сложена из отдельных кусков текстов разных авторов, а потому, что сам автор, наподобие художника-монументалиста, сознательно пользуется в своей работе разноцветными фрагментами речи, разными «словесами», сила которых возникает и благодаря их собственной выразительности, и благодаря умело расположенным соседним частям всей «мозаики», как звучание красок увеличивается от их умелого распределения на холсте.

В современном литературном произведении художественная выразительность создается единством авторского отношения к изображаемым событиям и противоречивостью изображенных автором характеров.

Противоречивость характеров заменена в «Повести временных лет» противоречивостью ее стилистики, контрастами художественных форм, сложностью их сочетания друг с другом, что стало возможным только потому, что вся эта «мозаика» объединена цельным авторским отношением к русской истории. Этой цельностью и объясняется необычайное идейно-тематическое единство всей «Повести временных лет».

Это единство достигнуто несколькими средствами.

Во-первых, перед нами в этом произведении развертывается единый повествовательный поток. Главным героем этого повествования является Русь, ее государственность, а не отдельные более или менее удачливые князья. Подобно тому, как романист шаг за шагом прослеживает детство, юность и зрелые годы своего героя, прежде чем подойти к рассказу о главной коллизии, обусловленной всей его предыдущей биографией, так и автор «Повести временных лет» шаг за шагом прослеживает появление, рост и развитие Руси. Страница за страницей описывает он появление славян на Днепре и Ильмене, их нравы и обычаи, их первых князей, их первых христиан, их первые объединения, усобицы и мятежи. «Повесть

временных лет» – это своеобразная летопись первых проявлений исторической деятельности народа, вышедшего на мировую арену. Этим и создается впечатление необычайного тематического единства. В последующем летописании эта связь изложения с поступательным развитием всего народа будет уже утеряна, и сама летопись утратит свое тематическое единство. В противоположность более поздним летописям, в «Повести временных лет» повествование целенаправленно с первой и до последней страницы. Своей высшей кульминационной точки оно достигает в описании современного автору положения Руси, раздираемой княжескими усобицами и страдающей от половецких набегов. Повествование пришло к своему завершению, и тут читатель замечает, что оно было не только тематически, но и идейно едино, однородно и цельно. Автор рассказал русскую историю, поведал о временных летах с точки зрения своей современности, с точки зрения реально существующей общественно-политической жизни, что и объединило, казалось, разнородные темы в рамках одной повести. Эта идейная целостность объясняет и художественные достоинства всего повествования, делает его напряженным, заставляя читателя следить за развитием событий. При этом автор пользуется специфическими средствами для драматизирования своего изложения. Так, сделав лейтмотивной тему о несправедливости захвата братних земель, автор несколько раз возвращается к ней и прямо, повторяя одни и те же фразы и отдельные выражения, и косвенно, рассказывая о событиях, которые сами по себе напоминают читателю о начальной теме. Разъяснив читателю значение небесных знамений, автор затем уже без дополнительных разъяснений описывает ряд таких же знамений и последовавших за ними событий. Рассказав о нарушении крестоцеловальной клятвы в 1067 г., он описывает и последствия этого нарушения в следующем году. Упомянув в предисловии о неминуемом наказании божьем за неправые виры и продажи, автор связывает это наказание с «наведением поганых» на Русь и под 1068 г., и под 1093 г. описывает половецкие нашествия как проявления «божьего гнева».

Эти ассоциативные арки, переброшенные от одного текста к другому, от рассказа к рассказу, от сентенции к сентенции, и держат все грандиозное повествовательное здание его произведения, превращая его из обычной летописи в цельную повесть со своей единой проблематикой и самостоятельной художественной

системой. И автор все время поддерживает у читателя впечатление, что он знакомится с цельным произведением. Делается это при помощи и так называемых перекрестных ссылок, и ссылок на современную автору действительность.

Первые ссылки все время возвращают читателя к главной теме повествования, а вторые напоминают о связи этого повествования с современностью. Иными словами, ссылки первого рода поддерживают тематическое единство, а ссылки на современность укрепляют и обосновывают идейную целостность всего произведения.

Рассмотрим и те и другие ссылки.

«Мы же паки на послѣдование возвратимся, глаголюще сице о началѣ Русьския земля...»⁴, — пишет он в предисловии и в конце его, опять отвлекшись от главной темы, а на самом деле развив ее в своем лирическом отступлении, он опять делает перекрестную ссылку: «Си же таковая все оставльше, к (преждеупомянутой повести) возвратимся».

Или: «нъ мы на преднее возвратимся», «посем скажем в приключившихся летех сих».

Иногда он ссылается не на предыдущее, а на последующее повествование: «А о Феодосьеве житье паки скажем», или: «на том же холме церкви святаго Василиа есть, яко же последи скажем». «Мы же на преднее возвратимся».

Не меньше ссылок делает автор и на современность, и хотя зачастую эти ссылки связаны с древними курганами и урочищами, многочисленность этого обращения к современности вызывает у читателя невольное сравнение с ней и тогда, когда речь заходит об усобицах древних князей.

Единство повествования видно и из того, что автор называет то или иное событие первым в ряду ему подобных. Таковы его слова о первых набегах печенегов и половцев.

Интересно сравнить авторские перекрестные ссылки с редакторскими, также довольно частыми. Для редакторских ссылок характерно одно и то же выражение: «яко же рекохом прежде»⁵. Это

⁴ НПП, с. 103.

⁵ ПВЛ, с. 14, 14, 103, 181, 190, 192, 192. {Автор дает указанное выражение в обобщенном виде, на практике же формы «редакторских ссылок» были разнообразны. В частности, на с. 14, 103 и 192 фигурирует оборот «якоже рекохомъ», на с. 181 — «яко же и в прежнее льто сказахъ», и только на с. 190 обсуждаемое выражение читается так, как у М.Х. Алешковского: «яко же рекохомъ прѣже». — Прим. ред.}

выражение настолько характерно для редакторских вставок, что, встретившись с ним под 1093 г., не сомневаемся в редакционной переработке и этой статьи. Действительно, о погребении Всеволода в Софийском соборе сказано сразу в начале статьи с упоминанием точных дат, однако затем это сообщение повторяется, причем в связи с рассказом о Мономахе, и мы в этом месте как раз и находим характерную редакторскую ссылку: «яко же рекохом преже».

Различие авторских и редакторских текстов можно проследить и наблюдая за распределением по тем или иным записям отдельных слов и выражений, например, двух разных обозначений битвы — «сеча» и «брань». Оказывается, что термин «брань» встречается исключительно в пределах выявленных нами редакторских вставок (941, 1093, 1096, 1097, 1110, 1111), тогда как слово «сеча», во-первых, в этих вставках не встречается, а, во-вторых, имеется только в авторских текстах. Характерно, что слово «брань» имеется и под 1093 г., где, как мы только что сказали, встречены и другие следы редакционной переработки авторского текста. Напомним, что именно из этого текста выпали сведения о сыне Святополка, сохранившиеся в своде Всеволода, и сведения о брате Мономаха Ростиславе, его компрометирующие и сохранившиеся только в Киево-Печерском патерике.

Итак, сравнительное текстологическое и литературоведческое рассмотрение текста «Повести временных лет» приводит, прежде всего, к выводу о необычайном идейно-тематическом единстве этого произведения, отличающегося цельностью авторского мировоззрения, цельностью авторской политической и художественной позиции, несмотря на многосоставное, противоречивое и в то же время контрастное разнообразие его речевых средств.

История и литература не существуют в этом произведении отдельно друг от друга, это не соперники, а неразрывное творческое единство, разорвать которое невозможно без ущерба для текста, без искажения истории его создания или представления о его художественных достоинствах и недостатках.

Текстология и литературоведение не опровергают, а подтверждают выводы друг друга. Эти выводы не противопоставимы, а, наоборот, взаимно сопоставимы, что объясняется своеобразием самого произведения, одинаково важного и для историков, и для литературоведов и одинаково давшего исток и русской исторической науке, и великой русской литературе.

Глава 10

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПИСКА ТРЕТЬЕЙ РЕДАКЦИИ В НОВГОРОДЕ В НАЧАЛЕ XIII в.

Итак, выявление редакторских вставок, пропусков и перемещений позволяет более полно охарактеризовать авторские тексты «Повести временных лет». Это выявление произведено двумя путями – путем определения вставок в самом редакторском тексте на основе их объективных следов и путем сравнения этого текста с Новгородским сводом Всеволода, основанном на авторском тексте и поэтому содержащем отдельные тексты, опущенные или перемещенные редактором. В своде Всеволода совершенно отсутствуют те тексты вставок, которые были сделаны редактором, но имеется одно исключение из этого правила, о котором уже говорилось выше. В легенде о призвании варягов здесь, как и у редактора, сказано, что от этих варягов и прозвалась Русская земля и «суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска»¹. Этого утверждения в авторской «Повести временных лет» не было. Следовательно, перед нами вставка в текст свода Всеволода, сделанная то ли его составителем, то ли каким-то другим новгородским летописцем. Как же определить, кем она сделана?

Во-первых, отметим, что перед нами вставка на основании сведений, появившихся только у редактора, следовательно, вставка была сделана либо с помощью самого редактора, побывавшего в Новгороде как раз накануне составления свода Всеволода, либо с помощью списка с его текста где-то в XII–XIII вв., во всяком случае, тогда, когда эта вставка имела свой смысл и политическое значение.

Во-вторых, отметим, что текст этой вставки наиболее близок Лаврентьевской, а не Ипатьевской летописи. Следовательно, мы

¹ НПЛ, с. 106.

должны проверить, нет ли в Новгородской Первой летописи каких-либо следов Лаврентьевской летописи. Если этих следов нет, то возможность отнесения вставки к вмешательству самого редактора во время его пребывания в Новгороде в работу составителя свода Всеволода увеличивается. Если же обнаружатся еще и другие следы текстов Лаврентьевской летописи, то эта возможность уменьшится, и надо будет выяснить, в какое время в Новгород попал список древней летописи, вошедшей в начале XIV в. в Лаврентьевскую. (Это — тоже список редакторского текста, но по его переяславской, а не киевской копии, отраженной в Ипатьевской летописи.)

В Новгородской Первой летописи есть целый ряд следов текста Лаврентьевской летописи, причем последний из этих следов находится под 1224 г. Отсюда сразу заключаем, что список с летописи, впоследствии вошедшей в Лаврентьевскую, обрывался около 1224 г. и попал в Новгород, скорее всего, вскоре после этого года. Поскольку основные следы Лаврентьевской летописи приходятся на статьи Новгородской Первой летописи под 1218–1224 гг. и лишь несколько этих следов имеется в начальных текстах, а на протяжении середины XI–XII вв. этих следов нет, заключаем, что тексты редактора «Повести временных лет» были использованы в Новгороде где-то в начале второй четверти XIII в. Это использование должно было быть связано с составлением летописного свода, так как только при этом составлении можно было вписать в текст местной летописи сведения из Лаврентьевской летописи (в дальнейшем под Лаврентьевской летописью для краткости подразумевается новгородский список владимирской или южнорусской летописи, восходящий к переяславской копии редакторского текста, сохранившейся в составе Лаврентьевской летописи начала XIV в.).

Итак, важно познакомиться с тем новгородским сводом, автор которого использовал при составлении своего свода Лаврентьевскую летопись, и при этом понять, чем объясняется его выбор всего нескольких, но очень специфических текстов Лаврентьевской летописи.

Выполнение поставленной задачи распадается на два этапа — выявление самого новгородского свода и анализ его вставок, сделанных на основании текстов Лаврентьевской летописи.

Поздняя вставка в текст предисловия к «Повести временных лет»

В знаменитом предисловии к «Повести временных лет», сохранившемся в Новгороде, имеется более поздняя новгородская вставка. Автор вставки обещает довести свое изложение до времени византийских императоров — соправителей начала XIII в. Алексея и Исаака Ангелов². Вставка эта легко обнаруживается в тексте предисловия благодаря уцелевшему в нем остатку первоначальной фразы автора «Повести временных лет». Полностью эта фраза сохранилась в другой, Тверской летописи, тексты которой восходят к новгородскому летописанию, остаток этой фразы и ее первоначальный текст подчеркиваем в приводимых ниже цитатах.

НОВГОРОДСКАЯ ПЕРВАЯ ЛЕТОПИСЬ

«... и тамо вѣчнѣи жизни причасть-
ници будемъ. Си же таковая. Мы
же от начала Рускы земля до сего
лѣта и все по ряду извѣстно да
скажемъ, от Михаила цесаря до
Александра и Исакья».

НПЛ, с. 104.

ТВЕРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

«... и тамо вѣчнѣи жизни при-
частници будемъ съ всѣми свѣтло
пострадавшими и вѣнчавшимися,
ихже хошемъ подвиги и борения
вспомнянути, творящихъ правду
въ всяко время. Злыхъ же власто-
любець и братоненавидецъ права
да отбѣгнемъ, ихже огонь ожидаа
въ вѣкы не въздремлетъ. Сиа же и
таковаа вся оставльще къ прежде-
помянутѣи повѣсти възвратимся.
Отъ начала Русския земля до кня-
жения великаго князя Ивана Васи-
лиевича...».

ПСРЛ. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью..., стб. 28.

² В науке XIX в. эти Алексей и Исаак правильно считались Ангелами, а не Комнинами. См. *Соболевский А.И.* Древняя переделка... А.А. Шахматов, датируя предисловие, ошибочно посчитал этих императоров Комнинами. См. *Шахматов А.А.* Предисловие... Однако Алексей и Исаак Комнины не были соправителями, Исаак был всего лишь севастократором, а не императором. Под 1096 г. в качестве императора в «Повести временных лет» упоминается один Алексей, что было бы невозможно, будь у него соправитель... Свою ошибку А.А. Шахматов признал впоследствии, однако во всех популярных работах это не учтено. См. *Шахматов А.А.* Киевский Начальный свод... С. {Страница не указана. — Прим. ред.}

Итак, оба автора, составляя в разное время свои летописи на основе более ранних текстов, намереваются довести их изложение до своего времени, до начала XIII в., когда правили Ангелы, или до XV в., когда правил Иван III. Соответственно, изменяются и имена правителей, до времени которых будет доведено изложение. В древнем тексте этим именем было имя Святополка, поскольку редактор «Повести временных лет» называет его в таком же контексте под 852 г.³

Благодаря этому изменению ясно, что сделавший его летописец составлял именно новый свод, так как только при переписке всего текста его древнего источника можно было это изменение сделать. Ссылка на императоров Алексея и Исаака Ангелов позволяет предположить, что этот свод был доведен по крайней мере до времени их правления, либо обрываясь незадолго до его конца, либо же заходя несколько дальше времени их правления, как заходит, например, дальше года смерти Святополка текст «Повести временных лет».

Интереснее всего, что императоры Алексей и Исаак Ангелы прямо упоминаются в одном из текстов Новгородской Первой летописи⁴. Речь идет о Повести о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г. Эта Повесть является самостоятельным произведением, вставленным в летопись.

Следы этой вставки в летописи налицо. В ее младшем изводе они заключаются в том, что в составе статьи 1204 г., в которую вставлена Повесть, сохранилась более ранняя, чем эта повесть, погодная запись о взятии Царьграда. В старшем изводе той же летописи, в ее Синодальном списке XIII в., следы вставки заключаются в том, что, во-первых, отсутствует погодная запись о взятии Царьграда, имевшаяся, как мы уже знаем, раньше в ней, и, во-вторых, в том, что остальные записи статьи 1204 г. переместились в предшествующую статью 1203 г.

Итак, Повесть о взятии Царьграда вставлена в новгородскую летопись, в ее погодную статью 1204 г., поскольку в Повести рас-

³ НПЛ, с. 17.

⁴ Повесть о взятии Царьграда изучалась мало и вне связи с текстологией новгородского летописания. См. *Успенский Ф.И.* История крестовых походов. СПб., 1901. С. 139; *Сперанский М.Н.* Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 4.) С. 39; История русской литературы. Т. I: Литература XI — начала XIII века. М.; Л., 1941. С. 303; *Мещерский Н.А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. X. С. 120–135.

сказывается о событии этого года. В одном случае Повесть дублирует уже имевшуюся погодную запись, в другом – вытесняет остальные тексты погодной записи 1204 г. в соседнюю статью. Результат, как мы уже знаем из разбора редакторских вставок в тексты «Повести временных лет», обычный. Из этого ясно, что сама вставка Повести в летопись сделана не в том же 1204 г., когда варяги взяли Царьград, а новгородец внес в свою летопись сообщение об этом взятии позже. Соответственно, и автор этой вставки работал над составлением своего свода не в 1204 г., а позже. Поэтому для того, чтобы датировать время составления свода, следовало бы определить время включения в летопись этой Повести и ее авторскую принадлежность.

Повесть о взятии Царьграда принадлежит русскому автору, который с исключительной топографической точностью описал события 1204 г., что позволяет считать его их очевидцем⁵. Эта Повесть встречается только в новгородском летописании или восходящих к нему памятниках⁶. Ни в одной из других сохранившихся южнорусских или северо-восточных городских летописей ее нет, и этот факт позволяет считать ее автором либо новгородца, либо южанина, у которого ее текст был взят и доставлен в Новгород новгородцем. Особенностью Повести является наличие в ее лексике и грамматике специфических южнорусских черт, выявление которых заставило одного из ее исследователей отрицать возможность того, что она написана новгородцем⁷. Однако этим новгородцем мог быть и человек, не только побывавший в Царьграде во время его взятия варягами, но и проживший достаточно долгое время в Южной Руси и Царьграде, где он общался с людьми из Киева,

⁵ Мещерский Н.А. Древнерусская повесть... С. 127–130.

⁶ В Еллинском летописце 2-й редакции, Московском летописном своде 1490-х гг., Воскресенской и Тверской летописях XVI в. Н.А. Мещерский в своей интереснейшей по методике работе на том основании, что текст в Еллинском летописце 2-й редакции более исправен, чем в Син. сп. НПЛ, считает, что повесть попала в Новгород из южной Руси через общий с Еллинским летописцем протограф. Но этим общим протографам для Син. сп. и Еллинского летописца была владычная новгородская летопись, содержащая более исправный текст повести, кстати, лучше сохранившийся в Комис. сп., чем в Син., более древнем, но сокращающем и искажающем текст владычной летописи больше, чем Комис. сп. Другим основанием для отнесения повести к южной Руси служит для Н.А. Мещерского наличие в новгородской летописи других южнорусских сказаний. Но эти тексты ведь взяты из Лаврентьевской летописи, в которой повесть о взятии Царьграда как раз отсутствует.

⁷ Мещерский Н.А. Древнерусская повесть... С. 133–135.

Чернигова и т.д. Ведь и пребывание в Царьграде отразилось на лексике Повести. Есть в ней и новгородизмы, которые, конечно, можно отнести и насчет новгородских переписчиков. Однако важно было бы найти такого новгородца, который в 1204 г. был в Царьграде и к тому же некоторое время жил в южной Руси. Имя такого новгородца нам известно. Он и был в Царьграде в 1204 г., долгое время жил в южной Руси и был писателем, способным рассказать об увиденном. Это новгородец Добрыня Ядрейкович, ставший затем, после возвращения из Царьграда в Новгород, его архиепископом под именем Антония.

В Царьград Добрыня Ядрейкович прибыл в 1200 г., а в Новгород вернулся в 1211 г. В течение этих двенадцати лет он общался и с греками (отсюда и грецизмы Повести), и с южнорусскими людьми. Больше того, в 1219–1225 гг. Антоний был архиепископом в южном Перемышле, откуда возвратился опять в Новгород (отсюда и южнорусские черты в лексике Повести). Антоний оставил одно из самых замечательных описаний Царьграда и его церковных древностей как раз накануне прихода крестоносцев⁸. И в этом описании, и в безымянной летописной Повести о взятии Царьграда одинаково употребляется целый ряд одних и тех же терминов и названий местностей Царьграда⁹.

Все это склоняет к предположению об авторстве Антония. Это предположение должно подтвердиться или не подтвердиться, если мы установим время вставки Повести в новгородскую летопись. Важно выяснить, не была ли вставлена Повесть в летопись раньше возвращения Добрыни Ядрейковича в Новгород.

Вернемся к тем текстуальным нарушениям, к которым привела вставка Повести в летопись. В более древнем ее старшем изводе события 1204 г. оказались перемещенными в соседнюю статью и датированными поэтому 1203 г. Одно из этих событий, поход

⁸ Этот уникальный памятник литературы издан три раза: 1) Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872. П. Савваитов впервые отождествил Антония и автора Повести о взятии Царьграда (см. Указ. изд., с. 8, прим. 7); 2) *Срезневский И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. № 4. СПб., 1874. (Приложение к XXIVму тому Записок Имп. академии наук.) С. 340–353; 3)... {Третье издание автором не указано. — *Прим. ред.*}

⁹ История русской литературы... С. 303; *Мещерский Н.А.* Древнерусская повесть... С. 130. Отметим, что в Повести о взятии Царьграда наблюдается тот же интерес к церковным древностям, как и в описании Антонием своего путешествия.

Ольговичей на Литву, упомянуто и в другой, уже не новгородской, а владимирской летописи, где оно датировано ультрамартовским 6713 г.¹⁰ В новгородской же летописи оно датировано мартовским 6711 г. Таким образом, разница в датировке одного и того же события в обеих летописях составляет два года и объясняется редакционной переработкой новгородской летописи, вставкой в нее Повести о взятии Царьграда. Этот факт и его причина важны для нас потому, что в той же новгородской летописи имеются и другие случаи расхождения в датировке событий, описанных и в Лаврентьевской летописи и относящихся как раз к тем же первым годам XIII в. Если бы эти хронологические расхождения объяснялись применением в одной летописи мартовского летоисчисления, а в другой — ультрамартовского, то датировка событий различалась бы только на один, а не на два года.

Так, под 6715 г. в Лаврентьевской летописи описан поход Всеволода и новгородцев на Рязань, а в новгородской летописи этот же поход датирован 6717 г.¹¹ Ошибочно датирован в новгородской летописи и приезд Святослава в Новгород (6717), тогда как он выехал из Владимира до 3 февраля 6715 г.¹² Поход Всеволода на Рязань датирован здесь 6718 г. вместо 6716 г., уход Мстислава к Торопцу — 6719 г. вместо 6717 г.¹³ Все эти ошибки могли возникнуть не при погодных записях, а при редакционной переработке, вызванной составлением нового летописного свода. Поскольку последняя ошибка встречена под 6719 (1211) г., ясно, что составитель свода работал не раньше этого года. Следовательно, раньше этого года Повесть о взятии Царьграда не могла попасть в летопись, именно в этом году в Новгород вернулся предполагаемый ее автор — Добрыня Ядрейкович. Запись о его возвращении сохранилась в летописи. И интереснее всего, что сделана эта запись не в том же 1211 г., а позже, поскольку речь в ней идет о событии, случившемся раньше, чем описанные перед ним другие события того же года. Действительно, в статье 1211 г. сначала описано изгнание владыки Митрофана, а затем прибытие в Новгород Добрыни Ядрейковича «прѣже изгнания Митрофаня». Архиепископ

¹⁰ Лавр. л., г. 6713, стб. 421.

¹¹ Лавр. л., стб. 430; НПЛ, г. 1209, с. 50–51.

¹² Отъезд Святослава описан до лунного затмения 3 февраля 1207 г. (Лавр. л., стб. 434).

¹³ Лавр. л., стб. 434, 435; НПЛ, г. 1210, с. 51; г. 1211, с. 52.

Митрофан был изгнан 22 января, а в записи о Добрыне Ядрейковиче сказано, что после своего избрания он еще побывал в Киеве, вернулся в Новгород и «створи полату Митрофаню церковь въ имя святого Антония»¹⁴. Следовательно, в записи под 1211 г. сообщается о событиях следующего, 1212 г., поскольку путешествие в Киев занимало два-три месяца, то есть в данном случае февраль 6719 (1211/1212) г. и март-апрель 6720 (1212/1213) г., поскольку Антоний не мог уехать в Киев раньше дня изгнания Митрофана (22 января 1212 г.). Перестройка палаты была начата только после его возвращения из Киева в 1212 г. и не раньше начала строительного сезона, открывавшегося в мае.

Все это подтверждает, что сообщение о прибытии Добрыни Ядрейковича в Новгород появилось в летописи не в качестве погодной записи в 1211 г., а несколько позже, опять же, при редакционной переработке. Следовательно, составление интересующего нас свода относится ко времени после 1211 г. и связано с Антонием, поскольку составитель внес в уже существовавшую погодную запись 1211 г. сведения о событиях 1212 г. Героем этих событий был Антоний.

И действительно, следы редакционной переработки идут дальше статьи 1211 г. На этот раз они заключаются в появлении на страницах новгородской летописи таких южнорусских сведений, которых нет ни в Ипатьевской, ни в Лаврентьевской летописях. Видимо, эти сведения попали в Новгород не через летописание, а посредством очевидцев, однако интерес для нас заключается в том, что и занесены они были в летопись не в год происшествий описываемых в них событий, а опять несколько позже.

Под 1219 г. в новгородской летописи рассказано о походе Мстислава на Галич. В Лаврентьевской летописи этот поход лишь упомянут, а в Ипатьевской он описан без тех конкретных подробностей, которые встречены лишь в новгородской летописи¹⁵. Это тем показательнее, что новгородский текст лаконичнее южнорусского. Отсюда возникает предположение, что новгородского летописца информировал непосредственный очевидец похода на Галич. Этот очевидец должен был бы находиться во время похода Мстис-

¹⁴ НПЛ, г. 1211, с. 52.

¹⁵ Так, в Ипат. л. не упомянуты Чехи и Моравы, не сказано, что Мстислав «королевица рукама яша и съ женою», не сказано, что «а сынъ его пусти», не упомянуто вокняжение Владимира в Киеве.

лава в Киеве, а затем вернуться в Новгород. И опять биография Добрыни Ядрейковича удовлетворяет обоим условиям. Именно в 6727 (1219) г., когда состоялся поход Мстислава, Антоний попадает в Киев, откуда Мстислав идет на Галич¹⁶. Но вместе с Антонием в Киев приходит его соперник по борьбе за архиепископский сан Митрофан. Оба новгородца просят киевского митрополита о поставлении архиепископом в Новгород. Поэтому о походе Мстислава летописцу, казалось бы, мог сообщить и Митрофан. Он пришел в Новгород 17 марта 1220 г.¹⁷, а Антоний возвратился лишь в 1225 г. Однако характер записи о борьбе Митрофана и Антония в статье 1219 г. свидетельствует против авторства Митрофана. Опять оказывается, что запись об Антонии сделана не как погодная, а по воспоминаниям и позже составления самой погодной статьи, на этот раз — 1219 г. Благодаря этому рассказ об Антонии разорвал запись этой статьи о походе новгородцев к Пертуеву: «...идоша подъ городъ и стояша 2 недѣли, не взяша города, и придоша сторови... (далее следует рассказ об Антонии. — М.А.)... Пришьдьше же от Пъртуева, вдаша посадничьство Твердиславу, а Якуну тысячьское опять»¹⁸.

Итак, в статье 1219 г. есть вставка о борьбе Антония и Митрофана. Вставка разъединила текст сообщения о походе к Пертуеву. Это позволяет относить информацию о походе Мстислава к Антонию, поскольку и на этот раз вставка связана с ним, а не с Митрофаном. В таком случае время составления свода отодвигается к 1225 г., когда Антоний второй раз возвратился в Новгород.

Этот вывод подтверждается и другим фактом. Под 1224 г. в новгородской летописи имеется еще один довольно обширный текст, также отсутствующий в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. И опять этот текст связан с информацией о том же Мстиславе, как и сообщение под 1219 г. И опять в статье с такой информацией имеются очевидные признаки ее вставки в уже существовавшую погодную запись 1224 г. Действительно, битва при Калке произошла 31 мая, а после ее описания в новгородской летописи идут записи о событиях 20 мая, 6 ноября и других событиях этого года в Новгороде.

После 1224 г. мы не найдем в новгородской летописи сведений о галицком Мстиславе: ведь в 1225 г. Антоний вернулся из

¹⁶ НПЛ, г. 1219, с. 60.

¹⁷ НПЛ, г. 1220, с. 60.

¹⁸ НПЛ, г. 1219, с. 59–60.

южного Перемышля, где жил с 1219 г.¹⁹ Вплоть до своей смерти в 1234 г. Антоний жил уже в Новгороде, причем интересно, что записи о нем в летописи уже не имеют признаков своего более позднего происхождения, а составлены как погодные. Запись о смерти Антония является самой подробной из всех записей о смертях новгородских владык и тем самым свидетельствует еще раз о связи летописца, составителя интересующего нас свода, с Антонием. Из этой записи узнаем, что Антоний был разбит параличом и онемел в 1228 г.²⁰ Следовательно, сведения от него летописец, скорее всего, получил до его болезни, между 1225–1228 гг. К этому времени и относим составление его свода.

Имеется и другая возможность проверить датировку этого свода временем не раньше 1224 г. Дело в том, что в его тексте встречены дословные цитаты из соответствующих статей Лаврентьевской летописи. Так, под 6726 (1218) г. в новгородской летописи помещен рассказ о Глебе Рязанском, сохранившийся в более полном виде в Лаврентьевской летописи под 6725 (1217) г.²¹ В Лаврентьевской летописи в этой статье применено ультрамартовское летоисчисление, следовательно, при переводе в мартовское, это событие должно быть отнесено к 6724 (1216) г. В новгородской летописи оно датировано 6726 (1218) г. Опять встречаемся с двухгодичной хронологической ошибкой, характерной для ряда известных новгородского свода 1220-х гг.

Далее, сходным с Лаврентьевской летописью текстом новгородской летописи является описание битвы при Калке в 1224 г. Это один и тот же текст, дополненный в Новгороде сведениями Антония о деятельности Мстислава Удатного. Эти сведения не могли быть занесены в летопись без описания Калкской битвы, взятого из Лаврентьевской летописи. Отсюда следует, что само это описание попало в новгородскую летопись вскоре после своего составления, где-то сразу после 1224 г., когда в Новгород попал один из списков владимирской летописи, вошедшей затем в летопись Лаврентия. Это доказывается тем, что после 1224 г. в новгородской летописи отсутствуют тексты, взятые из Лаврентьевской летописи. Более того, все южнорусские известия новгородской

¹⁹ НПЛ, г. 1225, с. 64.

²⁰ НПЛ, г. 1234, с. 72.

²¹ НПЛ, г. 1218, с. 58; Лавр. л., с. 439–441; в Комис. сп. этого текста нет.

летописи после 1224 г. попали в нее через самих новгородцев, побывавших на юге во время походов или посольств.

Так, под 1235 г. помещен рассказ о походе киевского и галицкого князей на Михаила к Чернигову. Михаил был перед этим новгородским князем. Здесь же рассказано о взятии Киева Михаилом и Изяславом²². В Лаврентьевской летописи этого рассказа нет. Из сообщения под следующим годом узнаем, каким образом в Новгороде стало известно о войне между Киевом, Черниговом и Галичем. В 1236 г. в Киеве начинает княжить бывший новгородский князь Ярослав, который «... пойма съ собою новгородци вятших», оставил править в Новгороде своего сына Александра. «И державъ новгородцевъ и новоторжцевъ одну недѣлю и одаривъ я, отпусти проче; и придоша здрави вси»²³. Ясно, что эти новгородцы и рассказали летописцу о южнорусских событиях предшествующего года.

От тех же новгородцев узнал летописец и о нападении татар на Великие Болгары в 1236 г., о чем сообщают Лаврентьевская и Ипатьевская летописи под этим же годом. Это можно проверить. Сообщение о взятии Великих Болгар помещено в Лаврентьевской летописи под 1236 г., после описания солнечного затмения 3 августа²⁴. Это же затмение описано и новгородцем, но под 1237 г. и с подробностями, отсутствующими в Лаврентьевской летописи²⁵. Это и показывает самостоятельность сведений новгородцев.

Самостоятелен и рассказ о нападении татар на Рязань и Владимир в 1238 г. Все сведения получены из устных источников, а не из летописей, о чем новгородец говорит сам: «Богъ же вѣсть, како скончася: много бо глаголють о немъ инии»²⁶. Рассказ о взятии Рязани и Владимира предшествует рассказу о нападении татар на Торжок в том же 1238 г., также полученному летописцем от очевидцев.

Больше южнорусских сведений в новгородской летописи не встречается. Те же, что имеются под 1230-ми гг., восходят не к летописным, а к местным устным источникам. Отсюда и заключаем, что раз после 1224 г. в новгородской летописи нет заимствований из Лаврентьевской летописи и они есть только до

²² НПЛ, г. 1235, с. 73–74.

²³ НПЛ, г. 1236, с. 74.

²⁴ Лавр. л., с. 460.

²⁵ НПЛ, г. 1237, с. 74.

²⁶ НПЛ, г. 1238, с. 76.

1224 г., то значит, список владимирской летописи, сходной с Лаврентьевской, обрывался на описании Калкской битвы и попал в Новгород вскоре после 1224 г.

Как уже сказано, вставка цитаты из Лаврентьевской летописи под 1224 г. не могла быть сделана отдельно от описания подвигов в этой битве Мстислава Удатного, а сведения об этих подвигах могли быть получены в Новгороде также только вскоре после битвы, скорее всего, от Антония, находившегося в 1224 г. на юге в Перемышле. Следовательно, использование летописи, сходной с Лаврентьевской, возможно только вскоре после Калкской битвы и именно в интересующем нас своде 1220-х гг., поскольку лаврентьевский текст о Калке и новгородский текст о действиях Мстислава в этой битве не могли существовать в новгородской летописи отдельно друг от друга.

Итак, в 1225–1228 гг., в период второго правления архиепископа Антония в Новгороде, был составлен летописный свод. Составитель этого свода сделал в тексте главного своего источника — новгородской погодной летописи — целый ряд вставок и в начале текста, и в его конце. В тексте киевского предисловия к этой погодной летописи он упомянул об Алексее и Исааке Ангелах и вставил Повесть о взятии Царьграда в период соправления этих императоров. Кроме того, он сделал целый ряд вставок и в остальных статьях за начало XIII в. Эти вставки доходят до 1224 г. и затем прекращаются, что свидетельствует о составлении свода не раньше этого года. Вставки основаны на сведениях Антония и тексте владимирской летописи, причем в одном случае, под 1224 г., обе группы сведений пересекаются и внесены вместе, что свидетельствует об их внесении в свод одним и тем же его автором. Сведения о прибытии Антония в Новгород в 1211 г., о его хождении в Киев в 1219 г., о Мстиславе под 1224 г. разрывают текст погодных записей и внесены не раньше 1224 г.

Текст других вставок не менее показателен. Так, по воспоминаниям описаны такие важные события, как участие новгородцев в походе Всеволода на Рязань в 1207 г. и восстание новгородцев в том же году против Мирошкиничей. В отличие от погодных записей за 1203–1208 гг. в статье 1209 г. отсутствуют точные даты событий, указания на день происшествия. События 1207 г. датированы 1209 г.

Интереснее всего, что эти важнейшие события по каким-то причинам не попали в погодные записи той летописи, которую переработал составитель свода 1220-х гг. Более того, в эти погодные записи попало лишь сообщение, порочащее Мирошкиничей. Речь идет об убийстве Борисом Мирошкиничем Олексы Сбыславича. Указана точная дата убийства: суббота 17 марта «на память преподобнаго Алексиа челоуѣка божиа»²⁷. Убийство человека в день его рождения как бы усугубляет вину убийцы. Краткое обвинение становится еще выразительнее благодаря сообщению, что «а заутра плака святая богородица у святого Якова в Неревскомъ конци».

В.Л. Янин справедливо отметил, что это замечание летописца указывает на местопребывание убийцы Олексы Сбыславича, на Неревский конец²⁸. В.Л. Янин считает вслед за М.Н. Тихомировым, что убийство Олексы произошло накануне восстания против Мирошкиничей²⁹. Однако восстание было в 1207 г., а убили Олексу Сбыславича в 1208 г. Ясно, что это убийство — месть со стороны Мирошкиничей одному из организаторов восстания против них. В таком случае получается, что в погодной летописи о мести рассказано, а о ее причине, о восстании против Мирошкиничей, не говорится ничего, благодаря чему убийство выглядит вообще ничем не мотивированным. Летописец еще и добавляет: «и убиша без вины». Ясно, что он на стороне Олексы Сбыславича и против Мирошкиничей. Составитель же свода 1220-х гг., сделавший пространную вставку, лишенную точных дат и помещенную ошибочно под 1209 г., наоборот, поддерживает Мирошкиничей. Это и объясняет нам причину пополнения этих погодных записей в 1220-х гг. при Антонии.

Дело в том, что Антоний принадлежал, видимо, к той боярской группировке, которая была связана с Мирошкиничами и опиралась, как показал В.Л. Янин, на Неревский конец и на Торговую сторону. Антония поддерживал тот самый Мстислав Удатный, сведения о галицком княжении которого попали в новгородскую летопись через Антония. Именно при Мстиславе и при его поддержке Антоний занимает владычный стол в 1221 г., когда изгоняют Митрофана. Митрофан же был связан с владимирскими

²⁷ НПЛ, г. 1208, с. 247.

²⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 117.

²⁹ Ср. Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. XI–XIII вв. М., 1955. С. 239.

князьями, один из которых, Всеволод III, организовал восстание против Мирошкиничей в 1207 г.³⁰ Борьбой Антония с Митрофаном и объясняется то, что в погодных записях владычного летописца сначала отсутствовали сообщения о прибытии Добрыни Ядрейковича в 1211 г. в Новгород, об изгнании Митрофана в 1211 и 1219 гг., о восстании против Мирошкиничей. Этим объясняется также составление нового свода в конце 1220-х гг., во время второго правления Антония. Это был владычный свод. Возможно, что автором его был тот самый поп Иоанн, имя которого сохранилось лишь в Академическом списке Новгородской Первой летописи и заменено в Син. сп. именем пономаря Яковлевской церкви Тимофея. Упоминание Иоанна, встреченное в одной из статей, соседней с последними статьями свода конца 1220-х гг., показывает, что свод был продолжен его составителем уже как погодная летопись. Судя по всему, погодная летопись велась только при владычном дворе и время от времени переписывалась в кончанских церквях. Этим объясняется, что многочисленные списки новгородских летописей, дошедших до нас, содержат одни и те же тексты владычной летописи. Если бы погодное летописание велось при кончанских церквях, то в этих многочисленных списках имелись бы свои варианты изложения событий, а не копии владычных записей. Списки этих кончанских церквей отличались от владычной погодной летописи лишь несколькими добавлениями, главным образом имени кончанского переписчика. Таков Син. сп. XIII в. Его текст за XII—XIII вв. отличается от остальных списков тем, что в нем упомянуты имена переписчиков, работавших в церкви Якова на Софийской стороне, которой и принадлежит этот список владычной летописи. Имя первого переписчика Германа Вояты упомянуто продолжателем под 1188 г., а сам Воята говорит под 1144 г. о своем поставлении в попы Нифонтом. Воята переписал владычную летопись где-то около 1175 г., видимо, в связи с тем, что в этом году сгорела его Яковлевская церковь и для новой церкви потребовался и новый летописец³¹.

Продолжатель Вояты работал где-то в конце XII в., его имени мы не знаем. Он и рассказал о смерти Вояты под 1188 г. Наконец, третьим яковлевским переписчиком был пономарь Тимофей,

³⁰ Инициатива Всеволода показана В.Л. Яниным. См. Янин В.Л. Новгородские посадники... С. 117.

³¹ НПЛ, г. 1175, с. 74.

вставивший свое имя вместо имени Иоанна под 1230 г. Это тот самый Тимофей, который переписал для церкви Образа пролог в 1262 г.³²

Итак, владычная погодная летопись была переделана в конце 1220-х гг. и, соответственно, переписана. До нас дошли тексты этого свода в его кончанских списках. Этим и объясняется, что тексты свода не всегда полностью представлены в каждом из этих списков. В некоторых из них имеются пропуски очень небольшого числа сведений, восстанавливаемых по другим спискам³³.

Правильность выявления свода 1220-х гг. подтверждается и сравнением текста статей новгородской летописи за первые три десятилетия с Хроникой Генриха Латвийского, проделанным когда-то А. Куником³⁴, а недавно и Н.Г. Бережковым³⁵. Это сравнение показывает, что ряд известий записан в Новгородской летописи под датами меньшими, чем соответствующие даты Хроники, не на один, а на целых два года. Так, поход Мстислава на Медвежью голову датирован в летописи 6720 г., а Хроникой — 6718 г., поход Мстислава на Ереву соответственно находится под 6722 и 6720 гг., бегство Всеволода Юрьевича — под 6732 и 6730 гг. Кроме того, имеются и случаи годичной разницы в датах. Эти случаи объясняются не разницей мартовского и ультрамартовского летоисчислений, а тем, что многие сообщения были записаны сводчиком 1220-х гг. либо по памяти, либо со сдвигами дат из-за сделанных им вставок, ибо в противном случае, при объяснении этих ошибок ультрамартовским летоисчислением, у нас имелись бы только годичные расхождения в датах.

Составитель свода имел в своем распоряжении не только сведения Антония и Повесть о взятии Царьграда, но и тексты летописи,

³² *Срезневский И.И.* Славяно-Русская палеография: X—XIV вв.: Лекции, читанные в Императорском С.-Петербургском Университете в 1865—1880 гг. СПб., 1885. С. 191.

³³ См. ПСРЛ, т. 5, в. 1, Л., 1925, гг. 1204, 1216, 1218.

³⁴ Выписки из Генриха Лотышского о русских событиях 1221—1223 годов // Ученые записки Императорской академии наук по первому и третьему отделению. СПб., 1853. Т. II. Вып. 2. С. 317—320; *К[уник] [А.А.]*. Хронологическая таблица, составленная Э. Боннелем на основании Генриха Лотышского и некоторых русских летописей // Ученые записки Императорской академии наук по первому и третьему отделению. СПб., 1853. Т. II. Вып. 2. С. 297—317. Ср. *Тихомиров И.[А.]*. О Тимофее пономаре, упоминаемом в Синодальном списке первой Новгородской летописи // ЖМНП. СПб., 1887. Ч. ССЛ. Март. Отд. 2. С. 28—35.

³⁵ *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 253.

сходной с Лаврентьевской и обрывавшейся на 1224 г., после которого из свода исчезают заимствования из этой летописи.

Возникает вопрос, чем объясняется, что, имея в своем распоряжении полный редакторский текст «Повести временных лет», составитель этого свода не воспользовался этим текстом для пополнения резко сокращенных статей свода Всеволода. С другой стороны, ясно, что некоторые сведения редактора он все же внес в свой свод. Так, им были внесены сведения о варяжском происхождении Руси и о том, что не Ладога, а Новгород является местом первого поселения Рюрика. Следовательно, его заинтересовали лишь сведения переяславской копии редакторского текста о Новгороде. Это подтверждается и его вставкой сообщения об отказе Ярослава платить дань Киеву под 1014 г. И опять эта вставка текстуально идентична именно с Лаврентьевской, а не с Ипатьевской летописью, и в ней имеются те же ошибки, что и в соответствующем тексте Лаврентьевской летописи. Приводим все три текста — правильный из Ипатьевской и одинаково неправильные из Лаврентьевской и Новгородской Первой летописей.

ИПАТЬЕВСКАЯ
ЛЕТОПИСЬ

«Ярославу сушу
в Новѣгородѣ и оуро-
комъ дающу 2000
гривень от года до
года Киеву, а тысящу
Новѣгородѣ гривень
раздаваху, и тако
даху вси посадницѣ
Новѣгородьстии,
а Ярославъ поча сего
не даяти Киеву отцу
своему».

Ипат. л., стб. 114—115.

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ
ЛЕТОПИСЬ

«Ярославу же сушу
Новѣгородѣ и оуро-
комъ дающу Киеву
двѣ тысячѣ гривнѣ от
года до года, а тысячу
Новѣгородѣ гридемь
раздаваху, а тако даяху
посадници Новѣго-
родьстии, а Ярославъ
сего не даяше отцу
своему».

Лавр. л., стб. 130.

НОВГОРОДСКАЯ
ПЕРВАЯ
ЛЕТОПИСЬ

«Ярославу же живушу
в Новѣгородѣ и уро-
комъ дающу дань
Киеву 2000 гривен от
года до года, а тысящу
Новѣгородѣ гридемь
раздаваху; и тако
даяху вси князи нов-
городстии, а Ярос-
лавъ сего не даяше къ
Киеву отцу своему».

НПЛ, с. 168.

Вставка именно этой статьи в новгородскую летопись объясняется, видимо, тем, что в более древней местной летописи, восходящей к своду Всеволода 1117 г., эта статья о важном для Новгорода отказе Ярослава платить дань в Киев была опущена, как

и «Русская Правда». Вставка сообщения об отказе Ярослава была как нельзя более важной именно в 20-х гг. XIII в., когда в летописи впервые появляются и затем быстро исчезают знаменательные ссылки на «Ярославли грамоты»³⁶. Эти ссылки целиком принадлежат составителю свода 1220-х гг. Их нет ни до его текстов в этой летописи, ни в более поздних текстах его продолжателей за весь XIII в. Следовательно, для составителя свода 1220-х гг. древние факты имели актуальное значение. В этом отношении показательно и то, что он не внес в свой свод ничего из имевшихся фактов о дунайском происхождении славян, имевшихся в летописи, сходной с Лаврентьевской. Наоборот, он лишь сделал вставку о варяжском происхождении Руси, и при этом, что самое интересное, удалил из текста этой вставки имевшееся в ней замечание о том, что Русь раньше была славянской: «И от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх словес Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска»³⁷, «преже бо бѣша Словѣни»³⁸. Подчеркнутая фраза о славянском происхождении Руси составителем свода 1220-х гг. опущена, но в Лаврентьевской летописи сохранилась.

Почему же для новгородца XIII в. было столь важно включить в свою летопись отсутствующие в ней сведения о варяжском происхождении Руси и о том, что именно Новгород, а не Ладога был местом первого поселения «русского» Рюрика? Дело, видимо, в том, что как раз в конце XII — начале XIII в. отношения с варягами резко обострились, и было важно подчеркнуть равноправность происхождения варягов и новгородцев. Поэтому и была сделана вставка о варяжском происхождении новгородцев, а сведения об их славянском происхождении опущены. Если это так, то следует предположить, что в том же своде 1220-х гг. были резко сокращены тексты «Повести временных лет» о приходе славян в Новгород и Киев с Дуная. Выше, при характеристике сокращений «Повести временных лет», произведенных составителем свода Всеволода 1117 г., было отмечено, что эти сокращения относятся к двум местам «Повести временных лет» — к ее начальному рассказу о расселении славян с Дуная и к статьям после 1016 г., в которых

³⁶ Единственное упоминание этих грамот имеется за границами текста свода под 1339 г. См. НПЛ, с. 350.

³⁷ НПЛ, с. 106.

³⁸ Лавр. л., стб. 20.

рассказывалось о получении новгородцами грамот от Ярослава. Тогда же было отмечено и то, что оба эти сокращения нельзя приписать только сводчику Всеволода, поскольку, сокращая рассказы о дунайском происхождении славян, он «работал» бы на Новгород, который благодаря этому сокращению выдвигался на первый план повествования. Поэтому мы предположили, что начальные рассказы сократил не сводчик Всеволода, а более поздний новгородец. Этим новгородцем и был составитель свода 1220-х гг. Он сократил сведения о дунайском происхождении славян и Руси, имевшиеся в его источнике — владычной летописи, восходящей к своду Всеволода и через него к авторской «Повести временных лет». При этом он вставил в текст своего свода сведения о варяжском происхождении Руси, выдвинул рассказ о Новгороде на первое место, вставил сведения об отказе еще Ярослава платить дань Киеву и тем самым вновь связал с именем Ярослава претензию новгородцев на независимость от Киева — претензию, поддержанную троекратным упоминанием «Ярославлих грамот» и текстом «Русской Правды», также вставленным им в свой свод. Вставив Повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г., летописец как бы указал на опасность, грозившую в это время Новгороду с севера.

В связи с упоминанием «Ярославлих грамот» составителем этого свода важно отметить интерес Добрыни Ядрейковича к грамоте Кор Лея, хранившейся в Царьграде наподобие грамот Ярослава в Новгороде. Эта грамота, пишет Добрыня Ядрейкович, «по мнозех летах принесена бысть в Царьград и приведена бысть от философ на Гречьской язык, написаны бысть имена в ней царей Греческих, кому царем быти дондеже стоит Царьград»³⁹. Следовательно, и сводчик 1220-х гг., и его вдохновитель Антоний одинаково интересуются древними грамотами, что еще раз подтверждает их близость.

Таков был свод конца 1220-х гг. Его составитель привлек и текст редактора «Повести временных лет» по одному из списков его переяславской копии, из которой он сделал несколько вставок в текст своего свода, чем и объясняется наличие в Новгородской летописи, восходящей к авторскому тексту «Повести временных лет», некоторых текстов и ее редакторского варианта.

³⁹ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872. С. 71–72.

Глава 11

НЕСТОР

Печерский писатель конца XI – начала XII в. Нестор знаменит, но не как автор двух бесспорно принадлежащих ему житий Феодосия и Бориса и Глеба, а как автор «Повести временных лет». Между тем это последнее авторство Нестора не бесспорно, что и вызывало ожесточенные споры ученых. В настоящее время эти споры забыты, а вместе с ними и те текстуальные трудности, с которыми связано признание Нестора автором великого произведений русской древности¹. Лишь Н.К. Гудзий, хорошо знакомый и с этими спорами, и

¹ 1) [Миллер Г.Ф.]. О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оныя // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. В Санктпетербурге, 1755. Апрель. С. 278, 286, 287; 2) [М.Т.] Каченовский, М.Т.] Об источниках для Русской Истории // Вестник Европы. М., 1809. Ч. XLIII. № 3. С. 195, 196, 204–209; 3) Бр[усило]в Н. О Несторе и продолжателях его Летописи // Вестник Европы. М., 1810. Ч. LIII. С. 289, 294; 4) [Строев С.М. под псевдонимом] Скромненко С. О мнимой древности, первобытном состоянии и источниках наших летописей. СПб., 1835. С. 3, 5, 15, 17; 5) Кубарев А. О Патерике Печерском // ЖМНП. СПб., 1838. Ч. XX. Октябрь. Отд. 2. С. 1–34; 6) Погодин М. Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839. С. 23–91; 7) Кубарев А. Нестор, первый писатель российской истории, церковной и гражданской М., 1842. (Русский исторический сборник. Т. 4. Кн. 4.) С. 386–436; 8) [Бутков П.Г.] Оборона летописи русской...; 9) Погодин М. Исследования, замечания и лекции о Русской Истории. М., 1846. Т. I: Вступление. Об источниках древней Русской Истории, преимущественно о Несторе. С. 73–93; 10) Беляев И. О Несторовой летописи // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете: Заседание 28-го декабря, 1846 г. М., 1847. № 5. С. 1–72; 11) Казанский П.С. Критический разбор свидетельства Патерика Печерского о Летописи Нестора // Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1850. Кн. 7. [Отд.] I. С. 1–16; 12) Казанский П. Еще вопрос о Несторе // Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1849. Кн. 1. [Отд. I.] С. 24–30; 13) [Бутков] П. Ответ на новый вопрос...; 14) Костомаров Н.И. Лекции по русской истории. Ч. 1: Источники русской истории. СПб., 1861. С. 28–30; 15) Билярский П.С.

с этими трудностями, понимает сомнительность авторства Нестора и даже высказывает догадку о существовании двух Несторов...²

Вопрос об авторстве Нестора не имеет конструктивного значения для текстологической истории «Повести временных лет». Неудивительно поэтому, что он занимал ученых главным образом на заре ее изучения и был отодвинут на второй план, как только перед наукой встали более важные вопросы истории текста этого памятника.

Действительно, вопрос о Несторе является последним в той серии проблем, которые имеют конструктивное значение для текстологической истории «Повести временных лет». И даже среди вопросов о времени, месте и объеме работы автора вопрос о том, как звали этого автора, занимает последнее место.

Твердо известно, что автор «Повести временных лет» был печерским монахом. Поэтому особую важность приобретают его рассказы об истории Печерского монастыря. Эти рассказы и являются главным нашим источником сведений об авторе. Однако, прежде чем использовать этот источник, необходимо удостовериться в том, принадлежат ли автору все рассказы о Печерском монастыре или им написана только часть из них.

О Печерском монастыре рассказывается последовательно под 1051, 1072, 1073, 1074, 1075, 1088, 1091, 1094, 1096, 1106, 1107, 1108, 1109, 1110, 1112 гг. После 1112 г. записи о монастыре делаются редкими, и это тем более удивительно, что в это время люди так же часто умирали и хоронились в монастыре, как и в начале XII в. За всю первую половину XII в. после 1115 г. имеются только две записи (краткие) под 1126 и 1130 гг. Это свидетельствует о закате печерского летописания и о том, что закат этот начался именно после создания «Повести временных лет».

Замечания о языке сказания о св. Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи // Записки Императорской академии наук. СПб., 1862. Т. 2. С. 109–120; 16) *Разсудов А.* Несколько слов по вопросу о первых русских летописцах // Московские Университетские Известия. М., 1868. № 9. С. 739–774; 17) *Хрущов И.П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях: XI–XII столетие. Киев, 1878; 18) *Абрамович Д.* К вопросу об объеме и характере литературной деятельности Нестора летописца. М., 1901; 19) *Бугославский С.А.* К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора // ИОРЯС. 1914 г. Пг., 1914. Т. XIX. Кн. 1. С. 131–186; Кн. 3. С. 153–191; 20) *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. (Ответ на статью С.А. Бугославского.)

² *Гудзий Н.К.* История древней русской литературы / Изд. 7-е, испр. и доп. М., 1966. С. 107.

Многие из статей «Повести временных лет» о Печерском монастыре связаны с личностью его игумена Феодосия. Таковы статьи под 1051, 1072, 1073, 1074, 1075, 1091, 1107, 1108 гг. В них последовательно рассказывается о деятельности Феодосия по устройству монастыря, о его жизни, смерти, местной и общерусской канонизации соответственно в 1091 и 1108 гг. Интерес к личности Феодосия возник уже в самом начале 1090-х гг. и особенно усилился после его общерусской канонизации 1108 г. Фигура основателя монастыря отодвинулась на второй план: Антоний был приверженцем сближения с западной католической церковью, а Феодосии был, наоборот, ярким грекофилом. Эти привязанности обоих игуменов XI в. сыграли большую роль как раз во втором десятилетии XII в., когда борьба Печерского монастыря и грекамитрополита с латинской ересью приобретает особенно большие размеры. Имя Феодосия, автора одного из известных антилатинских посланий, используется как знамя в этой борьбе. Этим объясняется его общерусская канонизация в 1108 г., и это же объясняет интерес к личности Феодосия автора «Повести временных лет». Его статьи о Печерском монастыре являются, по сути дела, развернутым повествованием о Феодосии. Заканчивая первую из этих статей (под 1051 г.), автор, уже рассказавший о Феодосии, обещает рассказать о нем еще больше: «А о Феодосьевѣ житьи паки скажемъ»³. И действительно, под 1074 г. в связи со смертью Феодосия рассказано о его жизни, а под 1091 и 1108 гг. — о его местной и общерусской канонизации. Последовательность этих рассказов заставляет предполагать, что они принадлежат перу одного и того же автора. Стилистически они едины. Под 1074 и 1091 гг. автор в одинаковых выражениях называет себя «самовидцем» описываемых событий, а статья 1051 г. также принадлежит ему, поскольку в ее конце он обещал рассказать о том, о чем рассказано под 1074 г. Во всех трех статьях он одинаково пишет о себе в первом лице и в то же время одинаково пользуется при описании событий множественным числом — прием, характерный и для статьи 1093 г.⁴ Под 1091 г. он называет себя учеником Феодосия, а под 1051 г. рассказывает о том, что был принят в монастырь самим Феодосием.

³ ПВЛ, с. 108.

⁴ А.А. Шахматов считал, что поскольку весь текст статьи 1051 г. написан с употреблением множественного числа, а завершающие фразы этого текста о приходе летописца в монастырь в семнадцатилетнем возрасте написаны в единственном числе, то обе части принадлежат разным летописцам. См. *Шахматов А.А. Разыскания...* С. 451.

Между текстами трех статей о Феодосии и остальными текстами «Повести временных лет» наблюдается не только стилистическое, но и идейное единство. Рассказывая о послушании меньшей монастырской братии старейшему Феодосию, автор как бы показывает княжеской «братии» пример поведения. Рассказ о смерти Феодосия и передаче игуменства Стефану напоминает рассказ о смерти Ярослава и передаче Киева Изяславу.

РАССКАЗ О ЧЕРНОРИЗЦАХ

«Въ любви пребывающе, меншии покаяющесе старѣйшимъ и не смѣюще пред ними глаголати, но все с покореньемъ и с послушаньем великимъ. Тако же и старѣйшии имяху любовь к меншимъ, наказуху, утѣшающе, яко чада възлюбленая».

ПВЛ, г. 1074, с. 125. Ср. также с текстом авторского предисловия.

СТАТЬЯ 1054 г.

«...но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в себе мѣсто столь старѣйшему сыну моему... сего послушайте, якоже...».

ПВЛ, г. 1054, с.108.

Кому же могут принадлежать три большие рассказа о Феодосии под 1051, 1074, 1091 гг., а вместе с ними и остальные записи о Печерском монастыре, доходящие до 1112 г.?

Статья 1051 г. не принадлежит Никону, так как она написана постриженником Феодосия, а сам Феодосий, как это известно из его несторова Жития, был постриженником Никона. Не принадлежит Никону и статья 1074 г., так как он упоминается в ней в третьем лице и к тому же в связи с нелестным для Никона видением прозорливца Матфея. В третьем лице упоминается Никон и в статье 1091 г., написанной уже после его смерти.

Другим претендентом на авторство трех важнейших статей о Феодосии является игумен Печерского монастыря Иоанн, предполагаемый автор предполагаемого Начального свода.

Статья 1051 г. не принадлежит Иоанну, работавшему, если он вообще работал над летописью, не позднее 1095–1097 гг., когда он был изгнан Святополком в Туров. Между тем автор статьи 1051 г. работал над летописью позже конца 1090-х годов, поскольку он говорит о своем приходе к Феодосию в конце его жизни, а перед этим упоминает, что с этого момента прошло уже 40 лет. Об этом

уже упоминалось выше (см. с. 134). Следовательно, если он пришел в 1073–1074 гг., то работал он в 1113–1114 гг., а не в середине 1090-х гг.

Статьи 1074 и 1091 гг. также не принадлежат Иоанну, так как он упоминается в них несколько раз в третьем лице, а автор записи под 1091 г. не был игуменом, что следует из ее текста, в котором автор рассказывает, как игумен поручил ему откопать мощи Феодосия.

Из всего этого следует, что статьи о Феодосии не только принадлежат одному автору, но и то, что этим автором не был никто из авторов предполагаемых сводов XI в. (Иоанн и Никон) и что автор этих статей работал как раз во время создания «Повести временных лет» в 1113–1114 гг.

Мнение А.А. Шахматова о том, что житийные по своему существу статья 1051 г. и отрывок статьи 1074 г. могли быть написаны Никоном еще до смерти Феодосия и до его канонизации, совершенно беспочвенно, так как в практике христианской церкви еще не было случая, чтобы житие или его подобие было составлено до смерти «святого» человека. Это видно и из составления несторового Жития Феодосия только в 1080-х гг., накануне перенесения его мощей.

Только познакомившись со статьями автора «Повести временных лет» о Печерском монастыре, а по существу — о его игумене Феодосии, можно обратиться к вопросу об авторстве именно Нестора.

Нестор оставил нам два жития — о Феодосии и о Борисе и Глебе. В них он упоминает о своей работе и называет себя Нестором. При этом он сообщает и некоторые сведения о себе. Так, он сообщает, что был принят в монастырь не Феодосием, а Стефаном. Между тем автор «Повести временных лет» был постриженником Феодосия. Отсюда и заключили многие ученые, что автор не был Нестором. Казалось бы, этот вывод может быть опровергнут тем, что автор пришел в монастырь при Феодосии, а спустя некоторое время, после годичного испытательного срока, был пострижен Стефаном, и тогда этот автор может быть Нестором. Однако в своем Житии Феодосия Нестор точно говорит, что он был и принят, и пострижен одним Стефаном: «... приять же въ нь преподобным игумноу Стефаном и яко же от того пострижен быв и мнишская

одежа сподоблень»⁵. Следовательно, автор «Повести временных лет» никак не может быть постриженником Стефана, которым является Нестор.

Существуют и другие, не менее важные причины отрицания авторства Нестора. Дело в том, что о Феодосии рассказывают и автор «Повести временных лет», и Нестор в своем Житии. Поэтому оба эти рассказа легко сравнить и стилистически, и фактически.

Стилистика автора «Повести временных лет» резко отличается от стилистики несторовых житий и о Феодосии, и о Борисе и Глебе.

Один из исследователей этой проблемы, подводя итоги ее изучения в XIX в., на конкретных примерах показал всю пропасть, разделяющую стилистику Нестора и автора «Повести временных лет»⁶. Нестор обезличивает свой рассказ, а автор насыщает его именами живых людей; Нестор однотонно ритмичен, а слог автора многообразен, гибок и приближается к устному народному рассказу; Нестор стилизует свой рассказ под византийские агиографические сочинения, автор же не стилизатор, а стилист, и образцом для него является речь народа. Нестор сочиняет каноническое житие, автор — светский рассказ. Нестор называет свое имя и, согласно средневековой писательской манере, уничижается, автор же молчит о своем имени, а вместе с тем его речь и все произведение проникнуто необычайно сильным чувством собственного достоинства. Нестор начинает свое житие о Борисе и Глебе с сотворения мира и следует в этом отношении, как и во всех иных, прочному шаблону, автор же идет против этой традиции и открывает свое произведение рассказом о сыновьях Ноя. Можно было бы привести и другие примеры стилистических литературных различий между произведениями Нестора и «Повестью временных лет».

Однако можно предположить, что стиль Нестора после создания обоих житий в конце 1080-х гг. резко изменился, и причиной тому была работа над летописью, потребовавшая совсем иных литературных приемов, чем канонические жития. Во-первых, отметим, что датировка жития Феодосия концом 1080-х гг. едва ли точна. Дело в том, что общерусская канонизация, которая

⁵ Сборник XII века Московского Успенского собора. Вып. 1. М., 1899. С. {Страница не указана. — Прим. ред.}

⁶ Бугославский С.А. К вопросу...

потребовала создания такого жития, произошла только в 1103 г. В рассказе об этой канонизации автор «Повести временных лет» и упоминает о «житъе» Феодосия: «... и се вѣды житъе его, и нача Святополкъ оузвѣщати житъе Федосьево и велѣ и вписати в сѣнаникъ, еже створи митрополитъ...»⁷. В рассказе под 1091 г. о первой местной канонизации никакое житие не упоминается, а под 1108 г. говорится, как мы только что убедились, о первом вписании жития в «сенаник» и о начале поминовения Феодосия в общерусском масштабе. Это и заставляет предполагать, что несторово Житие было создано в начале XII в., в связи с подготовкой общерусской канонизации. А раз так, то работал Нестор над этим житием незадолго до создания «Повести временных лет», и за это время его стиль не мог столь резко измениться⁸.

Однако оба произведения можно сравнить не только стилистически, но и фактически. Ведь в них рассказывается об одном и том же Феодосии. И вот оказывается, что многих важных фактов, имеющих в «Повести временных лет», нет в несторовом Житии, а о тех фактах, которые имеются в обоих произведениях, оба автора рассказывают по-разному. По Нестору, Антоний препоручал пострижение Никону, а по автору «Повести временных лет», постригал в монахи сам Антоний. По Нестору, церковь (Успения Богородицы. — *Прим. ред.*) построил Феодосий, а по автору — Варлаам. По Нестору, монастырь основан Феодосием, а по автору — Антонием. По-разному оба автора говорят о приобретении монастырского устава, о поставлении Варлаама игуменом в Дмитровском монастыре. Нестор — ученик и пострижник Стефана, автор считает себя учеником Феодосия. По-разному рассказывают Нестор и автор об успении Феодосия. В многословном несторовом Житии нет многих фактов и рассказов, имеющих в лаконичном летописном повествовании. Таким образом, и стилистическая, и фактическая разница между обоими произведениями столь велика, что приписывать их одному и тому же Нестору нет никакой возможности. Даже если предположить, что статья 1051 г. была где-то в конце XII в. исправлена и дополнена по несуществующему сейчас житию Антония⁹, то и тогда, исключив предполагаемые

⁷ Ипат. л., г. 1108. стб. 259.

⁸ Бугославский С.А. К вопросу... Кн. 3. С. 158; Ср. Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. XVIII—XXI, LXVII—LXXVII.

⁹ Шахматов А.А. Разыскания... С. 450 и сл.

поправки, мы найдем в этой статье и во всех остальных статьях о Феодосии многочисленные примеры несоответствия с несторovým Житием.

Итак, все разобранные материалы свидетельствуют против признания Нестора автором «Повести временных лет». И все же есть сведения, которые склоняют чашу весов в споре о Несторе в его пользу. Имя Нестора не сохранилось в древнейших списках «Повести временных лет» и, однако, уцелело в Хлебниковском списке XVI в. Упомянулось имя Нестора и в недошедших до нас тоже поздних списках «Повести временных лет», использованных В.Н. Татищевым. Даже если эти упоминания имени Нестора в заголовке летописи и соответствуют действительности, то вписано имя Нестора не им самим, а кем-то из его более поздних переписчиков: богобоязненный и постоянно самоуничижающийся Нестор не мог столь смело поставить свое имя в заголовке, не оговорившись при этом о себе в первом лице, как он это делает в житиях. К тому же в житиях и в их заголовках имени Нестора нет.

Каким же образом появилось имя Нестора в летописном заголовке?

Видимо, это произошло благодаря пятикратному упоминанию Нестора как печерского летописца в различных местах Киево-Печерского патерика, причем некоторые из этих мест появились еще в первой половине XIII в. Имя же Нестора в заголовке Сказания о Печерском монастыре появилось впервые во 2-й Кассиановской редакции Патерика 1460 г.¹⁰ Видимо, в Печерском монастыре существовало устное предание, настойчиво связывающее с Нестором создание «Повести временных лет».

В то же время есть основания доверять Киево-Печерскому патерику. Дело в том, что в его тексте сохранились некоторые из рассказов автора «Повести временных лет», выпавших из отредактированного текста¹¹. Один из этих рассказов сообщает сведения, компрометирующие брата Мономаха Ростислава, и эти сведения в авторском тексте позволяли понять нелепую смерть Ростислава в 1093 г. как божью кару за преступление. Точно так же и преступление сына Святополка, о котором рассказывалось у автора, было обычной авторской экспозицией, делающей понятной и смерть этого князя Мстислава в 1099 г. Был в Патерике

¹⁰ Бугославский С.А. К вопросу... Кн. 3. С. 158.

¹¹ Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. XII–XV.

и переделанный его авторами рассказ Яна Вышатича о событиях 1068 г., уцелевший в своем первоначальном виде лишь в Густынской летописи. Имелась здесь и дата смерти Глеба Святославича, выпавшая из редакторского текста и сохранившаяся в Патерике и в Новгородской Первой летописи, а также другие сведения автора. Следовательно, устное предание об авторстве Нестора опиралось на какие-то сведения, связанные с авторской редакцией «Повести временных лет».

Это и заставляет с большой осторожностью подходить к отрицанию авторства Нестора, несмотря на, казалось бы, самые убедительные текстологические аргументы, приведенные в начале данной главы.

В этом случае традиция и легенда оказываются сильнее, чем научные аргументы, необходимо лишь, следуя этой традиции и легенде, не замалчивать научную аргументацию и не истолковывать ее в угоду легенде, а, наоборот, доводить до сведения всех читателей «Повести временных лет», что будет стимулировать новые и новые исследования и этой частной проблемы авторства Нестора, и более общей проблемы истории всей «Повести временных лет».

Глава 12

ВЕЛИКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ЕГО КРИТИКИ, ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

В 1897 г. тридцатитрехлетний академик Алексей Александрович Шахматов опубликовал сразу две статьи о древнейшем периоде русского летописания¹. В одной из них А.А. Шахматов показал (впервые в русской историографии) наличие двух редакций «Повести временных лет» – 1116 и 1118 гг. В другой статье ученый исследовал текст Новгородской Первой летописи, более древний, чем эти две редакции 1116 и 1118 гг., и отнес его к так называемому Начальному своду 1095 г.

Статьи А.А. Шахматова, вышедшие в 1897 г., и его последующие публикации начала XX в. произвели переворот в науке о русских летописях. До работ А.А. Шахматова (впрочем, иногда и после его работ) исследователи, занимаясь древним летописанием, лишь истолковывали отдельные его факты, часто правильно, а порой и неправильно, но при этом обычно не связывали эти факты между собой и не сопоставляли своих наблюдений с реальным содержанием тех или иных списков «Повести временных лет» и с особенностями поздних летописей, в которых эти списки сохранились. Поэтому до работ А.А. Шахматова были лишь высказаны догадки о существовании русских летописей, более древних, чем «Повесть временных лет», причем даже указывалось, что одна из этих древних летописей обрывалась где-то на статьях середины 1090-х гг. Однако эти догадки так бы и остались правдоподобными предположениями, если бы не появились работы А.А. Шахматова, методика которых принципиально отличалась от методики его предшественников.

¹ Шахматов А.А. Древнейшие редакции...; Шахматов А.А. О начальном Киевском летописном своде. М., 1897.

В основе методики А.А. Шахматова лежали поиски не только правильных истолкований отдельных фактов, но и текстуальных связей между группами этих фактов, причем таких связей, которые прослеживались бы при анализе всего содержания того или иного реального летописного памятника. Иными словами, А.А. Шахматов впервые связал истолкование фактов с историей самих текстов дошедших до нас памятников.

Так, выявив в дошедшем до нас тексте «Повести временных лет» целый ряд вставок, А.А. Шахматов отнес эти вставки к работе автора «Повести временных лет», которым он в то время считал игумена Сильвестра, а текст, в который эти вставки сделаны, он отнес к более древней, чем «Повесть временных лет», летописи конца XI в., которую и назвал Начальным сводом. Большая заслуга А.А. Шахматова состоит в том, что, выявив этот текст и вставки в него, он еще и сравнил освобожденный от вставок текст, представленный в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, с другим, также реально существующим памятником — с Новгородской Первой летописью. Оказалось, что в новгородском тексте нет как раз тех вставок, которые есть в южнорусских летописях. Этот освобожденный от вставок текст А.А. Шахматов отождествил с тем самым Начальным сводом, предположение о существовании которого было высказано им еще до исследования новгородской летописи.

Итак, два исследовательских пути совпали, результаты исследования одной группы памятников подтвердились при исследовании другой группы. Так была доказана принципиальная возможность реконструирования основного содержания и дат летописей XI в., вошедших в «Повесть временных лет», а сама «Повесть временных лет» охарактеризована как свод этих летописей.

А.А. Шахматов не остановился на этом и предпринял разыскания еще более древних летописей XI в., чем Начальный свод 1095 г.² На этот раз ученый выявил вставки уже в новгородском тексте Начального свода. Выявленные таким образом вставки были отнесены к работе составителя Начального свода, а освобожденные от этих вставок тексты — к более древнему своду XI в. Этот более древний свод А.А. Шахматов датировал 1073 г. и связал с авторством печерского монаха Никона, на том основании, что в летописи имеется определенная зависимость в появлении и исчезновении

² Шахматов А.А. Разыскания...

известий о Тьмутаракани от пребывания или отсутствия Никона в этом городе. Тьмутараканские известия появляются в летописи как раз под теми годами, которые Никон провел в Тьмутаракани, и отсутствуют, когда Никон стал жить в Киеве. Сведения о переездах Никона были взяты не из летописи, а из независимого от нее источника — Жития Феодосия, написанного Нестором. И на этот раз сопоставление фактов одного памятника с фактами другого подтвердило плодотворность метода А.А. Шахматова.

Следующей ступенькой той лестницы, по которой исследователь спустился вглубь веков, было выявление древнейшего киевского свода 1039 г. Ряд соображений привел исследователя к выводу не только о существовании этого свода, но и о его переписке для новгородского свода 1050 г., которому, в свою очередь, предшествовали местные летописи, ведшиеся в Новгороде с 1020-х гг.

Итак, по концепции А.А. Шахматова, двум редакциям «Повести временных лет» предшествовал Начальный свод 1095 г., в свою очередь, основанный на текстах киевской летописи Никона и новгородской летописи 1050 г. с приписками за 1060–1070-е гг. И киевская, и новгородская летописи, в свою очередь, восходят к одному древнейшему киевскому своду 1039 г.

На этом работа А.А. Шахматова не закончилась. Он открыл существование еще одной редакции «Повести временных лет», и общее число этих редакций достигло трех.

До 1908 г. ученый считал, что имеются две редакции «Повести временных лет» — одна, принадлежащая автору, и вторая, принадлежащая собственно редактору. Эта концепция отразилась и в основной книге А.А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», вышедшей в 1908 г. Открытие новой редакции было сделано уже после написания этой книги и не отразилось на ее содержании. Лишь при ее напечатании А.А. Шахматов внес в текст несколько замечаний о существовании не двух, а трех редакций «Повести временных лет», причем в приложенной к этой книге схеме указаны все еще две, а не три редакции.

Что же это за новая редакция, открытая А.А. Шахматовым в 1908 г., и каково конструктивное значение этого открытия?

До 1908 г., А.А. Шахматов считал автором «Повести временных лет» Сильвестра и датировал его работу, согласно его же записи, 1116 г. Редактором ученый считал летописца, побывавшего в Новгороде в 1116 г. и трудившегося в 1118 г.

После открытия 1908 г. А.А. Шахматов стал считать автором «Повести временных лет» Нестора, печерского монаха, а выдубицкого игумена Сильвестра лишь редактором: соответственно, и вторая редакция 1118 г. стала третьей...

Характерной и плодотворной особенностью научного метода А.А. Шахматова была зависимость его общей концепции от каждого вновь открываемого факта. Именно благодаря этой особенности А.А. Шахматов смог в свое время выявить не только две редакции «Повести временных лет», но и открыть существование по крайней мере четырех предшествовавших этому памятнику летописей XI в. Каждое частное открытие вызывало как бы цепную реакцию, приводило к дальнейшему усовершенствованию всей концепции, к отбрасыванию одних ее звеньев, к укреплению других и к появлению третьих. Этим и объясняется своеобразная «текучесть» шахматовской концепции, как бы в миниатюре воссоздавшей текучесть и относительность любой научной теории, всего научного познания в целом. Создавая свою систему, ученый лучше своих оппонентов и последователей представлял ее относительность, постоянно ее совершенствовал и, в частности, требовал от своих учеников смотреть на нее критически, а не возводить ее в догму и не строить на основании этой догмы свою последующую работу. В этом критическом отношении к результату своей работы ярко проявилась творческая, человеческая личность великого исследователя. Этим объясняется и тот факт, что А.А. Шахматов не написал основного своего труда о «Повести временных лет» и Начальном своде, в котором были бы объединены все результаты его трудов. Он лишь приступил к написанию этого труда, но смерть оборвала его работу. Характерно, что свою работу ученый начал на этот раз не с разысканий древнейших сводов XI в., а с установления, выявления и определения текстов «Повести временных лет» как реально сохранившегося памятника раннего русского летописания³. Этим был как бы намечен путь для дальнейших исследований и самого А.А. Шахматова, и его последователей... Вернемся, однако, к обрисовке концепции А.А. Шахматова.

Мы остановились на открытии новой редакции «Повести временных лет», а именно – на открытии ее настоящей авторской редакции, что превратило Сильвестра в редактора, а второго редактора – в третьего.

³ Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники.

Это открытие единственное не вызвало той самой цепной реакции, о которой только что говорилось. Оно не привело ни к пересмотру, ни к изменению всей концепции, что является, по нашему мнению, отступлением А.А. Шахматова от его собственного метода.

Дело в том, что раз известны три, а не две редакции, то оказывается, что текст Начального свода выявлен в тексте не первой, а второй редакции Сильвестра. Пока Сильвестр считался автором «Повести временных лет», а сохранившийся в Лаврентьевской летописи текст считался авторским, соответственно, и памятник, выявленный в этом тексте, должен был быть отнесен к более древнему, чем «Повесть временных лет», своду, ей предшествующему. Если же этот памятник выявлен не в авторском, а в редакторском тексте, то методически правильно отнести его к той же «Повести временных лет», к ее первой редакции, и уже в этом тексте первой редакции искать следы более древних летописей XI в., ей предшествовавших. А.А. Шахматов не воспользовался этой чисто методической и логической возможностью выявления текста первой редакции «Повести временных лет», не сопоставил нового своего открытия с остальной концепцией и до конца своей жизни считал, что текст первой редакции не отражен в сохранившихся летописях XIII–XIV вв. Соответственно, не изменились и его взгляды на летописание XI в., хотя они были основаны на мнении о двух, а не о трех редакциях «Повести временных лет», а работа по текстологическому выявлению всех текстов Начального свода и сопоставлению этих текстов между собой не была проделана.

Трудно объяснить, почему А.А. Шахматов не придал никакого конструктивного значения своему открытию 1908 г. и почему это открытие не повлияло на дальнейшие его работы. Скорее всего, объясняется это тем, что А.А. Шахматов считал текст Сильвестра, сохранившийся в Лаврентьевской летописи, копией первой авторской редакции, от нее почти не отличающейся. А раз так, значит, и открытие 1908 г. не влияет на остальные выводы. Однако само положение о Лаврентьевском тексте Сильвестра как о копии не было доказано, а являлось только предположением, к тому же и сам этот текст, как мы уже знаем, представлял столь неотделимое соединение текстов третьей и предшествующих ей редакций, так что говорить о реальном существовании текста второй редакции не приходится.

К концу своей жизни А.А. Шахматов стал все большее внимание уделять выявлению текста автора «Повести временных лет», и в опубликованной посмертно работе об источниках этого автора он писал, что выявление его текста является главной задачей исследования «Повести временных лет». И действительно, пока этот текст не выявлен, нельзя строить никаких гипотез о более ранних памятниках XI в.

В последнем периоде своей творческой деятельности А.А. Шахматов, впрочем, стал замечать некоторые противоречащие его концепции факты, однако был склонен объяснять их с точки зрения их соответствия общим своим представлениям о соотношении текста «Повести временных лет» с более древними летописями, с одной стороны, и с более поздними летописями — с другой.

Так, выявив, что в начальном тексте «Повести временных лет» цитаты из Хронографа совмещены с цитатами из Хроники Амартола, исследователь склонен был считать, что обоими источниками пользовался один, а не два летописца. А это противоречило как той путанице, которая возникла при совмещении этих цитат, так и тому, что этот летописец, больше доверяя Хронике Амартола, тем не менее использовал и Хронограф, причем как раз те его места, которые есть и в Хронике Амартола.

А.А. Шахматов заметил и то, что об уграх в «Повести временных лет» говорится и по Амартолу, и не по этому источнику⁴, что также было истолковано как свидетельство использования автором «Повести временных лет» двух разных источников, тогда как обычная методика приводила исследователя всегда к отнесению к двум авторам двух противоречащих известий об одном и том же событии.

Выявление этих противоречий в 1916–1918 гг., не замеченных еще в 1908 г., свидетельствует о том, что А.А. Шахматов уже вплотную подходил к очередному пересмотру своей концепции и к решению всей проблемы раннего летописания в целом как, прежде всего, проблемы соотношения текстов трех редакций «Повести временных лет». Это и есть центральная проблема всего раннего летописания, так как в зависимости от ее решения находится проблема гипотетического реконструирования всех более древних летописей.

⁴ Шахматов А.А. Волохи древней русской летописи // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 54. С. 234–240.

Мы убеждены, что если бы не преждевременная смерть ученого, то он пришел бы к пересмотру своего представления об использовании и Хронографа, и Хроники Амартола одним летописцем, тем более что этот летописец принципиально заменил всю хронологическую сетку, основанную на Хронографе, сеткой по Хронике Амартола и Летописца вскоре патриарха Никифора. Мы убеждены, что в конце концов А.А. Шахматов завершил бы свои только начавшиеся поиски текста Нестора его отождествлением с текстом, сохранившимся в Новгороде и выявляемым также путем его освобождения от вставок редактора в текстах Ипатьевской и Лаврентьевской летописей. Залогом этого успеха служит более правильная постановка вопроса о задаче исследования в целом, сделанная в последней, посмертно опубликованной работе А.А. Шахматова об источниках «Повести временных лет».

В период опубликования работ А.А. Шахматова его концепция почти не встречала публичных возражений. Исключением является лишь статья академика А.И. Соболевского о переделке киевской летописи в Новгороде в начале XIII в. Заметив отсутствие подлежащего в начальной фразе новгородского текста («Живяху кождо...»), А.И. Соболевский пришел к выводу, что и весь этот текст является сокращенной копией киевской летописи. Однако А.И. Соболевский не продолжил своих исследований и не привлек многих фактов раннего летописания для более всесторонней аргументации своей точки зрения.

Основные критические выступления относятся уже к 1920–1930 гг. В своих «Заметках о начале древнего летописания» (1924) академик В.М. Истрин остановился главным образом на опровержении ряда частных результатов работы А.А. Шахматова. Была подвергнута сомнению правильность выявления А.А. Шахматовым отдельных вставок. Подобная методика не могла привести ни к изменению, ни к пересмотру, ни к опровержению всей концепции А.А. Шахматова. В.М. Истрин не отделил конструктивные узлы этой концепции от ее неконструктивных частей, и это обусловило неудачу его критических замечаний, среди которых были и бесспорно верные и тонкие наблюдения⁵.

⁵ (См. *Истрин В.М.* Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи // ИОРЯС. 1921 г. Пг., 1923. Т. XXVI. С. 45–102; ИОРЯС. 1922 г. Л., 1924. Т. XXVII. С. 207–251. – *Прим. ред.*.)

Более важными и даже парадоксально подтверждающими концепцию А.А. Шахматова оказались выводы В.М. Истрина, сделанные им на основании собственного скрупулезного исследования Хроники Амартола. Эта работа является классической, хотя и незаслуженно забытой. В ней В.М. Истрин пришел к выводу – основному во всей шахматовской концепции, что тексты Новгородской летописи, с одной стороны, и Ипатьевской и Лаврентьевской – с другой, представляют собой два различных памятника, более древний и более поздний, причем более древний основан на Хронографе (по великому изложению, в терминологии В.М. Истрина), а более поздний – на Хронике Амартола. Подтвердив главный результат работы А.А. Шахматова, В.М. Истрин совершенно бездоказательно и вне связи с текстами обоих памятников отнес более древний к середине XI в., а более поздний – к началу XII в.

Таким образом, если критические замечания В.М. Истрина не затронули существа концепции А.А. Шахматова, то его собственные позитивные исследования подтвердили правильность основного вывода А.А. Шахматова о соотношении новгородского и южнорусского текстов и, соответственно, об использовании двумя их авторами разных источников – Хронографа и Хроники Амартола.

Надо сказать, что, если в своем классическом труде о Хронике Амартола В.М. Истрин не отделяет очень осторожных и немногочисленных выводов от текстуальных исследований, то, рисуя широкими мазками картину появления летописания на Руси, ученый, по существу, сходит с почвы фактов, переходя в область предположений, основанных только на том, что Хроника Амартола была переведена на Руси в конце 1030-х гг. Многочисленные факты, открытые А.А. Шахматовым или известные науке и до его работ, В.М. Истрин либо отрицает, либо не принимает во внимание. В результате и его собственные открытия существования русского (а не болгарского, как считал А.А. Шахматов) перевода Хроники Амартола и Хронографа по великому изложению, представляющего краткое изложение этого перевода, остались, по существу, не использованными в той работе по выявлению источников «Повести временных лет», которую проводил А.А. Шахматов.

Вторая работа, критически относящаяся к концепции А.А. Шахматова, принадлежит перу академика Н.К. Никольско-

го⁶. Она направлена не против всей концепции А.А. Шахматова, в которой Н.К. Никольский, как он это признает в своей речи после смерти А.А. Шахматова⁷, очень сомневался, но которую, войдя в ее существо, он принял, а против утверждения А.А. Шахматова о том, что главное влияние в первоначальный период развития книжной письменности шло на Русь из Болгарии. Н.К. Никольский устанавливает наличие мощного западнославянского влияния. В его работе разбираются только начальный текст «Повести временных лет» и Сказание о грамоте словенской, причем делается это, по существу, в отрыве и от общей концепции А.А. Шахматова, и от текста Новгородской Первой летописи, в которой сохранились как раз те самые тексты предполагаемого Н.К. Никольским Сказания о полянах-Руси, которое он частично реконструирует и относит к X в.

Принципиальное отличие работ В.М. Истрина и Н.К. Никольского от работ А.А. Шахматова состоит в том, что если А.А. Шахматов исходит в своей концепции из существования реального памятника и от «Повести временных лет» переходит к реконструированию несохранившихся летописей XI в., то и В.М. Истрин, и Н.К. Никольский, наоборот, начинают свою работу с анализа отдельных, наиболее древних текстов, проводят этот анализ в отрыве от всего текста «Повести временных лет» и строят на его результатах предположения о несохранившихся нигде, кроме как в тексте все той же «Повести временных лет», более ранних летописях и произведениях. В.М. Истрин даже подчеркивает, что отношение исследователя к «Повести временных лет» XII в. зависит от его отношения к древнейшему своду XI в., а не наоборот, как всегда утверждал А.А. Шахматов.

Не оттолкнувшись от концепции А.А. Шахматова, а главное — от тех многочисленных и разнообразных фактов, которые лежат в ее основании, оба исследователя не смогли действительно критически отнестись и к выводам А.А. Шахматова. Этим же недостатком была отмечена и та огромная, но оказавшаяся в результате бесполезной работа С.А. Бугославского по сличению списков «Повести временных лет», которую этот исследователь вел

⁶ Никольский Н.К. Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры: К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Вып. 1: I—IX. (Сборник по русскому языку и словесности Академии наук. Т. II. Вып. 1.)

⁷ Никольский Н.К. Памяти А.А. Шахматова // ИОРЯС. Пг., 1920. Т. 25. С. 154—162.

с перерывами на протяжении нескольких десятков лет. С.А. Бугославский целиком отказался от метода, концепции и фактов, фигурирующих в работах А.А. Шахматова. Метод он считал «конъюнктурным», то есть основанным на логическом анализе, гипотезах, а порой и на богатейшей художественной интуиции исследователя, и противопоставил его методу свой собственный, внешне более объективный. В чем же объективность этого метода? С.А. Бугославский сравнивал все основные группы дошедших до нас летописей по их разночтениям и показал, что эти разночтения, то есть микроошибки новгородского текста, идентичны микроошибкам южнорусских летописей, что свидетельствует о восхождении обоих текстов к одному, а не к двум разным памятникам⁸. Легко заметить, что если сам этот метод выглядит объективнее «конъюнктурного» метода А.А. Шахматова, то выводы, сделанные С.А. Бугославским из своих результатов, вполне субъективны. Из этих результатов можно сделать и другой вывод: поскольку в обеих группах памятников содержатся одни и те же микроошибки, это означает, учитывая все остальные факторы, не привлеченные С.А. Бугославским, что в основу текстов одной группы памятников положены тексты другой группы, то есть в основу «Повести временных лет» положен текст Начального свода, или что в основе третьей редакций лежит текст первой редакции «Повести временных лет». Интересно, что С.А. Бугославский, не будучи знаком с научным архивом А.А. Шахматова, фактически проделал во второй раз ту работу, которую провел А.А. Шахматов по сличению списков «Повести временных лет» в процессе написания своих «Разысканий...». Эти рукописи А.А. Шахматова были опубликованы лишь в 1938 г.⁹, причем не менее интересно, что хотя в процессе их написания А.А. Шахматов и делал выводы о соотношении Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской Первой летописей на основании их разночтений, но ни один из этих выводов и ни одна ссылка на эти разночтения не попали в текст «Разысканий о древнейших русских летописных сводах».

Дело в том, что А.А. Шахматов понимал методический недостаток работы по выявлению разночтений списков «Повести

⁸ Бугославский С.А. «Повесть временных лет» (Списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть: Статьи и исследования. М.; Л., 1941. С. 7–37.

⁹ Шахматов А.А. Обозрение...

временных лет». Коли в одном списке сохранилось больше провальных чтений, чем в другом, то это еще не означает, что в нем сохранялся и текст более древней редакции «Повести временных лет». Это лишь означает, что этот список подвергался меньшему числу копировок, нежели другой текст, так как именно при снятии копий и накапливались отступления от первоначального текста.

И еще одной работе свойственно глубоко ошибочное и априорное игнорирование шахматовской концепции. Это интереснейшая литературоведческая работа И.П. Еремина о «Повести временных лет», исходящая из той установки, что единственным реальным текстом является текст «Повести временных лет», который уже потому нельзя разрывать на отдельные части, что он производит впечатление цельного художественного произведения. И.П. Еремину принадлежит большая заслуга в самой постановке вопроса о цельности — и художественной, и идейной — «Повести временных лет», но этому тезису шахматовская концепция не только не противоречит, но и помогает утвердиться. Действительно, только пользуясь шахматовским методом, возможно отделить авторские тексты от текстов более ранних его источников и от редакторских вставок, восстановить большинство авторских текстов, проследить их взаимосвязь и авторскую аранжировку его источников и на этих основаниях подойти к характеристике авторского замысла и понять, каким образом автору удалось создать из разноцветных кусочков собственных и инородных текстов такое цельное — и художественно, и идейно, и научно — произведение, как «Повесть временных лет».

Итак, критики концепции А.А. Шахматова, как это ни парадоксально, каждый по-своему подтвердили правильность основного ее положения о соотношении новгородского и южнорусского текстов; или же, кратикуя то, чего в ней нет, они подтвердили тем самым правильность того, что в ней имеется.

Обращаясь к последователям А.А. Шахматова, прежде всего отметим, что использование его выводов и следование его концепции, хоть и не всегда связанное с последовательным применением самого его метода, оказалось куда более плодотворным, нежели безосновательное игнорирование достижений А.А. Шахматова, не основанное на усвоении его концепции.

Однако и здесь мы сталкиваемся со столь же парадоксальной картиной, как и при разборе работ критиков А.А. Шахматова:

защищая результаты трудов великого исследователя, его последователи в ходе собственных разысканий приходят к таким результатам, которые, будучи сопоставлены с отдельными звеньями концепции учителя, могут разрушить всю цепь его построений. Однако этот парадокс уже вполне естественен – плох тот ученик, который не превзошел своего учителя. К сожалению, следует отметить, что иногда положения учителя доводятся до столь отдаленного пункта, что и само положение теряет свою первоначальную правдоподобность.

Так, М.Д. Присёлков, которого А.А. Шахматов в свое время критиковал за догматизирование концепции своего учителя и за то, что между исследователем и летописью поставлена эта концепция¹⁰, особенно подробно исследует сведения «Повести временных лет», восходящие к информации Яна Вышатича, о которой автор «Повести временных лет» сообщает под 1106 г. По М.Д. Присёлкову, получается, что в «Повести временных лет» можно выявить только те сведения, которыми снабдил Ян Вышатич не автора «Повести временных лет», а его предшественников, составителей сводов 1073 и 1095 гг.¹¹ Выходит, что сведения Вышатича относятся не к тексту сохранившегося произведения, а к тексту лишь гипотетически реконструированных летописей. Получается, что авторское утверждение под 1106 г. опровергается в угоду научной теории. Так, пытаясь найти новые аргументы в подтверждение концепции учителя, его ученик на самом деле столь далеко от нее отходит, что заставляет искать ее опровержения, искать связь между словами автора под 1106 г. и текстами его информатора. Поиски же этой связи приводят к утверждению, что тексты, относимые к предшественникам «Повести временных лет», на самом деле принадлежат ее автору.

Необычайно важное предположение было высказано Л.В. Черепниным в его интереснейшей и далеко еще не оцененной по ее достоинствам работе о «Повести временных лет»¹². Л.В. Черепнин, исходя из наблюдений над общественно-политической жизнью начала XII в., предположил, что «Повесть временных лет» была содана в 1115 г. в связи с подготовкой общенационального праздника

¹⁰ Шахматов А.А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. 1914. № 4. (Т. II. Вып. 2.) С. 45.

¹¹ Присёлков М.Д. История русского летописания... С. 18–20.

¹² Черепнин Л.В. «Повесть временных лет»...

Бориса и Глеба. Если принять это предположение, то сразу можно объяснить одну загадочную, но бесспорную особенность новгородского текста, отмеченную еще А.А. Шахматовым. Речь идет о том, что цитирование новгородцем его киевского источника обрывается как раз на том самом 1115 г., до которого, по предположению Л.В. Черепнина, был доведен текст авторской редакции «Повести временных лет». А отсюда следует, что по крайней мере вся вторая половина новгородского текста основана не на третьей редакции, а на первой, что статьи первой редакции обрываются не на 1110 или 1113 г., а на 1115 г., и т.д. и т.д.

Однако исторические наблюдения Л.В. Черепнина не были сопоставлены с текстологической историей «Повести временных лет», а само исследование, по существу, только начавшись, было остановлено.

В том же 1948 г., в котором появилась работа Л.В. Черепнина, вышла в свет и чрезвычайно важная для текстологической истории памятника статья Д.С.Лихачёва¹³. В свое время А.А. Шахматов предположил, что Софийский временник, соединивший тексты начального свода с новгородской владычной летописью, основанной на третьей редакции «Повести временных лет», был составлен в Новгороде в 1425 г. Д.С. Лихачёв убедительно показал, что составление Софийского временника происходит еще в XII в., в результате установления республиканского строя. Далее Д.С. Лихачёв показал, что соединение местного летописания с третьей редакцией «Повести временных лет» происходит не в 1167 г., как полагал А.А. Шахматов, а в начале XII в. при Всеволоде. Передатировка Софийского временника и открытие свода Всеволода были важными дополнениями шахматовской концепции. Однако свод Всеволода можно было датировать временем не раньше появления третьей редакции, то есть временем после 1118 г., тогда как цитирование киевского источника обрывается (по А.А. Шахматову) на 1115 г. Этим и объясняется то исправление, которое внес Д.С. Лихачёв в вывод А.А. Шахматова о прекращении цитаты на 1115 г.: Д.С. Лихачёв отнес (и безосновательно) сведения новгородских статей за 1116—1117 гг. к цитатам из третьей редакции. Так важное и принципиальное открытие заставило исследователя не соотносить его со всей группой фактов, выявленных А.А. Шахматовым, а исправить одно из как будто бы частных,

¹³ Лихачёв Д.С. «Софийский временник»...

а на самом деле конструктивных его положений. Соответственно, и инициатива использования в Новгороде «Повести временных лет» была отнесена не к Мстиславу, о связях которого с летописанием было уже известно, а к его юному сыну Всеволоду, которому едва исполнилось 20 лет.

Не менее важной была и более ранняя статья Д.С. Лихачёва об устных летописях в составе «Повести временных лет» (1945). Дело не столько в том, что Д.С. Лихачёв вслед за А.А. Шахматовым со всей силой подчеркнул значение устных источников в сложении текста «Повести временных лет». Новое в работе Д.С. Лихачёва заключалось в том, что исследователь впервые обратил внимание на тесную текстуальную взаимосвязь, более того – неотделимость некоторых ранних новгородских и киевских известий. А.А. Шахматов ошибочно отделял одни известия от других и на этом основании делал построения о самостоятельном новгородском летописании еще до 1050 г. Д.С. Лихачёв, показав, что отделить одни известия от других невозможно, объяснил их тесную взаимосвязь одним общим происхождением, одновременным сложением текстов, в которых использованы и новгородские, и киевские факты.

И это видно не только на текстах, касающихся истории рода Яна Вышатича, но и на таких описаниях, как под 1016 г. о Любечской битве, или под 1021 г. о борьбе с Брячиславом. Эта неотделимость новгородских известий от киевских и позволяет (см. выше главу об устных и письменных источниках) говорить о появлении этих текстов в одной, причем киевской летописи 1070-х гг., только не под пером Никона, а при работе неизвестного нам летописца.

Другой опытный исследователь и знаток древнерусских летописей А.Н. Насонов в своей работе о переяславском летописании показал фактически, что в Переяславле не велось, как предполагал А.А. Шахматов, двух летописей – и епископской, и княжеской, – а велась одна, причем она являлась сокращенной копией киевской летописи¹⁴. Предположение А.А. Шахматова отпало, а оно, между тем, имело конструктивное значение в построениях исследователя. Дело в том, что этим предположением объяснялось иначе непонятное своеобразие переяславской летописи, сохранившейся в Лаврентьевской летописи: совмещение текстов второй и третьей редакций. Это совмещение произведено было (по А.А. Шахматову) поздним летописцем, имевшим в своем

¹⁴ Насонов А.Н. Об отношении... С. 493–494.

распоряжении обе переяславские летописи. Однако раз имеется одна, а не две переяславских летописи (А.Н. Насонов), то сомнительным становится и шахматовское объяснение удивительно монолитной двухслойности текста Лаврентьевской летописи. Далее, если переяславский текст однослоен, то и текст «Повести временных лет» в этой летописи однослоен, а раз в нем есть тексты и третьей редакции, то он восходит именно к ней, а не ко второй редакции. Но в таком случае прежний перевод записи Сильвестра под 1110 г. становится сомнительным и требует нового перевода, который объяснил бы причину появления этой записи не в выдубицком киевском экземпляре «Повести временных лет» (заметим, что в Ипатьевской летописи сохранился именно выдубицкий экземпляр киевской летописи, если судить по записи 1200 г.), а в переяславском ее экземпляре.

Так и это открытие однослойности переяславской летописи, не будучи сопоставлено с концепцией А.А. Шахматова, не отразилось на ее облике и осталось как будто бы частным и незначительным фактом раннего летописания.

Между тем именно такого постоянного сопоставления каждого нового и незначительного факта или предположения требовал от себя и своих последователей сам А.А. Шахматов. Характерной особенностью его метода было и то, что все историко-литературные предположения рождались у А.А. Шахматова на основе текстологического, а не только чисто исторического анализа летописных памятников. Текстология открывала путь к истории, история текстов позволяла заглянуть в историю эпохи, а если какие-нибудь чисто исторические предположения и рождались у А.А. Шахматова, то они всегда отражались на формулировке чисто текстологической проблематики. Предположения исторические проходили текстологическую проверку и только после этого принимались или отвергались...

Однако возвратимся к той несколько парадоксальной ситуации, которая создалась благодаря трудам последователей А.А. Шахматова.

Академик Б.А. Рыбаков в своей работе о раннем периоде русского летописания высказал предположение о тождестве редактора с Василием, который рассказал об ослеплении Василька в 1097 г. Это предположение, как мы видели, было подтверждено некоторыми особенностями самого текста статьи 1097 г., которые встречены как раз в том месте, которое А.А. Шахматов и М.Д. Присёлков относили к работе первой, а не третьей редак-

ции. Следовательно, предположение Б.А. Рыбакова «посягало» на важнейший конструктивный узел шахматовского построения и как таковое должно было либо опровергнуть выводы А.А. Шахматова, либо же, не опровергнув их, само остаться недоказанным, что и случилось в истории науки уже один раз с точно таким же предположением об авторстве Василия, высказанным другим крупным исследователем, М.П. Погодиным, еще в XIX в.¹⁵

К чему же приводит нас изучение послешахматовской историографии «Повести временных лет»?

Прежде всего, к выводу о том, что целый ряд ученых – и историков, и текстологов, и литературоведов, и сторонников концепции А.А. Шахматова, и ее противников – пришли в своих работах к пересмотру различных частных, казалось бы, сторон этой концепции, и, однако, их выводы, будучи с ней сопоставлены, вызывают принципиально важные в ней изменения. Это свидетельствует о назревшей необходимости, во-первых, сопоставления всех результатов, полученных после Шахматова, и между собой, и с его концепцией, а, во-вторых, нового сопоставления этой концепции со всей суммой известных текстологических фактов.

Результатом этих сопоставлений и является вывод о том, что в Новгороде сохранились остатки текста не Начального свода, а первой редакции «Повести временных лет». Этот вывод привел к выявлению, между прочим, и таких противоречий в концепции А.А. Шахматова, которые до того были незаметны.

Таково, например, следующее противоречие.

Если Начальный свод был направлен против Святополка, а первая редакция «Повести временных лет» была сделана чуть ли не по заказу этого князя, то чем объяснить, что именно в тексте Начального свода появляются сведения о генеалогии Святополка, лестные для него, а из текста положительно к нему относящегося автора «Повести временных лет» исчезают как раз эти сведения? Далее, если в первой редакции были те самые записи, которые, по нашему мнению, внесены по заказу Мономаха и открыто его прославляют, одновременно компрометируя его противников, то чем объяснить, что Мономаху не понравилась первая редакция, которая была дважды отредактирована по заказу Мономаха?

Возьмем другое противоречие, касающееся свода 1073 г. в том виде, в котором его реконструировал А.А. Шахматов. Авторство

¹⁵ Погодин М. Нестор... С. 73; Рыбаков Б.А. Древняя Русь... С. 278–279.

Никона ученый связывал с исчезновением и появлением в летописи тьмутараканских записей в зависимости от переездов Никона в Тьмутаракань и обратно. Однако чем объяснить, что тьмутараканские записи продолжают появляться в летописи и в то время, когда Никон живет в Киеве — под 1080-ми гг.? Чем объяснить, что тьмутараканские записи 1060-х гг., приписываемые Никону, рассказывают собственно не о Тьмутаракани, а об отце известного информатора редактора — Василька Ростиславича?

Третье противоречие. Чем объяснить, что киевский источник свода Всеволода обрывается как раз на том же 1115 г., на котором прекращаются и следы редакторских вставок, и следы авторских текстов в Ипатьевской летописи? Чем объяснить, что сведения Яна Вышатича, которыми пользовался автор, находятся как раз в тех текстах, которые отнесены А.А. Шахматовым к Начальному своду и к своду Никона? Чем объяснить, что в Лаврентьевской летописи сохранился не текст второй редакции Сильвестра, а текст третьей редакции, оборванный на середине статьи 1110 г. и завершённый записью епископа (а не игумена!) Сильвестра? Чем объяснить, что текст Новгородской Первой летописи на всем своем протяжении от 854 до 1115 г. отличен от текста третьей редакции?

Все эти противоречия оказываются взаимосвязанными, и так же, как шахматовская концепция строилась на основе учета взаимоотношения многих фактов, новые и довольно многочисленные факты складываются в несколько иную концепцию.

Самое интересное, что эта новая концепция целиком обязана своим появлением не только применению метода А.А. Шахматова, но и самой его концепции. Она продолжает и развивает концепцию ученого, а не опровергает ее. Этим и объясняется, что целый ряд важных выводов А.А. Шахматова остается в прежней силе, а порой становится и более конструктивным, больше соответствует этой новой концепции, чем старой концепции А.А. Шахматова.

Это и убеждает нас в правильности и своевременности выдвинутых положений об авторской редакции «Повести временных лет» как о киевском источнике свода Всеволода, сохранившемся в составе этого свода в Новгороде. Выявить ее можно путем отбрасывания вставок редактора в текстах Ипатьевской и Лаврентьевской летописей.

Глава 13

КОНСТРУКТИВНЫЕ И ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Итак, первая редакция начиналась с авторского предисловия, обращавшего читателя от древности к современности, настраивавшего его на главную тему всего повествования. За предисловием следовал, собственно, тот рассказ о расселении народов после потопа, о происхождении славян и первых киевских князьях, который в древности назывался «повестью временных лет». Впоследствии это название перешло на весь текст Летописи 1115 г., поскольку предисловие вместе с заголовком, с которого оно начиналось, было опущено редактором. Этот заголовок сохранился в несколько измененном виде в Новгороде, и в нем говорится о Софийском временнике вместо первоначального Русского временника. Итак, первая редакция называлась Русским временником, и это название точно соответствовало названию византийского источника, использованного автором: Хронограф переводится как временник. Интересно, что и новое название Летописи 1115 г., полученное благодаря редактору, использовавшему Хронику Амартола, тоже соответствует этому другому византийскому источнику, точное название которого: «Книги временные и образные Георгия Мниха». Как видим, в название отредактированной Летописи 1115 г. перешло не только слово «временные», но и указание на авторство некоего печерского монаха. Но, быть может, заголовок «повести временных лет» имелся и в тексте первой редакции после предисловия? В таком случае следовало бы предположить, что черноризцу, написавшему вступительную «повесть временных лет», не обязательно должно принадлежать авторство всей остальной летописи 1115 г. Но в таком случае автором предисловия был не печерянин, и тогда им вполне может быть Сильвестр, игумен Выдубицкого монастыря? Ведь Сильвестру очень многие ученые

приписывали это авторство. Поэтому следовало бы ответить на поставленный вопрос. Сразу отвечаем на него отрицательно, так как вступительная «повесть временных лет» самым прямым и тесным образом связана со всем текстом Летописи 1115 г. – и идейно, и текстуально, и художественно, и по одинаковому использованию одного и того же Хронографа. А раз и летопись, и вступительная «повесть временных лет» написаны одним и тем же автором, то название этой повести появилось только после изъятия предисловия (перед которым было свое название) и при переходе работы над текстом из Печерского в другой киевский монастырь, где и появилась необходимость указания на автора из Печерского монастыря. Это указание и превратилось в новое название всей летописи. Следовательно, Сильвестр не мог быть автором повести и летописи 1115 г. Не мог он быть автором еще по двум другим причинам: он называет свой труд 1116 г. Книгой-Летописцем, а это был Временник, кроме того, в этом тексте отсутствуют какие-либо сведения о многообразной жизни его монастыря в конце XI – начале XII вв., когда он был игуменом, а эти сведения неминуемо появились бы в тексте летописи, если бы он был тем самым автором, который столь тщательно собирал для нее сведения у киевлян и всех знакомых людей. Слова Сильвестра о том, что он «написал Книгу-Летописец» следует переводить как «переписал книгу-летописец». В древности не было столь непроходимой границы между автором и переписчиком летописи, причем характерно, что имен авторов мы, как правило, не знаем, и нам известны главным образом имена переписчиков. Интересно и то, что в обоих сохранившихся произведениях Нестора их автор говорит не о своем «написании» этих произведений, а о «вписании» или «исписании», что уже совсем близко к «списанию», хотя он написал их.

О «написании», а не о переписке, «списании» говорят и переписчик Остромирова Евангелия (1057), и переписчик Пролога, известный уже нам Тимофей-пономарь (1262).

Таким же частным вопросом текстологической истории «Повести временных лет», как вопрос об ее авторе и о Сильвестре, является и вопрос атрибуции Лаврентьевской летописи. Вывод о соотношении текстов Ипатьевской, Лаврентьевской летописей и Новгородской Первой летописи, о соотношении текстов всех трех редакций, о тексте Лаврентьевской летописи как тексте переяславском, не изменится, если даже переводить запись

Сильвестра так, как ее переводили всегда — не как воспоминание епископа Сильвестра, а как запись, сделанную в 1116 г. игуменом Сильвестром, — перед нами в Лаврентьевской летописи останется все тот же реальный текст третьей, а не второй редакции. И если даже считать, что этот текст получился, как раньше предполагали, путем невероятного, ювелирно точного слияния текстов второй и третьей редакций, то и в этом случае наши основные выводы о первой редакции останутся в силе. Ведь и текст третьей редакции в Ипатьевской летописи образовался, скорее всего, путем переработки сильвестровской выдубицкой копии первой редакции. Все это частные вопросы, не влияющие на основную концепцию, которая построена на выявлении вставок редактора в тексте третьей редакции и сравнении ее текста с текстом первой редакции, сохранившимся в Новгороде. Однако среди выявленных вставок некоторые из них, рассуждая теоретически, могут принадлежать и Сильвестру?! Ведь не имея на руках его выдубицкого текста, мы не можем текстуально доказать, что он не сделал ни одной вставки, мы можем только с той или иной степенью убедительности это предполагать. Поэтому мы на всем протяжении нашего текста всегда и говорили о редакторе, а не о Василии, как звали третьего редактора. Тем самым мы, не заостряя вопроса о редакторстве или копировании Сильвестра, выявили все вставки, пропуски и перемещения, сделанные одним или двумя сменившимися друг друга редакторами. Для нас гораздо важнее было определить объем и направленность всех редакторских изменений первоначального текста, чем определить объем работы каждого из редакторов — Сильвестра и Василия. Направленность всех редакторских изменений столь однообразна и цельна, что возникает естественное желание говорить об одном, а не о двух редакторах, но поскольку мы знаем, что и тот, и другой редактор работали по заказу одного и того же Мономаха, то это единство всех редакторских изменений может объясняться единством заказчика. Это и является причиной, которая побудила нас все время говорить о некоем собирательном «редакторе», не называя его по имени. Однако мы убеждены, что Сильвестр лишь переписал в 1116 г. Летопись 1115 г. Только после переписки Сильвестра Летопись оказалась в распоряжении кругов, близких к Мономаху. Только в 1118 г. Мономах написал свое «Поучение», к созданию которого его могла побудить Летопись 1115 г., в которой «пути» Мономаха не были

отражены. Не удовлетворившись «Поучением», Мономах, уже хорошо ознакомившийся с летописью, и заказал ее переделку. Он заказал летопись для себя и своей семьи, и лишь впоследствии она стала канонической общерусской летописью. Интересно, что «Поучение» Мономаха по неизвестным нам причинам начинается с воспоминания о Васильке Ростиславиче, и Мономах как бы оправдывается, снимает с себя вину за ослепление этого князя. В редакторской же вставке эта вина прямо переложена на Святополка и Давида. Между тем Мономах был косвенным виновником этой трагедии, так как именно из-за боязни его политических комбинаций эта трагедия и произошла...

Сильвестр не мог быть редактором и потому, что за те же полгода он не мог ни столь тщательно изучить летопись, ни собрать всю ту грандиозную массу необходимых для переделки материалов. Прежде чем редактировать Летопись 1115 г., надо было ее сначала переписать и изучить. Этой перепиской и занялся Сильвестр, что значительно уменьшает и возможность признания его работы редакционной, и количество вставок, которые он мог сделать без всякой специальной подготовки. Этими соображениями и объясняется, что мы все же убеждены в единоличном редакторе Василии, хоть и не вынесли эти соображения в основной текст нашей работы. Поскольку же прежнее нумерование редакций «Повести временных лет» как первой, второй и третьей редакций искажает действительную картину редактирования этого памятника, постольку следовало бы перейти к несколько иной терминологии и называть первую редакцию 1115 г. авторским текстом, вторую редакцию — выдубицким текстом, третью редакцию — редакторским текстом, переяславский список «Повести временных лет», сохранившийся в Лаврентьевской летописи, — переяславской копией редакторского текста (соответственно, и другие его копии называть по именам летописей, в которых они сохранялись, или мест, где они сделаны), а новгородский текст называть новгородской редакцией авторского текста «Повести временных лет». Оставляя же прежние наименования редакций, мы неизбежно вызываем вопрос, каким же образом выясняется состав авторского текста, если мы работаем с текстами третьей, а не второй редакции. Ведь в тексте третьей редакции мы можем обнаружить тексты только второй редакции, а уже в этих последних искать тексты первой редакции... Поэтому и следует переименовать все дошедшие до нас

тексты. Впрочем, можно и оставить шахматовские наименования, чтобы облегчать пользование его трудами, остающимися основными по вопросу о редакциях «Повести временных лет».

Продолжим рассмотрение частных вопросов текстологической истории памятника.

Итак, его автором был печерянин, знакомый с Хронографом. Но не мог ли он одновременно использовать и Хронограф, и Хронику Амартола? Если это так, то тогда цитаты из Хроники принадлежат не редактору, а автору «Повести временных лет», а в тексте Новгородской Первой летописи сохранился Начальный свод и т.д. Отвечаем и на этот вопрос отрицательно. Дело в том, что Хронограф и Хроника Амартола цитируются в летописи по-разному, первый — дословно, вторая — не дословно, с пересказами, что и свидетельствует не только о двух разных способах цитирования разных источников, но и о том, что каждый из них цитируется разными авторами¹. Затем, один автор не мог привлечь для своего рассказа о разделе земли два разных источника, поскольку в каждом из них есть все те сведения, которые ему требовались. Далее, автору, знакомому с Хроникой, не был нужен Хронограф, поскольку этот автор явно предпочитал сведения Хроники.

Итак, Хронографом и Хроникой Амартола пользовались разные летописцы, автор и его редактор. Однако возникает вопрос о правильности нашей атрибуции остальных вставок редактора в авторский текст 1094–1115 гг. Не может ли этот текст принадлежать печерскому летописцу, начавшему свою работу в 1091 г. и доведшему ее до 1115 г., то есть до момента составления «Повести временных лет», автор которой и использовал текст печерянина, дополнив его теми самыми вставками, прославляющими Мономаха, которые мы отнесли к работе редактора 1119 г. Василия?! Иными словами, не заменяется ли соотношение автор — редактор «Повести временных лет» соотношением печерский летописец — автор «Повести временных лет»? В этом последнем случае автором был бы все тот же Сильвестр, запись которого о своем авторстве пока не имела никаких текстуальных подтверждений.

Как ни хотелось бы нам узнать имя автора «Повести временных лет» и как ни соблазнительно было бы приписать это авторство летописцу, который прямо о нем говорит, все же сделать это

¹ *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя... Т. II... Пг., 1922. С. {Страница не указана. — Прим. ред.}

у нас нет никаких оснований. Дело в том, что если бы автором вставок был не редактор, а автор «Повести временных лет», то они имелись бы и в новгородском тексте свода Всеволода, однако их там нет. Этого не может быть и потому, что автором «Повести временных лет» является печерянин, а если бы он был редактором, то оказалось бы, что монах резко антилатински настроенного монастыря, положительно относящийся к Святополку, в своих вставках и пропусках выступает, во-первых, как пролатински настроенный приверженец Мономаха, готовящего поход на Дунай против Византии, а, во-вторых, как летописец, опустивший из своего текста все генеалогические сведения о Святополке, том самом князе, который канонизировал антилатински настроенного Феодосия в противовес Антонию.

Самое главное, автору «Повести временных лет» эти вставки не могут принадлежать потому, что он одновременно является и тем печерянином, который уже в 1091 г. вел свое летописание. Следовательно, вставки автора и текст печерянина не могут противоречить друг другу, как противоречат выявленные нами вставки. К тому же среди этих вставок некоторые (под 1096, 1097, 1114 гг.), бесспорно, принадлежат редактору, а не автору, а поскольку с этими бесспорными редакторскими текстами связаны и другие, то и эти последние тоже являются редакторскими.

Итак, вставки принадлежат не автору «Повести временных лет», а ее редактору. Перейдем поэтому к новгородской версии интересующего нас авторского текста. Не может ли новгородский текст все же быть основан на третьей, а не на первой редакции, поскольку в нем имеются слова о варяжском происхождении Руси? Нет, так как эти слова вставлены лишь в XIII в. из летописи, сходной с Лаврентьевской, а если даже это сомнительно, то из этого следует только, что норманистом был не редактор, а автор, вставивший эти слова в текст славянского сказания о полянах, что невозможно, поскольку сказание неразрывно связано с текстом Хронографа, который использовал автор, а не редактор... К тому же цитирование киевского источника обрывается в новгородском тексте не на последней статье третьей редакции (не на 1117 г.), а на последней статье первой редакции 1115 г.

Не может новгородский текст быть основанным и на Начальном своде, автор которого был настроен (по А.А. Шахматову) про-

тив Святополка и тем не менее подробно сообщает о лестных для Святополка фактах.

Продолжим наши вопросы, имея своей целью более рельефно обрисовать и содержание проблемы, и методику ее решения.

Наша работа, в сущности, основана на использовании всех известных по публикациям списков «Повести временных лет», и мы лишь в нескольких случаях обращались к истории более позднего летописания — в частности, к истории самих тех дошедших до нас летописей, в составе которых сохранилась «Повесть временных лет». Поэтому возникает вопрос, возможно ли изучать соотношение редакций «Повести временных лет», не выяснив предварительно всю историю более позднего летописания или хотя бы историю тех главных летописей, которые дают нам основные варианты списков «Повести временных лет»? Строго говоря, изучению «Повести временных лет» должно предшествовать изучение тех летописей, в которых она сохранялась. Однако этот вывод лишь на первый взгляд строго методичен. Дело в том, что текст «Повести временных лет» уже в XII в. был, так сказать, канонизирован и при переписке приобретал лишь случайные особенности, легко отличимые от особенностей, появившихся благодаря редакторской его переработке вскоре после его создания. Поэтому, переписываясь во все новые летописи, он не изменялся принципиально, и история этих переписок, во-первых, никогда не будет выяснена до конца, а, во-вторых, не влияла на основной облик текста древнего памятника. Это доказывается и тем, что все списки «Повести временных лет» дошли до нас в трех видах: 1) Списки первой редакции, представленные Новгородской Первой летописью; 2) Списки третьей редакции, представленные Ипатьевской, Лаврентьевской и сходными с ними летописями; 3) Списки, соединяющие тексты первой и третьей редакций, представленные новгородскими летописями, восходящими к Своду 1430-х гг., Хроникой Длугоша и «Историей Российской» В.Н. Татищева.

О том, что незнание всех путей, которыми попали списки «Повести временных лет» в поздние летописи, не является препятствием к изучению и их вида, и их соотношения с недошедшими до нас первоначальными редакциями, свидетельствует и опыт работы А.А. Шахматова, который лишь в общих чертах обрисовал историю позднего летописания, изучив, главным образом, тексты поздних летописей в пределах текстов «Повести временных лет». Другое

дело, что, не изучив редакций этого памятника, нельзя начинать работу по исследованию предшествующих ему летописей XI в. Кроме того, история всей предшествующей науки развивалась от изучения «Повести временных лет» к изучению более позднего летописания, а не наоборот, хотя, казалось бы, изучению памятника XII в. должно предшествовать изучение памятников последующего летописания. Это изучение к настоящему времени достигло таких результатов, которые и позволяют заниматься «Повестью временных лет», пользуясь ее поздними списками XIII–XVI вв.

Приведем еще несколько примеров возможности иного решения отдельных частных вопросов текстологии «Повести временных лет», что, однако, не влияет на основные конструктивные узлы нашего построения.

Возьмем, например, вопрос о последней статье редакторского текста и времени его создания. В приписках к этой статье идет речь о событиях 1118–1119 гг. и, отнеся вслед за А.А. Шахматовым, М.Д. Присёлковым, Д.С. Лихачёвым и другими учеными эти приписки к работе редактора, мы, соответственно, были вынуждены датировать саму эту работу временем не раньше 1119 г. Это совпало с подсчетом времени пребывания редактора в Новгороде, где он был за четыре года до своей работы над «Повестью временных лет» (см. его вставку под 1096 г.), то есть в 1116 г., когда, как он сообщает в другой своей вставке, расширили новгородский Детинец и заложили каменную Ладогу. Именно 1116 г. датирует эти два события и местная новгородская летопись, основанная на более раннем тексте «Повести временных лет» (свод Всеволода). Однако редактор сообщает об этих двух событиях не под 1116 г., а под 1114 г. (Ипат. л.), и если эта дата не является его ошибкой, как мы предположили на основании наличия большого числа других его подобных именно хронологических ошибок, то надо по-другому датировать и его работу по редактированию «Повести временных лет»? Как же? Видимо, надо отсчитать все те же четыре года от 1114 г.: 1114, 1115, 1116, 1117. Итак, редактор работал в 1117 г. Следовательно, приписки, сделанные к статье 1117 г., либо принадлежат не ему же, либо, что вернее, во всех случаях не датируют его работу над «Повестью временных лет». И вот, сделав такой вывод, мы спрашиваем себя: а имеет ли дата создания редакторского текста конструктивное значение для проблемы соотношения авторского и редакторского текстов, влияет ли она на наше представление

о том, что в Новгороде сохранился именно текст «Повести временных лет», а не Начального свода? Приходится признать, что такого значения датировка работы редактора не имеет. Он работал в 1117 или 1119 г., через четыре года после пребывания в Новгороде, и при этом и его, и новгородские даты закладки Ладоги и расширения Детинца могут быть правильны, так как в одном случае подразумевается начало работ (1114), а в другом – их конец (1116).

Возьмем другой пример относительности наших знаний. Подобные примеры, по нашему мнению, помогают отделять то, что мы знаем предположительно, от наших положительных знаний. Обратимся к рассказу о поселении Рюрика на Руси.

Существуют две версии этого поселения – новгородская и ладожская, более ранняя и более поздняя, соответственно представленные в авторском и редакторском текстах, в Новгородской Первой и Ипатьевской (с Лаврентьевской!) летописях. С первого взгляда старшинство новгородской версии выглядит несомненным. Однако бесспорно ли оно?

Выясним сначала, где, в каком памятнике, на каком этапе развития летописания вообще возник рассказ о Рюрике. Нам известно, что этот рассказ сохранился со вставкой о варяжском происхождении Руси. Вставка сделана либо автором «Повести временных лет» (по А.А. Шахматову), либо ее редактором, что вернее, поскольку такая же вставка о варягах сделана и к описанию, основанному на Хронографе, в описании, основанном на Амартоле. Следовательно, рассказ возник до начала XII в. По нашему мнению, он принадлежит к числу текстов древней начальной летописи 1070-х гг., не разбитой на годы. Фразы и рассказы этой летописи вводились обычно соединительным союзом «и», характерным вообще для непрерывного повествования. Мы видели, что этот соединительный союз сохранился зачастую и в «Повести временных лет», причем не только внутри крупных фрагментов Начальной летописи 1070-х гг., но и в начале этих фрагментов, перед которыми автор «Повести временных лет» проставил погодные даты. И вот именно такой соединительный союз и сохранялся в начале рассказа о Рюрике в Ипатьевской летописи (а не в Лаврентьевской, каковой факт, вопреки обычной логике доказательств А.А. Шахматова, мы не станем приводить в пользу старшинства ипатьевского, а не лаврентьевского текста). Это и позволяет отнести появление рассказа о Рюрике к 1070-м гг., к Начальной летописи. И вот, оказывается,

что в этой же Начальной летописи имелся круг сведений не только о Новгороде, но и о Ладоге. Так, именно ей приписывалась честь быть местом захоронения Олега. Поэтому относить ладожскую версию рассказа о Рюрике именно к редактору начала XII в., побывавшему в Ладоге, можно только очень и очень предположительно, а не столь категорично, как это делал А.А. Шахматов. Тем более что именно этот редактор заменил ладожскую версию погребения Олега на киевскую! А это как-то не вяжется с нашим обычным представлением о том, что он считал Ладогу местом более древним, чем Новгород. Поэтому и возникает другое, не менее правомерное предположение о том, что ладожская версия древнее новгородской. Но если это верно, то как возникла новгородская версия? Точно так же, как она самостоятельно возникла в XV в. у читателя Троицкой летописи, который вставил на полях слово «Новг.» у испорченного текста о Рюрике, восходящего к соответствующему чтению Лаврентьевской летописи. Действительно, выше было выяснено, что в тексте Новгородской Первой летописи о Рюрике имеется вставка о варяжском происхождении новгородцев, сделанная именно по какой-то летописи, восходящей к источнику Лаврентьевской летописи. Эта вставка понятна. Она заинтересовала именно новгородца, который, ознакомившись с лаврентьевским испорченным текстом о Рюрике и имея в своем распоряжении текст новгородской летописи с сильными сокращениями как раз начального рассказа, и вставил слова о Новгороде и новгородцах совершенно так же, как упоминавшийся читатель Троицкой летописи. Заметим в скобках, что замечательной особенностью троцкого текста является полное отсутствие в нем рассказа о приходе славян с Дуная, что необычайно роднит этот текст с Новгородской Первой летописью и показывает саму возможность бытования на Руси таких текстов именно «Повести временных лет», а не гипотетического Начального свода, в которых опущены или сокращены такие значительные места, как начальный рассказ о происхождении славян.

Однако вернемся к версиям рассказа о Рюрике. Вполне вероятно позднее происхождение его новгородской версии, что соответствует и исторически более раннему возникновению Ладоги, а не Новгорода. Соответствует это и тому, что Олег умирает именно в Ладоге, а не в Новгороде.

Итак, возможны оба варианта решения вопроса о соотношении ладожской и новгородской версий. Отсюда следует, что нельзя

на шатком основании лишь одной из версий строить более общее построение о соотношении вообще текстов самих памятников летописания, как это делал А.А. Шахматов. Что можно утверждать? Только то, что сведения, появившиеся именно у автора «Повести временных лет» о славянах, которые «седоша около озера Илмеря и прозвашася своим именем, и сделаша град и нарекоша его Новгород»², – что эти сведения противоречат ладожской версии рассказа о Рюрике. Отсюда же следует, что либо ладожская версия была в источнике автора «Повести временных лет», либо она внесена редактором, как считал А.А. Шахматов. Однако на таком двусмысленном факте нельзя строить никаких более широких, выходящих за границы этого факта обобщений...

Разберем еще один «частный случай» возможности иного истолкования одного из наших наблюдений. Мы не нашли в текстах «Повести временных лет» ни одной возможности для признания Сильвестра не переписчиком, а редактором. Вставок, достоверно принадлежащих ему, в тексте нет. Однако существует одно предположение о принадлежности Сильвестру описания победы над половцами в 1111 г. Д.С. Лихачёв очень остроумно отнес к Сильвестру это описание на том основании, что в нем упоминается и прославляется архангел Михаил, патрон Михайловского собора Выдубицкого монастыря. Что если мысль Д.С. Лихачёва верна? Меняет ли это что-либо в конструктивной части наших выводов? Если текст под 1111 г. написан Сильвестром, то ему же принадлежат и тексты под 1110, 1102 и 1103 гг., взаимосвязанные с текстом под 1111 г. Однако для нашей работы не столь уж важно, принадлежат ли все вставки одному или двум редакторам. В обоих случаях перед нами все тот же редакторский текст «Повести временных лет», и задача его сравнения с авторским текстом не меняется, как не меняются и выводы об объеме и составе авторского текста. Только Сильвестра мы теперь можем характеризовать не как рядового переписчика, а как редактора. Впрочем, упоминание Михаила, скорее всего, мотивировано тем, что, кроме него, не было «специально военных» ангелов, и дело не в патронате одного из монастырей Киева, а в специфике текста о военном событии, в котором Михаил принимает участие в соответствии со своим «ангельским» рангом.

Мы привели лишь несколько примеров возможности различного истолкования отдельных фактов летописных текстов.

² {Ср. ПВЛ, с. 11. – Прим. ред.}

Число примеров можно увеличить, однако и сейчас уже ясно, что для построения истории создания и редакционной переработки имеют значение только необратимые, недвусмысленные факты, а не факты обратимые. В своем изложении мы приводили и те и другие, однако наши выводы основаны (в той мере, сколь это нам удалось сделать) на фактах необратимых. Что же это за факты? И какова модель истории памятника, строящаяся на этих фактах?

В тексте памятника выявляются несколько разновременных слоев, восходящих к различным произведениям летописного жанра, отличающимся друг от друга по своей форме. Древнейшим из этих произведений является летопись, не разбитая на погодные записи. Остатки этой летописи особенно хорошо прослеживаются в начале текста «Повести временных лет» и доходят до 1070-х гг., где они порой неотличимы от воспоминаний автора и его современников, которым также свойственны относительная хронология и соединение в одном воспоминании известий о нескольких разновременных событиях.

Начиная с 1060-х гг. в тексте прослеживаются следы летописи с погодной датировкой событий, известия о которых снабжены еще и дневными датами.

Начиная с 1091 г. прослеживаются тексты летописи с детальной, порой с точностью до часа датировкой событий.

Все три памятника вряд ли связаны друг с другом. Дело в том, что первая летопись или, как мы ее называем, Киевская Начальная летопись, ориентирована против Всеслава, ведется в Киеве, в кругах, близких к Изяславу, тогда как датированные с точностью до дня известия второго памятника обнаруживают интерес к личности третьего князя, Всеволода. Далее, эта смена сюжетики происходит и при переходе к известиям следующего, третьего памятника, или, как мы его называем, к Первой Печерской летописи. Тогда как дневные даты второго памятника связаны исключительно со светскими княжескими событиями, что и позволяет называть этот памятник Первым княжеским летописцем, дневные и часовые даты Первой Печерской летописи связаны главным образом с известиями о самом монастыре.

Если бы все три памятника не были самостоятельными произведениями, а выявление их следов свидетельствовало бы только о трех последовательных этапах развития одной и той же летописи, сначала ведущей свой рассказ без его разделения на погодные

записи, затем начинающей применять погодные и дневные даты, а с 1091 г. переходящей к датировке событий с точностью до часа, то в этом случае не было бы заметно перехода смены интереса летописцев. Между тем эта смена наблюдается. Особенно четкой она является при переходе от княжеских известий второго памятника к монастырским сообщениям третьего, тем более что монастырские известия в пределах 1060–1080-х гг. лишены дневных дат. Поэтому и считаем, что выявленные следы различных хронологических систем ведения записей и свидетельствуют о трех различных памятниках.

Теперь возникает вопрос о соотношении этих памятников с текстом авторской «Повести временных лет». Вопрос этот многосложен. Следует сначала выяснить вопрос о соотношении Первой Печерской летописи и «Повести временных лет». Не является ли Первая Печерская летопись той самой авторской «Повестью временных лет», поисками которой мы сейчас занимаемся? Иными словами, не была ли «Повесть временных лет» создана в самом конце 1080-х — начале 1090-х гг. (до 1091 г.), а затем продолжена погодными приписками до 1115 г., когда ее сначала переписали для Выдубицкого монастыря (1116), затем для Новгорода (1116) и, наконец, для Андреевского монастыря (1119)? Отметим прежде всего, что и в этом случае незыблемым остается вывод о дате киевского источника новгородской летописи как памятнике 1115 г. Вопрос заключается лишь в том, был ли этот памятник создан в конце 1080-х гг. или в 1115 г. В зависимости от этого и погодные статьи 1091–1115 гг. будут названы либо приписками к памятнику конца 1080-х гг., либо погодными статьями Первой Печерской летописи, включенными затем в «Повесть временных лет» 1115 г. Как видим, даже при таком варианте решения проблемы остаются в силе выводы и о соотношении Ипатьевской и Лаврентьевской летописей с Новгородской Первой летописью, и о киевском источнике 1115 г. новгородского свода Всеволода 1116 г. Следовательно, они-то и являются в первую очередь конструктивными. И эта конструкция выдерживает другое решение вопроса о датировке авторской «Повести временных лет».

Было бы, конечно, соблазнительным делом датировать этот памятник не началом XII столетия, а концом XI-го... Отметим опять, что такая передатировка оставила бы без изменения вывод о том, что «Повесть временных лет», независимо от времени своего

создания, была памятником, основанным на Хронографе, памятником, в пределах которого текст Киевской начальной летописи был разбит на погодные статьи. Следовательно, и эти представления о составе «Повести временных лет» являются конструктивными...

Как же датировать «Повесть временных лет»?

Уже говорилось о том, что темы обвинения княжеских слуг и воевод, антилатинская проповедь, рассказы о дунайском происхождении славян, призывы к ненарушению отней заповеди Ярослава были особенно злободневны во втором десятилетии XII в., но некоторые из них могли иметь место и в конце XI в. Такова, на первый взгляд, тема ненарушения отней заповеди Ярослава. Конструктивным является лишь соотношение текстов о заповеди Ноя (по Хронографу) и о заповеди Ярослава и княжеской усобице 1073 г., абсолютная же датировка создания этого текстуального «триединства» является более частным вопросом, вернее, не столь точна.

Быть может, эта тема была злободневна и в конце XI в.?

Для нас имеет значение вопрос о том, когда же именно эта тема могла заинтересовать автора «Повести временных лет», если это произведение создано не во втором десятилетии XII в.? Видимо, в 1089—1091 гг., к которым только и можно отнести создание этого произведения в том случае, если не датировать его 1115 г.

В эти годы правил Всеволод Ярославич. Это были последние годы его правления. И вот, оказывается, что как раз в эти-то годы тема нарушения отней заповеди Ярослава, судя по летописи, не играла такой большой роли, какую она стала играть, самое раннее, начиная со смерти Всеволода, с прихода к власти Святополка, с лицемерного, но все же фактического отказа от Киева Мономаха. А в это время, в 1093 г., печерское летописание уже велось, уже продолжалось, уже существовало, следовательно, уже существовала и «Повесть временных лет», если только она не была создана впоследствии, в 1115 г. По ней можно проследить, как вопрос о передаче Ярославова наследства лишь стал ставиться в конце 1090-х г., как интерес к нему то вспыхивал, то потухал в первом десятилетии XII в. и особенно обострялся во втором десятилетии, с приходом к власти Мономаха, который начал войну и за Владимир-Волынский, и за Минск. Так что и с этой стороны нельзя не признать, что одна из основных идейных проблем «Повести временных лет», не говоря уже об остальных ее проблемах, стала назревать лишь с середины 1090-х гг., волновала русское общество в первом десятиле-

тии XII в., но особенно обострилась после прихода к власти Мономаха. Это и позволяет датировать создание «Повести временных лет» вторым десятилетием XII в., а не концом восьмого десятилетия XI в. Против такой даты (конец 1080-х гг.) говорит и то, что в киевском источнике новгородского свода Всеволода имеется текст о посольстве евреев к Владимиру, который, как мы уже говорили, не мог возникнуть раньше года взятия крестоносцами Иерусалима (1099). Этот рассказ мог быть внесен в летопись только при ее полной переработке, а если мы датируем «Повесть временных лет» 1090 г., то, следовательно, и признаем тот факт, что ее переработки в 1115 г. не было, так как такую переработку для этого года нельзя было бы ничем доказать. А между тем рассказ о посольстве евреев сохранился в летописи 1115 г. (киевском источнике свода Всеволода), благодаря чему и связываем ее создание с этим, а не более ранним временем. Добавим, что внесение этого рассказа было злободневным именно в это время, после восстания 1113 г., направленного против евреев-ростовщиков.

Против ранней датировки «Повести временных лет» говорит и характер большинства авторских печерских записей за конец 1090-х – начало 1100-х гг. Они сухи и протокольны, тогда как вставки того же печерского автора в текст предшествующих источников пространны и взволнованны. Если бы эти записи делались после создания «Повести временных лет», они были бы более осмысленны, более политически насыщены, более идейны и менее протокольны, так как создание такого идейно глубокого произведения, как «Повесть временных лет», открыло бы автору глаза на смысл и взаимосвязь происходящих в конце XI – начале XII вв. событий.

Против ранней датировки памятника говорит и признание его автора под 1051 г. в рассказе о своем приходе в монастырь в конце жизни Феодосия (1073–1074) того, что он, автор, уже сорок лет живет в монастыре. Следовательно, свидетельствует здесь автор, создание произведения происходит не раньше 1113–1114 гг.

Как видим, проблема датировки «Повести временных лет» связана с проблемой датировки Первой Печерской летописи. Если считать эту летопись тем самым Начальным сводом, о котором писал А.А. Шахматов, то придется отнести его создание не к 1095 г., а к концу 1080-х гг. В таком случае характеристика его состава все равно не будет соответствовать шахматовской, изменится и приблизится к нашей, которая заключается в том, что Первая Печерская

летопись была очень скромна, касалась поначалу главным образом лишь монастырских событий, а события русской истории и современности еще не были до конца осмыслены ее автором. Это осмысление произошло лишь в течение нескольких десятилетий ведения этой погодной летописи, в процессе собирания сведений об истории древней и современной Руси и завершилось созданием глубоко продуманной «Повести временных лет», которая явилась собственно второй Печерской летописью, и не только летописью, но и сводом всего накопленного автором материала.

Итак, в процессе сопоставления источников «Повести временных лет» и ее чисто авторских текстов выявились основные конструктивные узлы нашего построения, и оказалось, что они выдержали проверку этим сопоставлением. «Повесть временных лет» была не только тем памятником, основанным на Хронографе, который был назван А.А. Шахматовым Начальным сводом, но и была создана не раньше 1115 г. и не позже этого года, именно этот памятник лежит в основе новгородского свода Всеволода, благодаря чему и делается возможным его выявление в редакторском тексте «Повести временных лет».

Следующим вопросом, который имеет большое значение, является вопрос о соотношении вообще киевского и новгородского летописания и до создания «Повести временных лет», и в процессе этого создания. Дело в том, что в «Повести временных лет» имеются тексты явно новгородских известий, и поэтому возникает вопрос, восходят ли эти тексты к каким-то несохранившимся новгородским летописям или их история связана исключительно с киевским летописанием? С другой стороны, и в новгородском своде Всеволода имеется ряд новгородских текстов, отсутствующих в «Повести временных лет», и поэтому возникает вопрос, попали ли эти тексты в свод Всеволода из «Повести временных лет» или из какого-то местного источника?

Совмещение новгородских известий с киевскими характерно уже на этапе создания Киевской начальной летописи, не разбитой на погодные записи. А.А. Шахматов в свое время считал, что это совмещение произошло в Новгороде и было совмещением киевской и новгородской летописей. Однако это мнение неверно уже потому, что невозможно отделить новгородские известия от киевских, новгородские тексты от киевских: их взаимосвязь настолько велика, что наводит на мысль об их одновременном возникно-

вении в пределах одного памятника. Впервые эта идея высказана Д.С. Лихачёвым, который убедительно продемонстрировал ее правильность. Д.С. Лихачёв впервые высказал и предположение об устном происхождении этих киевско-новгородских известий и связал их с личностью Вышаты, отца Яна. Мысль Д.С. Лихачёва находит подтверждение в нашей характеристике Киевской начальной летописи как памятника, основанного на устных источниках, киевских и новгородских, но записанных впервые в Киеве. Возникает лишь вопрос, не восходят ли эти известия не к Вышате, а к его сыну Яну, информатору автора «Повести временных лет»? Это предположение отвергается тем фактом, что Киевская начальная летопись была реально существующим памятником, следы разбивки которого на погодные записи сохранились в тексте «Повести временных лет». Однако возникает и следующий вопрос: не могла ли эта киевская начальная летопись быть начальным текстом Первой Печерской летописи, открывая ее изложение? Ведь мы пока еще не ставили этого вопроса. Думаем, что Первая Печерская летопись еще не имела развернутого исторического вступления, не была еще связана с Киевской начальной летописью — это соединение произошло только в пределах текста самой «Повести временных лет». Ведь даже история Печерского монастыря была написана при создании «Повести временных лет», а не для Первой печерской летописи, в 1115 г., а не в 1091 г.

Вернемся теперь к вопросу о происхождении новгородских известий в пределах «Повести временных лет» и новгородского свода Всеволода.

Восходят ли обе их группы к одному источнику или к разным, к одной «Повести временных лет» или к ней и к особому новгородскому источнику? Мы уже сказали, что в «Повесть временных лет» эти известия попали из основанной на устных источниках Киевской начальной летописи 1070-х гг. При редактировании же «Повести временных лет» часть этих известий была опущена, исчезла из редакторского текста и уцелела только в новгородской копии авторской «Повести временных лет». Так, в авторской «Повести временных лет» говорилось и о течении Волхова вспять в 1063 г., и о предзнаменованном этим течением набеге Всеслава в 1066 г. В редакторском тексте сохранились только слова о знаменнии 1063 г., а запись о набеге Всеслава под 1066 г. сохранялась только в новгородском своде Всеволода и восходит поэтому к «Повести временных

лет», а не к местному источнику, как это могло бы показаться при рассмотрении всех летописных текстов не в целом, а по частям.

Так решается вопрос о соотношении новгородских текстов, сохранившихся в своде Всеволода, и редакторском тексте «Повести временных лет».

Однако в своде Всеволода имеются и такие тексты, которые не восходят к «Повести временных лет», а ведут нас к какому-то местному источнику типа летописи.

Что же это за известия?

Дело в том, что в некоторых из текстов свода Всеволода сохранились бесспорные указания на их местное, а не киевское происхождение. Так, описывая киевское заточение епископа Луки, автор записи под 1055 г. говорит, что произошел арест Луки «тамо», то есть в Киеве. Ясно, что запись составлена не в Киеве, а в Новгороде. Автором ее был, скорее всего, тот самый летописец, который в связи со смертью новгородского епископа Иакима под 1030 г. говорит и об его ученике Ефреме, «иже ны учааше». Итак, автор был учеником Ефрема, который, в свою очередь, был учеником Иакима. В 1030 г. в Новгороде Ярослав основал школу для детей старост и попов. Автор записи учился в этой школе у Ефрема. Когда же он сделал свою запись? Можно было бы ответить на этот вопрос, если бы у нас была возможность проследить, на каком годе обрываются в своде Всеволода записи интересующего нас автора. А.А. Шахматов в свое время считал, что эти записи обрываются на конце 1070-х гг., после которых на всем протяжении 1080-х гг. в новгородской летописи нет подобных записей. Б.А. Рыбаков отнес работу автора ко времени создания Остромировой летописи, к концу 1050-х гг. Однако оба мнения неверны, так как у нас имеются сведения о продолжении этих записей и под 1090-ми гг., что и не позволяет ограничивать время работы новгородского автора ни 1050-ми, ни 1070-ми гг. Действительно, под 6603 г. в Новгородской Четвертой летописи сохранилась точно такая же по своему типу и происхождению запись, как и под 1030–1070-ми гг.: «...Иде владыка Германъ къ Квевоу и тамо преставися». Как видим, эта запись сделана все тем же автором, учеником Ефрема, который, описывая арест Луки в 1055 г., тоже заметил, говоря о Киеве, что это событие произошло «тамо». Следовательно, он работал не раньше 1095 г., а учился у Ефрема где-то в 1050-х г. и был «в возрасте» в 1090-х г. Весь его труд состоял из записей о сменах новгородских владык.

Неслучайно поэтому, что ни одна из записей о новгородских владьках не уцелела в редакторском тексте «Повести временных лет». Дело в том, что их не было и в авторской «Повести временных лет», а в новгородский свод Всеволода они попали из местного новгородского источника. Этот источник представлял собой нечто вроде списка новгородских владык и послужил основой при составлении впоследствии такого списка в Новгороде. Если сравнить записи о владьках в летописи и этот список, то окажется, что они в части известий XI в. совершенно идентичны. Однако в летописных заметках больше подробностей, чем в списке владык.

Когда же была сделана эта, как мы ее называем, летопись владык XI в.? Не раньше 1095 г., так как сохранилось известие этого года. В другом известии о смерти владыки, на этот раз уже Никиты под 1108 г., сказано после январского известия о весеннем событии уже следующего, следовательно, мартовского года³. Отсюда заключаем, что летопись владык по крайней мере продолжала существовать и в начале XII в., и вот она-то и была использована либо уже при составлении свода Всеволода, либо при его переделке в Софийский временник после 1136 г. Эта летопись владык вероятнее всего была основана на относительной хронологии, так как следы именно такой хронологии уцелели в составе ее записей в новгородском летописании. А раз так, то она, скорее всего, была составлена по припоминанию где-то в конце XI в. Из нее-то в свод Всеволода и перешли те немногие новгородские записи, которые имеются в этом своде в статьях конца XI — начала XII вв.

Выяснив вопрос о происхождении новгородских записей XI в., не попавших в «Повесть временных лет», мы оказываемся перед следующим вопросом: не восходят ли к местному источнику и те из записей свода Всеволода под заключительными годами XI в., которые и отличают эти тексты свода Всеволода, а, следовательно, и его источник, от редакторского текста «Повести временных лет»? Не восходят ли они не к киевскому источнику свода Всеволода, а к его местному новгородскому источнику?

К местному источнику можно отнести лишь те из записей свода Всеволода, которые касаются только Новгорода, киевские или южнорусские известия отнести к местному источнику мы не имеем права, так как бесспорным остается положение о киевском

³ {Это утверждение М.Х. Алешковского ошибочно, ср. НПЛ, г. 1108, с. 203. — Прим. ред.}

источнике свода Всеволода. Только в случае отсутствия киевского источника свода Всеволода мы имели бы право отнести и сведения о Южной Руси к местному источнику.

Так решается вопрос о соотношении новгородских известий свода Всеволода и редакторского текста «Повести временных лет». Опять же, конструктивное значение имеет только положение о киевском источнике свода Всеволода, о киевском происхождении его киевских известий, отличающихся от тех, что сохранилась в киевском редакторском тексте «Повести временных лет». Вопрос же о дате и объеме Летописи владык может решаться по-разному. Она могла быть создана и в конце XI в., независимо от свода Всеволода, или при его создании, что, в свою очередь, ведет к признанию тождественности автора летописи владык и сводчика Всеволода...⁴

Таковы конструктивные и частные вопросы истории создания «Повести временных лет».

⁴ Совершенно не выдерживают критики предположения А.А. Шахматова о развитии новгородского летописания в XI в. Так, ученый дважды использовал один и тот же факт наличия кратких статей в Новгородской Первой летописи после 6525 (1017) г. — как свидетельство совмещения двух киевских источников при составлении Софийского временника и как свидетельство того, что составитель новгородского свода XI в., используя Древнейший киевский свод 1039 г., стал сокращать его после 6525 (1017) г. (? См. *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 492—493, 506). Ошибочно и утверждение ученого о двух описаниях Любечской битвы 1016 г. — новгородском и киевском, соответственно, сейчас представленных в НПЛ и Ипат. и Лавр. лл. На самом же деле, текст НПЛ под 1016 г. представляет собой сокращенное совмещение статей «Повести временных лет» о Любечской и Альтской битвах 1016 и 1019 гг. Далее, текст под 1016 г. в Син. сп. есть также сокращение киевского источника, а не местное описание. Текст описания и Любечской, и Альтской битв сохранялся лучше всего не в НПЛ, Ипат. и Лавр. лл., а в Софийской Первой летописи, что опять же объясняется не вмешательством сводчика 1430-х гг., о котором писал А.А. Шахматов, а испорченностью текстов Ипат. и Лавр. лл. Далее, противоречиво и положение А.А. Шахматова о двух путях, которыми попали новгородские известия в «Повесть временных лет» (Нач. свод) — из новгородского свода XI в. и местной киевской летописи XI в., одинаково восходящих к Древнейшему своду 1039 г. Получается замкнутый круг (см. *А.А. Шахматов.* Разыскания... С. 493—497). На самом же деле новгородские известия попали в киевскую летопись еще в 1070-х гг. и, как показал Д.С. Лихачёв, неотделимы от киевских, что объясняется общим их источником. Это отлично объясняет отсутствие двух версий Любечской битвы и, наоборот, наличие такой одной ее версии, которая восходит к одному источнику, соединяющему знание и о Киеве, и о Новгороде.

Отмечу как простую ошибку А.А. Шахматова его мнение о том, что глагол «посадиша» относится во фразе о посадении Ярослава в Новгороде под 6496 г. не к предполагаемым им «новгородским людям».

Глава 14

О ЧЕМ ЛЕТОПИСЬ МОЛЧИТ

Образ автора «Повести временных лет» рисовался ее исследователям то с приближением к далекому от суеты мирской пушкинскому Пимену, то с приближением к ловкому исполнителю княжеских заказов, рукой которого водили политические страсти того времени.

Однако возможна и иная точка зрения, основанная на том факте, что в древней, наиболее объемистой части своего труда, которая является и его наиболее выразительной частью, автор смело говорит о современном ему положении дел на Руси, в одних и тех же тонах и выражениях рассказывая и о сыновьях Ноя, и о сыновьях Ярослава, а во второй, более краткой и, казалось бы, чисто хроникальной части своего произведения он удивительно сдержан и лишь в некоторых случаях его протокольный рассказ прерывается лирическими отступлениями, посвященными то братолюбству Изяслава, то политической близорукости Всеволода, то божественной предопределенности нашествия половцев как божьей казни за грехи нарушения «отней заповеди» или крестоцеловальной клятвы.

Свободно автор себя чувствует лишь в пределах истории, современность же сковывает его творческие возможности, делает его кругозор более узким, заставляет делать ни к чему не обязывающие, внешне объективные записи, и поэтому историки вынуждены теперь выдвигать одно предположение за другим по поводу тех или иных фактов, лишь упомянутых, но не объясненных автором.

Дело не меняется от того, что редактор, вставив красочные, но монохромные рассказы о подвигах Мономаха, разъяснил многие факты, которые только упоминались автором. Доверять этому редакторскому разъяснению столь же опасно, как

и предположительно истолковывать хроникальные заметки автора, и тем не менее даже тенденциозные редакторские вставки дают более богатую пищу историческому воображению, чем авторские немногословные записи.

Много ли узнает читатель о событиях 1098–1099 гг. из авторских заметок, если этот читатель заранее не познакомился с обстоятельной редакторской статьей под 1097 г.?

Итак, намечаются две особенности авторского текста — злободневность его исторического повествования и завуалированность его же современных погодных записей. Однако не придают ли обе эти особенности при своем совмещении и еще одну своеобразную черту всему авторскому тексту «Повести временных лет»? Черта эта заставляет опять вспомнить пушкинского Пимена.

«Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя», — говорит Пимен у Пушкина, и перед нами сразу возникает образ не погодного летописца, не хроникера, а сводчика, составителя большого летописного произведения, у которого есть не только начало, но и конец, и которое благодаря этой своей особенности, отличающей его от погодно ведущейся и постоянно обновляющейся летописи, бесконечной, как сама история, приобретает все черты, свойственные замкнутому в пределах собственной художественной или научной системы произведению. А законы повествования такого произведения совсем не те, которые управляют повествованием погодной «бесконечной» летописи...

Именно таким произведением и является «Повесть временных лет» Как и в любом другом завершенном произведении, будь то научный или художественный текст, ее начало обуславливает и порождает конец, экспозиция через кульминацию связана с развязкой и делает эту развязку неизбежной, а авторские высказывания о древней истории формируют отношение читателя к его современности. Поэтому-то краткие записи о современных событиях порой говорят читателю не меньше, чем обширные рассказы о событиях древних. Благодаря своей композиционной стройности текст «Повести временных лет» «работает» с одинаковой силой на всем своем протяжении. Рассказы о древности служат отличной экспозицией для заметок о современности. Именно поэтому финал этого произведения столь насыщен и стремителен, а его первые части порой кажутся сравнительно растянутыми. Именно поэтому у читателей и возникает желание расшифровать

зашифрованное, ответить на те же вопросы, которые задавались автором в начале и совершенно убраны в конце. Именно поэтому возникает и желание понять не только то, о чем летопись говорит и порой говорит во весь голос, но и то, о чем она молчит, порой намеренно, а иногда, видимо, и случайно.

Действительно, при чтении «Повести временных лет» подчас возникает ощущение, что читаешь не предназначенную для тебя рукопись, содержание которой близко и понятно автору и его корреспонденту, но то и дело ускользает от его постороннего читателя. Текст «Повести временных лет» содержит массу известий, понятных и близких автору и его современникам, но ставших непонятными для его позднейших читателей и почитателей. Автор часто фиксирует отдельные звенья той цепи происшествий, которая хорошо известна лишь самим участникам описываемых событий. Создается впечатление, что, несмотря на то что «Повесть временных лет» волею исторических судеб стала нужной, и полезной, и интересной всему народу, первоначально она предназначалась довольно узкому кругу заинтересованных в ее появлении читателей. Этим (а не только политической осторожностью) и объясняется, очевидно, тот факт, что, приближаясь к описанию современных событий, автор становится лаконичней и сдержанней, как бы рассчитывая, что его записи и в таком виде будут понятны! Этот недостаток во многих случаях исправлен редактором, благодаря чему многие статьи «Повести временных лет» за конец XI – начало XII вв. по своей композиции похожи на текст всего произведения в целом: сначала идут обширные рассказы, а затем краткие записи. Рассказы принадлежат словоохотливому редактору, а документальные записи – немногословному автору. И как первая, обширная часть текста «Повести временных лет» позволяет осмыслить ее вторую, краткую часть, так и редакторские вставки позволяют правильнее оценить информацию, содержащуюся в лаконичных авторских погодных записях. Впрочем, эти записи лаконичны еще и потому, что они погодные...

Итак, трудно понять то, о чем летописец говорит, но еще труднее понять причины его молчания, особенно в связи с фактами, которые нам известны из других источников.

Однако далеко не все случаи умолчания автора понятны.

Объясним, например, такой факт. Одно из граффито киевского Софийского собора сообщает о мире, заключенном Святополком,

Владимиром и Олегом на Желяни. Дата мира в граффито не указана. С.А. Высоцкий убедительно датирует это событие декабрем 1097 г.¹ Если датировка правильна, то понятно, почему в «Повести временных лет» об этом событии ничего не говорится: сообщение опущено при редакционной переработке всей статьи.

Редакторским пропуском объясняется и отсутствие в «Повести временных лет» некоторых деталей рассказа о перенесении мошей Бориса и Глеба в 1072 г.² Эти детали связаны с отцом противников Мономаха и свидетельствуют об особом покровительстве Глеба Святославу. Устанавливается этот пропуск сравнением двух текстов о канонизация 1072 г. — по «Повести временных лет» и по анонимному Сказанию о Борисе и Глебе. Сравнение показывает, что оба текста восходят к одному протографу, то есть к тексту автора «Повести временных лет», не сохранившемуся в летописях, но в несколько переработанном виде уцелевшему в Сказании и в сокращенном виде — в редакторском тексте.

Однако только пропусками редактора все умолчания автора объяснить нельзя. Нам, например, неизвестно и непонятно, почему в «Повести временных лет» и во всех остальных летописях совершенно отсутствуют какие-либо сведения о столь важном событии, как первая канонизация Бориса и Глеба при Ярославе. Об этом событии рассказано и в анонимном Сказании о Борисе и Глебе, и в несторовом Чтении о Борисе и Глебе. Если автором «Повести временных лет» был Нестор, то почему он умолчал об этом событии, тем более что его значение увеличивалось приближением столетней годовщины со дня убийства братьев? Если автор не был Нестором, то почему он не привлек ни Чтения, написанного Нестором, как обычно считается, в конце 1080-х гг., ни Сказания, которое часто датируют 1072 г.? Пропуск столь важного факта, тем более связанного с Ярославом, заставляет искать дополнительные объяснения. Приглядываясь к описанию канонизации Бориса и Глеба в 1072 г. в летописи, замечаем, что из этого описания никак не следует, что канонизация была не первой. Действительно, тело Бориса несут в деревянной раке, в которой оно должно было бы находиться, если бы это перенесение было первым, а не вторым. Известно, что первая канонизация обычно была связана с пере-

¹ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Вып. I: XI–XIV вв. Киев, 1966. С. 24–34.

² См. подробнее об этом рассказе в следующей главе.

кладкой мошей из первого, деревянного гроба, в новый каменный саркофаг. Именно поэтому в 1072 г. Глеба несут в каменной раке, а не в деревянной, так как при первом открытии его мошей в Смоленске на Смядыни эти мощи были переложены в каменный саркофаг, в котором и были доставлены в Вышгород. Далее, если при Ярославе действительно состоялась канонизация, то она была принята византийской церковью. Поэтому непонятно, почему в 1072 г. византийский митрополит Георгий не верит в чудотворность мощей Бориса и Глеба. Сам факт неверия характерен как ритуальная деталь первой канонизации и не соответствует обряду второй канонизации. Эти несоответствия и противоречия, как и сам пропуск в «Повести временных лет» рассказа о канонизации при Ярославе, заметил еще в XII–XIII вв. один из новгородских летописцев, который вставил в текст своей летописи рассказ о первой канонизации³. Описание канонизации было взято из анонимного Сказания. В Сказании это описание относится к эпохе Ярослава, а в новгородском тексте оно поставлено под 1072 г., причем столь пришлось к месту, что если бы не характерные следы вставки, его можно было бы принять за первоначальный единый текст, разъятый составителем Сказания на две части⁴.

Интересно, что еще в летописи Германа Вояты или даже в своде Всеволода статья 1072 г. говорит тоже о первой, а не второй канонизации, поскольку упомянуто не перенесение мощей из одной вышгородской церкви в другую, а из Льга в Вышгород. Следовательно, еще летописцы XII в. понимали текст о канонизации под 1072 г. как текст о первой канонизации.

Итак, отсутствие в авторском и во всех других текстах «Повести временных лет» рассказа о первой канонизации Бориса и Глеба при Ярославе свидетельствует либо о непонятном игнорировании автором одного из бесспорно известных ему источников, будь то Сказание или Чтение Нестора, либо о том, что в этих источниках еще не было их вторых частей, их сказаний о чудесах, которые и содержат рассказы о первой канонизации при Ярославе.

³ Эта вставка уцелела в Новгородском своде 1430-х гг. См. Софийскую Первую и Тверскую летописи под 1072 г.

⁴ Литературным произведением о Борисе и Глебе посвящена специальная работа автора. {Вряд ли здесь имеется в виду статья о глебоборисовских энколпионах, соответствующая главе 15 книги (Алешковский М.Х. Русские глебоборисовские энколпионы 1072–1150 годов // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 104–125.). — Прим. ред.}

Во всяком случае, указанный факт заставляет поставить эти вопросы, но еще не позволяет категорически на них ответить.

При нынешнем состоянии наших источников трудно утверждать, что рассказ о канонизации при Ярославе является обычным для составителей житий литературным домыслом, но наблюдения над некоторыми деталями культа Бориса и Глеба как будто бы могут быть интерпретированы в подтверждение этой мысли.

Действительно, чем объяснить, что еще при Ярославе его второй по старшинству сын Изяслав назвал своего младшего сына именем Святополка, преданного уже тогда анафеме за убийство Бориса и Глеба?

Ни один из князей XI в. не назвал этим именем ни одного из своих сыновей. Избегали называть этим именем своих потомков и князья XII в., а если в двух случаях и назвали, то имели в виду Святополка Изяславича. Следовательно, в 1050 г., когда родился Святополк Изяславич, имя его двоюродного деда еще не было проклято церковью и обществом, либо Изяслав пошел против этого мнения.

И то и другое доказать трудно, но необходимо обратить внимание на это столь значительное умолчание автора «Повести временных лет», тем более странное, что труд свой он готовил накануне столетия со дня смерти братьев.

Единственное, что можно с уверенностью отметить, это то, что Святополком назвал своего сына Изяслав неслучайно.

Князья XI–XII вв. называли своих сыновей обычно дедными именами, причем не только родных, но и двоюродных дедов. И выбор имени сына порой говорил о владельческих претензиях князя. Так, Изяслав назвал двух своих сыновей, первого и третьего, именами, одинаково неприятными для Ярослава. Это имена Ярополка и Святополка, отца и сына, одинаково бывших предшественниками Изяслава по Туровском княжению. Туровское княжение – прочная уже в середине XI в. отчина Изяслава и его сыновей. Именно поэтому она не названа в завещании Ярослава. Поэтому-то один из сыновей и назван по имени своего предшественника по этому столу, Святополка.

Интересны наблюдения и над именами сыновей брата Изяслава – Святослава. Известно, что своих сыновей Святослав назвал именами Глеб, Олег, Давид и Роман, причем старшими являются Глеб и Давид. Оба имени являются языческим и христианским име-

нами канонизированного Глеба. Предпочтение, которое Святослав отдал именно Глебу, а не Борису, понятно: Глеб являлся предшественником Святослава и его сыновей по Муромскому княжению, тогда как Борис княжил в Ростове, впоследствии отошедшем к Всеволоду и его сыну Мономаху. Возникает лишь вопрос, можно ли говорить о принадлежности Турова, Муром и Ростова трем ветвям рода Ярослава уже в середине XI в. и до завещания Ярослава (1054), в котором впервые эти земли переданы во владение этим сыновьям? Ведь эти князья называют своих сыновей по именам своих предшественников по еще только будущим княжениям! Вопрос можно поставить и так: можно ли быть твердо уверенными, что завещание Ярослава было сделано и оглашено только перед его смертью в 1054 г.? Нет, нельзя, и к этому отрицательному ответу имеется важный чисто текстуальный аргумент. Мы уже не раз убеждались, что в погодных статьях «Повести временных лет» часто совмещены известия о разновременных событиях нескольких лет. Особенно это относится к статьям до 1060-х гг. Именно такой статьей и является текст под 1054 г., в котором объединены по крайней мере два известия, связанные с уходом Ярослава из жизни, — известие о завещании и известие о смерти. Ничто не говорит здесь за то, что завещание было сделано и оглашено в год смерти, а не раньше. Наоборот, есть текстуальные подтверждения мысли о более ранней датировке завещания, чем 1054 г. «В лѣто 6562. Преставися великий князь русьскый Ярославъ. И еще бо живущо ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: ... И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити... И тако уряди сыны своя пребывати в любви. Самому же болну сущо и пришедшю Вышегороду, разболъся велми, Изяславу тогда сущо (Турове), а Святославу Володимери, Всеволоду же тогда сущо у отця...»⁵

В этом тексте имеются бесспорные следы пера автора «Повести временных лет», переработавшего сведения своего источника. Это слова об «отней заповеди», идентичные со словами о заповеди Ноя. Второй признак авторской руки заключается в том, что, описав в завещании Ярослава уделы пяти братьев, автор при описании смерти Ярослава упоминает только трех его сыновей, причем тех самых, сыновья которых были единственными представителями рода Ярослава при работе автора над «Повестью временных лет».

⁵ ПВЛ, г. 1054, с. 108. {Слово «Турове», заключенное М.Х. Алешковским в скобки, в ПВЛ отсутствует. — Прим. ред.}

Третий признак заключается в явном выдвигании фигуры Всеволода на первый план рассказа, что противоречит смыслу самого завещания, отдавшего предпочтение Изяславу. Это – свидетельство использования автором летописца Всеволода, сведения которого были им же вспомнаны и при описании смерти Всеволода.

В этом тексте сначала говорится о смерти Ярослава, а потом идет воспоминание о его завещании, оглашенном еще при жизни, причем не непосредственно перед смертью (ибо в этом случае в момент смерти при отце находились бы все его сыновья), а задолго до нее. Когда же? Ответить на этот вопрос и помогают имена внуков Ярослава. Года рождения Глеба Святославича мы не знаем, Давид Святославич и Святополк Изяславич родились в 1050 г., следовательно, уже в этом году, а, по всей видимости, и несколько раньше было известно о распределении земель по завещанию Ярослава. Это стало известно только в конце 1040-х гг., так как уже в 1050 г. Изяслав называет своего сына Святополком, по имени туровского Святополка Владимировича. Следовательно, еще до 1050 г. Изяслав сидел в Турове и рассчитывал на последующее владение им, так же, как и Святослав уже знал в 1050 г. о Чернигове с Муромом как о своих городах.

Как видим, с одной стороны, имеются косвенные указания наших источников на составление завещания еще до 1050 г., а, с другой стороны, сама летописная запись о нем находится теперь под 1054 г. Объясняется это тем, что запись о завещании прошла переработку при ее включении в «Повесть временных лет» и скорее отражает ситуацию начала XII в., чем подлинную ситуацию середины XI в., о которой догадываемся на основании более объективных свидетельств имен Ярославичей.

Итак, все три Ярославича – Изяслав, Святослав и, как покажем в следующей главе, Всеволод – в зависимости от того, где кто сидит на княжеском столе, почитают своих предшественников по этому столу. Изяслав – Ярополка и Святополка, Святослав – Глеба, Всеволод – Бориса. Это почитание началось после оглашения завещания Ярослава, но до его вступления в силу, поскольку при описании смерти Ярослава сказано, что Святослав находился в это время во Владимире. Следовательно, мудрый князь при своей жизни еще не осуществил того раздела Руси, о котором говорится в его завещании, и предпочел отложить его на время после своей смерти... Это почитание свидетельствует о настойчивом желании

закрепить за собой навечно полученные от отца земли, а также о тенденциях к обособлению от Киева ряда земель, которые проявились уже в середине XI в. Об этих обособленческих тенденциях мы скажем несколько ниже, а сейчас вернемся к вопросу о трех Ярославичах. Автор «Повести временных лет» интересуется этими политическими деятелями, хорошо знает их взаимоотношения, и именно поэтому его сведения не всегда понятны — он часто говорит о них как о хорошо известных его современникам лицах, но мы не обладаем всей массой сведений, которые были для автора сами собой разумеющимися...

Например, нам часто непонятна настойчивость, с которой борется тот или иной князь именно за это, а не другое княжество. Можно лишь высказать некоторые предположения о закономерностях этих междоусобиц.

Так, на первый взгляд кажется немотивированной семилетняя борьба Всеслава Полоцкого в 1065–1071 г. за Новгород и Псков. Если же вспомнить, что и его отец в свое время «воевал до живота своего»⁶ с Ярославом именно за тот же Новгород, то станет понятно, что Всеслав начинает свою семилетнюю борьбу, движимый какими-то мотивами, и чем-то обосновывает свое право на Новгород. Этим же правом мотивировалась, очевидно, и борьба его отца с Ярославом. Теперь это же право движет поступками Всеслава. Неясно лишь, почему Всеслав «почал рать» именно в 1065 г., а не в любом другом году. Начало «рати» объясняется, видимо, следующим. Накануне похода Всеслава из Новгорода бежит сын новгородского князя Владимира и сам новгородский князь Ростислав. Этим бегством открывается целая серия событий, взаимосвязанных друг с другом. Ростислав бежит от Изяслава из Новгорода, и новгородский стол освобождается, по мнению Всеслава, для него, а по мнению Изяслава — для него... Ростислав изгоняет из Тьмутаракани того самого Глеба, который вскоре оказывается не где-нибудь, а именно в Новгороде, а после смерти Ростислава опять возвращается по просьбе Никона и тьмутараканцев в этот южный форпост Русского государства. Борьба за Новгород продолжается уже между Всеславом и сыном Изяслава Мстиславом, которого Всеслав сначала разбивает на Черехе и который разбивает Всеслава (и уже окончательно) под Голотическом в 1071 г.

⁶ {Вероятно, автор подразумевает борьбу Брячислава Изяславича с Ярославом Владимировичем. — *Прим. ред.*}

Эти события выявили для нас, помимо воли самого рассказчика, связь, например, Чернигова с Тьмутараканью, Новгорода с Киевом, Полоцка с Новгородом. События 1096 г. выявляют связь Чернигова с Муромом: Олег идет на Муром и изгоняет оттуда сына Мономаха, потому что имеет право на владение этим городом, право, подтвержденное Мономахом в его «Поучении». Но в том же «Поучении» говорится о правах Мономаха не только на Переяславль, но и на Суздаль. Так постепенно вырисовывается состав тех самых земель-княжений, которые завещал своим пятерым сыновьям Ярослав.

К концу XI в., по существу, остались только три ветви его рода. Смоленск был сначала поделен между тремя Ярославичами, а потом перешел во владение Мономаха, за Владимир борьба была закончена победой Мономаха только в 1118 г., накануне завершения редактирования «Повести временных лет», и отразилась на ее текстах, в которых, в частности, сказано, что Святополк самолично «переехал» Владимир и передал его своему сыну Ярославу⁷. В этой отредактированной «Повести временных лет» даже сделана попытка подменить, хоть и частично, завещание Ярослава распоряжением Всеволода, по своей воле и на правах старшего в роде передавшего «Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышьль Володареви, Теребовль Василкови». Заявить о передаче Владимира Всеволодом Давиду, умершему еще в 1112 г., причем заявить об этом в 1119 г., через год после изгнания Мономахом Ярослава Святополковича из Владимира, в котором он сел самовольно и вопреки распоряжению Всеволода, означало оправдать действия Мономаха и его борьбу за Владимир. Точно так же рассказ о бегстве Ростислава из его Новгорода от Изяслава и пропуск сведений о владении Изяславом Новгорода означали подтверждение прав Мономаха на этот город, тем более что в других вставках рассказывалось об изгнании Давида из Новгорода и приглашении туда сына Мономаха (1095) и о просьбе новгородцев не посылать в Новгород сына Святополка (1102).

Вернемся, однако, к составу отчин трех Ярославичей. В завещании Ярослава названы только столицы этих отчин, тогда как в их состав, как мы только что частично выяснили, входил целый ряд городов с их землями, не упомянутых в завещании. Из этого

⁷ Это отмечено еще Л.В. Черепнинным в его работе о «Повести временных лет». {Черепнин Л.В. «Повесть временных лет»... — Прим. ред.}

неупоминания следует очень важный вывод: раз в летописи начала XII в. упоминаются только столицы княжеств, то это означает, что и структура, и состав этих княжеств уже прочно установились и общеизвестны. Осторожно говоря, они установились уже во второй половине XI в. или, скорее всего, еще при Ярославе. Их состав мы знаем неточно, но сравнительно полно. Так, точно известно, что в состав отчины Всеволожей входит не только южный Переяславль, но и северо-восточные Ростов с Суздалем и Владимиром. Именно туда совершает ежегодные походы сын Всеволода Мономах, и там сидят его сыновья. В состав черниговской Святославлей отчины входит и Муром, о правах на который свидетельствует и поход Олега в 1096 г., и слова Мономаха в его «Поучении». Скорее всего, что в эту же отчину входят и Тмутаракань⁸, и Белозерье. В отчину Изяславлю входят Киев и Туров, а также с Киевом тесно связано обладание Новгородом. Обычно в Новгороде сидит старший сын киевского князя, как повелось со времен Ярослава. Лишь при вокняжении Святополка эта связь нарушилась, хотя Святополк не оставлял желания посадить в Новгороде своего сына. Характерно, что и во вставке редактора под 1097 г., как и в тексте автора под 1054 г. (едва ли не подправленном редактором), одинаково говорится только об отчинах трех Ярославичей, но не перечисляется в силу общеизвестности их состав. Если этот факт говорит о сравнительной прочности структуры этих отчин, то сама структура известна нам не во всех деталях. Мы знаем

⁸ В «Повести временных лет» с 1022 по 1094 гг. Тмутаракань упоминается 10 раз, и из них в 9 случаях в связи с Черниговом. В 1024 г. Мстислав захватывает именно Чернигов, придя из Тмутаракани, в 1064 г. сын черниговского князя Святослав правил в Тмутаракани. В 1067 г. посольство тмутараканцев опять приглашает Глеба к себе (по данным несторова Жития Феодосия), в 1077 г. в Тмутаракань бежит из Чернигова Борис, в 1078 г. туда же из Чернигова бежит Олег Святославич, в 1078 г. Олег и Борис пришли все к тому же Чернигову из Тмутаракани, а после битвы Олег опять бежит в тот же город. В 1079 г. Всеволод, владея Черниговом, посылает в Тмутаракань своего посадника Ратибора, в 1081 г. Давид Игоревич и Володарь Ростиславич изгоняют Ратибора, в 1083 г. их, в свою очередь, изгоняет Олег Святославич, и, наконец, в 1094 г. Олег, пришедший из Тмутаракани, изгоняет из Чернигова Мономаха. Связь Чернигова с Тмутараканью бесспорна и объясняется тем, что этот город входил в черниговскую отчину Святослава. В черниговскую отчину, кроме Муромы и Тмутаракани, входили и какие-то земли в Белозерье, где в 1071 г. дружинник черниговского Святослава Ян Вышатич собирает дань, и Рязань, где в 1096 г. ищет себе спасения Олег. Связь Чернигова с Рязанью прослеживается и в архитектуре. Это же очевидно из того, что Рязань и в более позднее время входила в Черниговскую епархию.

только одно совершенно точно: в каждую из этих отчин входит не только один из трех городов, составляющих в своей совокупности территорию той самой древнейшей Русской земли, которая была первой колыбелью русской государственности и продолжала и в XII–XIII вв. называться Русской землей, в отличие от окружающих ее когда-то «нерусских» земель. В каждую из этих отчин входят и земли, очень далеко расположенные и от Киева, и от Чернигова, и от Переяславля. Каждая из этих отчин как бы двухслойна, причем древнейшей ее частью, естественно, является город на территории собственно Русской земли, а более поздней ее частью, ее провинцией является окраинная территория.

Никакие политические пертурбации конца XI – начала XII вв. не смогли разрушить, казалось бы, непрочную двухслойную структуру трех главных русских княжеств-отчин-земель этого времени. К ним лишь присоединялись новые земли: Смоленск, Новгород, Минск и Владимир – к отчине Мономаха, Владимир – к отчине Святополка, Новгород – к отчине Давида и т.д. Но ядро отчин при этом не затрагивалось, за него почти и не боролись, на него почти и не посягали, что опять свидетельствует о каких-то прочных «внутриядерных» силах, его скреплявших. Что же это за силы и чем объясняется двухслойность структур отчин трех Ярославичей?

Видимо, тем, что в свое время славянская колонизация шла не одним сплошным потоком из древнейшей Русской земли, а несколькими самостоятельными потоками, направлявшимися из каждого из трех уже к тому времени сравнительно обособившихся городов этой Русской земли – из Киева, Чернигова и Переяславля. Эта потоки направились в те самые области, которые впоследствии, в середине XI – начале XII вв., мы встречаем в составе зафиксированных летописью трех отчин Ярославичей. Из Киева эти потоки устремились к Турову и Новгороду, к Берестью. Из Переяславля колонизационные пути пролегали на северо-восток, в будущие Ростов, Суздаль и Владимир. Из Чернигова устремились потоки в Белозерье, к Мурому и Рязани, а оттуда и на Волгу, а другой поток – на юг, в Тьмутаракань. Колонизация происходила, видимо, довольно стихийно, но связь с прежним местом жительства была сохранена и даже была очень прочной, о чем свидетельствует факт вхождения этих земель в XI–XII вв. в состав одних и тех же отчин. Эта связь была укреплена завещанием Ярослава, не расколовшего Русь на отдельные земли, как это может показаться на

первый взгляд, а лишь подкрепившего и освятившего уже существовавшую политическую и экономическую раздробленность.

Наши предположения можно проверить их сопоставлением с археологическим материалом, неожиданно подтверждающим выводы, сделанные на основании изучения текстологии «Повести временных лет».

Дело в том, что для большинства упоминаемых летописью восточнославянских племен характерны совершенно определенные типы височных колец, головных женских украшений. Ареалы этих колец точно совпадают с территориями, которые заняты племенами, перечисленными автором «Повести временных лет». И вот при этом сопоставлении оказывается, что на некоторых древнерусских территориях нет своих, местных типов височных колец, этих археологических определителей племенной принадлежности территории, а имеются только местные варианты тех племенных колец, которые распространены на территориях первоначального расселения славянских племен в пределах Черниговской, Киевской и Переяславской земель, в пределах «Русской земли». Наиболее ярким примером этого положения является так называемая область владимирских курганов, ростово-суздальское ополье, входившее в переяславскую отчину Мономаха. Почему-то обычно считается, что этот край был колонизован новгородцами, хотя здесь нет никаких следов материальной культуры новгородских словен. Наоборот, здесь наиболее массовой находкой являются перстнеобразные височные кольца совершенно такого же типа, что встречены и при раскопках переяславских курганов. Не подтверждает ли это вывода о переяславском происхождении ростово-суздальских колонистов? Мы считаем, что подтверждает, тем более что это не единственное подтверждение летописных свидетельств. Если нанести на карту все разнообразие типов височных колец, то окажется, что именно на окраинах Руси бытуют типы височных колец, характерные для более ранних эпох центральных южнорусских территорий. Так, знаменитые ромбо-шитковые (шитковоконечные) височные кольца новгородских словен имеют свои более ранние прототипы (завязанные наподобие кривичских), распространенные не под Новгородом, а на юге Смоленщины. Более северные вятичские кольца XII–XIII вв. имеют более южные и более ранние прототипы в виде радимичских семилучевых височных колец XI–XII вв. Перстнеобразные височные кольца Белозерья XII–XIII вв.

восходят к более ранним и более южным черниговским образцам, как и костромские височные полутораоборотные кольца напоминают о дреговичских кольцах, причем, что особенно интересно, в костромских курганах встречаются точно такие же известковые своды над погребениям, как и в земле дреговичей. При всей своей запутанности, общая картина размещения оригиналов и дубликатов типов височных колец точно соответствует размещению первоначальных славянских племен и их потомков-колонистов. Обе карты — археологическая и историческая — совпадают и позволяют объяснить двухчастную структуру отчин трех Ярославичей и ту прочность, которой эта структура отличается в XI—XII вв. С этими двумя картами совпадает и третья — топонимическая: широко известна дублировка южнорусских названий городов и сел в Северо-Восточной Руси. Интересно, что такая же дублировка имеется и в Новгородской земле по отношению к южной земле древлян: здесь есть и Деревская пятина, и Коростень, как раньше назывался Новый Торжок, и село Коростынь на юго-западном берегу Ильменя.

Итак, «Повесть временных лет» не только прямо указывает территорию восточнославянских племен, но и косвенно свидетельствует о характере их последующего расселения со своих первоначальных мест. Как и следовало ожидать, прямые факты автор «Повести временных лет» сообщает в начале своего произведения, а косвенные — в его конце. Связано это в данном случае не с осторожностью автора, а, наоборот, с его научной неосторожностью. Рассказывая о далеких временах своим современникам, он подробно описывает все факты как им неизвестные, а, рассказывая о своем времени и по-прежнему строя свой рассказ в зависимости от информированности своих читателей, он лишь упоминает о многих фактах как об общеизвестных, и именно поэтому историки вынуждены теперь лишь предположительно их осмысливать. Поэтому, обратившись теперь от косвенных упоминаний автора к его прямому рассказу о расселении племен славян с Дуная, мы вынуждены отнестись к этому рассказу с еще большей осторожностью, чем к косвенным, но более объективным и кратким упоминаниям второй части «Повести временных лет».

Прямой характер высказываний автора в начале его труда связан не с тем, что он лучше знает древнюю историю, чем современную, а с его задачей понятнее рассказать своим современни-

кам о неизвестных им вещах. К тому же мы уже знаем, что древние факты звучат в «Повести временных лет» на современный для ее автора лад.

Наше внимание на себя обращает, в частности, тот материал, который появился в «Повести временных лет» впервые и которого не было в предшествующих летописях, независимо от того, считать ли этими летописями Начальный свод и т.д. или всего лишь летопись, не разбитую на годы, и т.д. В этих источниках автора не было никаких сведений о дунайской прародине славян. Древние летописи рисовали жизнь автохтонного славянского населения в районе Киева, и было не совсем понятно, почему один из героев этих летописей Святослав заявляет о Дунайском Переяславле как о «середе» своей земли. С другой стороны, не совсем понятно, почему именно в 1115 г. в летописи впервые появляются совершенно четкие сведения об этой дунайской прародине, а в редакторском тексте появляются договоры с греками, в свое время заключенные в связи с походами русских князей на Дунай.

Напомним, что именно во время написания «Повести временных лет» назревает политический и идеологический конфликт Киева с Царьградом. Политический конфликт возникает именно из-за дунайских земель, куда в 1116 г. Мономах снаряжает сразу два похода и куда еще в 1106 г. также ходило русское войско. В этой обстановке слова Святослава о «середе» его земли приобретают неожиданно актуальный, злободневный и оправданный смысл, и этим они обязаны искусству автора «Повести временных лет», который сначала рассказал о дунайской прародине славян, а уже потом без всяких ненужных комментариев рассказал о Святославе. Начавшимся в первых годах XII в. конфликтом Киева с Царьградом из-за дунайских русских земель объясняется и появление сведений о дунайской прародине славян в «Повести временных лет», и сама возможность получения этих сведений автором, скорее всего, узнавшим их от того же Яна Вышатича, о котором он говорит как об участнике похода на Дунай. Именно поэтому мы должны отнестись к этим сведениям с той же осторожностью, как и к сведениям редактора о варяжском происхождении Руси.

В древности было принято выводить из далеких земель историю не только правящей династии, но и историю самих народов, складывавшуюся куда сложнее, чем это представлялось средневековым историографам.

Если сопоставить сведения автора «Повести временных лет» все с той же археологической картой расселения восточнославянских племен, которые он перечисляет, то окажется, что эти сведения рисуют лишь картину XI–XII вв. В это время ареалы племенных украшений действительно находятся на тех самых местах, где размещает свои племена древний автор, работавший в начале XII в. Однако уже в X в. эти ареалы отсутствуют, и на месте летописных племен находится не раздробленная еще на местные варианты, в целом поражающая своим единством славянская культура, из которой с большим трудом удастся вычленить некоторые разновидности. Славянские археологические культуры охватывают в VI–IX вв. территории бóльшие, чем территории летописных племен XI–XII вв., и с этими территориями не совпадают. Не свидетельствует ли это о том, что автор «Повести временных лет» на самом деле рисует не далекую от него картину расселения славян, а действительность, его окружавшую, ситуацию XI–XII вв., когда каждое из племен имело свои украшения, что не в последнюю очередь было связано с местной индустрией? Не ошибся ли автор, перенося современную ему картину в более древнюю эпоху? Действительно ли в его источниках имелись сведения о расселении именно этих многочисленных славянских племен с Дуная? Полагаем, что нет.

Дело в том, что в его распоряжении находилось так называемое Сказание о славянской грамоте, в котором и содержались сведения о расселении славян. Это Сказание благодаря редактору теперь читается в двух местах «Повести временных лет» — в начальном рассказе о расселении славян и под 898 г., в рассказе о славянской грамоте. И вот, оказывается, что между двумя этими пересказами одного и того же Сказания имеются противоречия. В начальном пересказе речь идет о шести племенах восточных славян, а в пересказе под 898 г. упоминаются только поляне, «яже нынѣ зовомая Русь», как добавляет редактор. Следы редакторской переработки имеются и в других местах текста под 898 г., в частности, там, где редактор, только что вставивший сведения о варяжском происхождении Руси, столкнулся с утверждением, что язык словен и Руси одинаков, что противоречило его сведениям о варяжском происхождении Руси. Поэтому он добавляет к фразе автора о славянском и русском языках подчеркнутые нами слова: «А словеньскый языкъ и рускый одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене».

Итак, в источнике автора говорилось только о полянах, а не обо всех остальных племенах. Рассказ об этих племенах добавил на основании своих устных сведений сам автор. Этим и объясняется, что в начальном тексте рассказ то и дело сбивается с истории всех племен на историю только полян. Поэтому создается впечатление, что первоначальный рассказ о полянах (а возможно, и об их непосредственных соседях) дополнен более поздним рассказом о всех восточнославянских племенах.

Это может объясняться либо тем, что в источнике автора упоминались только поляне и он дополнил сведения этого источника рассказами об остальных племенах, либо тем, что это дополнение сделал только редактор. И в том и в другом случае ясно, однако, что с Дуная пришли не все эти племена, а только славяне — возможно, только поляне, а в дальнейшем произошло раздробление пришельцев на более мелкие племена. Именно об этом и пишет летописец: «Тако же и те словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне...»⁹ и т.д. Эти сведения соответствуют археологическим материалам, на основании которых рисуется довольно монолитная культура восточных славян в VI—IX вв. Следовательно, процесс раздробления начался только в X в. и достиг своего расцвета в XI—XII вв., чем и объясняется то, что уже Ярослав закрепил наметившиеся границы отдельных полугосударств в своем завещании. Этот процесс был прогрессивным по тому времени, чем объясняется и столь настойчивое желание автора «Повести временных лет» предотвратить нарушения «отней заповеди» Ярослава, то есть попытки объединения Руси, встречавшие поэтому столь ожесточенное и, видимо, экономически мотивированное противодействие.

Итак, теория автора о дунайской прародине славян столь же тенденциозна и столь же политически обусловлена, как и теория редактора о варяжском происхождении Руси. Высказав эту теорию, редактор дополнил рядом сведений авторские рассказы о Дунайской прародине и о племенах. Так, в авторском тексте о походе Владимира на радимичей ничего не говорилось об их ляшском происхождении, а во вступительном рассказе об этом говорится, что, видимо, свидетельствует о редакторской работе.

Далее, при первом упоминании славянских племен говорится только о шести племенах и не упоминаются ни кривичи, ни

⁹ {ПВЛ, с. 11. — Прим. ред.}

радимичи, ни вятичи. Думаем, что упоминания этих племен и их описания были впервые сделаны редактором, проезжавшим через их территории при своем путешествии в Новгород в 1116 г. Ему же принадлежат сведения о Волынской земле — о волынянах-дулебах, поскольку мы знаем о его путешествии и в те края и поскольку сведения о дулебах входят в состав его вставки о белых и черных уграх.

Далее, в своем предисловии автор говорит о Кие как о перевозчике, не сопровождая эти сведения столь же резким их опровержением, каким сопровождаются те же сведения в самом тексте вступительной «Повести временных лет».

Это опровержение переходит в легенду о походе Кия на Дунай, об основании там Киевца и о принятии Кием великой чести от византийского императора. Не возникла ли эта легенда в связи с походами Мономаха в 1116 г. на Дунай — вернее, не была ли она принесена в Киев участниками этих походов? Это можно предположить на том основании, что ее текст находится в текстуальном противоречии с текстом авторского предисловия и принадлежит, следовательно, редактору, работавшему уже после этих походов и вставившему в летопись договоры с греками, именно в 1119 г. почему-то появившиеся в его распоряжении.

Как видим, текстологическое изучение «Повести временных лет» неминуемо приводит и к другим вспомогательным источникам, и к другим вспомогательным историческим дисциплинам. Разбор статьи 1054 г. о завещании Ярослава привел нас не только к фиксации разновременных текстуальных слоев в этой статье, но и к датировке самого завещания и постановке вопроса о структуре отчин трех Ярославичей. То, о чем летопись молчит как об общеизвестном факте, вдруг начинает звучать и становится предметом исследования.

Летопись о многом молчит. Летописец не мог предполагать, что многие факты окружающей его действительности будут интересны его потомкам. В его времена, например, существовал и был широко распространен обычай захоронения жены в курган прежде умершего мужа. Нам этот обычай хорошо известен по археологическим раскопкам¹⁰. Обычай этот, бытовавший в конце XI—XIII вв., был пережитком более ранних ритуальных убийств жены над телом

¹⁰ *Алешковский М.Х.* Парные погребения в русских курганах XI—XIII вв. // [Государственный Эрмитаж.] Тезисы докладов на юбилейной научной сессии. Секционные заседания. Октябрь · 1964. Л., 1964. С. 22—23.

умершего мужа, бытовавших в IX–X вв. у восточных славян. В целом этот обычай захоронения жены в кургане мужа свидетельствовал о победе моногамной семьи, право которой запрещало вдове выходить вторично замуж без соответствующей потери права на наследство мужа. Захоронение в кургане мужа свидетельствовало о верности вдовы мужу и детям и окончательно скрепляло их союз, поскольку считалось, что он будет продолжен и в загробной жизни. И вот, проследивая территориальное распространение парных погребений в русских курганах XI–XII вв., мы неожиданно опять приходим к возможности проверки и подтверждения летописных данных. «Повесть временных лет» молчит о парных погребениях, этот факт неинтересен ее автору, однако он настойчиво пишет о более передовых и цивилизованных брачных обычаях полян по сравнению с древлянами. Сравнение этих обычаев служит автору лучшим доказательством преимущества общественного строя полян и отсталости древлян. Ведь в то время брак и семья, их формы действительно служили (а теперь служат археологам и этнографам) как бы эталоном той или иной ступени общественного развития. И вот, картографируя парные погребения, мы неожиданно обнаруживаем, что они распространены у полян и совершенно отсутствуют у древлян, а если и встречаются на их территории, то, судя по археологическому критерию (погребения в ямах, а не на горизонте), принадлежат все тем же полянам. Выходит, что у полян действительно господствует более передовая моногамная форма семьи, о которой свидетельствуют парные погребения, тогда как у древлян, как пишет летопись, «брака... не бываше»¹¹, имея в виду только моногамную форму брака.

Можно было бы привести много примеров подобного совпадения летописных и археологических данных.

Остановимся в заключение этой главы только на одном из них, имеющем непосредственное отношение к нашей теме.

Речь пойдет об археологическом комментарии к знаменитому предисловию к «Повести временных лет», сохранившемуся только в составе Новгородской Первой летописи младшего извода и памятников, восходящих к новгородскому своду 1430-х гг. В этом предисловии, как и на протяжении всей летописи, автор негодует против современных ему дружинников, творящих неправые виры и продажи. Эти слова автора помогли нам обрисовать идейный

¹¹ {ПВЛ, с. 15. – Прим. ред.}

облик памятника, но при этом мы лишь мельком затронули вопрос о большом общественном звучании этих слов, этого авторского выступления, о широком значении в истории Руси факта, против которого выступил автор. Дело в том, что именно во второй половине XI — начале XII вв. в русской общественной жизни начинает играть значительную роль сравнительно новый, народившийся в это время слой дружинников. Это — младшие, «уные», как их называет автор, дружинники, выдвижение которых на первый план русской истории было вызвано глубокими и стремительными сдвигами в том процессе классового образования, который отлично прослеживается и по археологическим материалам. В частности, он прослеживается по материалам курганов русских дружинников XI—XII вв.¹² Тогда как в X в. эти курганы распространены компактными группами главным образом на кладбищах основных русских городов, в XI—XII вв. они широко распространяются и в сельской местности, и на кладбищах мелких, незначительных городских поселений. Процесс классового образования вытолкнул на поверхность общественной жизни новую волну собственников, всех этих детских и отроков, молодых, появление которых и резко усилило прежние методы эксплуатации населения, и вызвало к жизни новые методы его закабаления. «Повесть временных лет» пишет как раз об усилении прежних методов, о сильном увеличении виро и продаж, то есть штрафов за убийство, покражу или другие нарушения частной собственности. Именно против этого слоя княжеской администрации было направлено восстание в Киеве в 1113 г. «Повесть временных лет» и является памятником, возникшим как раз в период окончательной победы новой общественной группы собственников, самой массовой части господствующего класса, молодых дружинников, погребения которых рассеяны сейчас по всей Руси. Это еще раз показывает тесную связь содержания «Повести временных лет» с современной ее автору политической действительностью и возможность комментирования этого содержания фактами вспомогательных исторических дисциплин.

Следующая глава нашей работы посвящена рассмотрению одного из тех бесчисленных сюжетов «Повести временных лет», который становится понятнее с помощью такого комментирования. Это культ Бориса и Глеба, истории которого посвящены мно-

¹² Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI—XII вв. // Советская археология. М., 1960. № 1. С. 70—90.

гие страницы замечательного произведения. На этот раз нашим источником послужат произведения изобразительного искусства, маленькие кресты-энколпионы с изображениями Бориса и Глеба. Обращение к этому виду древнерусских памятников в работе о «Повести временных лет» закономерно не только потому, что борисоглебская «тема» является одной из центральных в общем идейном звучании этого произведения, созданного накануне столетней годовщины со дня убийства Бориса и Глеба, произведения, в котором эта тема глубоко осмыслена, а сам рассказ об этом убийстве является едва ли не кульминационным пунктом всего повествования. Закономерно это и потому, что в последнее время благодаря работам советских литературоведов памятники искусства Древней Руси стали все продуктивнее привлекаться для сопоставления с современной им литературой, для ее изучения. Этот «стык» двух наук, как и всегда в подобных случаях, дал интересные и не всегда ожидаемые результаты. Исследование глебо-борисовских энколпионов и завершает нашу работу о «Повести временных лет», как бы замыкая круг тех основных проблем, которые встают при исследовании этого замечательного памятника древнерусской литературы, исследования, которое стало теперь невозможным без сопоставления этого памятника с историей, археологией и искусствоведением.

Глава 15

РУССКИЕ ГЛЕБОБОРИСОВСКИЕ ЭНКОЛПИОНЫ 1072–1150 гг.

Княжеский культ Бориса и Глеба, первых русских национальных святых, признание которых византийской церковью означало серьезную победу русского государства в его борьбе за самостоятельность, чрезвычайно широко отразился в произведениях литературы и искусства XI–XVII вв. Среди этих произведений особое место принадлежит крестам-энколпионам с изображениями Бориса и Глеба. Это самые древние изображения сыновей Владимира Святославича, восходящие к XI в. и сыгравшие значительную роль в сложении борисоглебской иконографии. Как известно, борисоглебские иконы XI в. не сохранилась, от XII в. уцелели только изображения братьев на полях иконы Николы (ГТГ) и на фресках Кирилловской церкви в Киеве и Спаса на Нередице в Новгороде¹. Особенно важно, что энколпионные изображения Бориса и Глеба расходятся с установившейся их иконографией XII–XVII вв., хотя отдельные их черты и отражены в этой иконографии. Понятно поэтому, какое большое значение приобретают иконографический анализ изображений на энколпионах и их сопоставление со всей иконографией этого культа, сыгравшего большую роль в истории Руси, в истории ее церкви и государства, истории закабаления трудящихся масс для нужд и потребностей правящего класса феодалов.

Часть интересующих нас энколпионов давно издана, большая же их часть хранится в музеях Москвы, Ленинграда и Киева (всего нами изучено 43 экземпляра). В первых публикациях вопросы их

¹ К числу этих изображений следует отнести и фреску кидекшской Борисоглебской церкви, которую обычно считают изображением волхвов. Борис и Глеб изображены здесь на конях и без княжеских шапок, что не характерно для изображений волхвов, с которыми обычно отождествляют эту фреску.

иконографии, техники изготовления и датировки почти не поднимались², они были впервые разработаны только советскими учеными. Так, В.И. Лесючевский впервые сравнил изображение одной из фигур князей на энколпионах с портретом Бориса в рукописи XII в. «Слово Ипполита о Христе и антихристе» (ГИМ) и сопоставил данные энколпионов с литературными произведениями XI–XII вв. о Борисе и Глебе³. Однако выводы В.И. Лесючевского были недавно подвергнуты сомнению. Во-первых, вновь была с привлечением новых аргументов высказана мысль, что изображение князя в рукописи «Слово Ипполита» должно быть отождествлено с личностью болгарского князя Бориса-Михаила, а не русского Бориса-Романа⁴. С этой мыслью следует согласиться, но и она не опровергает отождествления В.И. Лесючевским изображения на энколпионе с Борисом-Романом, поскольку его иконография могла родиться на почве иконографии Бориса-Михаила, тем более что Борис-Роман был сыном болгарыни, родственницы Бориса-Михаила. Во-вторых, была высказана мысль, что утверждение В.И. Лесючевского о посвящении вышгородского храма Ярослава (пятикупольного) одному Борису, а храма

² Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Сер. I. Вып. 2. Киев, 1890. Табл. II, рис. 8; Вып. 3–4. Киев, 1891. Табл. 1, рис. 9; Сер. II. Вып. 1. Киев, 1891, № 1–2; Альбом достопримечательностей Церковно-Археологического Музея при Императорской Киевской Духовной Академии. Вып. III. 1913. Рис. 2–3; Вып. IV–V. 1915. Табл. XVII, рис. 7–8, 5–6; Каталог собрания древностей Графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. VIII–XI. М., 1908. Рис. 168–169; Собрание Б.И. и В.И. Ханенко. Древности Русские. Antiquités Russes: Кресты и образки. *Stoix et images*. [Вып. 1.] Киев, 1899. Табл. VII, рис. 88–89, 90; Каталог украинских древностей коллекции В.В. Тарновского. Киев, 1898. С. 9, № 51, 52 и 53; *Нефедов Ф.Д.* Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. // *Материалы по археологии восточных губерний*. М., 1899. Т. III. С. 197, табл. 6, № 1а и 1б; *Попов Х.И.* Где находилась хазарская крепость Саркел // *Труды Девятого археологического съезда в Вильне*. 1893. М., 1895. Т. I. С. 272, рис. 71; *Карцев М.К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнего города. Т. I. М.; Л., 1958. Табл. VII; *История русского искусства*. Т. I. М., 1953. С. 287.

³ *Лесючевский В.И.* Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // *Советская археология*. М.; Л., 1946. VIII. С. 225–247.

⁴ *Гольштенко В.С.* К вопросу об изображении князя в Чудовской рукописи XII–XIII вв. // *Проблемы источниковедения*. М., 1959. Т. VII. С. 391–415; *Иванова В.* Ктиторийский образ в Ипполитовия сборник на исторический музей в Москва // *Археология*. София, 1959. Год. I. 3–4. С. 13–23; *Поплз А.В.* О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1966. XXII: *Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси*. С. 24–45.

Изяслава 1072 г. (однокупольного) одному Глебу — неверно, так как на некоторых крестах-энколпионах встречаются то изображение Бориса с пятикупольным храмом в руке, то его же изображение с однокупольным храмом в руке. Выходит поэтому, что нельзя говорить о связи Бориса только с одним пятикупольным храмом⁵. Однако эта аргументация построена на ошибочном мнении, что атрибуция энколпионных фигур, их принадлежность Борису и Глебу устанавливается на основании вырезанных около этих фигур надписей имен. Дело в том, что около каждой из фигур встречается имя то Бориса, то Глеба, но атрибуция фигуры не зависит от этого. Она зависит от иконографических закономерностей, и вот в этом пункте мы подходим к действительному недостатку аргументации В.И. Лесючевского с точки зрения современной историографии вопроса: если на миниатюре «Слова Ипполита» изображен не Борис-Роман, то нет оснований отождествлять с ним и фигуру на энколпионе.

К этим сомнениям в правильности аргументации В.И. Лесючевского можно добавить и другие соображения. При жизни В.И. Лесючевского еще не был раскопан М.К. Каргером грандиозный вышгородский (видимо, пятикупольный) храм Бориса и Глеба 1112 г.⁶ Между тем на энколпионе изображен именно каменный храм (как и на миниатюре «Слова Ипполита»), тогда как якобы пятикупольный храм Ярослава, строительство которого не отмечено в летописи, был, судя по житийной литературе, деревянным и, следовательно, его изображение должно бы отличаться от изображений каменных храмов⁷.

Особенно важна для изучения русских энколпионов работа Г.Ф. Корзухиной об особенностях техники их изготовления и датах отдельных их типов⁸. Результаты этой работы использованы

⁵ Поппэ А.В. О роли... С. 42–43.

⁶ Каргер М.К. К истории киевского зодчества XI в.: Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде // Советская археология. М., 1952. XVI. С. 77–99.

⁷ Кроме того, князь на миниатюре «Слова Ипполита» безбород, а безбородый Борис-Роман не встречается в памятниках той эпохи (конец XII – XIII вв.), к которой относится рукопись «Слова». Отметим также, что на миниатюре изображен, видимо, одноглавый, а не пятиглавый храм, как предполагал В.И. Лесючевский. Орнамент на одежде князя — чисто болгарский (см. подробнее: Иванова В. Ктииторский образ...).

⁸ Корзухина Г.Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси (По материалам медного литья) // Византийский временник. М., 1958. Т. XIV. С. 129–137.

нами при изучении Борисоглебских энколпионов, о чем будет сказано ниже.

Обратимся теперь к самим этим предметам XI–XII вв. и попытаемся заново провести атрибуцию изображенных на них княжеских фигур и датировать их (рис. 1.).

Энколпион — это крест-складень для хранения частички мощей почитаемого святого, изображенного на одной из сторон креста. Он имеет свою лицевую и оборотную стороны. Все публикаторы и исследователи энколпионов не различали этих сторон, хотя именно с этого различения только и можно начинать всю работу по их изучению.

Лицевая и оборотная стороны энколпионов различаются как по своему устройству, так и по характеру своих изображений. Лицевая сторона имеет по одному ушку на нижней и верхней ветвях креста, а оборотная сторона имеет по две петельки на каждой из этих же ветвей креста. Ушки продеваются между этими петельками и закрепляются в них болтиком. Таким образом, спутать обе

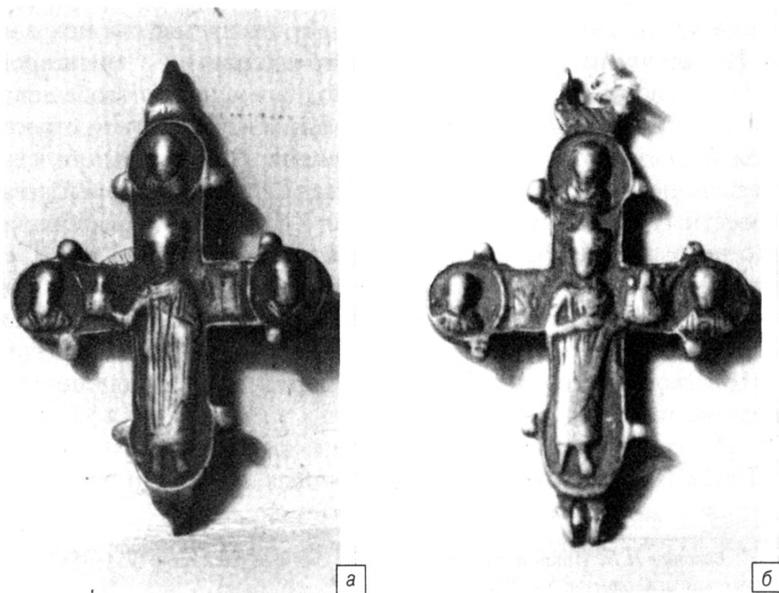

Рисунок 1. а — лицевая сторона с изображением Глеба
б — оборотная сторона с изображением Бориса

стороны энколпиона невозможно, к тому же на лицевой стороне энколпионов всегда помещалось главное изображение, а на оборотной стороне — изображение второстепенное. Обе стороны поэтому хорошо различались владельцами таких крестов, которые почитали главное изображение и старались, чтобы энколпион всегда висел лицевой стороной наружу, так как энколпионы носились поверх одежды (см. рис. 10 на с. 289). Об этом свидетельствует то, что на сотнях просмотренных нами энколпионов стертой — и притом достаточно сильно — является только одна сторона, как правило, оборотная. Имеются очень редкие случаи, когда стертой оказывается лицевая сторона, но и эти исключения лишь подтверждают, что владелец или владелица энколпиона всегда старались носить их лишь одной стороной наружу, а именно той, на которой был изображен почитавшийся ими святой. Таковы, например, энколпионы с изображением Христа на лицевой стороне и Богородицы на оборотной стороне. У них очень редко, но все же иногда бывает стертой только оборотная сторона, что свидетельствует о преимущественном почитании владельцем энколпиона не Христа, а именно Богородицы. Подобные случаи встречаются на крестах конца XII в., а именно в это время, как показано Н.П. Ворониным⁹, на Руси распространяется — и очень широко — богородичный культ. Следовательно, перемены в способе ношения крестов с изображением Богородицы на оборотной стороне можно связывать с этим распространением богородичного культа в конце XII в. Эта мысль подтверждается целой серией давно известных науке энколпионов начала XIII в., происходящих, как это показал Б.А. Рыбаков, из одной киевской мастерской¹⁰. На этих энколпионах изображение Богородицы переключалось с оборотной стороны на лицевую, что свидетельствует об определенном сдвиге в идеологической жизни киевского общества в начале XIII в., когда богородичный культ действительно выдвигается на первый план.

Теперь обратимся к энколпионам с изображением Бориса и Глеба. Посмотрим, на каких их сторонах изображен Борис, а на

⁹ Воронин Н.Н. Покров на Нерли (Новые данные раскопок 1954—1955 гг.) // Советская археология. М., 1958. № 4. С. 93.

¹⁰ Рыбаков Б.А. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. // [Московский Ордена Ленина государственный университет имени М.В. Ломоносова.] Ученые записки. М., 1946. Вып. 93: История. Кн. 1. С. 89—91.

каких – Глеб. Оказывается, что во всех без исключения случаях на лицевой стороне изображен Глеб, а на оборотной – Борис, хотя Борис был и старшим братом и, так сказать, более главным святым в этом двуедином культе. Однако таковы наши первичные представления, и в данном случае мы сталкиваемся с новым фактом, а не просто историографическим положением. Исходя из этого факта, мы должны переименовать энколпионы из Борисоглебских в Глебоборисовские. Однако проверим сначала установленный сейчас факт. Он столь неожиданен, что мы в первую очередь начинаем сомневаться в правильности атрибуции В.И. Лесючевским фигур на оборотной и лицевой сторонах энколпионов. Быть может, на лицевой стороне с однокупольным храмом изображен Борис, а на оборотной – Глеб с пятикупольным храмом? В таком случае этот пятикупольный храм моложе однокупольной постройки 1072 г. и является пятикупольным храмом 1112 г., что соответствовало бы и старшинству Бориса, изображенного на лицевой стороне с более древним храмом 1072 г. Можно обратиться и к известной иконографии Бориса и Глеба. Борис всегда изображался с короткими волосами, бородой и усами, а Глеб – без бороды и усов и с длинными волосами. Однако все эти признаки либо отсутствуют на энколпионных изображениях, либо встречаются попеременно у обеих фигур. У обеих фигур встречаются и каждое из двух имен братьев. Картина, следовательно, не так проста, как это могло сначала показаться. Поэтому предстоит начать исследование, как и в случае с лицевой и оборотной сторонами энколпионов, с самого начала.

Наше внимание привлекает в первую очередь то, что не изменяется на энколпионах и принадлежит, таким образом, их первоначальному облику. Это – позы обоих братьев (рис. 2). Один из них протягивает в сторону свою левую руку, а другой – правую. Это типичные жесты предстоящих фигур, то ли обращенных друг к другу, то ли к какому-то центральному изображению. Иными словами, мы неожиданно реконструировали композицию какой-то иконы или фрески¹¹, с которой были скопированы мастером-литейщиком фигуры для изготовления энколпионов. На этой недошедшей до нас иконе была представлена, скорее всего, трехчастная композиция. Одесную центрального изображения, то есть на главном месте в такой композиции должен был стоять

¹¹ Лесючевский В.И. Вышгородский культ... С. 241.

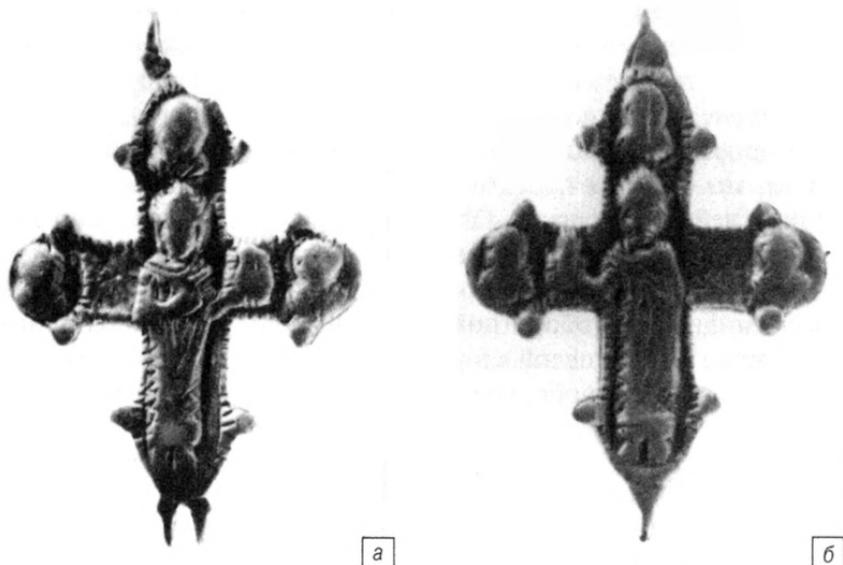

Рисунок 2. Реконструкция поз на иконе XI в.
а – фигура Бориса одесную Христа
б – фигура Глеба ошую Христа

старший Борис, а ошую – младший Глеб¹². Соответственно этому, у Бориса должна быть протянутой левая рука, а у Глеба – правая. На лицевой стороне энколпионов изображена фигура с протянутой правой рукой, следовательно, это, как правильно определил В.И. Лесючевекий, Глеб. Но в таком случае на оборотной стороне с протянутой левой рукой изображен старший Борис, а сами энколпионы действительно являются Глеборисовскими.

¹² В христианской иконографии одесную Христа рисуется более главный святой, чем ошую. В двухчастных композициях младший святой рисуется ошую старшего. Та же композиция сохраняется и на романской скульптуре, готических надгробиях и даже в славянских парных погребениях, где жена всегда положена ошую от мужа. На Борисоглебских иконах Глеб стоит всегда ошую от Бориса. Если атрибуция В.И. Лесючевского неверна и на лицевой стороне энколпионов изображен Борис, то и в этом случае наши выводы (см. ниже) о Глеборисовском этапе в развитии культа верны, так как в указанном случае Глеб оказывается одесную от центрального изображения на реконструируемой иконе XI в. и, следовательно, почитается в это время больше, чем старший Борис.

Обратимся теперь к иконографии Бориса и Глеба. В.И. Лесючевскому была известна трехчастная створчатая иконка, на левой створке которой был изображен Борис, который предстоял центральному изображению¹³.

Правая створка этой иконки не сохранилась, но можно не сомневаться, что это был Глеб. В настоящее время в собрании Русского музея мы эту иконку не нашли. Однако трехчастная композиция известна и на других памятниках Борисоглебской иконографии — и на фресках, например, Нередицы, где Борис и Глеб изображены в полуобороте друг к другу, и на иконах, где между ними стоит либо Христос, либо Владимир, их отец. Поскольку Владимир не был еще канонизирован в XI в., то центральным изображением следует считать изображение Христа. Однако это мог быть и просто крест, во всяком случае именно крест изображен на знаменитых, но очень редких в наших коллекциях змеевиках, которые А.С. Орлов датировал по надписям XIII–XIV вв., а мы по изображениям относим к XI–XII вв.¹⁴ (рис. 3). Надписи могли появиться и позже, чем сами эти змеевики, которые являются предметами двоеверия,

распространенного широко только в домонгольскую эпоху. На этих змеевиках Борис и Глеб держат, соответственно, свои левую и правую руку на центральном шестиконечном кресте¹⁵. Одежды братьев точно скопированы с энколпионов, а скорее всего, с той иконы, с которой и копировал их мастер-литейщик.

Рисунок 3.

Змеевик с изображением Бориса и Глеба
(Государственный исторический музей)

¹³ Лесючевский В.И. Вышгородский культ... С. 241.

¹⁴ Орлов А.С. Амулеты «змеевики» Исторического Музея // Отчет Государственного Исторического Музея за 1916–1925 гг. М., 1926. Приложение V. С. 32–33.

¹⁵ Эта композиция перешла на Русь из Византии, где она часто встречается на монетах. Интересно, что в том случае, если правящим императором является тот, что изображен ошую от креста, то его рука держит крест выше, чем рука более главной фигуры, стоящей одесную креста. То же самое видим и на русских змеевиках. Рука Глеба касается креста выше, чем рука Бориса, что свидетельствует о предпочтительном культе Глеба (см. о раздельном их почитании ниже).

Известно, что иконография мелкой пластики следует за иконографией живописи, которая была ведущим жанром христианского искусства.

Итак, на реконструируемой по энколпионным изображениям иконной композиции Борис и Глеб были предстоящими фигурами у какого-то центрального изображения. Каково же содержание этой композиции? Ответ на этот вопрос получаем, вновь обращаясь к энколпионам и пристально рассматривая изображения предметов в руках у братьев. За этими предметами прочно укрепилось наименование их церквями, притом даже точно называется, какие именно это церкви¹⁶. Эти предметы действительно напоминают церковные здания, но в средневековые времена и понятие церкви было неизмеримо шире, чем только понятие постройки, в которой совершается богослужение, и некоторые предметы самого богослужебного ритуала в соответствии с указанной широтой понятия были похожи на церковное здание. Таковы, например, и различные реликварии, сионы, таковы же и, как это сначала ни покажется странным, и мученические венцы, изображенные на мозаиках киевской Софии (рис. 4). Стоит сравнить изображения этих венцов с энколпионными предметами в руках Бориса и Глеба, чтобы убедиться в идентичности тех и других. И венцы, и интересующие

Рисунок 4. Изображения мучеников с венцами в руках из Софии Киевской. XI в.

¹⁶ Лесючевский В.И. Вышгородский культ... С. 244.

нас предметы изображены в виде прямоугольников, поле которых занято большой аркой¹⁷. Завершается венец на киевских мозаиках либо крестом, либо схематизированным обобщенным изображением этого же креста. Приглядимся к этой схеме. Она очень напоминает церковный барабан со шлемовидной главой, только эта «глава» перевернута и не сужается, а наоборот, расширяется кверху. Это расширение подчеркнуто мозаичистом белыми полосами, веером расходящимися кверху изображения. Теперь обратимся

Рисунок 5.

Венец с веером расходящимся
полосами в руке Глеба
(Государственный Эрмитаж)

к энколпионным изображениям, на которых видим и тот же схематический прямоугольник, и ту же арку, находящуюся в его центре, и точно такое же расширяющееся, а не сужающееся кверху пятно, обычно принимаемое за шлемовидную главу церковного купола. Однако древний литейщик хорошо знал, что это не глава церкви, а завершение венца, и поэтому он резцом нанес на это завершение точно такие же полосы, какие сделал мозаичист (рис. 5). Эти полосы расходятся веером кверху, что исключает сравнение данного элемента изображения с сужающимся кверху куполом церкви¹⁸.

Итак, на реконструируемой иконной композиции в руках Бориса и Глеба были венцы мучеников, а не модели храмов. Модели изображаются только в руках у строителей-ктиторов, и ни одного изображения

¹⁷ Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. С приложением статьи А. А. Белецкого о греческих надписях на мозаиках. [М., 1960.] Табл. 68, 75.

¹⁸ Такие же полосы, нанесенные резцом, имеются на приведенном энколпионе и на шапке князя, что еще больше подчеркивает сходство венца и шапки.

самого святого в качестве ктитора, если этот святой действительно не был при своей жизни строителем, как, например, Юстиниан, построивший константинопольскую Софию, для XI–XIV вв. неизвестно. Неизвестно и ни одного изображения какого-нибудь святого с моделью посвященного ему впоследствии, после его смерти, храма. Единственным исключением являлись до сих пор только ошибочно понятые изображения Бориса и Глеба на энколпионах.

Чем же объясняется сходство мученических венцов на киевских софийских мозаиках и энколпионах с формой христианского храма? Мученические венцы делятся на две категории — одни из них представляют собственно терновый венец, а другие являются копиями царских или княжеских корон, распространенных в той или иной стране. Характерно, что на миниатюре Сильвестровского сборника XIV в. Борис и Глеб получают мученические венцы, изображенные в виде обычной короны, только несколько схематизированной. Эта корона, в отличие от энколпионных и мозаичных венцов, уже не напоминает церковное здание. Более ранние же изображения венцов напоминают это здание потому, что скопированы со знаменитых императорских византийских венцов, носивших название стефанос (στέφανος). Такие стефаносы имели киотцы, напоминающие церковные закомары, и эти киотцы даже так и назывались по-гречески — камарой (καμάρα), то есть арка, комара. Поверх ряда с киотцами шли зубцы, также напоминающие зубцы церковного покрытия, и иногда в центре ряда этих зубцов находился еще один киотец, возвышающийся над нижним¹⁹. В зависимости от старшинства и чина владельца такой короны, на ней имелись один, два, три или еще больше киотцев. Точно такую же зависимость мы наблюдаем и на энколпионных изображениях венцов — более сложного в руках старшего Бориса и менее слож-

¹⁹ Лазарев В. Н. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. Групповой портрет семьи Ярослава // Византийский временник. М., 1959. Т. XV. С. 148–169; *Он же*. История византийской живописи: в 2-х тт. Т. I. М., 1947. См. *Darkó E.* Die ursprüngliche Bedeutung des unteren Teiles der ungarischen Heiligen Krone // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н. П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum: Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études byzantine.* Прага, 1936. VIII. С. 63–77; *Schramm P. E.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik: Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum sechzehnten Jahrhundert. Bd. III. Stuttgart, 1956. (Schriften der Monumenta Germaniae historica (Deutsche Institut für Erforschung des Mittelalters). 13/III.). S. 731–754.

ного, с одним киотцем, – в руках младшего Глеба. Этим сходством мученических венцов с отдельными элементами церковной постройки и объясняется то, что при изображении этих венцов на мозаике они неизбежно были еще больше схематизированы художником, стали еще больше походить на церковное здание, и это сходство еще увеличилось при переносе изображений этих венцов на маленькие литые энколпионы, тем более что литейщик, конечно, не был знаком с самими венцами, а знал их только по уже схематическим изображениям на иконах или фресках. Однако для него это все еще были венцы, а не церкви, иначе он не поправил бы резцом их завершения в направлении, обратном тому, в котором идут линии церковного купола²⁰.

Итак, реконструируемая иконная композиция изображала принятие венца Борисом и Глебом. Тема принятия ими мученического венца занимает большое и чуть ли не главное место в образном строе всех литературных произведений о Борисе и Глебе. Вообще, говоря о мучениках, русский человек того времени мог повторить за летописцем XIII в. слова о мучениках «какo вѣнчашася своею крѣвию за Христа»²¹. Понятно, что и авторы произведений о Борисе и Глебе тоже не раз говорят о принятии этими князьями мученического венца²². Весь их подвиг и состоит при переводе на язык церковных образов в принятии венца мучеников, этим и объясняется, что древнейшая дошедшая до нас икона изображает именно эту ведущую тему Борисоглебского сюжета. В центре ее композиции был Христос, а по его сторонам – фигуры Бориса и Глеба с протянутыми к Христу руками. В этих руках изображался венец мученика. Точно такая же композиция изображена автором Сильвестровского сборника XIV в.

²⁰ Для многих литейщиков, видимо, это были уже церкви, так как поправки резцом имеются на единичных экземплярах, а на большей их части заметны линии резца, подражающие рядам каменной кладки. Это не опровергает нашего предположения об иконной композиции принятия венца, с которой скопированы фигуры для энколпионов.

²¹ Ипат. л., г. 1289, стб. 926.

²² «Господь Исус Христос сrete я с voi ангельскими, венца я победными венцы» (с. 25). «...и узре желаемого он брата, и въсприяста веньца небесные...» (с. 43). «Кыми похвалными вещи увязем Бориса и Глеба, яже оукраси Владыка Христос Бог венци победными и десницею животворивою венча?» (с. 125). «Венец приемь от Христа Бога, с праведными причтесе...» (с. 37). Ссылки на страницы даются по изданию: Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916. (Памятники древне-русской литературы. Вып. 2.)

Для композиции принятия венца характерна еще одна иконографическая деталь — в руках мучеников не изображен мученический крест. Нет этого креста и на всех энколпионных изображениях. Не было его, следовательно, и на древнейшей иконе Бориса и Глеба. Он появился лишь на более поздних изображениях братьев. Можно сказать, что предметы в руках Бориса и Глеба не могут быть венцами, так как они изображены в княжеских шапках, но это соображение опровергается известными случаями изображений мучеников в коронах и с венцами в руках²³.

Итак, мастер-литейщик использовал при изготовлении своих энколпионов какую-то икону, изображавшую принятие Борисом и Глебом мученического венца из рук Христа. При этом он, однако, поместил на лицевой стороне своего энколпиона и тем самым сделал главным изображение именно младшего Глеба, а не старшего Бориса. Если это не было случайностью, которую мы отвергаем, поскольку невозможно допустить, чтобы мастер был незнаком с простейшими фактами культа Бориса и Глеба, то это перемещение второстепенного изображения на лицевую сторону могло произойти только в обстановке преимущественного почитания именно Глеба, а не Бориса. Если имеются сведения о том, что вообще могло существовать такое преимущественное почитание Глеба, то тем самым подтверждается неслучайность и перемещения его фигуры на лицевую сторону энколпиона. Такие сведения имеются уже для XI в.

В анонимном сказании о Борисе и Глебе, в его разделе о чудесах, приводится рассказ о так называемом чуде с ногтем Глеба во время канонизации 1072 г.²⁴ Здесь рассказано, как митрополит благословил князей рукой именно Глеба, а не Бориса. При этом ноготь с руки Глеба чудесным образом оказался под шапкой черниговского князя Святослава Ярославича, где и был тут же обнаружен этим князем.

В этом рассказе перед нами два очевидных факта: во-первых, в 1072 г. предпочтение отдается именно Глебу, как о том свидетельствуют и энколпионы; а, во-вторых, покровительствует Глеб именно Святославу Черниговскому, а не какому-нибудь другому из присутствующих здесь Ярославичей. Разберем оба факта.

²³ *Grabar A. Martyrium: Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique. Vol. 3: Album. [P.], 1943. Pl. LXVI, 2: Reliquaire prov. d'Afrique au Musée du Vatican. На крышке реликвария изображен мученик с венцом в левой руке и венцом на голове.*

²⁴ *Жития святых мучеников Бориса и Глеба... С. 56.*

Преимущественное почитание Глеба отразилось не только на энколпионных изображениях и в приведенном древнем рассказе о событиях 1072 г. В одном греческом синаксарии XII в., по сведениям В.Г. Васильевского, имеется приписка, в которой говорится о новоявленных мучениках Давиде и Романе, то есть, во-первых, приписка сделана в то время, когда мученики еще считались новоявленными, а во-вторых, в ней на первом месте названо христианское имя Глеба, а не Бориса²⁵.

Далее, под 1289 г. в Ипатьевской летописи упоминается драгоценная цата «с финиптом, а на ней святаа мученика Глѣбъ и Борисъ»²⁶. Опять встречаемся с характерным и, по-видимому, не случайным упоминанием имени Глеба на первом месте. Эти упоминания не обращали на себя внимания, пока было неизвестно то, что на лицевой стороне всех энколпионов изображен тоже Глеб, а не Борис, но они приобретают теперь поистине первостепенную важность. Теперь становится понятно, почему устная традиция упорно связывает туровский храм XII в. с первенством Глеба, а не Бориса: по сообщению М.К. Каргера, этот храм называется и сейчас Глеборисовским, а не Борисоглебским. Выходит, что и наименование энколпионов Глеборисовскими не так уж необычно, как это могло показаться сначала. Интересно, что и в описании 1821 г. вышгородского храма на Киевщине он тоже называется, видимо, со слов местных жителей, храмом Глеба и Бориса.

Самое же интересное, что в актовых документах XVII в., опубликованных Филаретом Гумилевским в его Историко-статистическом описании Черниговской губернии, Глеборисовским называется известный черниговский собор, обычно именуемый Борисоглебским. Этот собор построен около 1120 г. Давидом Святославичем на развалинах какого-то более раннего собора, видимо, связанного с первым этапом развития культа Глеба и Бориса. Этот более ранний собор XI в. и был, видимо, Глеборисовским, и по нему были названы и собор 1123 г., и впоследствии организованный здесь монастырь. Глеборисовский собор был усыпальницей²⁷ черниговских князей, что особенно подчеркивает

²⁵ Васильевский В.Г. Труды. Т. 3, Пг., 1915. С. СІХVІІ.

²⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 926.

²⁷ [Филарет (Гумилевский).] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 4: Женские и закрытые монастыри. Чернигов, 1873. С. 93–101. Указанием на этот редкий источник мы обязаны Ивану Георгиевичу Спасскому.

важность посвящения собора именно их патрону Глебу. Остатком Глеборисовского периода в развитии культа является на Черниговщине и местечко Глебль (бывшее село Красный Колядин), упоминаемое в летописи уже в XII в. и находившееся, судя по его старому названию, на месте языческого святилища, впоследствии смененного христианским культом Глеба (отсюда — Глебль).

Все эти материалы и позволяют утверждать, что в XI в. существовало преимущественное почитание Глеба, а не Бориса, и оно уцелело в XII в. именно на Черниговщине. Преимущественное почитание Глеба в XI в. было связано с тем, что именно вокруг его могилы, а не могилы Бориса были обнаружены чудесные явления. Чудо нетления также описано впервые именно в связи с обнаружением тела Глеба, а не в связи с Борисом. Вокруг тела Бориса никаких чудес не происходит, пока к нему не присоединяют каменный саркофаг с телом Глеба, привезенный из Смоленска. Тело Бориса так и остается лежать до 1072 г. в деревянной раке, в которой его погребли после убийства, и лишь при канонизации 1072 г. его перемещают в каменную раку. Все это свидетельствует о действительно существовавшем предпочтении, которое оказывалось именно Глебу перед Борисом. Связано это было еще и с тем, что на первых порах развития культа братьев они представлялись народу, как показал еще В.И. Лесючевский, в качестве врачей-исцелителей, а не воинов-заступников земли Русской. Интересно, что день Бориса и Глеба, отмеченный в календарях XI—XII в., приходится только на 24 июля, а не на 2 мая, как после перенесения их мощей в 1115 г., а на 24 июля приходится день более древней христианской святой — Христины-исцелительницы. Борис и Глеб являлись, таким образом, на первых порах местными святыми-исцелителями, и в связи с этим большей популярностью пользовался младший Глеб, так как, по народным поверьям, младенцы более чисты и полезны для исцеления, чем взрослые люди. Именно на этом этапе развития культа и появились энколпионы, которые связаны именно с представлением о целебном воздействии частичек мощей. Именно поэтому их главным изображением является фигура Глеба, а не Бориса. Отметим, что указанная особенность в развитии культа Бориса и Глеба находит себе соответствие и в истории развития других мученических культов. Так, В.Н. Лазарев показал, что мученик Георгий лишь на позднем этапе развития своего культа стал изображаться как воин, а на более ранних этапах с ним связано

представление о его исцелительных способностях²⁸. Именно с исцелением, врачеванием связан, как мы видели, и эпизод с ногтем Глеба в 1072 г.²⁹ Тот самый Святослав, который обнаружил у себя под шапкой этот ноготь, был в это время болен и умер от неудачной операции на шее в 1077 г.³⁰ Однако почитание им Глеба началось задолго до того, как ему потребовалось обратиться к его заступничеству в связи со своей болезнью. Еще до 1050 г. он назвал своего первенца сына Глебом, а в 1050 г. назвал третьего своего сына христианским именем Глеба – Давидом³¹. Почитание Святославом Глеба Владимировича было вызвано тем, что Глеб был, видимо, патроном семьи этого князя и его предшественником по муромскому княжению, входившему в отчину Святослава. В эту же отчину входила и Тьмутаракань, и в связи с этим интересно, что именно на Тамани найдена единственная каменная иконка с изображением Глеба Владимировича – Давида, патрона одного из сыновей Святослава, Глеба Святославича, правившего Тьмутараканью до 1064 г. Эта иконка, на которой нет изображения Бориса, свидетельствует о случаях отдельного почитания обоих братьев в XI в. В то же время и фигура Глеба на этой иконке скопирована с какого-то протографа, на котором была изображена все та же трехчастная композиция, на которой Глеб стоял ошую центральное изображение, как он и изображен в правом полуобороте на каменной иконке, кото-

²⁸ Лазарев В.Н. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский временник. М., 1953. Т. VI. С. 195 и сл.

²⁹ Первоначальное описание этого эпизода сохранилось только в анонимном Сказании о Борисе и Глебе, из «Повести временных лет» оно выпало при ее редактировании в 1119 г. (См. Алешковський М.Х. Повість временних літ та її редакції // Український історичний журнал. Київ, 1967. № 3. С. 37–47.), а в несторовом Чтении о Борисе и Глебе в этом описании вместо руки Глеба фигурирует рука Бориса, что является уже глоссой XII в.

³⁰ {Здесь и чуть ниже год указан неверно. Согласно Начальной летописи (ср., в частности, ПВЛ, с. 131–132), Святослав скончался «от рѣзанья желѣе» 27 декабря 6584 г. от С. М., что соответствует 1075, или, скорее всего, 1076 г. от Р.Х. В то же время в статье 6584 г. приводится еще одна полная дата – дата вокняжения Всеволода в Киеве, которое (если считать, что летописец пользовался мартовским стилем летосчисления) пришлось на январь 1077 г. (в Лаврентьевской летописи «мѣсяца генваря», в Ипатьевской – «мѣсяца генваря въ 1 днь»). Очевидно, именно присутствие в тексте этой второй даты и спровоцировало допущенную автором неточность. – Прим. ред.}

³¹ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Петербург, 1880. Л. 1; Жития святых мучеников Бориса и Глеба... С. 129. Здесь указан возраст умершего в 1123 г. Давида Святославича (73 года), что позволяет определить дату его рождения.

а

б

рую мы датируем в соответствии с высказанными соображениями о Глебе Святославиче XI в., временем до 1070-х гг.

Итак, около 1073 г. Глеб-Давид почитался в Киеве и пользовался, видимо, даже большей популярностью, чем Борис-Роман. Как раз в 1073–1077 гг. Киевом владел тот самый Святослав Ярославич, который еще около 1050 г. почитал Глеба как своего покровителя и называл в его честь своих сыновей его именами. К этому княжению Святослава в Киеве и ко времени канонизации 1072 г. мы и относим появление первых Глеборисовских энколпионов, призванных исцелить или предохранить от болезней своих владельцев.

Однако Святослав умер уже в 1077 г., а культ Глеба и Бориса, как о том свидетельствуют более поздние памятники, уже к началу XII в. окончательно оформился в качестве воинского Борисоглебского культа. О том, как это произошло и какими иконографическими изменениями сопровождалось, также рассказывают Глеборисовские энколпионы.

Рисунок 6.

Рельефные (а) и рельефно-черневые (б) энколпионы
(Государственный Русский музей)

Мы пока рассмотрели позы фигур на энколпионах и предметы, которые держат эти фигуры в своих руках. Это предстоящие фигуры мучеников с венцами в руках. Однако мы еще не изучали их лики, их одежды, общий характер этих рельефных изображений и технику их изготовления.

Все энколпионы по технике своего изготовления делятся на рельефные и рельефно-черневые (рис. 6а, 6б). На первых и сами фигуры братьев, и медальонные оплечные изображения в концах ветвей креста выполнены в рельефе, а на вторых медальонные изображения выполнены в черневой технике. Первые отнесены Г.Ф. Корзухиной к концу XI и началу XII в., а вторые – ко второй четверти XII в.³² Рассмотрим сначала более древние рельефные энколпионы. Они делятся на две группы, условно названные нами рельефно-живописными и рельефно-скульптурными.

На «живописных» энколпионах фигура князя занимает все поле нижней ветви креста и сделана в низком рельефе (рис. 7).

Рисунок 7. Рельефные «живописные» энколпионы
(Государственный исторический музей)

³² Корзухина Г.Ф. О памятниках «корсунского дела»...

Рисунок 8.
Рельефный «скульптурный»
энколпион (Государственный
исторический музей)

Одежда, черты лица, шапка, волосы на голове и другие детали вылеплены еще в литейной форме и лишь иногда подправлены резцом после отливки. Тщательность разделки складок плаща, общая живописность изображения говорит о том, что мастер-литейщик копировал какое-то живописное изображение. Литейщик еще не лепит фигуру, а скорее еще рисует ее, подражая иконе. Фигура же на «скульптурных» энколпионах уже вылеплена, а не нарисована (рис. 8). Это — уже чисто скульптурное изображение. Ее пропорции более стройны, появляется свободное поле между фигурой и ободком ветви креста. Сам ободок из зернистого, каким он был на «живописных» энколпионах, становится прямым.

Это изменение очень интересно для установления относительной хронологии обеих разновидностей рельефных энколпионов. Прямой ободок встречается только на оборотной стороне «живописных» энколпионов и переходит и на лицевую сторону «скульптурных» энколпионов в связи с тем, что при все новых и новых отливках с уже употреблявшихся и полустиршихся энколпионов зернистый ободок постепенно стирается и заменяется прямой линией. Следовательно, «скульптурные» энколпионы сравнительно моложе живописных, что важно и для их абсолютной хронологии, постольку приближает живописные экземпляры к их живописному протографу, к иконе, с которой они копировались.

Вернемся к «скульптурным» энколпионам. Их фигуры уже больше не утопают в ободках, а возвышаются над ним. Это уже высокий, а не низкий рельеф. Изображение уже оторвалось от своего живописного прототипа. Линии одежды, как правило,

прочерчены резцом, а не вылеплены в форме, потому что образцом для отпечатка литейной формы послужил уже полуистершийся оригинал. Так вместе с повышением рельефа растет плоскостность рисунка ее одежды.

На рельефно-черневых энколпионах общая скульптурность фигур еще больше выросла благодаря исчезновению рельефных фигур из медальона, благодаря исчезновению ободка (рис. 6б). В то же время линии лица и одежды на этих самых поздних энколпионах уже всегда выполнены резцом, по поверхности отлитого предмета, а не по поверхности литейной формочки. Окончательно заплыли очертания венцов. Линии одежды чаще всего уже не соответствуют линиям более древних образцов, а представляют собой примитивный орнамент. Это декор, а не складки плаща.

Описанная эволюция совпадает и с изменениями, которые произошли в изображении черт лица Глеба и Бориса. Лишь на изображениях самой древней живописной разновидности рельефных энколпионов встречены черты лица, отлитые в форме, а не наведенные резцом. Черты же лица всех энколпионов скульптурной группы наведены резцом. Из узких и удлинённых они превратились в широкие и овальные, поскольку оттиснуты с полустершихся образцов первой группы.

Обратимся теперь к известным иконографическим чертам Бориса и Глеба. Борис обычно изображался в XIII–XVII вв. с бородой, усами и короткими волосами. Этот портрет запечатлен и в анонимном Сказании о Борисе и Глебе. Глеб же изображался всегда без бороды, усов и с длинными волосами. В литературных произведениях его портрет не описан.

На самом раннем датированном предмете прикладного искусства, на окладе Мстиславова евангелия (около 1117 г.), оба брата изображены безбородыми, то есть иконографические признаки Глеба как бы перешли на Бориса. Но Борис имеет короткие волосы, а Глеб – длинные. Следовательно, это более надежный признак. И вот оказывается, что только на самых поздних рельефно-черневых энколпионах XII в. длинные волосы всегда имеются у фигуры Бориса на оборотной стороне. На более ранних энколпионах длинные волосы порой встречаются, наоборот, на лицевой стороне, у фигуры Глеба. Появление длинных волос у фигуры Бориса и, следовательно, ее переосмысление как фигуры Глеба произошло, однако, еще на «скульптурных» энколпионах, среди которых

Рисунок 9.
Рельефный «скульптурный»
энколпион (первичная отливка)
(Государственный Русский музей)

но изображается с бородой, а младший — без нее³⁴. Короткие волосы старшего объясняются тем, что он уже прошел обряд пострига, а Глеб еще не пострижен, поэтому у него длинные волосы. Ясно, что если Глебу было около 15 лет в момент смерти и если он уже княжил в Муроме, то он давно должен был пройти обряд пострига и носить короткие волосы отрока, но в том-то и дело, что народная фантазия рисовала Глеба чуть ли не младенцем наподобие убиенного царевича Дмитрия (как это и говорит в своем Временнике Иван Тимофеев³⁵), а с другой стороны, иконография

имеется один экземпляр бесспорной первичной отливки (рис. 9). В связи с появлением длинных волос у Бориса, у фигуры Глеба стали делать короткие волосы и наводить резцом усы и бороду. Этим и объясняется противоречие между позами братьев и чертами их лиц, которые встречаются на многих энколпионах. Эта путаница повлияла и на нередицкого автора, который изобразил Бориса с длинными волосами, а Глеба — с короткими, то есть последовал за каким-то изображением, подобным одному из энколпионов³³. Надежность иконографических признаков бородатого Бориса и безбородого Глеба видна из того, что старший из двух мучеников или вообще двух фигур обычно

³³ Мясоедов В.К., Сычев Н. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925, табл. XXIV, № 1, 2.

³⁴ Ср., например, Айналов Д.В. Мозаики IV и V веков: Исследования в области иконографии и стиля древне-христианского искусства. СПб., 1895. Рис. 22. Н.А. Демина указала нам на два изображения молодых бородатых мучеников на фресках Киевской Софии как на возможные прототипы изображений Бориса и Глеба. Отметим, что доверенных изображений Бориса и Глеба в этом соборе до сих пор не найдено.

³⁵ {Ссылка М.Х. Алешковского на Временник Ивана Тимофеева не вполне понятна. Действительно, книжник XVII в. проводит параллель между Дмитрием

младшего мученика обязывала изображать Глеба с длинными волосами младенца.

Итак, с превращением Глеборисовского культа в культ Бориса и Глеба фигура Глеба на лицевой стороне энколпионов стала осмысливаться как изображение Бориса, а фигура Бориса – как изображение Глеба. Обе фигуры поменялись своими иконографическими чертами, хотя и не были перенесены с одной стороны на другую. То же самое произошло и с надписями имен. На всех без исключения поздних рельефно-черневых энколпионах около фигуры Бориса вырезано имя Глеба. Наоборот, в более ранней группе рельефных энколпионов имя Глеба встречено и на той и на другой стороне. И распределение надписей в этой группе не менее показательно. Только на энколпионах более древней живописной подгруппы встречается имя Глеба на лицевой стороне рядом с фигурой Глеба, причем бывает и так, что имя Бориса либо не вырезано рядом с его фигурой, либо вырезана только его заглавная буква. Характерно, что в одном из таких энколпионов, найденных в кургане XII в., обнаружена только одна косточка мошей, а не две, как полагалось бы, если бы владетель этого энколпиона почитал не одного Глеба, а еще и Бориса³⁶.

Из общего количества учтенных нами энколпионов на 19 нет ни одного из имен, на 10 имя Глеба вырезано на лицевой стороне, на 14 на ней вырезано имя Бориса.

Как видим, в XII в. эпоха почитания Глеба миновала. Имя Бориса теперь вырезают около фигуры, которая в действительности принадлежит Глебу, но это уже забыто. Интересно, что имя Бориса обычно вырезано более правильно, чем имя Глеба. В нем нет ошибок или сокращений, его буквы более стройны и крупны. Иногда имя Бориса окружено специальной рамкой, которой нет вокруг имени Глеба. По-прежнему почитание двуединого культа является раздельным, хотя теперь на место Глеба поставлен Борис.

Переосмысление культа, а вернее, окончательное оттеснение народного осмысления этого культа произошло в самом конце XI или начале XII в. Из культа врачей-исцелителей он превратился

Угличским и Глебом, причем царевич Дмитрий именуется «новомучеником младенцем» (ср.: *Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О.А. Державиной. М.; Л., 1951. С. 30, 49*). Вместе с тем И. Тимофеев отмечает, что Дмитрий и Глеб встретили смерть «в различии лет», т.е. в разном возрасте; иначе говоря, автор *Временника* не «рисовал» Глеба младенцем. – *Прим. ред.*

³⁶ *Нефедов Ф.Д.* Раскопки курганов... Табл. 1, № 1а и 1б.

в военно-феодальный культ заступников земли Русской. Важную роль в окончательной феодализации культа сыграл Владимир Мономах. Дело в том, что он был таким же ревностным почитателем Бориса, как Святослав Ярославич был почитателем Глеба. Уже в 1080-х гг. Мономах назвал своего второго сына именем Бориса — Романом. В своем «Поучении» он называет день 24 июля не днем Бориса и Глеба, как это делает под 1072 и 1098 гг. летописец, а днем одного Бориса, хотя днем одного Бориса этот день стал только в конце XII в., когда в календарях появился день смерти Глеба — 5 сентября³⁷. Далее, именно в Мономаховской семье хранилась реликвия Бориса, его меч, с которым был убит Андрей Боголюбский в 1175 г.³⁸ С саркофагом Бориса идет в 1115 г. во время перенесения мощей братьев именно Мономах, а не более старший по возрасту и генеалогии Давид Святославич, который, как и следовало ожидать, сопровождает саркофаг своего патрона Глеба-Давида, именем которого он назван³⁹.

Именно с выдвиганием на первый план русской истории Мономаха и его семьи связано оттеснение культа Глеба и начало широкого и преимущественного почитания Бориса. Объясняется это двумя причинами. Во-первых, тем, что Борис был храбрым воином, сражавшимся с печенегами, оборонявшим Русскую землю, и в обстановке ежегодных сражений с половцами в конце XI — начале XII вв., когда русские воины все чаще стали обращаться к заступничеству Бориса и Глеба, именно фигура старшего Бориса стала наиболее популярной. К тому же почитание младшего Глеба противоречило культу старшинства, который проповедовался и церковью, и тем же Мономахом, лицемерно заявившим в 1093 г., что он не может стать киевским князем в обход более старшего по возрасту Святополка, и все же обошедшим Давида Святославича в 1113 г., когда киевляне были уже не против его кандидатуры, как в 1090-х гг. Так из народного культа врачей исследуемый культ превратился в феодальный культ воинов-заступников.

Во-вторых, рост популярности Бориса объясняется и тем, что ему способствовал Мономах, считавший Бориса своим предшественником по Ростову, входившему в отчину Мономаха. Как

³⁷ Срезневский И.И. Древний русский календарь по месячным минеям XI—XIII века // Христианские древности и археология. 1863. Кн. 7. С. 2—21.

³⁸ Ипат. л., стб. 587.

³⁹ Жития святых мучеников Бориса и Глеба... С. 65.

видим, причина почитания Мономахом Бориса совершенно та же, что и причина почитания Глеба Святославом и его семьей. И Борис, и Глеб были их предшественниками по княжениям, их покровителями, чем и объясняется раздельное почитание такого, казалось бы, двуединого культа, как культ Бориса и Глеба.

Раздельное почитание этого культа не было исключением в практике XI–XII вв. Известно, что культ Петра и Павла тоже существовал в разных политических кругах то в форме почитания одного Петра, то в форме почитания одного Павла. Яркие сторонники православия и Византии поклонялись Павлу, люди же, связанные с католическим Западом, ориентировались на Петра, который был патроном римской католической церкви⁴⁰.

Однако христианская церковь уже в середине XII в. стала принимать действенные меры к прекращению раздельного почитания Бориса и Глеба. Тем самым делалась попытка прекратить усобицы князей, каждая из групп которых выдвигала себя главными проповедниками культа, наподобие тому, как в начале XII в. Мономах и Святославичи соперничали, пытаясь перешеголять один другого в деле почитания Бориса и Глеба, а на самом деле в борьбе за популярность среди киевлян, у которых каждый из этих князей хотел стать правителем.

С борьбой церковников против раздельного почитания Бориса и Глеба и связано, в частности, прекращение выпуска энколпионов, которые уже сами по себе связаны с раздельным почитанием братьев, каждый из которых изображен отдельно от другого, на иной стороне креста. Стала исчезать и память о Глебе и Борисе как о исцелителях, а вместе с этим стали редки и целебные энколпионы – хранилища их мощей⁴¹. Центр тяжести пропаганды культа переместился с предметов прикладного искусства на иконы и фрески. С этих икон и фресок на зрителя смотрят уже не милосердные страстотерпцы, готовые помочь в любой болезни, а бесстрашные воины, вооруженные мечами и не раз, по поверью и по летописи, помогавшие русским князьям в их битвах за независимость Руси и даже в усобицах. И все же изображения

⁴⁰ Имеются печати, на которых Павел, а не Петр стоит одесную.

⁴¹ Конечным этапом эволюции рассматриваемых энколпионов было появление крестов с изображением распятия Христа на лицевой стороне и фигуры одного Бориса на оборотной стороне. Однако около этой фигуры, лишенной левой руки, помещена надпись имен и Бориса, и Глеба.

Бориса и Глеба даже в виде воинов всегда проникнуты каким-то непонятным лиризмом и теплотой, казалось бы, столь неподходящими для таких воинских изображений. Думается, что эти по-человечески теплые черты образов Бориса а Глеба идут с самых первых русских икон, связанных еще с первым этапом развития их культа, когда оба брата рисовались воображению художников прежде всего в виде «помощников человеком», в лице целителей, врачей-врачевателей...

В XIII–XV вв. редки энколпионы с изображениями Бориса и Глеба, а если они и встречаются, то Борис и Глеб изображены вместе на одной их стороне, и в их руках не венцы мучеников, а мечи и кресты. Интересно, что на некоторых иконах сохранились иерархические отличия Бориса от Глеба. В руках Бориса на этих иконках изображен меч, а в руках Глеба — оружие более рядового воина, копье.

В заключение остановимся еще на одном источнике наших представлений о развитии Борисоглебского культа. Это свинцовые актовые печати XI — начала XIII вв., свод которых в настоящее время подготовил к печати В.Л. Янин, любезности которого мы и обязаны знакомству с этими печатями. Оказывается, что печатей XI в. с изображениями Бориса и Глеба совершенно нет в обширной коллекции русских печатей. Эти печати появляются только в XII в. Между тем уже в XI в., как это известно по другим источникам, русские князья называли своих сыновей именами Глеба и Бориса — Давида и Романа. И вот оказывается, что на печатях этих князей изображен не русский Глеб-Давид, а библейский Давид со свитком в руке (печать Давида Игоревича ок. 1085–1100 гг.). Точно так же и на печати Давида Святославича изображен не русский, а библейский святой Давид и т.д. Это может означать только то, что в то время, в середине XI в., когда русские князья называли своих сыновей именами Глеба и Бориса, их иконография еще не выработалась, а сами они, возможно, еще не были канонизированы⁴². К этому же выводу мы пришли и другим путем, путем анализа литературных произведений о Борисе и Глебе. Все они делятся на две категории в зависимости от того, упоминается

⁴² В.Л. Янин пишет в своей работе, что «еще во второй половине XI века патронат св. Романа четко отличают от патроната св. Бориса, так же как патронат св. Давида от патроната св. Глеба». {Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I: Печати X — начала XIII в. М., 1970. С. 32. — Прим. ред.}

в них канонизация при Ярославе или не упоминается. В летописи, нашем наиболее достоверном источнике, эта канонизация не описана, хотя летописец очень внимателен ко всем и более мелким фактам биографии Ярослава. Эта канонизация при Ярославе описана только в житийной, сугубо церковной литературе. Возникает вопрос, была ли эта канонизация в действительности или она присочинена церковниками с целью удревления культа Бориса и Глеба? Напомним, что если бы они были канонизированы в 1020-х гг., то Ярослав назвал хотя бы одного из своих многочисленных и родившихся позднее сыновей именем Глеба или Бориса. Между тем он называл сыновей именами остальных своих братьев и даже именем чешского святого Вячеслава, убитого при обстоятельствах, сходных с убийством Бориса, но именем своих братьев Бориса и Глеба он почему-то не назвал ни одного из своих сыновей. Напомним, что если бы канонизация братьев произошла при Ярославе, то именем их убийцы Святополка никак нельзя было бы назвать одного из внуков Ярослава, во всяком случае, при жизни деда, сражавшегося с этим убийцей не на жизнь, а на смерть. Между тем сын Изяслава все же был назван именем Святополка в 1050 г. Все эти данные, как и отсутствие в летописи каких-либо сведений о ранней канонизации Бориса и Глеба при Ярославе, заставляют подвергнуть сомнению ее датировку, берущую начало в церковной литературе. У нас имеется надежный источник, летопись, в которой описана действительно первая канонизация Бориса и Глеба, но это описание находится под 1072 г. и приходится на эпоху Ярославичей, а не Ярослава. Мы уже упоминали деревянную раку, в которой переносят тело Бориса в церковь, построенную Изяславом. Если бы эту раку переносили из другой церкви, если бы это было не первое перенесение мощей Бориса, то они находились бы уже в каменной раке, в которой, например, в 1072 г. уже находятся мощи Глеба, поскольку перед тем, еще при Ярославе, они были перенесены из Смоленска в Вышгород. Это перенесение и потребовало перекладки мощей из деревянного гроба в каменный. Вообще, первое перенесение мощей, их открытие связано с их перекладкой в каменную раку, что недавно показал Н.Н. Воронин на примере канонизации Леонтия Ростовского⁴³. Это подтверждается и тем, что в 1072 г. перекладывают, наконец,

⁴³ Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII века // Византийский временник. М., 1963. Т. XXIII. С. 27–28.

и мощи Бориса в каменную раку. Факт первой канонизации подтверждается и ритуальным неверием митрополита Георгия в факт нетленности мощей Бориса и Глеба. Подобное неверие положено по ритуалу при первой канонизации, когда митрополит обязан свидетельствовать нетленность мощей. Это освидетельствование и описано в рассказе о канонизации 1072 г., и если бы это была не первая канонизация, то подобное освидетельствование, полагающееся по чину канонизации, вынуждает митрополита, пав ниц, просить прощения у Бориса и Глеба за свое неверие.

Итак, есть серьезные основания полагать, что первая канонизация была не при Ярославе, а в 1072 г.⁴⁴ Этим и объясняется то, что описания канонизации при Ярославе нет в русской летописи, а иконография Бориса и Глеба не представлена на печатях XI в. Она еще только начала складываться после 1072 г., когда появились первые иконы, разрабатывавшие наиболее общую и неконкретную тему принятия Борисом и Глебом мученических венцов от Христа. С этих икон фигуры братьев перешли на створки энколпионов...

Вернемся теперь опять к редакторскому тексту «Повести временных лет» и сравним его рассказ о канонизации 1072 г. с текстом анонимного «Сказания о Борисе и Глебе».

ИПАТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

«В лѣто 6580. Принесоша святая страстотерпца Бориса и Глѣба, совокупившеся Ярославличи, Изяславъ, Святъславъ и Всеволодь, митрополитъ же бѣ тогда Георгии, епископъ (Петръ)⁴³ Переяславьскыи, Михаилъ Юрьевьскыи, Федосии же игумень Печерьскыи, Софронии же святаго Михаила игумень, Герьманъ святаго Спаса игумень и Никола игумень Переяславьскыи и прочии игумени вси,

СКАЗАНИЕ

«...И съвкупившеся вся братия Изяслав, Святослав, Всеволодь, митрополит Георгий Киевський, другой – Неофитъ Чърниговський, и епископи Петр Переяславський и Никита Белогородський и Михаил Гургевський, и игумени Феодосии Печерьський и Софроний святаго Михаила и Герман святаго Спаса и прочии вси игумени: и створиша праздник светль. Въмъше на рама князи, предъидущемъ

⁴⁴ Нашему выводу, казалось бы, противоречит упоминание Бориса и Глеба в произведении середины XI в. «Памяти и похвале князю Владимиру» мниха Иакова. Однако это упоминание, как показал еще А.А. Шахматов, является поздней вставкой. См. *Шахматов А.А. Разыскания...* С. 28, прим. 1.

створивше праздникъ свѣтель и положиша я в новую церковь, юже здѣла Изяславъ, яже стоитъ и нынѣ, взявше бо первое Бориса в деревянии ракъ Изяславъ и Святославъ и Всеволодъ, взявше на плещи своя, и понесоша и, предъидущимъ черноризцемъ, свѣща держаше в рукахъ и по нихъ дьякони с кандилы и по семь прозвутери и по нихъ епископи с митрополитомъ, и по нихъ с ракою идяхуть, и принеслише и в новую церковь, отверзоша раку, исполнися церкви благооухания вонѣ благи, видивше се, прославиша Бога, и митрополита оужасъ обиде, бяше бо не твердо вѣруя к нима, и падъ ниць, прося прошения, и цѣловавше мощи его, вложиша и в раку камену, по сем же взявше Глѣба в рацѣ камене, и вставиша и на сани и, емше за вужа, везоша, и яко быша в двѣрехъ, сташа рака не поидуци, и повелѣша народу звати Господи помилуй, и повезоша и положиша я мѣсяца мая въ 20, и отпѣвше литургию, обѣдаша братья си вся закупъ, кождо с бояры своими и с любовью великою, бѣ бо тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазоръ, и по семь разидошася въ свояси».

Ипат. л., г. 1072, стб. 171–172.

преподѣбнымъ черноризцемъ съ свещами, а по нихъ дьякони, таге и прозвутери, и по сихъ митрополита и епискупи, и по нихъ с ракою идяху. И принеслише в църковь, поставила, и отъвързше раку, и исполнися църкы благооухания и воне пречюдны вси видевше прославиша Бога. И митрополита обиде ужас, бяше бо и не твердо веруя к святыма и падъ ниць, просяще прошения. И целовавъ мощи, вложиша в раку камену. По семь възьмше Глеба в раце камяне, вставивъше на сани, и имъше ужи, повезоша. И яко быша в двѣрехъ, рака ста не поступячи, и повелеша народу звати: «Господи, помилуй!» И моляхуся Господеву и святыма, и абие повезоша и. И целоваша святааго Бориса главу, а святааго Глеба руку възьмъ же Георгий митрополит благословяше князе Изяслава и Всеволода. И паки Святославъ, имъ руку митрополшчу и дрѣжашчу святааго руку. Прилагааша къ вреду, имъже боляше на шии, и к очима, и к темени и по семь положи руку во гробе. Нача же пети святую литургию. Святославъ же рече к Бърнови: «мечъ бо мя на голове бодеть». И съня Бернь клубук о князя, и виде нѣгътъ святааго и съня с главы и вѣдасти и Святославу. Он же прослави Бога о благодарении связю. И по литургии вься братия и обедаша вся на купъ, и праздноваша празднество светльо, и много милостыня убогымъ створиша, и целовавъшеся, мирно разидошася къждо въ своя си. И оттоле утвардися токовый праздникъ мѣсяца мая в 20, в славу и чѣсть святыма мученикома, благодатию Господа нашего Исуса Христа».

Жития святыхъ мучениковъ Бориса и Глеба... С. 55–56.

Итак, перед нами два рассказа о канонизации 1072 г. Первая часть версии «Сказания» точно совпадает с летописной версией. Это один и тот же рассказ. В то же время этот рассказ сохранился в «Сказании» в своем первоначальном виде, с эпизодами благословения князей рукой Глеба и находки ногтя Глеба на голове у Святослава. Эти эпизоды не вставлены в «Сказание», наоборот, они выпали из этого первоначального рассказа. Утверждать так мы можем, зная о связи первой стадии развития культа с предпочтительным отношением к Глебу, зная о древности этих эпизодов, о том, что в XII в., во время преобладания почитания Бориса, их уже не к чему было вставлять: наоборот, имелись круги, заинтересованные в пропуске как раз этих эпизодов с рукой Глеба. Неслучайно же в другом произведении, в несторовом Чтении вместо руки Глеба упомянуто о руке Бориса, хотя эпизод с ногтем Глеба тоже отсутствует, и читатель не может проверить, как в «Сказании», что речь идет именно о Глебе. Интересен и незначительный по своей величине, но важный пропуск в «Сказании» упоминания о том, что рака Бориса была деревянной.

Возникает вопрос, когда и кем опущены в летописи или при перемещении в ее тексте эпизоды с рукой Глеба. Ответ на этот вопрос зависит от того, была ли летопись источником «Сказания» или же «Сказание», наоборот, послужило источником для летописи. В первом случае ясно, что эпизоды с рукой Глеба были в летописи и теперь отсутствуют в ее редакторском тексте и, следовательно, опущены промономаховским редактором, что, как мы уже знаем, с одной стороны, соответствует другим редакторским пропускам, а, с другой стороны, бесспорно на руку именно Мономаху, почитателю Бориса, а не Глеба.

Во втором же случае ясно, что пропуск эпизода с глебовой рукой сделан при переносе текста из «Сказания» в летопись. Пропуск сведений о Глебе, связанных с его преимущественным почитанием, исторически возможен только в период оттеснения культа Глеба на второй план. Изучение энколпионов как раз и показало, что этот период наступил не раньше начала XII в. В таком случае летописцем, опустившим сведения о Глебе, оказывается автор «Повести временных лет» (этим летописцем не мог быть автор Начальной летописи 1070-х гг., когда Глеба почитали преимущественно перед Борисом). А это невозможно, так как автор объективно относился ко всем трем Ярославичам и тем более к Борису и Глебу.

Поэтому и считаем, что второй вариант решения проблемы – возведение летописного рассказа к «Сказанию» как его источнику – невозможен. Однако это мнение основано лишь на исторических, а не чисто текстологических фактах. Оно должно быть подкреплено

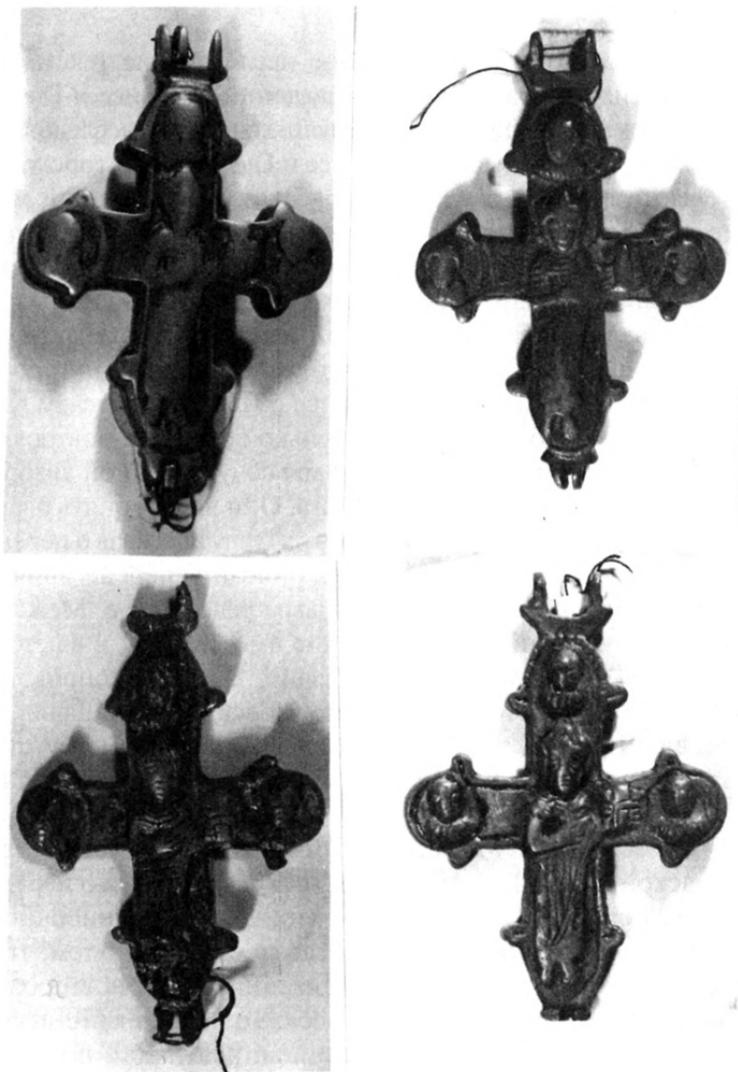

Рисунок 10. Стертые оборотные стороны энколпионов
(Государственный исторический и Государственный Русский музеи)

сопоставлением всего текста «Сказания» со всем текстом той летописи, авторской «Повести временных лет», которая послужила источником «Сказания». И тут мы сталкиваемся с тем, что текст этой летописи не сохранился полностью, и как раз описание канонизации 1072 г. сокращено в старшем изводе Новгородской Первой летописи и дано по редакторской версии в ее младшем изводе.

Как же быть?

Оставляя в стороне специальное исследование текста «Сказания» и других литературных произведений о Борисе и Глебе (но имея в виду уже имеющиеся у нас результаты такого исследования), обратимся к другому рассказу о Борисе и Глебе в редакторском тексте «Повести временных лет». Это рассказ о перенесении мощей братьев в 1115 г. Опять же, этот рассказ в более первоначальном виде сохранился в том же анонимном «Сказании», восходящем, по нашему мнению, к авторской версии «Повести временных лет», но использовавшем и ее редакторский текст. В рассказе автора под 1115 г. героем дня был Олег, а не Мономах, строитель вышгородского храма 1112 г., а не князь, оказавшийся в 1115 г. правителем Киева. Следы этой переработки видны не только благодаря повторам редакторского текста, не только благодаря сочувственной авторской записи под тем же 1115 г. о смерти Олега. Они видны опять благодаря отсутствию полагающегося здесь по ритуалу рассказа о перенесении мощей двух братьев (а не одного!), описания перенесения раки Глеба. Оно лишь упомянуто торопливым редактором. Между тем в анонимном «Сказании» это описание имеется (как и в летописи под 1072 г.), и оно подробно. Рассказано, как раку сопровождает почитатель Глеба, своего патрона, черниговский князь Давид.

Как видим, в обоих рассказах под 1072 и 1115 гг. отсутствуют как раз сведения о Глебе, сохранившиеся в анонимном «Сказании». Из этого заключаем, что оба описания были и в авторском тексте «Повести временных лет». Добавим, что в старом изводе Новгородской Первой летописи под 1072 г. говорится о перенесении мощей Бориса и Глеба «с Льга», что, конечно, ошибочно, так как мощи были в Вышгороде, но описание характерно тем, что доказывает, как понял рассказ о канонизации 1072 г. новгородский летописец XII в. Он его понял как рассказ о первой канонизации, поскольку в нем, как и во всей летописи, для такого понимания имелись все основания...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следовало бы обрисовать общую картину исторической обстановки в эпоху создания и редакторской переработки «Повести временных лет».

В начале XII в. Русь была раздроблена на ряд феодальных княжеств во главе с Киевом. К этому времени ее земли были распределены в основном между семьями трех Ярославичей – Изяслава, Святослава и Всеволода. В каждую из этих отчин входили как земли в пределах древней «Русской земли» в Поднепровье, так и окраинные территории, освоенные киевскими, черниговскими и переяславскими колонистами еще в IX–X вв. В Изяславлю отчину входили Киев, Туров и часть западнорусских земель. Со смертью Изяслава Киев перешел к Всеволоду. В отчину Всеволодью входили Переяславль-Русский, Ростов, Суздаль, а с начала XII в. и Новгород со Смоленском. В 1118 г. был присоединен и Владимир-Волынский. В Святославлю отчину входили Чернигов, Рязань, Муром, Тмутаракань, Белозерье и, возможно, волжские земли под Костромой.

Структура каждой из отчин отличалась большой внутренней прочностью, объяснявшейся единством происхождения населения областей, входивших в каждую из этих отчин. Политическая борьба шла за увеличение каждой из этих вотчин, а со стороны Мономаха – и за превращение всей Русской земли в собственность одной из семей Ярославичей.

Процесс феодализации привел к превращению бывших дружинников древних русских князей в земельных собственников. Русские дружинники XI–XII вв. живут уже не при дворе князя, а в своих селах и деревнях. В землях сильны и боярские роды. Эксплуатация населения резко увеличилась со второй половины

XI в. Дружинники и бояре предпочитали в поисках средств усиливать эксплуатацию зависимого сельского населения и поборы с горожан, а не ходить в дальние походы или оборонять землю от половцев. В связи с этим гнев народа обращался не только против князей, но и, в первую очередь, против их слуг и воевод. Этими причинами было вызвано киевское восстание 1113 г.

В начале XII в. назревает политический конфликт с Византией из-за дунайских земель, когда-то принадлежавших Русскому государству. В связи с этим оживляется интерес к истории этих земель и к происхождению всех славян.

Обострение политических отношений с Византией сопровождалось усилением тяги к латинскому Западу. Против сближения с «латинскими еретиками» протестует грек-митрополит Никифор, намекающий Мономаху и на то, что князь не должен полагаться только на своих слуг и воевод, а сам творить «правую виру». Мономах впоследствии защищался от этих обвинений в своем «Поучении».

После восстания 1113 г. князья предпринимают попытку консолидировать общественное мнение с помощью национального праздника Бориса и Глеба. Организуются и походы на Дунай. Оживляется и интерес к истории.

Второе десятилетие XII в. — не только время острых политических столкновений, но и эпоха литературной борьбы, памятниками которой являются и летопись 1115 г., и ее переработанный в 1119 г. текст, и многочисленные и великолепно написанные (на греческом языке) послания митрополита Никифора, и «Поучение» Мономаха, и анонимное (вернее, безымянное) Сказание о Борисе и Глебе. В эту эпоху творятся не только политика, но и легенды, эту политику оправдывающие. Оживляется интерес к истории, в которой ищут, как и всегда, подходящие аналогии. Собираются не только устные предания, но и письменные исторические источники. В эту эпоху пылкий взгляд русских книжников впервые с вниманием останавливается и на памятниках материальной культуры великого народа, на его курганах и городищах, урочищах, святынях и церквях. В этом отношении примечательны чисто археологические описания не только авторов «Повести временных лет», но и игумена Даниила, путешествовавшего по Палестине...

В этой обстановке и создается в 1115 г. «Повесть временных лет», первоначально не носившая этого названия. Ее автор, пе-

черский монах, возможно, Нестор, был одним из талантливейших и многосторонне образованных людей своего времени. Он нарисовал величественную картину древней русской истории и в предисловии к своему труду призвал князей учиться у своих предков сплачивать Русь, оборонять ее от врагов и творить только правые виры и продажи. В духе своего времени автор призывает и к сохранению раздробленности Руси, предостерегает от нарушения завешания Ярослава.

Свою мысль автор подкрепляет рассказом о заповеди Ноя, с которого, вопреки всем традициям, начинается его летопись. Автор впервые вводит в летопись сведения о дунайской прародине славян, используя появившиеся в то время в Киеве письменные и устные источники. Картину племенного состава древних славян автор рисует по этнографическим данным своего времени, для него Русь является еще славянским племенем.

Выступая против нерадивых слуг и воевод князя, против «латинских еретиков» и иудейского вероисповедования, рассказывая о приходе славян с Дуная, автор откликается на самые животрепещущие вопросы своего времени.

В своей работе он широко использует устные источники, считая ссылку на них наилучшим подтверждением их достоверности. Из его устных информаторов нам известны только Ян Вышатич и Святополк Изяславич. А было их гораздо больше. Автор использует и свои воспоминания о монастырской жизни, картину которой он противопоставляет жизни князей-братьев, ставя им ее в пример.

Среди письменных источников автора главным было историческое произведение, не разбитое на погодные записи. Составлено оно было в начале 1070-х гг. и направлено против полоцкого князя Всеслава и его борьбы за Новгород. Это произведение не было продолжено погодными записями.

Другим источником автора была его собственная печерская летопись, ведшаяся с начала 1090-х гг. Еще одним источником был какой-то княжеский летописец 1060–1080-х гг. — возможно, Всеволода Ярославича.

Из византийских источников автора привлек только Хронограф, появившийся на Руси еще в XI в. Возможно и использование западнославянского Сказания о переложении книг с греческого на славянский язык. Автор был знаком и с Житием чешских

святых Людмилы и Вацлава, также начинавшимся не с рассказа о сотворении мира, а с повествования о расселении славян и их нравах.

Текст своих источников автор обогатил собственными сведениями, библейскими цитатами из паремийника, рассказами очевидцев, народными преданиями, а также какими-то записями о смертях князей первой половины XI в.

«Повесть временных лет» была цельным законченным произведением с самостоятельной научной и художественной системой. Несмотря на свою форму погодной летописи, ее текст сливается в едином повествовательном потоке, в котором умело прослежена вся история Руси. Это биография событий, а не личностей отдельных князей, чем и объясняется своеобразие, а иногда и противоречивость характеристики автором некоторых исторических деятелей.

После своего создания в 1115 г. «Повесть временных лет» была переписана игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром в 1116 г. Этот текст не удовлетворил Мономаха. Текст «Повести временных лет» был через несколько лет переработан — возможно, в киевском Андреевском монастыре. Автора этой переработки звали Василием. Он побывал в 1116 г. в Новгороде и, возможно, был свидетелем переписки авторского текста «Повести временных лет» для новгородского князя. Только в составе новгородской летописи и уцелел текст автора «Повести временных лет», подвергшийся здесь сокращению. Тенденции этого сокращения близки к некоторым сторонам редакторской работы 1119 г., что объясняется единством заказчика — семьи Мономаха.

Редактор 1119 г. превратил «Повесть временных лет» в семейную летопись дома Мономаха.

Фигура этого князя выдвинута на первый план повествования о конце XI — начале XII вв. Сделанные редактором вставки привели к загромождению текста, к появлению смысловых, грамматических и хронологических ошибок и противоречий, к повторам. Они не только прославляют Мономаха, но и компрометируют его политических врагов.

Сделан и пропуск сведений о генеалогии Святополка, тогда как сведения о генеалогии Мономаха вставлены только редактором, если судить по их отсутствию в новгородской редакции авторского текста. Новгородский редактор работал для семьи Мо-

номаха, поэтому было бы удивительно, если б он пропустил эти сведения, если они имелись в оригинале первой редакции.

Вставлены сведения о варяжском происхождении Руси. Эта вставка равносильна признанию возможности и полезности общения с латинским Западом, против чего яростно восставал киевский митрополит.

Редактором использованы и сведения о дунайском Киевце, возможно, полученные от участников походов 1116 г. на Дунай.

Редактор призывает к объединению всех христиан, независимо от того, православные они или католики. Им же вставлена легенда об Андрее, брате покровителя римской католической церкви Петра. Андрей путешествует по Руси, а его маршрутом является Черное море — Рим. Выходит, по мысли редактора, что путь в Рим проходит через Русь... Пролатинские настроения окружения Мономаха следует рассматривать как желание освободиться от византийского засилья, приобрести еще большую независимость от Византии.

Редактор также пропустил и ряд сведений автора о новгородском княжении Изяслава и его сына Мстислава и вместе с тем вставил аналогичные сведения о Ростиславе Владимировиче. Историческое оправдание получил и захват Мономахом Владимира-Волынского, изгнание оттуда Ярослава Святополковича, который был также скомпрометирован в другой вставке под 1102 г. О землях изгоев Ростиславичей также очень предостережительно сказано, что они получены от Всеволода, следовательно, должны после их смерти вернуться в отчину Мономаха.

Редактор использовал не только устные, но и письменные источники, причем более многообразные, чем у автора. Здесь и Откровение Мефодия Патарского, очень популярное на Руси, и Летописец вскоре патриарха Никифора, и Хроника Георгия Амартола, по которой исправлена авторская хронология вплоть до 945 г. Вставил редактор и договоры русских князей X в. с греками, что связано с походами Мономаха на тот самый Дунай, на который ходили и эти князья.

Редакторские вставки, пропуски и перемещения поражают своим идейным и литературным единством. Однородны и характерны и их следы.

В своем большинстве вставки редактора, иногда довольно обширные, характеризуют его как талантливейшего писателя, часто,

однако, не считающегося с формой погодной летописи и нарушающего эту форму. Ему тесно в ней. Впрочем, благодаря этому только и становится возможным отделение вставок редактора от авторского текста.

Текст редактора был переписан для Переяславля тем же Сильвестром, который в 1116 г. переписал авторский текст для киевского Выдубицкого монастыря. Епископ Переяславля не успел переписать текст редактора до конца, он обрывается в Лаврентьевской летописи на середине редакторской статьи 1110 г.

Редакторский текст был использован и в Новгороде в 1220-х гг., где из него были сделаны вставки в местную летопись о происхождении новгородцев от варягов и об отказе еще Ярослава платить дань Киеву.

После выхода в свет «Повести временных лет» ее текст переписывается для городских, княжеских, монастырских и церковных летописей, и после этой волны переписок, охватившей всю Русь, начинает развиваться местное погодное летописание. Следы погодных записей появляются во всех летописях именно после текста «Повести временных лет», после 1115–1119 гг.

В этом и состоит грандиозное историческое значение «Повести временных лет».

Это была не первая русская концептуальная летопись. Такой летописью было историческое произведение начала 1070-х гг., еще не разбитое на погодные записи. Однако «Повесть временных лет» была первой летописью, приобретшей общерусское значение и повлиявшей на все последующее летописание.

Ее появление привело к массовому осознанию важности исторических записей. Особенно хорошо поняли это князья, сразу заведшие себе своих летописцев и старавшиеся на протяжении всего XII в. вставлять тексты своих летописцев в летописи захватываемых ими городов. В этом отношении «Повесть временных лет» постигла участь всей Руси: раздробление началось сразу же после эпохи объединения, после эпохи Ярослава Мудрого. Точно так же и русское летописание сразу же после появления общерусской «Повести временных лет» раздробилось на ряд местных городских и княжеских летописей. И в том и в другом случае исторический процесс стал развиваться острее и сильнее.

Надо сказать, что в XII в. впервые появились не только летописи в городах всей Руси, но и сама потребность в их появлении.

Только в связи с грандиозной волной усобиц князей появилась потребность в фиксировании и самих прав этих князей, и времени и состава их княжений, в мотивировке их действий. Русская история стала не только твориться, но и составляться для будущего, для последующего использования потомками владельческих прав их предков.

В XI в., с его преобладающей идеологией старейшинства, а не отчинных прав, надобность в такой летописи была еще не столь велика. Надобность эта появилась только вместе с постепенным переходом от права старейшинства к отчинному праву, от большой семьи всех Рюриковичей и Ярославичей к малым семьям их отдаленных потомков.

Из всех летописей XII в. лишь текст «Повести временных лет» был уже канонизирован в то время. Благодаря этому он и дошел до нас в целостности и сохранности, каким сложился во втором десятилетии XII в., тогда как тексты более поздних летописей XI–XV вв. продолжали меняться и дошли до нас в составе многочисленных сводов.

Сокращения, источники и литература

Сокращения

ГИМ	— Государственный исторический музей
ГТГ	— Государственная Третьяковская галерея
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности
Ипат. л.	— Ипатьевская летопись
КАТ	— Комиссионный, Академический и Толстовский списки НПЛ
Комис. сп.	— Комиссионный список НПЛ
Лавр. л.	— Лаврентьевская летопись
НПЛ	— Новгородская Первая летопись
ПВЛ	— Повесть временных лет
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СПЛ	— Софийская Первая летопись
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
Син. сп.	— Синодальный список НПЛ

Издания источников, каталоги и коллективные труды

- Альбом достопримечательностей Церковно-Археологического Музея при Императорской Киевской Духовной Академии. Вып. III. 1913; Вып. IV–V. 1915.
- Выписки из Генриха Лотышского о русских событиях 1221–1223 годов // Ученые записки Императорской академии наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1853. Т. II. Вып. 2. С. 317–330.
- Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916. (Памятники древне-русской литературы. Вып. 2.)
- Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Петербург, 1880.
- История русского искусства. Т. I. М., 1953.

- История русской литературы. Т. I: Литература XI – начала XIII века. М.; Л., 1941.
- Каталог собрания древностей Графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. VIII–XI. М., 1908.
- Каталог украинских древностей коллекции В.В. Тарновского. Киев, 1898.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.
- Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1–2. М.; Л., 1950.
- Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских. Ч. 1. М., 1815.
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Изд. 2-е. Л., 1926.
- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1962. (Репринт издания 1908 г.)
- ПСРЛ. Т. 2: III. Ипатьевская летопись. СПб., 1843.
- ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Пг., 1915.
- ПСРЛ. Т. 5. Изд. 2-е. Софийская первая летопись. Вып. 1. Л., 1925.
- ПСРЛ. Т. 7: VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
- ПСРЛ. Т. 9: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью. СПб., 1862.
- ПСРЛ. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
- ПСРЛ. Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910.
- Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872.
- Сборник XII века Московского Успенского собора. Вып. 1. М., 1899.
- Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Сер. I–II. Киев, 1890–1891.
- Собрание Б.И. и В.И. Ханенко. Древности Русские. Antiquités Russes: Кресты и образки. Стоix et images. [Вып. 1.] Киев, 1899.
- Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подготовка к печати и ред. К.Н. Сериной. М.; Л., 1950.
- Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925.

Литература

- Абрамович Д. К вопросу об объеме и характере литературной деятельности Нестора летописца. М., 1901.
- Айналов Д.В. Мозаики IV и V веков: Исследования в области иконографии и стиля древне-христианского искусства. СПб., 1895.
- Алешковский М.Х. Русские глеборисовские энколпионы 1072–1150 годов // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 104–125.

- Алешковский М.Х.* Курганы русских дружинников XI–XII вв. // Советская археология. М., 1960. № 1. С. 70–90.
- Алешковский М.Х.* Парные погребения в русских курганах XI–XIII вв. // [Государственный Эрмитаж.] Тезисы докладов на юбилейной научной сессии. Секционные заседания. Октябрь · 1964. Л., 1964. С. 22–23.
- Алешковский М.Х.* Повесть временных літ та її редакції // Український історичний журнал. Київ, 1967. № 3. С. 37–47.
- Беляев И.* О Несторовой летописи // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете: Заседание 28-го декабря, 1846 года. М., 1847. № 5. С. 1–72.
- Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
- Билярский П.С.* Замечания о языке сказания о св. Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи // Записки Императорской академии наук. СПб., 1862. Т. 2. С. 109–120.
- Бр[усило]в Н.* О Несторе и продолжателях его Летописи // Вестник Европы. М., 1810. Ч. LIII. С. 279–298.
- Бугославский С.А.* К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора // ИОРЯС. 1914 г. Пг., 1914. Т. XIX. Кн. 1. С. 131–186; Кн. 3. С. 153–191.
- Бугославский С.А.* «Повесть временных лет» (Списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть: Статьи и исследования. М.; Л., 1941. С. 7–37. (Переиздано в книге: *Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси. М., 2006. Т. I: Повесть временных лет. С. 281–312.)
- [Бутков П.Г.]* Оборона летописи русской, несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840.
- [Бутков] П.* Ответ на новый вопрос о Несторе, летописце русском // Современник. СПб., 1850. Т. XXIII. Отд. III. С. 1–52.
- Васильевский В.Г.* Труды. Т. 3. Пг., 1915.
- Воронин Н.Н.* Покров на Нерли (Новые данные раскопок 1954–1955 гг.) // Советская археология. М., 1958. № 4. С. 70–95.
- Воронин Н.Н.* «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII века // Византийский временник. М., 1963. Т. XXIII. С. 23–46.
- Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Вып. I: XI–XIV вв. Киев, 1966.
- Гольщенко В.С.* К вопросу об изображении князя в Чудовской рукописи XII–XIII вв. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. VII. С. 391–415.
- Гудзий Н.К.* История древней русской литературы / Изд. 7-е, испр. и доп. М., 1966.
- Еремин И.П.* «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946.
- Иванова В.* Ктиторийский образ в Иполитовия сборник на историческия музей в Москва // Археология. София, 1959. Год. I. 3–4. С. 13–23.

- Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт анализа). М., 1957.
- Истрин В.М.* Хронограф Ипатского списка летописи под 1114 годом // ЖМНП. СПб., 1897. Ч. ССХIV. Ноябрь. Отд. 2. С. 83–91.
- Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I–II. Пг., 1920–1922.
- Истрин В.М.* Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи // ИОРЯС. 1921 г. Пг., 1923. Т. XXVI. С. 45–102; ИОРЯС. 1922 г. Л., 1924. Т. XXVII. С. 207–251. (Эти статьи были переизданы отдельным оттиском: *Истрин В.М.* Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова. Л., 1924.)
- Казанский П.* Еще вопрос о Несторе // Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1849. Кн. 1. [Отд. I.] С. 23–50.
- Казанский П.С.* Критический разбор свидетельств Патерика Печерского о Летописи Нестора // Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1850. Кн. 7. [Отд.] I. С. 1–16.
- Каргер М.К.* К истории киевского зодчества XI в.: Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде // Советская археология. М., 1952. XVI. С. 77–99.
- Каргер М.К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнего города. Т. I. М.; Л., 1958.
- К[аченовский М.Т.]* Об источниках для Русской Истории // Вестник Европы. М., 1809. Ч. XLIII. № 3. С. 193–210.
- Корзухина Г.Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси (По материалам медного литья) // Византийский временник. М., 1958. Т. XIV. С. 129–137.
- Костомаров Н.И.* Лекции по русской истории. Ч. 1: Источники русской истории. СПб., 1861.
- Кубарев А.* О Патерике Печерском // ЖМНП. СПб., 1838. Ч. XX. Октябрь. Отд. 2. С. 1–34.
- Кубарев А.* Нестор, первый писатель российской истории, церковной и гражданской М., 1842. (Русский исторический сборник. Т. 4. Кн. 4.)
- К[уник А.А.]* Хронологическая таблица, составленная Э. Боннелем на основании Генриха Лотышского и некоторых русских летописей // Ученые записки Императорской академии наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1853. Т. II. Вып. 2. С. 297–317.
- Лазарев В.Н.* История византийской живописи: в 2-х тт. Т. I. М., 1947.
- Лазарев В.Н.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский временник. М., 1953. Т. VI. С. 186–222.

- Лазарев В. Н.* Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. Групповой портрет семьи Ярослава // Византийский временник. М., 1959. Т. XV. С. 148–169.
- Лазарев В. Н.* Мозаики Софии Киевской. С приложением статьи А. А. Белецкого о греческих надписях на мозаиках. [М., 1960.]
- Лесючевский В. И.* Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // Советская археология. М.; Л., 1946. VIII. С. 225–247.
- Лихачёв Д. С.* «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Исторические записки. 1945. № 17. С. 201–224.
- Лихачёв Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года // Исторические записки. 1948. № 25. С. 240–265.
- Мещерский Н. А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. X. С. 120–135.
- Мещерский Н. А.* К вопросу об источниках Повести временных лет // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. XIII. С. 57–65.
- [*Миллер Г. Ф.*] О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оныя // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. В Санктпетербурге, 1755. Апрель. С. 275–298.
- Насонов А. Н.* Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства // Проблемы источниковедения. М., 1959. VII. С. 416–462.
- Насонов А. Н.* Об отношении летописания Переяславля-Русского к киевскому (XII век) // Проблемы источниковедения. М., 1959. VIII. С. 466–494.
- Нефедов Ф. Д.* Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. // Материалы по археологии восточных губерний. М., 1899. Т. III. С. 161–236.
- Никольский Н. К.* Памяти А. А. Шахматова // ИОРЯС. Пг., 1920. Т. 25. С. 153–162.
- Никольский Н. К.* Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры: К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Вып. 1: I–IX. (Сборник по русскому языку и словесности Академии наук. Т. II. Вып. 1.)
- Орлов А. С.* Амулеты «змеевики» Исторического Музея // Отчет Государственного Исторического Музея за 1916–1925 гг. М., 1926. Приложение V.
- Погодин М.* Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839.
- Погодин М.* Исследования, замечания и лекции о Русской Истории. М., 1846. Т. I: Вступление. Об источниках древней Русской Истории, преимущественно о Несторе.
- Попов Х. И.* Где находилась хазарская крепость Саркел // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893. М., 1895. Т. I. С. 265–277.

- Попэ А.В.* О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. XXII: Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. С. 24–45.
- Потапов П.И.* К вопросу о литературном составе летописи // Русский филологический вестник: Учебно-педагогический журнал. Варшава, 1911. Т. LXV. № 1. С. 81–110.
- Присёлков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. (Перездание: СПб., 1996.)
- Присёлков М.Д.* Летописание Западной Украины и Белоруссии // [Ленинградский государственный университет.] Ученые записки. Серия исторических наук. Л., 1941. Вып. 7. С. 5–24.
- Присёлков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
- Разсудов А.* Несколько слов по вопросу о первых русских летописцах // Московские Университетские Известия. М., 1868. № 9. С. 739–774.
- Рыбаков Б.А.* Сбыт продукции русских ремесленников в X–XIII вв. // [Московский Ордена Ленина государственный университет имени М.В. Ломоносова.] Ученые записки. М., 1946. Вып. 93: История. Кн. 1. С. 68–112.
- Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания · Былины · Летописи. [М., 1963.]
- Святский Д.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. С приложением таблиц для определения исторических затмений, четырех карт в красках и Канона русских солнечных затмений М.А. Вильева. Пг., 1915.
- Сенигов И.П.* О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. СПб., 1885.
- Сенковский [О.И.]* (барон Брамбеус). Собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1858.
- Соболевский А.И.* Несколько мест Начальной Летописи // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1891. Кн. 5. Отд. 2. С. 1–10.
- Соболевский А.И.* Древняя переделка Начальной летописи // ЖМНП. СПб., 1905. Ч. CCCLVIII. Март. Отд. 2. С. 100–105.
- Сперанский М.Н.* Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934. (Памятники древне-русской литературы. Вып. 4.)
- Срезневский И.И.* Древний русский календарь по месячным минеям XI–XIII века // Христианские древности и археология. 1863. Кн. 7. С. 2–21.
- Срезневский И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. № 4. СПб., 1874. (Приложение к XXIV^{му} тому Записок Имп. академии наук.)
- Срезневский И.И.* Славяно-Русская палеография: X–XIV вв.: Лекции, читанные в Императорском С.-Петербургском Университете в 1865–1880 гг. СПб., 1885.

- [*Строев П.М.*] Предисловие // Софийский временник или Русская летопись с 862 по 1534 год / Издал П. Строев. Ч. 1: С 862 по 1425 год. М., 1820. С. V–XXVII.
- [*Строев С.М.* под псевдонимом] Скромненко, С. О мнимой древности, первобытном состоянии и источниках наших летописей. СПб., 1835.
- Татищев В.Н.* История Российская: в 7 т. Т. 2. М.; Л., 1963.
- Тихомиров И.[А.]* О Тимофее пономаре, упоминаемом в Синодальном списке первой Новгородской летописи // ЖМНП. СПб., 1887. Ч. ССЛ. Март. Отд. 2. С. 28–37.
- Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси. XI–XIII вв. М., 1955.
- Успенский Ф.И.* История крестовых походов. СПб., 1901.
- [*Филарет (Гумилевский)*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 4: Женские и закрытые монастыри. Чернигов, 1873.
- Хрущов И.П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях: XI–XII столетие. Киев, 1878.
- Черепнин Л.В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей своды // Исторические записки. 1948. № 25. С. 294–333.
- Шахматов А.А.* Древнейшие редакции «Повести временных лет» // ЖМНП. СПб., 1897. Ч. СССXIII. Октябрь. Отд. 2. С. 209–259.
- Шахматов А.А.* О начальном Киевском летописном своде. М., 1897.
- Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. (Работа несколько раз переиздавалась.)
- Шахматов А.А.* Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС. СПб., 1908. Т. XIII. Кн. 1. С. 213–270.
- Шахматов А.А.* Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. 1914. № 4. (Т. II. Вып. 2.) С. 30–61.
- Шахматов А.А.* Несколько замечаний о договорах с Греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества при Императорском Петроградском Университете. Пг., 1915. Вып. VIII: Сборник в честь Ф.А. Брауна. С. 385–407.
- Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. I: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.
- Шахматов А.А.* Волохи древней русской летописи // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 54. С. 234–240.
- Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
- Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. IV. С. 9–150.
- Шахматов А.А.* Киевский Начальный свод 1095 года // А.А. Шахматов. 1864–1920: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. (Труды Комиссии по истории Академии наук СССР. Вып. 3.) С. 117–160.

(Переиздано с исправлениями по рукописи в книге: *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. I: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI—XII вв. СПб., 2003. С. 428—464.)

Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.

Darkó E. Die ursprüngliche Bedeutung des unteren Teiles der ungarischen Heiligen Krone // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum: Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études byzantine.* Прага, 1936. VIII. С. 63—77.

Grabar A. *Martyrium: Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique.* Vol. 1: Album. [P.], 1943.

Schramm P.E. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik: Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum sechzehnten Jahrhundert. Bd. III. Stuttgart, 1956. (Schriften der Monumenta Germaniae historica (Deutsche Institut für Erforschung des Mittelalters). 13/III).

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Марка Хаимовича (Ефимовича) АЛЕШКОВСКОГО

1955

Алешковский М., Никитина Н., Недошивина Н. Студенческая археологическая конференция // Вестник Московского университета: Ежемесячный научный журнал. Серия общественных наук. М., 1955. Вып. 4. 11. Ноябрь. С. 137–140.

1956

Алешковский М. II Всесоюзная студенческая археологическая конференция // Вестник Московского университета: Научный журнал. Историко-филологическая серия. М., 1956. 2. С. 180–185.

1959

[*Воробьев А.В., Алешковский М.Е.*] Памятники архитектуры Новгорода: Воеводский двор Кремля. Новгород, 1959. 28 с.

1960

Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI–XII вв. // Советская археология. М., 1960. № 1. С. 70–90.

Алешковский М. Реставрация Владимирской башни // Новгородская правда. 1960. 23 октября. № 253 (4128). С. 4.

1962

Алешковский М.Х. Новгородский детинец 1044–1430-х гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. М., 1962. 14. С. 3–26.

1964

Алешковский М.Х., Подъяпольский С.С. Новые данные о церкви Михаила-архангела в Смоленске // Советская археология. М., 1964. № 2. 231–236.

- Алешковский М.Х.* Парные погребения в русских курганах XI—XIII вв. // [Государственный Эрмитаж.] Тезисы докладов на юбилейной научной сессии. Секционные заседания. Октябрь. 1964. Л., 1964. С. 22—23.
- Алешковский М.* Фотоповесть о Пскове // Псковская правда. 1966. 8 декабря. № 283 (12611). С. 4.

1967

- Алешковский М.Е., Воробьев А.В.* Новгородский кремль. Л., 1967. 80 с.
- Алешковский М.Х.* «Повесть временных лет»: Из истории создания и редакционной переработки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1967. 20 с.
- Алешковский М.Х.* Повесть временних літ та її редакції // Український історичний журнал. Київ, 1967. № 3. С. 37—47.
- Алешковский М.Х.* О происхождении летописной легенды о дунайской прародине славян // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1966 год. 22—24 мая 1967 г. Л., 1967. С. 5—7.
- Алешковский М.Х.* Предисловие к Новгородской Первой летописи младшего извода и его дата // Тезисы докладов на совещании молодых специалистов «Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия в советских собраниях (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.)». Л., 1967. С. 5—7.
- Алешковский М.Х.* Структура отчин трех Ярославичей (по данным «Повести временных лет» и археологии) // [Государственный орден Ленина Эрмитаж.] Тезисы докладов научной сессии. Ноябрь 1967 г. Л., 1967. С. 41—43.
- Алешковский М.* Дворец у стены // Новгородская правда. 1967. 17 января. № 14 (12625). С. 4.

1968

- Алешковский М.* Древнейшая башня // Псковская правда. 1968. 27 июля. № 175 (13109). С. 4.

1969

- Алешковский М.Х.* Первая редакция «Повести временных лет» // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969. С. 13—40.
- Алешковский М.Х.* Ладья XI в. из Новгорода // Советская археология. М., 1969. № 2. С. 264—269.
- Алешковский М.Х.* Раскопки древнейших каменных башен Новгорода и Пскова // Археологические открытия 1968 года. М., 1969. С. 19—21.
- Алешковский М.* Где стояла деревянная София? // Новгородская правда. 1969. 19 февраля. № 42 (13567). С. 4.

Алешковский М. Новгородский острог // Новгородская правда. 1969. 13 июля. № 161 (13686). С. 4.

Алешковский М. Как возник Новгород? // Новгородская правда. 1969. 12 декабря. № 289 (13814). С. 4.

1970

Алешковский М.Х., Красноречьев Л.Е. О датировке вала и рва Новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории) // Советская археология. М., 1970. № 4. С. 54–73.

Алешковский М.Х. К датировке первой редакции Повести временных лет // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 71–72.

Алешковский М.Х., Альтшуллер Б.Л. Подмосковная историко-архитектурная экспедиция // Археологические открытия 1969 года. М., 1970. С. 79–80.

1971

Алешковский М.Х. Каменные стражи: Путеводитель по древним крепостям. Л., 1971. 176 с.

Алешковский М.Х. «Повесть временных лет»: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. 136 с.

Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. М., 1971. № 2: март–апрель. С. 32–61.

Алешковский М.Х. Очерк истории музейной каталогизации археологических источников (в связи с вопросом об эволюции форм научного описания музейных предметов) // Обзоры научных каталогов памятников материальной и духовной культуры: Сборник. М., 1971. С. 33–63.

Алешковский М.Х., Альтшуллер Б.Л. Предварительные итоги раскопок в Коломне // Археологические открытия 1970 года. М., 1971. С. 91–92.

Новое о Новгороде // Наука и жизнь. М., 1971. № 1. С. 84–85. [Реферат статьи М.Х. Алешковского и Л.Е. Красноречьева «О датировке вала и рва Новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории)» 1970 г.]

1972

Алешковский М.Х., Воробьев А.В. Новгородский кремль / [Изд. 2-е, испр. и доп.] Л., 1972. 80 с.

Алешковский М.Х. Русские глебоборисовские энколпионы 1072–1150 годов // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 104–125.

Алешковский М.Х. Начальные этапы каменного строительства Псковского крома (в связи с вопросом о русских каменных крепостях домон-

гольского периода) // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 322–348.

Алешковский М.Х., Красноречьев Л.Е. К датировке вала и рва Новгородского острога (Ответ С. Н. Орлову) // Советская археология. М., 1972. № 3. С. 392–395.

Алешковский М.Х. К вопросу о первом Новгороде // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 35–36.

Алешковский М.Х. XX век о древнем Новгороде // Знание – сила. 1972. № 6. С. 36–39.

Алешковский М. Подвиг ученого: К 70-летию А.В. Арциховского // Новгородская правда. 1972. 23 декабря. № 298–299 (14741–14742). С. 6.

Алешковский М. Городской вал сегодня и завтра // Новгородская правда. 1972. 20 сентября. № 221 (14664). С. 4.

1973

Алешковский М.Х., Альтшуллер Б.Л. Благовещенский собор, а не придел Василия Кесарийского // Советская археология. М., 1973. № 2. С. 88–99.

Янин В.Л., Колчин Б.А., Ершевский Б.Д., Алешковский М.Х. Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 45–48.

Алешковский М.Х. Военно-оборонительные сооружения // Достопримечательности Псковской области: Псков. Изборск и Печоры. Пушкинский заповедник. Гдов. Остров. Порхов. Опочка. Себеж. Великие Луки. Партизанский край. Л., 1973. С. 104–126.

Алешковский М.Х. Некоторые приемы активизации восприятия экскурсантов // Вопросы экскурсионной работы. М., 1973. ([Министерство культуры РСФСР. Научно-исследовательский институт культуры.] Труды. 10.) С. 177–185.

1974

Алешковский М.Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX – XV веков // Советская археология. М., 1974. № 3. С. 100–111.

1975

Алешковский М.Х. Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник изучения их социальной истории // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1975. Вып. I. С. 22–30.

1976

Алешковский М.Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: Сборник статей: 1975. М., 1976. С. 133–162.

1977

Алешковский М.Х. Военно-оборонительные сооружения // Достопримечательности Псковской области: Псков. Пушкинский заповедник. Великие Луки. Изборск и Печоры. Гдов. Остров. Порхов. Опочка. Себеж. Партизанский край / [Изд. 2-е, испр. и доп.] Л., 1977. С. 154–171.

1978

Алешковский М.Х. Социальные основы формирования территории Пскова X–XVI вв. (в связи с проблемой археологического исследования древнерусского города) // Советская археология. М., 1978. № 2. С. 117–126. [На с. 117 к данной работе имеется примечание: «Публикуемая статья из архива покойного исследователя была написана им в 1973 г.»]

1981

Алешковский М.Х. Новгородский летописный свод конца 1220-х годов // Летописи и хроники: 1980 г.: В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 104–111. [Судя по ссылкам в печатных работах и в архивных записях М.Х. Алешковского, данная статья была сдана в сборник «Летописи и хроники» памяти А.Н. Насонова в конце 1960-х годов или на рубеже 1960-х – 1970-х годов. Ср. Летописи и хроники: Сборник статей: 1973 г.: Посвящен памяти Арсения Николаевича Насонова. М., 1974. С. 4.]

Алешковский М.Х. Военно-оборонительные сооружения // Достопримечательности Псковской области: Псков. Пушкинский заповедник. Великие Луки. Изборск и Печоры. Гдов. Остров. Порхов. Опочка. Себеж. Партизанский край / [Изд. 3-е.] Л., 1981. С. 150–168.

1987

Алешковский М.Х. Военно-оборонительные сооружения // Достопримечательности Псковской области: Псков. Пушкинский заповедник. В краю народной песни. Великие Луки. Изборск и Печоры. Гдов. Остров. Порхов. Опочка. Себеж. Невель. Партизанский край / [Изд. 4-е, доп.] Л., 1987. С. 154–171.

1994

Алешковский М.Х. Новые материалы по датировке вала Новгородского острога концом XIV – началом XV веков // Новгород и Новгородская земля: История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 26–28 января 1994 г.) Новгород, 1994. С. 116–127.

[В примечании к данной работе на с. 126 говорится: «Эта статья была обнаружена в архиве Б.А. Колчина осенью 1988 г. М.Х. Алешковский приготовил ее для журнала “Советская археология” в июне 1973 г.»]

2010

Алешковский М.Х. «Правда Ярослава» как памятник взаимоотношений Новгорода и князя (К вопросу об изначальности республиканского строя в Новгороде) / Публикация А.Н. Одинокова. Великий Новгород, 2010. 47 с.

Алешковский М.Х. Первый писатель земли русской // А.[Н.] Одинок. Марк Хаимович (Ефимович) Алешковский. Материалы к биографии (из фонда Р-21 Отдела письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника): Сборник статей и документов. Великий Новгород, 2010. С. 49–58.

Алешковский М.Х. В защиту Шахматовского наследия // Там же. С. 59–77.

Алешковский М.Х. Человек, Ученый, Педагог // Там же. С. 78–81. [Некролог о М.И. Артамонове.]

Алешковский М.Х. Вступительное слово [на защите диссертации] // Там же. С. 36–43.

[*Алешковский М.Х.*] Письмо А. Поппэ // Там же. С. 46–47. [Письмо датировано 15 сентября 1969 г.]

[*Алешковский М.Х.*] Письмо И. Лабутиной // Там же. С. 82–86.

[*Алешковский М.Х.*] Письмо к неустановленному лицу (Кирилл Васильевич) // Там же. С. 98–100.

Список работ из архива М.Х. Алешковского, опубликованных в Интернете

Алешковский М.Х. Археологическое обоснование проекта вертикальной планировки у стен Софийского собора в Новгороде // Режим доступа: <http://rusarch.ru/aleshkovsky2.htm>

Алешковский М.Х. Архитектурный ансамбль Новгородского детинца XIV–начала XV вв. (в связи с вопросами о проникновении гражданских мотивов в военное зодчество и реставрационных тенденциях в развитии новгородской архитектуры) // Режим доступа: <http://rusarch.ru/aleshkovsky1.htm>

Работы о М.Х. Алешковском и его научной деятельности

Петров М.И., Трояновский С.В. Электронная публикация «Научное наследие М.Х. Алешковского» // Новгород и Новгородская земля: История и археология (Материалы научной конференции). Новгород, 25–27 января 2000. Великий Новгород, 2000. С. 231–238.

Алешковский Марк Хаимович (1933 – 1974) // Археологи Великого Новгорода: Биографический справочник. Великий Новгород, 2002. С. 23–24.

Трояновский С.В. Алешковский Марк Хаимович (Ефимович) // Великий Новгород: История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 68.

Одинокоев А.[Н.] Марк Хаимович (Ефимович) Алешковский. Материалы к биографии (из фонда Р-21 Отдела письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника): Сборник статей и документов. Великий Новгород, 2010. 109 с. [Данная брошюра включает (1) публикацию описи фонда М.Х. Алешковского, выполненной А.П. Минеевой (с. 6–24, без указания авторства), (2) публикацию ряда материалов из фонда (с. 25–102) и (3) невыверенную библиографию работ М.Х. Алешковского (с. 103–108).]

Пolemические отклики на работы М.Х. Алешковского

Кузьмин А.Г. К прочтению текста вводных статей Комиссионного списка Новгородской Первой летописи // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 90–91.

Орлов С.Н. По поводу статьи М.Х. Алешковского и Л.Е. Красноречьева // Советская археология. М., 1972. № 2. С. 96–99.

Список составлен
С.М. Михеевым

Алешковский М.Х.

«Повесть временных лет». Из истории создания и редакционной переработки / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. Предисловие Т.В. Гимона и С.М. Михеева. — Издательство «Весь Мир», 2015. — 320 с.: ил.

ISBN 978-5-7777-0659-1

Летопись «Повесть временных лет» (ПВЛ) — ценнейший памятник культуры всех восточнославянских народов, лежащий в основе русской письменности и истории. Непреходящее значение ПВЛ, необходимость ее углубленного изучения подчеркивали такие крупнейшие авторитеты отечественной науки и культуры, как академики А.А. Шахматов и Д.С. Лихачёв. Изучению ПВЛ посвящено немало работ. Но в ряду приобретений отечественной культуры и науки, которыми являются ценные исследования этого уникального памятника культуры, есть и непростительные потери. Такой бесспорной потерей до недавнего времени было отсутствие доступной публикации труда одного из самых замечательных исследователей ПВЛ — историка, филолога и археолога М.Х. Алешковского (1933—1974).

Его труд представляет собой важнейшее событие в историографии начального русского летописания, является одной из самых ярких попыток его реконструкции после работ академика А.А. Шахматова начала XX в. Однако читателям до сих пор приходилось судить о его богатом содержании лишь по небольшой книжке «Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси», увидевшей свет в 1971 г., которая не дает полного представления о научных выводах Алешковского.

Тщательно подготовленная публикация труда М.Х. Алешковского, выполненная коллективом историков и филологов (д.и.н. Т.В. Гимон, к.и.н. Д.А. Голубовский, к.и.н. Д.А. Добровольский, к.и.н. С.М. Михеев, д.фил.н. Ф.Б. Успенский), призвана внести вклад в развитие наших знаний о «Повести временных лет».

Марк Хаимович Алешковский

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Из истории создания и редакционной переработки

Редакторы: *к.и.н. О.А. Зимарин, В.А. Демьянович*

Художник: *В.Ю. Яковлев*

Верстка: *С.А. Голодко*

Подписано в печать 23.11.2015 г.

Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 20,0

Тираж 1500 экз. Заказ № 7270

ООО Издательство «Весь Мир»

125009, Москва, ул. Моховая, 11, строение 3 «В».

Тел./факс: (495) 276-02-92

E-mail: info@vesmirbooks.ru

<http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография» филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59